ЧИСЛА

6

TCHISLA, CAHIERS TRIMESTRIELS, PARIS

СОДЕРЖАНІЕ:

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:

1, Rue Jacques Mawas, Paris (XV[e])

ЧИСЛА

СБОРНИКИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
НИКОЛАЯ ОЦУПА

КНИГА ШЕСТАЯ

1932

НАСТОЯЩІЙ СБОРНИКЪ НАБРАНЪ И ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ІЮНѢ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО ГОДА EDITIONS ET IMP. RAPIDE DE LA PRESSE, 4, R. SAULNIER, PARIS-9e ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ ТЫСЯЧИ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ НА БУМАГѢ АЛЬФА.

ЕКАТЕРИНА БАКУНИНА

1.

Багровое солнце, глядѣло какъ глазъ разъяренный быка,
а въ выцвѣтшемъ небѣ, какъ рана, горѣла и ныла тоска.
И въ городѣ воздухъ отъ труповъ былъ смрадно тяжелъ
и прятались тѣ, кто нашелъ ихъ и кто не нашелъ.
И тѣ, кто ушли, торопливо засыпали рвы
и въ общихъ могилахъ искали родные живыхъ.
И женщины были въ то время безъ страха и слезъ
и ноши носили, какія бы сильный не снесъ.
И тамъ на панели мертвецъ наливался и зрѣлъ
и маковъ, расцвѣтшихъ на камнѣ, никто не жалѣлъ.
И людямъ умершимъ тогда не хватало земли:
Фуражка и мозгъ человѣчій валялись въ канавѣ въ пыли.
И пили уста поцѣлуй фіолетовыхъ устъ,
былъ взглядъ у живыхъ и у мертвыхъ стекляненъ и пустъ.
И всѣхъ тамъ несчастнѣй была изнемогшая мать, —
чей сынъ оказался убійца, насильникъ и тать, —
(и красная въ этомъ повинна и бѣлая рать), —
и тотъ, кто прозрѣлъ выполняя жестокій обѣтъ,
чья совѣсть, какъ мститель, твердитъ, что прощенія нѣтъ.

2.

Младенцевъ во взрослыхъ вижу,
спеленутыхъ сосуновъ.
Сквозь время все ближе, ближе
видѣнія смутныхъ сновъ.

И я съ материнской лаской
въ чужіе гляжу глаза.
Мнѣ хочется тихо сказку
замученнымъ разсказать.

О томъ, какъ у нѣжной груди
любимой тепло щекѣ,
что надо несчастнымъ людямъ
держаться рука къ рукѣ.

3.

На всѣ упреки я смолчу,
окована смертельной лѣнью
и жадной страсти не хочу:
не размыкай мои колѣни.

Не знаю: лучше ли - вотъ такъ.
Не пожелаю ли неволи
и пересохшія уста
не напою ли снова вволю?

Какъ вынесу себя одна?
А впереди, быть можетъ, годы...
А жизнь трудна, а жизнь бѣдна,
обогащенная свободой.

А. БЕРЛИНЪ

Теплый запахъ дерева и мяты
И полдневный золотой покой:
Здѣсь трава еще съ весны несмята,
Здѣсь жара звенитъ надъ головой.

Снова сердце загудѣвшій улей.
Зимніе, ворча, уходятъ сны
Вѣдь запасы дѣлаютъ въ іюнѣ
Голубой церковной тишины.

Умираетъ на высокой нотѣ,
Самъ себя не выдержавъ, іюль
По календарю и по охотѣ
Время поворачиваетъ руль.

Скрипъ снастей мой рулевой угрюмый
Тишина, не помѣшаешь пѣть.
О любви совсѣмъ не надо думать,
А — закрыть глаза и умереть.

РАИСА БЛОХЪ

1.

Налетаетъ вѣтеръ длиннокрылый,
Заметаетъ по дорогамъ слѣдъ,
Чтобъ не помнить намъ о томъ, что было,
Не искать, чего ужъ больше нѣтъ, —

И струится небо голубое,
Острова сѣдые унося,
Чтобъ намъ жить въ безоблачномъ покоѣ,
Ни о чемъ у Бога не прося.

Ну, а сердце, сердце не умѣетъ —
Неотступно темное зоветъ.
Для него напрасно вѣтеръ вѣетъ,
Истекаетъ солнцемъ небосводъ.

Ничего оно не разумѣетъ,,
Объ одномъ твердитъ который годъ.

2.

Господи! Умереть бы сразу,
Никогда не поднять бы вѣкъ,
Не увидѣть небесъ алмаза,
Голубыхъ и горячихъ рѣкъ.

Господи! потонуть бы сразу,
Позабыть бы себя навѣкъ!

Долго ли я скитаться буду,
Раздавать, расточаться всюду
И отъ скудости умирать?

Ты пошли мнѣ совсѣмъ простое,
Золотое счастье земное,
Или дай мнѣ уснуть опять.

АЛЕКСАНДРЪ БРАСЛАВСКІЙ

1.

Когда летящій съ крутизны
Хватается рукой за вѣтку,
Изъ солнечной глубизны
Къ нему несутся волны свѣта.

Подъ нимъ раскрыта чернымъ склепомъ
Пустой земли ночная тѣнь.
Надъ нимъ — сіяющее небо
Прекрасный озаряетъ день.

Ужасенъ холодъ гробовой.
А все, что есть на этомъ свѣтѣ
Дрожитъ и бьется подъ рукой
Въ натянутой зеленой вѣтви.

2.

Рыдаютъ кошки, какъ больныя дѣти
На поднебесныхъ крышахъ, а въ окнѣ
Слѣпой фонарь на перекресткѣ свѣтитъ
Наперекоръ разсвѣту и лунѣ.

А въ комнатѣ, при свѣтѣ желтой лампы,
Распластанный надъ ворохомъ бумагъ,
Придавленный къ столу мохнатой лапой
Мечтатель хочетъ не сойти съ ума.

И ждетъ напрасно, ждетъ неутомимо,
Что пущенная точною рукой
Звенящая стрѣла промчится мимо
И не достигнетъ цѣли роковой.

БОРИСЪ ЗАКОВИЧЪ

1.

Весною хочется поговорить
О чемъ то голубомъ и отдаленномъ,
Уѣхать за городъ и позабыть,
Что скучно жить, что холодно влюбленнымъ.

И что по разному о небесахъ
Всѣ эти вѣжливые разговоры.
Пустой душѣ вѣдь холодно впотьмахъ,
Душѣ пустой отъ разставаній скорыхъ.

Отъ этой вѣчной тайны голубой...
Но такъ и быть: Господь съ тобой.

2.

Дождь идетъ надъ Сеной
Значитъ въ жизни бренной
Главное — слѣды
Дождевой воды.

Главное разсказы
Городского газа
Или же кроватъ
Гдѣ спокойно спать.

Длинный берегъ Сены,
Какъ стихи Верлена.

Счастье далеко.
Все прозрачно, бренно
Надъ водою Сены
И совсѣмъ легко.

БОГИНѢ

Ты улыбаешься надменно
И попираешь пьедесталъ,
Божественно и неизмѣнно
Сіяя средь музейныхъ залъ.

Ты предоставила волненья,
Измѣнчивость и тлѣнность тѣлъ
Непрочнымъ формамъ разрушенья
И смертнымъ въ гибельный удѣлъ.

Веселый варваръ для издѣвки
Тебя на землю повалилъ,
Но пренебрегъ для толстой дѣвки
Холодной красотой могилъ.

Ты въ мусорной лежала ямѣ,
Ты улетала къ небесамъ,
Своими хладными устами
Все также улыбаясь намъ.

Тысячелѣтья истекаютъ,
Скользятъ въ забвеніе вѣка,
Все также воздухъ отстраняетъ
Твоя прекрасная рука.

У СТАТУИ

Она въ музейной тишинѣ
И въ мраморномъ прекрасномъ снѣ.
Какъ улыбается она
Въ невѣроятномъ царствѣ сна.

Ей снится, можетъ быть, Паросъ
Иль молодой каменотесъ,
Навѣрное приснилось ей
Жилище мраморныхъ тѣней —

Каменоломенъ бѣлыхъ звонъ,
Ночная родина колоннъ,
Гдѣ души мраморныя ждутъ,
Когда улыбки имъ дадутъ...

Не надо спящую будить,
Въ міръ суетливый уводить,
Въ міръ бренныхъ и непрочныхъ стѣнъ,
Непоправимыхъ перемѣнъ.

НИКОЛАЙ ОЦУПЪ

1.

Гдѣ снѣгомъ занесенная Нева
И голодъ и мечты о Ниццѣ
И узкими шпалерами дрова,
Послѣднія въ столицѣ.

Годъ восемнадцатый и дальше три,
Послѣднихъ въ жизни Гумилева...
Не жалуйся, на прошлое смотри,
Не говоря ни слова.

О, развѣ не милѣе этихъ розъ
У южныхъ волнъ для сердца было
То, что оттуда въ ледяной морозъ
Сюда тебя манило.

2.

Нѣтъ удивленія, нѣтъ силъ,
Нѣтъ эллина, нѣтъ іудея,
И нѣтъ прошедшаго — забылъ...

И не любя и не жалѣя
Ни тѣхъ, кто подъ землей зарытъ,
Ни — кто по улицѣ спѣшитъ, —

О преступленьяхъ, о величьѣ,
О страсти ничего не знать,

Въ невозмутимомъ безразличьѣ
День изо дня существовать
Съ однимъ желаніемъ: въ кровать
И спать и спать, подольше спать.

3.

Возвращается вѣтеръ на круги своя,
Вотъ такими давно ли мы были и сами,
Возвращается молодость, пусть не твоя,
Съ тѣмъ же счастіемъ, съ тѣми же, вспомни, слезами.

И что было у многихъ годамъ къ сорока,
И для насъ понемногу, ты видишь, настало:
Силъ еще не послѣднихъ довольно пока,
Но бываетъ, что ихъ и сейчасъ уже мало.

И не то, чтобы жизнь обманула совсѣмъ,
Даже грубость ея безпредѣльно правдива,
Но приходятъ сюда и блуждаютъ — зачѣмъ? —
И уходятъ, и все это безъ перерыва.

4.

Онъ — въ звѣздахъ, ледяной,
Надъ тобой, надо мной

И надъ ними, надъ всѣми.
Это — Богъ, это — время,

Это... Другъ, все равно —
Пусть не Онъ, пусть оно.

5.

Чтобъ сильную и гордую сберечь,
Терпи ея заносчивую рѣчь,
Гдѣ все отъ чистоты и умной воли,
Гдѣ жалобъ нѣтъ на муки женской доли,
Гдѣ требовательность всегда рѣзка,
Но гдѣ живетъ высокая тоска
О нѣжности, о другѣ совершенномъ.

Она зоветъ несчастіемъ и плѣномъ
Міръ, гдѣ бороться научился ты,
Гдѣ нѣтъ спасенія отъ суеты
И гдѣ она гоститъ какъ птица рая,
Сіяніе вокругъ распространяя.

6.

Отъ жалости ко мнѣ твоей
И нѣжности почти сквозь слезы
И оттого что ты прямѣй
Чѣмъ длинный стебель южной розы

И потому, что съ дѣтскихъ лѣтъ
Ты любишь музыку и свѣтъ, —

Съ тобою, ангелъ нелюдимый,
Я самъ преображаюсь весь,
Какъ будто и въ поминѣ здѣсь —

Обиды нѣтъ неизгладимой,
Болѣзни нѣтъ неизлѣчимой,
Нѣтъ гибели неотвратимой.

1931 - 32

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ

1.

Ранній вечеръ блеститъ надъ дорогой.
Просвѣтлѣло и дождь пересталъ.
Еле видимый мѣсяцъ двурогій
Надъ болотною рѣчкою всталъ.

Слышенъ лай отдаленной собаки,
Въ полутьмѣ у воротъ голоса.
Все потеряно гдѣ - то во мракѣ
Все во прахѣ забыло Творца.

Непривѣтлива чаща сплошная.
Гдѣ - то стрѣлочникъ тронулъ свирѣль,
Осыпаетъ ворона ночная
Съ облетающихъ кленовъ капель.

Ночь, нездѣшняя ночь надъ пустыней,
Исполиновъ сверкающихъ мать,
Въ тишинѣ ты не плачешь надъ ними
Не устанешь ихъ блеску внимать.

Мнѣ писать и работать нѣтъ мочи.
Днемъ такъ улицы страшно стучатъ.
Почему же въ сіяніи ночи
Не родился я вѣчно молчать.

Въ синей безднѣ горѣть безполезно
Разорваться и долго потомъ
Разноситься лучами ко звѣздамъ,
Проноситься въ пространствѣ пустомъ.

Значитъ было какое - то дѣло,
Буду думать колѣни склоня,
Ждать, чтобъ утромъ мнѣ птица пропѣла,
Что хотѣла судьба отъ меня.

То, что я понималъ на разсвѣтѣ
Но забылъ опустившись во зло.
Отчего всѣмъ такъ больно на свѣтѣ,
Отчего такъ во mракѣ свѣтло.

1931.

2.

Ты усталъ, отдохни.
Прочитай сновидѣній страницу
Иль въ окно посмотри
Провожая на западъ вѣка
Надъ пустою дорогой
Помедли въ сіяньи денницы
И уйди улыбаясь, какъ таютъ въ пруду облака.
Въ синевѣ утонувъ
Надъ водою склоняются травы.
Безконечно глядясь
Не увидятъ себя камыши.
Подражая осокѣ безмолвной и горькой, мы правы
Кто насъ можетъ замѣтить
На солнцѣ всемірной души.
Мы слишкомъ малы
Мы слишкомъ слабы
Птица упала
Не упасть не могла бы
Жить не смогла на вѣсу
Поѣздъ проходитъ въ лѣсу...

1931.

3.

Ты усталъ, приляжемъ у дороги
Помолчимъ, рожденные во злѣ.
Тонкіе, сіяющіе Роги
Панъ склонилъ къ измученной землѣ.

Тихо куликъ мается надъ топью,
Гдѣ то гаснетъ изумрудный свѣтъ
Опершись на серебристый тополь
Богъ цѣвницу трогаетъ въ отвѣтъ.

Чистой ночью слышны эти звуки.
Кто шумитъ невѣдомо душѣ?
Спитъ земля, забывъ дневныя муки,
Рыба слабо плещетъ въ камышѣ.

Отдыхаютъ пальцы музыканта,
Волшебство купавы улеглось,
Молча смотрятъ въ небо корибанты
Устрашась рожденья столькихъ звѣздъ.

Тамъ, среди отверженныхъ Іисусомъ,
Юный Гамлетъ грезитъ у пруда
И надъ нимъ, лаская волосъ русый,
Ждетъ Русалка страшнаго суда

Все груститъ, не вѣдая пощады,
Осень въ полѣ иней серебритъ.
Ничего блаженному не надо,
Онъ не ждетъ, не сердится, не мститъ.

Человѣкъ позналъ свою свободу
Слишкомъ ярокъ онъ и слишкомъ чистъ...
Ночь сошла на дивную природу,
На землю слетаетъ мертвый листъ.

1932.

СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

1.

Тяжело, что явленья такъ странно похожи,
Всѣ поѣздки и встрѣчи — все двойники.
Возвращусь и узнаю о бывшемъ все то - же,
Будутъ утро тревожить тѣ - же звонки.
Будетъ то - же несчастье стоять наготовѣ,
Тѣ - же радости мелкимъ затянетъ пескомъ,
Такъ - же будутъ взлетать удивленныя брови
На измятомъ и старомъ лицѣ городскомъ.
Отъ вагоновъ и гдѣ-то синѣющихъ палубъ
Только накипь душѣ сохранить суждено.
Если - бъ знала, что это лишь тема для жалобъ,
Если - бъ знала, что выйдетъ одно на одно,
Развѣ я уѣзжала - бъ!

2.

Сулилъ и смерть и холода,
Былъ воздухъ трепетно - прохладенъ.
Изъ глазъ ночныхъ, изъ черныхъ впадинъ
Скатилась свѣтлая звѣзда.
Все проглядѣла, не узнала,
Ждала, — и блѣдный день изсякъ,
И мгла крыломъ затрепетала,
И потерялъ огни маякъ.
Ждала — и не было сигнала.

3.

О неотступной бѣдѣ
Пѣли скрипучія ставни,
Вѣтра задвигались плавни
Въ черной вечерней водѣ.

Маленькой мѣдною гирей
Вѣтеръ о ставни стучалъ,
Только единый причалъ
Былъ въ этомъ темномъ мірѣ.

Только одна благодать,
Что очертанья мѣняла —
Зыбкія стѣны, кровать
И бахрома одѣяла. —

АЛЕКСѢЙ ХОЛЧЕВЪ

ПЛОТНИКЪ

(Баллада)

Плюнулъ въ руку: съ окаянной,
Съ лѣвой началъ... Рдѣютъ вспышками
На рубахѣ домотканной
Вставки красныя подмышками.

Въ ладъ рубанку загораются...
Съ тихимъ всхлипомъ, съ легкимъ шорохомъ
Стружки кольцами свиваются
И ложатся пышнымъ ворохомъ.

Тѣшитъ гробъ. Утѣшенъ будетъ - ли
Тотъ, кто станетъ у могилы?
Въ каждомъ взмахѣ столько удали,
Столько удали и силы...

Ну, а тотъ... во тьму глядящій —
Кто подъ эту крышку ляжетъ —
Кто онъ? Тайна. Ножъ свистящій
Кружевныя стружки вяжетъ.

Пахнетъ свѣжею смолою.
На сосновыхъ гладкихъ доскахъ
Стружки лентой золотою
Вьются въ солнечныхъ полоскахъ.

Настежь дверь, но не шелохнетъ
Пыльный столбъ, подпершій стекла.
Отъ опилокъ въ горлѣ сохнетъ,
На плечахъ рубаха смокла.

Потъ съ кирпичной шеи льется.
"Эхъ, работа, что - бъ ты сдохла"!
Эхъ да эхъ! — и самъ смѣется.
Душно. Въ горлѣ пересохло.

Въ бородѣ, въ усахъ опилки,
Руки стружкой обтянуло.
Эхъ! На солнцѣ дно бутылки
Запрокинутой сверкнуло.

Сунулъ метръ за голенище,
Картузомъ о гробъ ударилъ:
"Для себя бъ не сдѣлалъ чище —
Какъ себѣ по мѣркѣ справилъ"!

День прошелъ. На утро рано...
(За ночь можетъ все случиться.
Часто сказанному спьяна
Суждено подъ утро сбыться!)

Подняла Ночь вѣки Вія...
Смерть! Къ отходной въ церкви звонятъ
Страсти, страсти - то какія!
Это - жъ плотника хоронятъ.

Успокоился навѣки!
Выпить больше не попроситъ...
Черны сомкнутыя вѣки...
Бабы нѣтъ! — Не заголоситъ!

Какъ да гдѣ? да съ кѣмъ напился?
Все вверхъ дномъ перевернули!

Какъ на дѣвку навалился...
Какъ ножемъ его пырнули...

Ноги босы... Въ суматохѣ
Сапоги стащить успѣли.
При послѣднемъ, можетъ, вздохѣ
Кто - то снялъ. Не доглядѣли.

И пиджакъ суконный новый
Все топорщится упрямый...
Наспѣхъ втиснутъ въ гробъ сосновый
Въ тотъ же самый, въ тотъ же самый...

Схоронили и забыли
Будто вовсе плотникъ не жилъ.
Значитъ это къ смерти выли
Псы вчера, чуть свѣтъ забрезжилъ...

Въ мастерской съ веселой пѣсней
Новый плотникъ гробъ сбиваетъ.
Жизнь... Что можетъ быть чудеснѣй?
Смерть... Ну, что-жъ? — И то бываетъ...

Нѣтъ да глянетъ съ легкимъ страхомъ
На верстакъ осиротѣвшій.
Эхъ! — И вновь, широкимъ взмахомъ
Отирая лобъ вспотѣвшій,

На рубанокъ налегаетъ...
Глубже врѣзы острой стали...
Для кого - то гробъ стругаетъ...
Для кого? Не для себя ли?

Гробъ сосною пахнетъ пряной,
Вьются стружки, рдѣютъ вспышками
На рубахъ домотканной
Вставки красныя подмышками.

ЛИДІЯ ЧЕРВИНСКАЯ

1.

Отъ зависти, отъ гордости, отъ боли
Отъ сложности — такая простота...
Усиліе давно покорной воли,
И дрогнувъ, засвѣтилась темнота.

Я не имѣю для тебя отвѣта,
Я не имѣю правды для другихъ...
Я знаю только — умираетъ лѣто,
Я знаю только — испугавшись свѣта
Какой - то голосъ (совѣсти?) затихъ.

2.

Мимоза никогда не завянетъ.
Никогда не будетъ войны.
Намъ снятся на этомъ диванѣ
Странные сны.

И утромъ насъ никто не разбудитъ,
Намъ незачѣмъ рано вставать.
Мнѣ снилось, что сѣрые люди
Бѣжали куда - то опять...

Ты слышалъ въ темнотѣ совершенной
Холодный и грустный органъ...
...И красное солнце надъ Сеной
Встаетъ сквозь туманъ.

3.

Все не о томъ, помолчи, подожди,
— Мѣсяцы, память, потери...
Въ городѣ нашемъ туманы, дожди,
Въ комнатѣ — узкія двери.

Въ городѣ... нѣтъ, это все не о томъ,
Въ комнатѣ... нѣтъ, помолчимъ, подождемъ

Что - же случилось?

Стало совсѣмъ на мгновенье свѣтло,
— Мы не для счастья живемъ...
Сквозь занавѣску чернѣетъ стекло,
Вспомнилось снова такое тепло...
Вспомнилось... нѣтъ, помолчимъ, подождемъ.

АЛЕКСАНДРЪ БУРОВЪ

БЫЛА ЗЕМЛЯ

Повѣсть)*

Люди, полутѣни, что призраки въ человѣческомъ образѣ, въ поискахъ новыхъ земель, чужихъ морей и береговъ, попадали, — если по личному выбору, — то долгими, темной ночью, извилистыми, таинственными, колючими лѣсами, тернистыми переходами, а большинство — вынужденными потоками, пачками, трюмами, товарно - лошадными вагонами, платформами, скопищемъ уносились, увозились въ чужія страны, или, точно зачумленные, — на отдаленные острова... И туземцы легко узнавали въ сѣрожелтыхъ, обвѣтренныхъ, перепыленныхъ лицахъ, съ ихъ игольчато пытливымъ, извинительно молящимъ взоромъ, такихъ разумныхъ, грустно свѣтившихся отуманенныхъ глазъ, — въ этихъ нервно вспыхивающихъ огонькахъ, въ этихъ толпищахъ, въ ихъ рубищѣ, отрепьяхъ и изорванныхъ покровахъ, — туземцы легко узнавали, что люди эти о т т у д а, т о л ь к о оттуда выброшены эти подневольные странники, и сами туземцы, вначалѣ, сторонкой обходившіе, точно остерегаясь какихъ то микробовъ, заразъ, — скоро, попривыкнувъ, ласковы стали, и глаза ихъ говорили "мы рады вамъ, въ вашемъ несчастьи, мы тутъ не причемъ, повѣрьте намъ...".

Наглотавшись вдоволь чужой воли, океана, морей, чужихъ земель и береговъ, душа этихъ странниковъ дѣлала потихоньку свое обычное дѣло, эта душа едва замѣтными, но все болѣе чувствительными перебоями, тревожными, изнутри, сигналами, все настойчивѣе давала о себѣ знать, заныла, затосковала, а съ нею стала парализоваться и воля, воля къ борьбѣ, къ жизни вообще...

—Зачѣмъ и куда все это несетъ насъ?... Зачѣмъ?... Кому мы теперь нужны?... Кому дѣло до насъ?... Чего?... Д л я к о г о?!... В о и м я ч е г о?!...

Именно они, только эти неугомонные люди оттуда, съ Востока,

*) См. прологъ въ № 5 «Чиселъ».

которымъ, второпяхъ, и такой дорогой цѣной, едва удалось самимъ спастись, унести, въ чемъ было, свое бренное тѣло, — какъ они себя расцѣнивали, — эти люди, отравленные отъ рожденія службой идеѣ, обществу, народу, именно они, едва ногой ступили на новую землю, вмѣсто того, чтобы радоваться свободѣ, избавленію отъ, такъ казалось всѣмъ, еще подстерегавшаго ихъ по пятамъ врага, они уже, внѣ идеи, затосковали, почувствовали себя никому ненужными, опустошенными...

И часто туземцы встрѣчали, заставали этихъ странныхъ людей часами стоящихъ у чужихъ пустынныхъ береговъ, или, съ жалкимъ скарбомъ, по пыльнымъ дорогамъ, въ ожиданіи чего - то, подъ обвѣтренными трепетными тополями... Куда - то устремлялись они, гонимые сознаніемъ никчемности, или призракомъ голода и одинокости. Сознаніе, этотъ подтачивающій, невидимый, червякъ, этотъ душевный барометръ, сознаніе бродячей ненужности, притупляло бѣгъ, но вдругъ недолго, вслѣдъ за этимъ, точно кѣмъ то вновь подгоняемые, срывались эти люди, бѣжали, искали общенія, человѣческаго общежитія... И, чтобы не совсѣмъ одичать, обезличиться, профессоръ Стратоновъ также присматривался, чего то искалъ, ходилъ на разнаго рода, излюбленные въ ту пору, — предполагавшагося скораго возврата, возрожденія, — доклады, лекціи, диспуты просвѣщенныхъ и бодрствовавшихъ еще людей, твердо, въ бѣженствѣ, узнавшихъ причинную и слѣдственную историческую связь между “были когда то” и “чѣмъ стали теперь”... И бодрые лекторы дѣлали доброе дѣло, сами духомъ не падали и другихъ призывали вѣрить, непоколебимо вѣрить въ скорое освобожденіе, а аудиторія изъ подроставшихъ, пощаженныхъ словесностью, но изголодавшихся по родному слову, разнымъ лекторамъ внимала; постарше, стрѣлянные роднымъ порохомъ, вкусившіе отъ древа демагогіи, уставшіе отъ историческихъ прогнозовъ и пророчествъ, пріобвыклись, продолжали равнодушно и съ тоской глядѣть въ даль, въ сторону президіумовъ точно про себя, тихо контролируя старые напѣвы... Сѣдые и полусѣдые, но какіе то всѣ сѣро - бѣлые, въ пиджакахъ не совсѣмъ свѣжихъ и отдававшихъ сыростью отъ меблированныхъ угловъ, засѣдали испытанные, почтенные отцы, мудрецы, “бѣлые” вожди, общественники...

Въ президіумъ всегда избирался и профессоръ Стратоновъ.

Приходилось и ему часто предсѣдательствовать. Но — странное дѣло — его реплики, даже личнымъ его друзьямъ, стали иногда казаться не тѣми, какъ то неубѣдительными, порою даже странными, искусственными и лишенными былой идейной зажигательности... Какъ электрическіе провода съ протертой обмоткой даютъ уже не ровные, а нервные, обрывчатые, вспыхивающіе токи и короткія замыканія, такъ цѣнныя завѣтныя слова и жизни, продѣлавъ крестный путь, стали замѣтно сдавать, сжигаться, слабо вспыхивать и незамѣтно умолкать, исчезать...

Люди благороднѣйшихъ интеллектовъ, и глубочайшихъ знаній не предвидѣли, не учли диспропорціи между человѣческими надстройками и государственнымъ порядкомъ, не разсчитали, не проявили бережнаго отношенія къ тысячелѣтнимъ государственнымъ устоямъ, — интеллигенція просто преувеличила, переоцѣнила черноземную силу, не замѣтила огромнаго нулевого множителя, упустила изъ виду его медвѣжью неподвижность и его звѣриные инстинкты...

И Стратоновы, перешедшіе Рубиконъ, кѣмъ - то, изнутри, гонимые, все отходили отъ своихъ, уходили въ себя, избѣгали встрѣчъ, опасались наталкиваться, находить себѣ подобныхъ, такихъ же, какъ они сами, и странное, сложное чувство, чувство ложнаго стыда и преувеличенности своей виновности, простое чувство боязни шумныхъ людскихъ собраній, людскихъ голосовъ, гнало ихъ прочь отъ своихъ же, и искали они себя же самихъ, искали себѣ оправданія, мученичества, креста...

Не люди, а мученики духа живого, живые арсеналы знаній, они боролись круглый вѣкъ, раздобывали своему народу общеполитическую свободу, сами идеологи, они зажигали, воодушевляли рядъ поколѣній на борьбу, сѣяли вокругъ себя и на тысячи километровъ бросали они рефлекторные огни и пафосъ свободы, но въ прозрѣніи самой жизни, ея дѣйствительнаго лица, они, подобно апостоламъ, оставались дѣтьми, смущенными, вопрошающими, святыми энтузіастами, только ревниво оберегавшими "чистоту своихъ политическихъ ризъ", "твердость убѣжденій", "принципіальную непріемлемость", "глубокое міровоззрѣніе", "непоколебимость лозунговъ", — эти милые основоположники ни съ чѣмъ въ мірѣ несравненной интеллигенціи, вооруженные арсеналомъ самоновѣйшихъ соціальныхъ проблемъ, побившіе всѣ міровые рекорды по Марксу и Энгельсу,

эти милые профессора, эти носители и сѣятели истинной культуры, вожди и творцы безкровныхъ революцій у себя дома, они сами вдругъ въ оцѣпенѣніи застыли, бросились бѣжать, въ ужасѣ спасаясь отъ ими же освобожденныхъ рабовъ, — въ теплушкахъ, на буферахъ, на крышахъ вагоновъ, въ дремучихъ, грохотавшихъ отъ злостныхъ и потайныхъ выстрѣловъ, лѣсахъ, вбродъ черезъ льдомъ рѣзавшія бурныя пограничныя рѣченки, — затаивъ дыханіе, эти апостолы свободы, пробираясь уже по чужимъ землямъ, подъ чужими небесами, еще не смѣя громко кричать, каждый про себя, крѣпко свою думу, думу мучительную, думали, думаютъ и посейчасъ, но уже не въ одиночку, а мелкими пока, все возростающими, уже слышными, группами, какъ мелкая, съ вершинъ, снѣжная лавина, катясь внизъ, и набирая въ объемѣ... И смысла то вѣдь никакого подъ чужими окнами кричать, и дѣла то тутъ никакого нѣтъ никому до другого, — у каждаго своего собственнаго горя по горло, — только людямъ той страны, съ востока, было дѣло до міра всего, имъ мало было одной своей страны, отъ Тихаго Океана до Днѣпра, — въ этихъ новыхъ и чужихъ странахъ у каждаго есть только свое личное горе и свое личное временное счастье, никому абсолютно до другихъ, этихъ пробирающихся великихъ бездомниковъ, нѣтъ никакого дѣла...

— И Европа ли это, вопрошали они. Никакихъ въ этихъ новыхъ странахъ ни шумныхъ потрясающихъ лекцій, ни диспутовъ огневыхъ, ни громкихъ лозунговъ, а гдѣ если и побываешь, то — на что это похоже — какіе то спокойные, выдержанные, опрятные докладчики, и доклады то ихъ безъ огня, безъ выстрѣловъ, — то ли дѣло было т а м ъ , у себя!...

— А мы то, Иванъ Константиновичъ, зря тамъ, у насъ, кочевряжились, — робко, по сторонамъ оглядываясь, на ухо шепнулъ одинъ профессоръ другому, побывавъ однажды на одномъ такомъ многолюдномъ и разноликомъ докладѣ.

— Да не спите же, Иванъ Константиновичъ, къ вамъ кажется обращаюсь. Подумайте только, ни одного слова о "борьбѣ классовъ", ничего о "тактикѣ борьбы", ни слова о "диктатурѣ" вообще, и... и... вообще не докладъ это, а... какое то утвержденіе. По ихнему — просто и ясно. Вотъ нравственная дисциплина! То ли дѣло у насъ, Иванъ Константиновичъ!... Взойдешь эдакъ на кафедру, красивымъ жестомъ руки волосы отбросишь назадъ, не успѣешь ротъ открыть,

а тебя уже хлопками привѣтствуютъ, а раскроешь ее, пасть то, бросишь нѣсколько этакихъ фразъ о нашей "татарщинѣ", о "деспотизмѣ", о "пятѣ политической реакціи", о "сатрапахъ", "держимордахъ", — какъ тебя, голубчика, уже и на рукахъ... на рукахъ-съ...

Нѣсколько растерянный, разсѣянный, больше къ себѣ, чѣмъ къ своему сосѣду, уже подъ конецъ лекціи, Стратоновъ поставилъ своему случайному, надоѣдливому земляку, сосѣду Ивану Ивановичу вопросъ:

— Какъ вы думаете, Иванъ Иванычъ, дешево можно бы достать тутъ, заграницей, маленькій револьверъ?... Хорошая штука револьверъ... можетъ пригодиться!...

Земляки подались въ разныя стороны. У каждаго, тамъ, далеко, оставлено столько груза, столько думъ, столько осмѣянныхъ идеаловъ, лозунговъ, демократическихъ воззрѣній, столько драгоцѣнныхъ предметовъ, — предметами этого назвать нельзя, — Стратоновъ съ болѣзненной улыбкой такъ называлъ свой стажъ, свою ушедшую, какъ ему казалось, безполезную жизнь, свои нѣкогда шумныя зажигавшія лекціи, общественныя импровизаціи, протесты и столько книгъ, томовъ, исписанныхъ имъ тамъ, по международному праву!... Международное?... Право?...

Эти думы причиняли боль, и Стратоновъ изобрѣлъ, какъ ему казалось, чудесный способъ — не останавливаться на воспоминаніяхъ, причиняющихъ нестерпимую, жгучую боль, обиду... Способъ этотъ знаменитый состоялъ въ томъ, что Стратоновъ въ такія минуты скорби просто умиралъ, продолжая механически жить, механически погружаясь, автоматически останавливая свой взглядъ на случайномъ газовомъ фонарѣ, на автомобильной цвѣтной рекламѣ, на плавно пробирающемся трамваѣ, на сфинксѣ на мосту, на тихой студеной водѣ въ каналахъ... Стратоновъ не особенно любилъ эти тихіе каналы и эти воды... Цѣлые десятки лѣтъ профессора, студенты, общество, вожди движенія, были противъ... Не быть "противъ", значило быть выброшеннымъ за бортъ "общественнаго корабля"!.. До университета, еще до лекцій, молодежь, на порогѣ аудиторіи съ опредѣленной научной устремленностью, съ беззавѣтной жаждой и любовью къ знанію, такая "взволнованная, чудесная, бодрая" русская молодежь, — но стоило прославленному профессору бросить тираду по адресу "проклятаго строя", по адресу этихъ "задержавшихся

узурпаторовъ власти", какъ аудиторіи изъ этихъ, наканунѣ еще, безконечно малыхъ величинъ, сразу превращались въ нѣчто огненное... истерическое... тоже протестующее... Противъ кого? Не протестовать, не примыкать къ забастовкѣ, не участвовать въ сходкѣ или не присутствовать на "гражданскихъ панихидахъ" — значило уронить, совершенно погубить себя въ глазахъ фрондирующихъ знаменщиковъ свободы...

Первые годы хожденія по чужимъ домамъ, по чужимъ странамъ, Стратоновъ, точно послѣ грома и молній, разсѣянный и ошеломленный, ходилъ, искалъ чего - то, останавливался, недоумѣнно и съ вытянутымъ вопрошающимъ лицомъ глядѣлъ вслѣдъ прохожимъ, что - то соображалъ и, сообразивъ, голову сразу ниже опускалъ и дальше безъ цѣли шагалъ, а на поворотахъ большихъ улицъ, не зная куда себя дѣвать, сворачивалъ въ тихую боковую, гдѣ, у стѣны, застывалъ, точно подпоры искалъ, точно, послѣ ливня съ градомъ, обсушивался....

Не наглотавшись досыта дома, т а м ъ , разныхъ соціальныхъ историческихъ перспективъ, чудомъ спасшіеся отъ словесныхъ потоковъ, полунищіе и полуголодные, но еще не совсѣмъ духовно осиротѣлые, всѣ жадно искали отвѣта, всѣ спѣшили на разныя сборища, доклады и диспуты, но, слушая, они отбрасывали нагроможденія и уносили съ собой, въ свои углы, только главное: скоро ли интервенція союзниковъ вернетъ утерянной странѣ ея честь и славу павшимъ за нее "неизвѣстнымъ солдатамъ"... И, какъ видный, не совсѣмъ еще позабытый вождь и трибунъ, Стратоновъ,во имя прежняго общественнаго стажа, почиталъ себя, за рубежомъ, обязаннымъ ходить на эти лекціи, доклады, не могъ не посѣщать ихъ, не могъ не диспутировать, не могъ не бросить въ толпу еще хоть нѣсколько гдѣ то тамъ еще въ пороховницѣ затерявшихся старыхъ лозунговъ, но — увы — онъ, столь испытанный ораторъ, продолжалъ полнымъ голосомъ, какъ и тамъ бывало, говорилъ такъ же плавно, а порой такъ же вдохновенно, и даже какому то грозному и недосягаемому деспоту угрожалъ, волновался и воздухъ потрясалъ, — и какъ обидно и пусто, никто теперь не реагировалъ, никого, какъ бывало т а м ъ, онъ въ священный трепетъ не загонялъ, никого его рѣчи не волновали, не убѣждали и, точно изъ учтивости, толпа жиденько апплодировала... И только такой опытный ораторъ Стратоновъ

вскользъ не могъ не замѣтить, не могъ не почувствовать холодокъ, такое больше почтительное, не болѣе — къ себѣ отношеніе... Но и всѣ послѣдующія выступленія Стратонова не удовлетворяли даже знавшихъ его раньше друзей и сановныхъ знакомыхъ, — его доклады больше походили на пробу голоса сорвавшагося пѣвца... Но говорилъ Стратоновъ, какъ слѣдуетъ, по старому, какъ бы по знакомымъ нотамъ, и все по партитурѣ, и полнымъ голосомъ пѣлъ онъ свою обычную политическую арію, но — чего - то главнаго вдругъ не было, не хватало чего - то, что - то внутреннее отлетѣло, — и тембръ не тотъ, и дыханіе какъ будто сдало, и хотя привычный оперный жестъ все тотъ же, но онъ никого больше не убѣждаетъ, публика остается учтиво сдержанной, холодной... Такія пробы, до публичнаго спектакля, производятъ надъ собой пѣвцы въ своихъ меблированныхъ комнатахъ, безъ свидѣтелей, но въ обществѣ одного, мухами обсаженнаго, зеркала, иногда даже въ доспѣхахъ и съ картоннымъ мечомъ и — только единицамъ дается рѣдкое счастье наединѣ, съ самимъ собою, что "прошла весна", что пѣсни поются теперь иначе, да и пѣсни уже не тѣ... Но профессоръ Стратоновъ обязанъ былъ, какъ не совсѣмъ еще умершая фигура недавней шумной общественности, показываться, быть наравнѣ съ другими, ему подобными, на смотру, подтянуться, выявить "свое лицо" и въ эмиграціи, и багажъ своихъ идей и міровоззрѣній, — не пострадалъ ли этотъ духовный багажъ отъ потрясеній послѣднихъ лѣтъ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, общественнику, вождю, призывавшему къ освобожденью отъ "средневѣковья", звавшему на борьбу съ "подгнившимъ" строемъ, вдругъ исчезнуть съ зарубежной "общественной арены", свернуть все боевое идейное оружіе и не показываться на людяхъ, на этихъ собраніяхъ, комитетахъ, докладахъ, — на всѣхъ этихъ подлинныхъ личныхъ гражданскихъ похоронахъ и отпѣваніяхъ былой страны и ея культуры!... И профессоръ, за неимѣніемъ обуви, на одиннадцатомъ году изгнанія, появлялся уже въ какихъ - то глубокихъ калошахъ, какомъ - то пледѣ, въ черной фетровой шляпѣ съ большими полями... Всѣ знали эту худую статную фигуру... Были и такіе, что полагали въ немъ полупомѣшаннаго, другіе забытаго поэта...

И Стратоновъ, хоть и продолжалъ въ своихъ репликахъ говорить "какъ всѣ", угрожать этимъ насильникамъ и узурпаторамъ, и убаюкивать усталую скучающую аудиторію пышной словесностью,

но чаще всего сбивался онъ съ тона, и однажды, — какой тогда вышелъ грандiозный скандалъ, конфузъ! — однажды Стратоновъ, на одиннадцатомъ году скитальчества, просто, можно сказать, погубилъ себя!... Да, точно погубилъ!... Онъ на какомъ то диспутѣ проклятьемъ прямо обрушился на "этотъ свой народъ - богоносецъ, предавшiй, умучившiй и распявшiй своего Государя"!!.. Передовикъ, вождь и — вдругъ?!.. Настала, на мгновенье охватила всѣхъ, отъ ошеломившей сковавшей неожиданности, жуткая, угрожавшая тишина, но продолжалось такое оцѣпенѣнiе лишь нѣсколько стылыхъ секундъ, и, точно отъ сомкнутыхъ проводовъ, аудиторiя сверкнула, озарилась, разразилась бурными, неистовыми, громовыми аплодисментами, и только рѣдкiе, радикально еще натасканные, голоса, съ галерки, точно спохватившись, зашикали... и потонуло это шиканье въ вихрѣ охватившей всѣхъ безумной радости... и дерзкаго, невольно вырвавшагося, откровенiя... Президiуму не легко было справиться съ бушевавшей стихiей, и пренiя были перенесены...

Но профессору Стратонову въ эти минуты были глубоко безразличны и восторги, и свистки. Онъ торопливо, точно извиняясь, съ поникшей головой, робко пробирался черезъ бушевавшiе ряды, — вышелъ, исчезъ...

Нигдѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, не встрѣчали его, точно въ воду канулъ онъ, пропѣвъ лебединую, невольно вырвавшуюся, быть можетъ выстраданную, осознанную, свою пѣсню...

И вышелъ онъ, вычеркнулъ онъ себя этимъ выступленiемъ изъ числа "зарубежныхъ борцовъ", и перешелъ онъ съ этого дня на какъ бы нелегальное положенiе... Но полюбили, пожалѣли, немного пригрѣли его чужiе, и дали они ему — иностранцы часто путаютъ чужiя фамилiи — не совсѣмъ подходящее имя — Истратовъ. И началось житiе сенатора Стратонова (Истратова) прямо ослѣпительное, — при ослѣпительныхъ юпитерахъ, въ разныхъ ателье, изображалъ сенаторъ, вождь и профессоръ, нѣмыхъ магараджей, жрецовъ, утопленниковъ...

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и профессоръ международнаго права Иванъ Константиновичъ Стратоновъ перепробовалъ въ чужихъ краяхъ всѣ профессiи, дошелъ — вы только посмотрите на него — до "послѣдней черты" и сосѣди, люди обычно чрезвычайно пытливые и наблюдательные, сами немощные и въ углы загнанные,

тоже находили, что его высокопревосходительство сенаторъ Стратоновъ прямо сталъ таять какъ свѣча... Возможно, что чувствительные люди, поглядывая на пробирающагося профессора, преувеличенно и неудачно сравнивали этого получеловѣка съ какой то угасающей свѣчой, больше попугивая себя самихъ и другихъ, тоже и ихъ самихъ ожидающей свѣчевой перспективой...

Бѣда не велика, если бывшій человѣкъ, — а всѣ кругомъ, весь задній дворъ угловыхъ жильцовъ, давно освѣдомленъ былъ, что Стратоновъ въ прошломъ и профессоръ, и сенаторъ, и царедворецъ, вообще какой - то "высшій сановникъ", — бѣда не велика, что кожа дѣйствительно сошла со скулъ профессора какъ - то внизъ, вяло свисая у челюстей, образуя какую - то, всю въ длинныхъ морщинахъ, дряблую отвислость, впадину у горла, прямо съ подбородка, а сѣрожелтыя щеки, тоже въ морщинахъ, такъ глубоко впадали, что при разжевываніи пищи эти щеки - впадины работали какъ мѣхи... А нѣкогда большая голова, нынѣ очень высохшая и сплюснутая съ боковъ, съ трудомъ держалась на тоненькой, тоненькой шеѣ, все время дѣлая какія - то странныя движенія, подобно китайской фигурѣ, кому то, невѣдомому, монотонно поддакивая...

Давно, длинный рядъ лѣтъ не мѣнялъ профессоръ своего выходнаго наряда. Въ строгомъ смыслѣ, платьевъ не было у него. Нельзя, никакъ нельзя было называть разлетайку, зелено - сѣраго цвѣта, длинную до пятъ, внизу затрепанную и намокшую, именемъ пальто, а синюю, мягкую, съ мягкимъ отложнымъ воротникомъ, не всегда у груди застегнутую рубаху — бѣльемъ; панталоны его, очень длинныя книзу, свѣтло - сѣрыя, какія то тенисовыя, и на ремешкѣ, никакъ не могли держаться на скелетоподобномъ тѣлѣ. Если же и держались, то только благодаря самому же профессору, прижимавшему разлетайку и панталоны обѣими длинными высохшими руками, державшими, каждая, по деревянному, рыжимъ коленкоромъ обтянутому, чемоданчику...

Въ этихъ двухъ чемоданчикахъ, для большей прочности перетянутыхъ бичевкой, находился весь деликатессно - гастрономическій магазинъ профессора Стратонова.

Сосѣди и полузнакомые, которымъ профессоръ приносилъ каждое воскресенье, спозаранку, на домъ, разной рѣдкой провизіи вродѣ "настоящей русской сметаны", "настоящихъ ревельскихъ ки-

лекъ", "русской водки" извѣстной фабрики Соломона Перельцвейга, творогу, вязку грибовъ и пару десятковъ "прямо изъ Крыму розовыхъ яблочекъ", — этотъ еще избалованный кругъ зарубежныхъ покупателей также находилъ, что "съ сенаторомъ творится что - то неладное", что "профессоръ таетъ какъ свѣча". Бѣда, однако, — если бы можно было толкомъ сговориться со Стратоновымъ, — была не въ свѣчѣ, а въ томъ, что нѣкоторые изъ его жалостливыхъ покупателей вдругъ куда то исчезали... Привратникъ, изъ жалости пускавшій профессора по черному ходу взбираться на пятые и чердачные этажи, такъ неожиданно, просто пересталъ впускать его, объясняя ему, что однихъ жильцовъ за неплатежъ уже выселили, другіе же отъ гриппа умерли, а третьи сами просили — "не впускать больше, рады и сами хлѣбу одному, — гдѣ ужъ тутъ кильками или творогомъ баловаться"...

Но попадались и прочно осѣвшіе, "стабилизовавшіеся" покупатели — два, три семейства на всю колонію, — которые не только покупали залежавшіяся у Стратонова ревельскія кильки, но черезъ прислугу просили проводить профессора на кухню и отогрѣвать его, бѣднаго, горячимъ чаемъ, вчерашними щами съ мясомъ и хлѣбомъ, хлѣбомъ...

Какой же русскій человѣкъ лакомится горячими щами безъ краюхи чернаго хлѣба...

Если бы барыня твердо знала, что Иванъ Стратоновъ изъ бывшихъ важныхъ сановниковъ, сенаторъ, она нашла бы для профессора и другое мѣсто вмѣсто кухни и подарила бы ему, пожалуй, пару носковъ или чистую сорочку...

Барыня была добрая. Она часто, любуясь изъ окна на садъ, на озеро, на совсѣмъ близкую нарядную площадь, съумѣла иногда чутко подмѣчать, точно изъ подъ земли, между сотенъ таксомоторовъ, выроставшія, блуждающія, къ ея особняку, какъ ей казалось, пробирающіяся фигуры земляковъ... Въ такія минуты барыня часто высылала къ таковымъ навстрѣчу свою любимую горничную съ какой то монетой, завернутой въ бумажку... Если бы барыня знала, что предполагаемый проситель не намѣревается войти въ ея виллу, она бы не безпокоила горничную, но барыня была болѣзненная, нервная, — какъ она часто жаловалась своему домашнему врачу, что болѣзнь эта у нея съ о к т я б р я, — она инстинктивно боялась нищихъ, не

выносила, фактически не переносила человѣка на видъ голоднаго и худо одѣтаго, въ стоптанной обуви, въ разодранномъ пальто, перехваченномъ бичевкой и съ отвисшими карманами, въ мягкой сорочкѣ безъ воротника и безъ головного убора... Всего пуще боялась она почему то бичевки у пояса... Странная была эта барыня.

— Я сама сознаю, докторъ, что скверно, гадко съ моей стороны бояться этихъ... нищихъ, — чуть - чуть было не сказала отбросовъ, — но я ничего съ собой подѣлать не могу, И я, право же, этимъ очень огорчена. Милый докторъ, вы должны мнѣ непремѣнно какія - то капли прописать этой болѣзни.

Барыню звали Маргаритой Ильинишной и замужемъ она была за балтійскимъ барономъ фонъ Гербертцомъ. Жили они въ Петербургѣ, на Сергіевской, гдѣ барона, въ октябрѣ, на ея глазахъ убили въ ея квартирѣ какіе то люди, въ рабочихъ курткахъ, перехваченныхъ бичевкой, съ ружьемъ на веревкѣ черезъ плечо и съ кожанными на крестъ лентами, утыканными какими - то большими и малыми желтомѣдными головками...

Видъ бичевки преслѣдовалъ ее уже много лѣтъ, съ самаго октября. Въ раннемъ бѣженствѣ Маргаритѣ Ильинишнѣ удалось вторично выйти за богатаго лошадинаго торговца — поставщика лошадей для многихъ послѣвоенныхъ республикъ — и о разлитомъ человѣческомъ русскомъ горѣ больше читала Маргарита Ильинишна, чѣмъ соприкасалась съ нимъ. Если бы Маргарита Ильинишна опредѣленно знала, что Стратоновъ настоящій, а не обычной бѣженской, больной фантазіей, свѣжеиспеченный сенаторъ, знаменитый профессоръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, она бы несомнѣнно, — подумайте только какая странная барыня это была, — она бы Стратонова и на порогъ не пустила! Люди опредѣленнаго высокаго званія, по ея мнѣнію, не имѣютъ права шокировать свой классъ и не должны опускаться на дно, а, сохранивъ человѣческое достоинство, просто уйти съ дороги, скрыться, зарыться, исчезнуть, но съ достоинствомъ, лично, и безъ шума, произвести надъ собою харакири...

Легко этой барынѣ говорить о харакири, но вѣдь Стратоновъ объ этой операціи самураевъ тоже больше читалъ или слышалъ и если бы даже и порѣшилъ послѣдовать совѣту бывшей баронессы, то врядъ - ли зналъ бы онъ съ чего начать. Остріе ножа направилъ

бы не то въ горло, не то въ брюхо, пролилась бы, скажемъ, кровь, и человѣкъ готовъ. Совсѣмъ же другое дѣло, когда остріе ножа вонзается каждодневно въ сердце, въ душу, а крови совсѣмъ не видно. Такое харакири состоитъ изъ ревельскихъ килекъ, изъ творогу, которые дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ разноситъ по домамъ...

Харакири Стратонова — это творогъ, кильки и грибы. Нѣтъ, профессоръ и сенаторъ Иванъ Стратоновъ не послѣдуетъ совѣту легкомысленной барыньки, нѣтъ, онъ будетъ сознательно, пока еще ноги двигаются, доставлять въ оставшіеся еще три - четыре дома грибы, сметану, крымскія яблочки, и эта его профессія, надо полагать, послѣдняя изъ всѣхъ уже перепробованныхъ, не только его кормитъ впроголодь. Эта профессія, обезличивъ, окончательно уравнила его въ то же время съ землей, съ пылью мостовой, съ тѣмъ самымъ пустыремъ, заросшимъ бурьяномъ, гдѣ онъ ночуетъ... Эти кильки окровавляютъ его нѣкогда тонкія благородныя, нынѣ корявыя высохшія руки. Эта вязка выдохшихся грибковъ и высохшій творогъ такъ печально и жалостливо своими порами глядятъ на своего продавца, у котораго сердце тоже несомнѣнно давно въ такихъ же порахъ... Если бы Стратоновъ знакомъ былъ съ гордыми сентенціями бывшей баронессы, онъ бы отвѣтилъ, что мучительное, но все же медлительное самоубійство, — это харакири, для нѣкоторыхъ было бы спасительнымъ избавленіемъ, роскошью, что онъ Стратоновъ съ японскимъ харакири въ точности не знакомъ, но что онъ Стратоновъ продѣлываетъ надъ собой уже нѣсколько лѣтъ харакири, чисто русское харакири, что падаетъ онъ все ниже на протяженіи десяти лѣтъ, что доходитъ онъ въ своихъ разнообразныхъ профессіяхъ, въ разныхъ киноателье, и до недосягаемыхъ высотъ, до магараджей, индѣйцевъ и людоѣдовъ, а затѣмъ — до утопленниковъ и конокрадовъ, которыхъ киногерои, на бѣгу сбрасывали въ обрывы, или же, какъ утопленика, пускали его, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, привязаннаго спиной къ быстро мчащейся лошади...

А эти два деревянныхъ, рыжимъ коленкоромъ обклеенныхъ, веревкой обтянутыхъ чемоданчика, въ которыхъ на вытянутыхъ старческихъ рукахъ профессоръ и сенаторъ разносилъ свой гастрономическій товаръ, достались Стратонову не сразу и обязаны они, чемоданы эти, прежде всего индѣйцамъ, магараджѣ и утопленнику...

И обижаться на Маргариту Ильинишну Листъ не слѣдуетъ. Стратоновъ съ этой барыней о классахъ и расахъ не бесѣдовалъ, онъ ее и не видалъ и въ душѣ онъ былъ этой барынѣ очень признателенъ, что по воскресеньямъ прислуги ея забирали у него товаровъ иной разъ больше чѣмъ на 20 марокъ. Самъ же Листъ, мужъ Маргариты Ильинишны, былъ такого же высокаго мнѣнія о японскихъ самураяхъ, но ни разу не подумалъ наложить на себя руки послѣ двукратнаго послѣвоеннаго банкротства. Злые языку утверждали, что банкротство было дутое, ибо правительства расплачивались съ нимъ за доставку лошадей наличными, а онъ — этого никто уже прослѣдить не могъ. Листы были люди богатые, широкіе, хлѣбосольные, и ихъ балы, и ихъ благотворительная щедрость создали имъ и положеніе въ обществѣ и — долгожданное назначеніе генеральнымъ консуломъ какой - то микроскопической республики. И жизнь Листовъ круто перемѣнилась. Время тогда въ чужой странѣ было инфляціонное, больное, нервное, угрожающее. Иностранные представители вели себя сдерживающе, чутко и скромно. Внѣшне переживали они вмѣстѣ съ приговореннымъ его тяжкую болѣзнь, его кажущуюся обреченность, его судороги. Валюта - же лошадиная въ ту пору жаждала жизни, стосковалась по веселью, добивалась роли въ обществѣ, и Лукулловы обѣды и банкеты — только, конечно, для вліятельныхъ руководителей политическихъ партій, для банкировъ, дипломатовъ и кандидатовъ въ министры — были тогда у Листовъ частымъ и рядовымъ явленіемъ. И профессору Стратонову, къ сожалѣнію, ужъ подъ самый конецъ карьеры Листовъ, тоже перепадали крохи и прислуга, изъ состраданія къ старику, забирала у него въ ту пору и больше грибовъ, и творогу, и килекъ...

Маргарита Ильинишна чувствовала себя въ отмѣнномъ обществѣ, какъ рыба въ водѣ, и ея институтское образованіе, природный умъ этой русской женщины, ея пріемы еще больше укрѣпляли положеніе мужа въ обществѣ. И самъ Карлъ Карловичъ фонъ Листъ, — незамѣтно послѣ полученія званія генеральнаго консула Листы перешли на фонъ, — прекрасно понималъ, какъ свое положеніе закрѣплять. Побываютъ Листы на Ривьерѣ, въ Люксорѣ, въ Индіи, и цѣлые сундуки съ дорогими подарками слѣдуютъ за ними, а по возвращеніи — на первомъ же осеннемъ или зимнемъ домашнемъ балу — у Листовъ, всѣ аккредитованныя особы, всѣ сколько нибудь извѣст-

ныя лица заранѣе предвкушали блескъ, вкусъ, оригинальность, а главное — щедрость...

Листъ охотно дарилъ, ибо его происхожденіе, его лошадиное ремесло пріучали его къ тому, кому, какъ и что проигрывать, преподнести... А супруги, послѣ бала, въ интимной бесѣдѣ, шутя подводя всему итогъ, какъ то ушибленно и не совсѣмъ литературно утѣшали себя: "не подмажешь, не поѣдешь"...

И Листы рядъ лѣтъ дарили. А Карлъ Карловичъ рядъ лѣтъ заказывалъ себѣ въ разныхъ столицахъ, у первыхъ портныхъ, десятки фраковъ, и всѣ эти фраки, какъ на зло, упорно лѣзли Листу на затылокъ изъ - за его круглыхъ, полугорбатыхъ, пролетарскихъ плечъ. Немало страдала отъ этихъ фраковъ госпожа фонъ Листъ. А когда одинъ фракъ на одномъ балу прямо предательски велъ себя, Маргарита Ильинишна просто выбросила этотъ мерзкій фракъ на кухню, а съ кухни перешелъ онъ къ Стратонову. А Стратоновъ не рѣшался надѣть этотъ фракъ, — какой же это фракъ при сѣро - зеленой разлетайкѣ да синей мягкой сорочкѣ...

Не справлялся и съ длинными красными руками, при толстыхъ короткихъ пальцахъ, генеральный консулъ фонъ Листъ.

— Прямо божье наказаніе съ такими ручищами, — мучился фонъ Листъ.

— Еще слава Богу, — продолжалъ утѣшать себя фонъ Листъ, — что аккредитованные, бесѣдуя съ дамами или съ болѣе высокими оффиціальными персонами, стоятъ съ повернутыми назадъ ладонями... — Не повѣришь, Рита, увидѣлъ я себя недавно въ зеркалѣ!.. Фракъ на затылкѣ, рубаха дугой, а ручки назадъ, — просто страхъ меня обуялъ...

А жена успокаивала.

— И ничего смѣшного тутъ нѣтъ... Смѣшное послѣдуетъ позже... если дѣла не поправятся.

Маргарита Ильинишна фонъ Листъ также имѣла основаніе быть недовольной лично собой и однажды взятымъ высокимъ и широкимъ стилемъ жизни, и какой - то, изнутри грызущей, неувѣренностью, шаткостью, нарочитостью...

Ея институтское воспитаніе, отличное знаніе иностранныхъ языковъ, острый умъ, находчивость и мѣткость, и вся ея фигура, такая стройная, съ чуть замѣтно округленными, плотно обтянутыми

бедрами, давала бы Маргаритѣ Ильинишнѣ — она была въ этомъ увѣрена и немало отъ этого страдала — право блистать не рядомъ съ какимъ нибудь консуломъ, а прямо съ любымъ посломъ именитѣйшей страны. Хотя умная и чуткая женщина и не соприкасалась, не успѣла еще, по счастливой случайности, соприкоснуться съ подлиннымъ горемъ и нуждой, но отлично знала, читала, слышала, сама же часто благодѣтельствовала сотнямъ лучшихъ и недавно еще весьма богатыхъ и знатныхъ людей, цѣлымъ семьямъ, — и всего этого достаточно было бы, чтобы благодарить свою личную судьбу, пощадившую и уберегшую ее отъ той же печальной участи тысячъ и сотенъ тысячъ, какъ она, — но и Маргаритѣ Ильинишнѣ все некогда было оглянуться, заглянуть въ самое себя, и благодарить Господа Бога за каждый дарованный счастливый день, дни, годы, лишенные какихъ бы то ни было заботъ, — и все же что - то непонятное, странное мучило, не удовлетворяло, заставляло ее тянуться все къ большему, внѣшне заманчивому, плѣнительно шаткому, къ роли, къ возвышающему обману... Маргарита Ильинишна ломала себѣ голову, грызла себя, недоумѣвала, какъ это такіе знатные и важные послы обмѣнивались такими банальными, ничего не значащими, плоскими репликами, замѣчаніями, и какъ даже рѣчь ихъ, ихъ мнѣніе о новой книгѣ, о новой музыкѣ, такъ шаблонны, такъ безцвѣтны...

— А ихъ жены, ихъ дамы, — Господи, прости меня, — какая скука, хоть бы одно мѣткое, изящное, умное замѣчаніе. Какія то муміи, прости Господи...

Госпожа фонъ Листъ была черезчуръ строга къ этимъ именитымъ дамамъ, и вызвано было такое критическое отношеніе къ этому обособленному обществу явнымъ, поразившимъ ее, разочарованіемъ, которое обычно слѣдуетъ за фантастическимъ преувеличеніемъ какихъ то дальнихъ и чуждыхъ намъ предметовъ. И какъ часто измученные напряженностью бала и извѣстной, въ предѣлахъ однако допустимыхъ, едва замѣтной угодливостью къ знатнымъ и вліятельнымъ, и не по силамъ уже обремененные богатыми одариваніями, весьма цѣнными "бездѣлушками", Листы съ грустью однажды констатировали, что — выдохлись, что средства на исходѣ и что самое званіе генеральнаго консула заколебалось...

— Ты увидишь, Карлъ, что къ именинамъ моимъ и трети про-

шлогоднихъ гостей не наберется, а тѣ, кто придутъ, привезутъ сирени пучокъ или мѣстныхъ розъ...

Наступила пауза. Консулъ впервые, быть можетъ, почувствовалъ обиду за жену, впервые за рядъ лѣтъ, точно проснулся отъ долгаго летаргическаго сна, благодаря какому то случайному внѣшнему толчку, какому то невинному выстрѣлу изъ саморазрядившагося ружья, — Листъ, подобно неутомимой бѣлкѣ, остановился, глаза широко раскрылъ, точно впервые увидѣлъ онъ свою жену. Давно и его самого многое тревожило, но вотъ безпричинно что - то внутри становится неспокойно, и уже съ четырехъ часовъ ночи до утра вы больше не можете сомкнуть глазъ... Вы инстинктивно, точно защищаясь отъ наплывающихъ, давящихъ, пока еще неопредѣленныхъ, но кошмарныхъ мыслей и несбыточныхъ дѣлъ, обхватываете въ ночной темнотѣ голову, ворочаетесь съ боку на бокъ, подушкой - думкой пробуете совсѣмъ заглушить себя, но вся эта внѣшняя защита не помогаетъ, не спасаетъ больше обреченнаго... Помимо воли Листа, быть можетъ съ большимъ опозданіемъ, въ немъ самомъ идетъ борьба, осознаніе, мучительное пробужденіе... Давно надо было другъ другу подыскать настоящія простыя слова, давно надо было просто сказать другъ другу, что вся нагрузка была ни къ чему, что лошадиная гордая голова сулитъ жизни больше, чѣмъ дорого и безсмысленно оплаченное званіе консула, что остановиться пора. И какъ часто бываетъ, что люди, загнанные и обреченные, еще спасти себя могутъ, когда давно уже правильно все осмыслили и поняли, но что - то мѣшаетъ, что - то гонитъ автоматически и безцѣльно по заколдованному кругу... И точно угадавъ затаенныя, но явно давно на лицѣ жены тревогой отраженныя думы, Листъ, скорѣе съ самимъ собою, разсуждалъ....

— Нѣтъ... на этотъ разъ я ужъ не переживу... Я кончу... самураемъ... и безъ шума... и не здѣсь... не все ли равно гдѣ... Побаловался и будетъ...

И Маргарита Ильинишна, болѣе мужественная и чуткая, предчувствуя какой - то сдвигъ, вынужденный закатъ, кѣмъ то извнѣ направленный ударъ, твердо и рѣшительно заявила мужу.

— Помнишь твое назначеніе... нашъ первый балъ, о которомъ весь городъ, всѣ газеты трубили... Тому ровно семь лѣтъ... Семь лѣтъ!... Сегодня я кончаю съ балами, съ именинами, съ подарками,

съ послами и ихъ дамами, со всѣмъ хламомъ... Мы поручимъ таксатору что еще можно продать, спасти, и сами уѣдемъ... уѣдемъ въ Парижъ... уѣдемъ въ чудесный очаровательный городъ, гдѣ тихо можно голову сложить, гдѣ никто абсолютно не знаетъ насъ и никто ни единымъ звукомъ не обмолвится о нашемъ быломъ и нелѣпомъ земномъ существованіи...

Прошло еще мѣсяца два и только одному Листу хватило на дорогу въ очаровательный и плѣнительный Парижъ...

Неисповѣдимы и непонятны пути Господни...

Сегодня профессора Стратонова портье не пропускалъ во дворъ къ Листамъ.

— Вамъ тутъ искать больше нечего... Перемерли... Обанкротились...

У сенатора, торговавшаго гастрономическими товарами, всего то ужъ на весь огромный городъ осталось три состоятельныхъ дома. А сегодня стало еще однимъ меньше...

Въ изступленномъ ужасѣ отъ столь оглушившей его неожиданности, профессоръ сразу какъ - то почувствовалъ всю тяжесть своей ноши, этихъ двухъ рыжихъ чемоданчиковъ, перехваченныхъ бичевкой, и чемоданчики эти съ кильками, творогомъ, грибами и прочей залежавшейся у него снѣдью сами какъ - то, сползая, тихо выскользнули изъ рукъ оторопѣвшаго, не совсѣмъ еще все понявшаго, Стратонова, тупо еще глядѣвшаго на портье и медленно, точно изнемогая, присѣлъ онъ, опустившись на свою поклажу...

Прошли недѣли, мѣсяцы, быть можетъ... годы.

Длинная согбенная фигура, въ зеленой разлетайкѣ, со стиснутыми по швамъ длинными руками, державшими рыжіе чемоданы, взбиралась на черный ходъ къ одной нѣмецкой обрусѣвшей семьѣ.

Кухарка оказалась такой доброй, обходительной женщиной, сразу заговорившей съ профессоромъ, точно съ давнишнимъ знакомымъ, на родномъ имъ языкѣ. И какъ радъ былъ Стратоновъ, что русская кухарка сразу закупила у него на тридцать марокъ да въ придачу еще сунула ему подъ мышку продовольственный кулекъ. Времена мѣняются. Люди остаются чаще всего тѣ же и, если бы вновь могли воскреснуть, они прожили бы, быть можетъ, свою новую жизнь такъ же, какъ первую...

Марія Кузнецова — такъ была дѣвичья фамилія столь неожи-

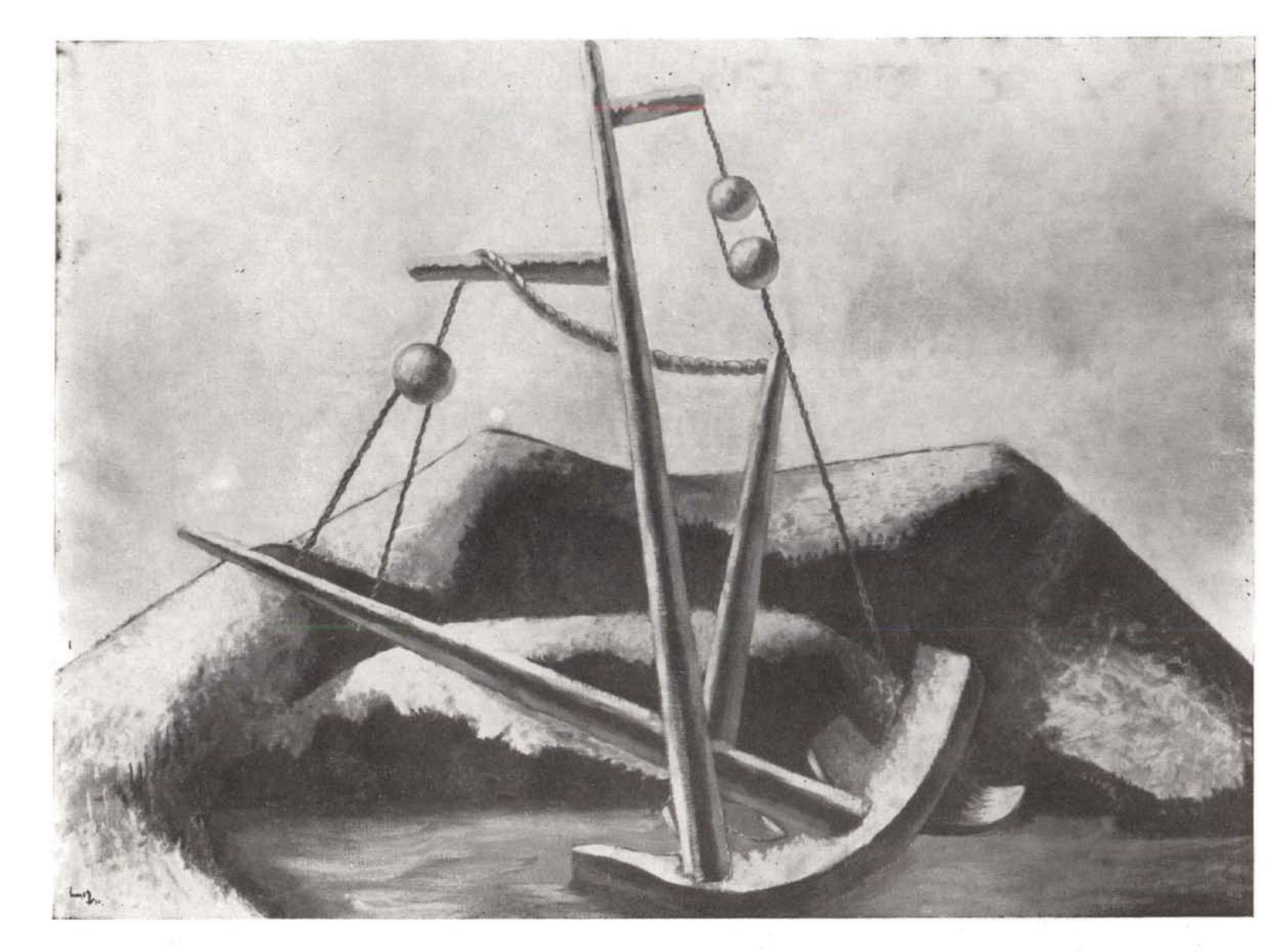
данно и печально овдовѣвшей и въ пухъ разоренной фонъ Листъ — счастлива была, что господа ея, обрусѣвшіе нѣмцы, люди скромные, работящіе, занятные, — мужъ въ какомъ то экспедиціонномъ складѣ, а жена въ какой то редакціи съ 8 до 6, цѣнятъ, ¦ уважаютъ, довѣряютъ ей все хозяйство и присмотръ четырехъ дѣтей, и господа ея не знаютъ, кто и чѣмъ она была и никому дѣла нѣтъ до ея прошлаго. Одна и была у нея теперь забота — обѣдъ долженъ быть сытный, не пересоленъ, не пережаренъ, экономенъ, и почаще въ русскомъ вкусѣ, почаще щей, разсольника, пироговъ съ капустой, а до всего остальнаго хозяевамъ не было никакого дѣла, и потому на душѣ у успѣвшей многое перенести, многое передумать, Маріи Кузнецовой было такъ легко, ясно, просто, ибо — такъ разсуждала новая кухарка — "съ балластомъ человѣческой глупости, близорукости, напыщенности" куда то все сразу исчезло, сошло, сгинуло и самое бремя нелѣпой жизни... И часто добрая кухарка Марія Кузнецова скорѣе обрывками общежитейскаго характера, чѣмъ личными пережитыми воспоминаніями, занимала закусывавшаго, мучительно покашливавшаго, астмой страдавшаго профессора...

И профессоръ тоже больше изъ чувства голода, чѣмъ изъ солидарности, реагировалъ на эти кухаркины философско - аскетическія мысли, качая, по обыкновенію, головой на тоненькой шеѣ... Профессоръ въ душѣ завидовалъ этой кухаркѣ, этой женщинѣ, все познавшей и воспріявшей общечеловѣческое страдальчество и всепостигшую смиренность. Профессоръ, привыкшій больше къ обобщеніямъ, не видалъ, вѣрнѣе не различалъ, не интересовался кухаркой, какъ человѣческимъ существомъ, какъ женщиной въ человѣческомъ обликѣ, онъ какъ то на все окружающее давно глядѣлъ поверхъ или мимо, онъ видѣлъ въ каждомъ и въ себѣ самомъ какую - то движущуюся тѣнь, оболочку чего то бывшаго, духъ, освободившійся отъ плоти, отъ нагроможденныхъ условностей, духъ, ожидающій очереди, надзвѣздный, безъ сожалѣнія разстающійся съ землей... И какъ два получеловѣка столь разныхъ культуръ, каждый по своему, каждый изъ нихъ медленно и четко самоопредѣлялись, продолжали дѣлать еще какое то дѣло, внѣшне обязательное, и эти дѣла ихъ явно уже замедляли ихъ бѣгъ, ихъ жизнеоборотъ...

Черный для другихъ день 11 марта показался Стратонову полнымъ значенія.

Ж. Люрса. Снасти. *J. Lurçat. Cordages.*

Ж. Люрса. *J. Lurçat.*

Воскресенье выдалось такое ясное, сухое, подморозное, и профессоръ бодро спѣшилъ со своимъ товаромъ къ своей доброй кухаркѣ, къ Маріи Кузнецовой, которая давно уже не позволяла старику нагибаться, развязывать потрескавшіеся уже отъ времени чемоданы, а сама предупреждала, сама дѣлала эту работу... И сегодня, развязывая бичевку и продолжая, по обыкновенію, хвалить своихъ господъ, а въ паузахъ вспоминать свой нѣкогда милый, родной, величественный городъ и ту широкую и вольную страну, Марія Кузнецова какъ - то тихо - тихо, безъ крика, безъ шума, на бокъ опрокинулась, прилегла... точно уснула...

Сердце не камень. И дѣянія, и испытанія человѣка, какъ стрѣлки, безшумно, но точно, отмѣчаютъ рубцы...

Пустое, ничего страшнаго, обычная анемія, переутомленность и начавшая сдавать жизненная сопротивляемость, — все это стало за послѣднее время вызывать у Кузнецовой частые обмороки...

Въ прошломъ баронесса фонъ Гербертцъ, недавно жена генеральнаго консула фонъ Листъ, по натурѣ очень сострадательная, такъ чутко отзывалась она на чужую нужду, но — поблизости, тогда, въ ту пору, не выносила она обнаженной, хотя и безмолвно кричавшей о себѣ нужды и — человѣка въ дурномъ платьѣ и отрепьяхъ... Не отрепья шокировали ее, нѣтъ, — сама не могла она себѣ простить этого болѣзненнаго чувства, — но самый видъ нужды, видъ обреченности, — обреченность барыня представляла себѣ какъ существо съ глубоко запавшими вопрошающими глазами, съ худыми небритыми щеками, со скверными зубами и съ общимъ приниженнымъ человѣческимъ обликомъ, — видъ такого существа, голый видъ обреченности, по ея мнѣнію, еще больше принижаетъ жертвователя, не терпящаго, не примиряющагося съ унижающей человѣческое достоинство нуждой... И какъ часто теперь на кухнѣ, у чужого огня, въ обществѣ совершенно обносившагося Стратонова, владѣльца оставшихся шести жестянокъ съ ревельскими, водянистыми отъ времени, кильками, въ такой уютной душевной близости, сидятъ они оба, раньше бывшіе, нынѣ почти никчемные, и сегодняшняя, только Марія Кузнецова, больше сама говоритъ, — другой будто слушаетъ, — говоритъ, разсказываетъ, соболѣзнуетъ и разглядываетъ она этого внѣшне ей чуждаго и — еще больше близкаго, совершенно высохшаго старика, почти беззу-

баго, и въ такой худой сорочкѣ, и нехотя оплакиваетъ она его, такого "большого человѣка", и плачутъ глаза Кузнецовой, и поправляетъ она ему "галстухъ", рукой приглаживаетъ ему разметавшіеся, давно нечесанные волосы, ссылаясь, боясь обидѣть профессора, на собственныя головныя боли, — плачетъ, такъ и отдала бы она ему душу, этому милому бездомному старику, такому большому человѣку такой большой запропастившейся страны...

— Отдохнуть бы вамъ, отлежаться бы, силъ бы набраться вамъ, Иванъ Константиновичъ... Три здоровенныхъ сына, слышала я, и кузина, а старика пріютить не могутъ?... — Пожалуйста, не возражайте, я сама къ нимъ схожу, навѣдаюсь, а то вы все церемонитесь съ ними... Безстыдники!... Скоро лѣто кончается, а куда вы осенью голову преклоните...

— Осени въ этомъ году не будетъ, — больше для себя, чѣмъ для другихъ, — едва вслухъ проронилъ Стратоновъ, — я это знаю положительно...

— Пустое говорите вы, профессоръ, ужо позабочусь я...

И въ огромной столицѣ, блиставшей своей обычной зеркальной чистотой, нашлась среди своихъ, во всей загородной колоніи, — время такое надвинулось, что всѣ тронулись изнутри, далеко за городъ, на пустыри, на загородныя развалившіяся фермы, наскоро сколоченныя будки, — нашлась тоже еще одна всего душа, сама такая же одинокая, но много уже познавшая, и такимъ тепломъ чуткости согрѣвавшая побирающагося...

Маріи Кузнецовой, не читающей изъ-за тяжелыхъ и повседневныхъ обязанностей кухарки, ни газетъ, ни журналовъ, ни тѣмъ болѣе многотомныхъ сочиненій по исторіи разрушеній различныхъ странъ, ей также были незнакомы появлявшіяся, какъ грибы, ученыя разслѣдованія, историческія предпосылки этихъ "новыхъ соціальныхъ реформъ", и потому не могла она знать причинъ разлада между старикомъ и сыновьями его, ей непонятна была рознь между старыми борцами съ "дьяволами, удушающими свободу" и молодымъ поколѣніемъ, этими жертвами восторжествовавшихъ свободъ...

Судьбу Стратонова взяла въ свои руки Кузнецова. Она водворитъ его въ домашній кругъ сыновей. Она сама туда сегодня же отправится... Стратоновъ только еще сегодня, эту ночь, переночуетъ у другихъ...

Надвигались позднія сумерки, и вызвѣдившееся, послѣ ароматнаго дождя, небо, напоминало путнику, — если бы только Стратоновъ могъ на минуту, на шоссе, остановиться, выпрямиться, глазами небо зачерпнуть, — бархатно, бирюзово синее небо такъ напоминало въ этотъ поздній часъ небесный океанъ Украины, ея живительное нѣкогда тепло и безкрайность...

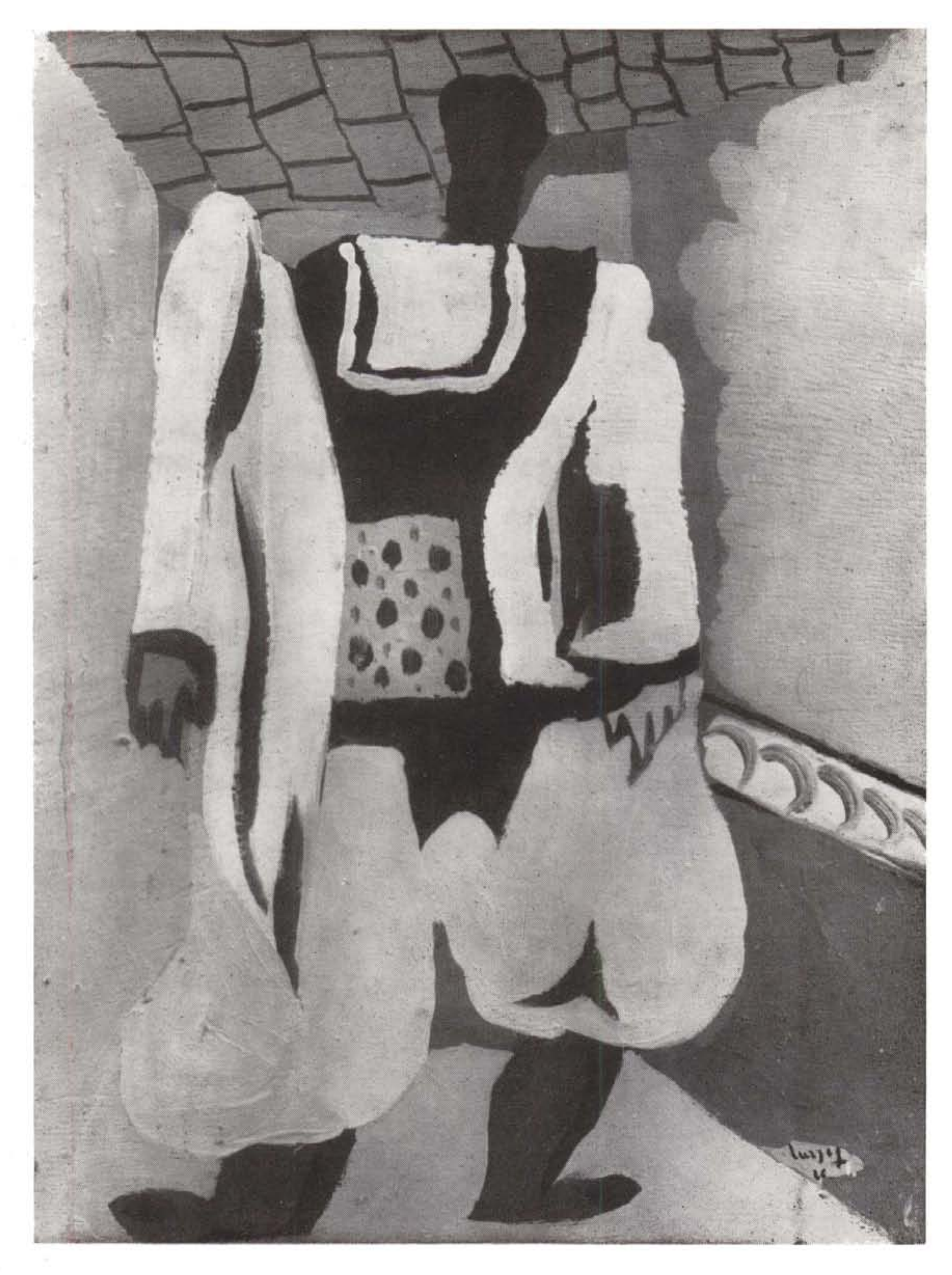
По шоссе, по росистымъ, травянымъ, нѣсколько прибитымъ, зеленымъ коврамъ, уже безъ чемодановъ, — у Кузнецовой на кухнѣ не пропадутъ, да и не подъ силу они ему сегодня, — шелъ, много часовъ уже, куда то далеко за городъ, человѣкъ, тупо отмѣривалъ пространства, и къ глубокой полуночи только, совершенно обезсиленный, опустился онъ, у кривого, съ поваленными перилами, крыльца другого, такого же, какъ и самъ онъ, бездомнаго сенатора Бельговскаго, получавшаго за свои старыя, какія то ученыя, заслуги, отъ чужой страны нѣсколько марокъ въ мѣсяцъ...

Безъ стараго, вѣрнаго и преданнаго, камердинера Фритца, Стратонову, и послѣ десяти лѣтъ вынужденной акклиматизаціи въ чужой странѣ, приходилось не жить, а, перебиваясь, доживать, питаясь, и не ежедневно, полуголоднымъ пайкомъ добрыхъ дѣяній и, правда, весьма деликатной, но, увы, рѣдкой помощью обремененнаго, такими - же нуждающимися, благотворительнаго общества... Фритцъ Генрихъ Шубертъ, Федоръ Ивановичъ, вошелъ въ домъ Стратоновыхъ вмѣстѣ со своей любимицей, выросшей на его глазахъ, баронессой фонъ - Флатовъ, прямо изъ Дрездена, гдѣ онъ Фритцъ со своей женой состояли при ней, съ первыхъ же дней ея рожденія, а теперь — такая юная блистательная красавица, жена гремѣвшаго моднаго профессора, любимца молодежи, молодого ученаго и — златоуста, сына извѣстнаго сенатора, владѣльца нѣсколькихъ крупныхъ имѣній и — одного лѣса шестьдесятъ тысячъ десятинъ... Дальнее родство Стратонова по жениной линіи доходило до Саксонскихъ герцоговъ, и первые мѣсяцы своего бѣженства, Стратонова, овдовѣвшаго вскорѣ за паденіемъ восточнаго фронта, можно было иногда встрѣчать въ высшихъ кругахъ нѣмецкаго, сразу какъ - то замкнувшагося, отъ случайныхъ неудачъ растерявша-

гося, общества и арміи, въ оцѣпенѣніи застывшихъ, продолжавшихъ еще цѣпко, по всей линіи, держать фронты, но уже начавшихъ, увы, душевно сдавать и — готовившихся къ безмѣрнымъ моральнымъ ударамъ, потерямъ, нуждѣ...

Внутренній распорядокъ въ домѣ Стратоновыхъ, съ первыхъ дней переѣзда изъ Дрездена въ другую страну, въ новую столицу, всецѣло лежалъ въ рукахъ Фритца. Всѣ великосвѣтскіе пріемы, домашніе и придворные балы, всѣ заграничныя поѣздки, всѣ расходы по дому, управленіе, регулированіе и контроль ливрейныхъ и прочей прислуги, все шло легко и гармонично, все налаживалъ Фритцъ. На всѣхъ пріемахъ, обо всѣхъ гостяхъ, четко докладывалъ, съ достоинствомъ и съ сознаніемъ важности момента, выкрикивалъ съ точнѣйшимъ упоминаніемъ всѣхъ отличій и званій Фритцъ. У него самого справлялись рѣшительно обо всемъ, о ближайшихъ табельныхъ дняхъ, объ обязательныхъ визитахъ, о дворцовыхъ пріемахъ и балахъ, и о вліяніи или паденіи тѣхъ или другихъ сановныхъ вельможъ. Фритцъ былъ по нѣмецки мудръ, хозяйствененъ, пунктуаленъ, безкорыстенъ, серьезенъ и — строгъ въ вопросахъ этикета, и даже рѣдкихъ и случайныхъ вольностей своихъ господъ не одобрялъ, почтительнѣйше пожуривалъ, тутъ же сглаживалъ, а когда, съ годами, значительно позднѣй, случайныя увлеченія его высокопревосходительства стали угрожать домострою, Фритцъ покорнѣйше угрожалъ своей отставкой, и тутъ же сразу телефонные аппараты барскихъ аппартаментовъ получали странную, путаную, для господъ и друзей, перестановку, въ которой разбирался одинъ только Фритцъ... Угрозы отставкой было совершенно достаточно, чтобы сенаторъ Стратоновъ рѣшительно и деликатно обрывалъ съ начавшей ему надоѣдать свѣтской сіятельной львицей и — съ помощью того же строгаго и добродушнаго Фритца — переходилъ къ другой, оба однако съ величайшей бдительной осторожностью и ревнивой осмотрительностью оберегали священный покой и невѣдѣніе обожаемой, подлинной красавицы, жены и госпожи, съ рѣдкими, въ ту пору, натуральными, огненнаго цвѣта, волосами, черными, мягко, скользяще бархатными, глазами, тонкимъ оваломъ блѣдно - розоваго лица и полухищнымъ очертаніемъ губъ...

Стратоновъ, какъ и всѣ люди его круга, какъ всѣ люди вообще, внѣ всякихъ круговъ, имѣлъ свои человѣческія, слишкомъ чело-

Ж. Люрса. Фигура. *J. Lurçat. Image*

Сюрважъ. За починкой сѣтей — *Survage. Racommodeuse de filets.*

вѣческія слабости, онъ избѣгалъ только плохихъ сигаръ и — алкоголя вообще.

Шумные успѣхи молодого и независимаго ученаго, въ университетѣ, обществѣ и при дворѣ создавали ему "рой поклонницъ", только разъ, и увы на порогѣ жизни, Стратоновъ пережилъ подлинный ужасъ, и въ ту же незабвенную, роковую для него, ночь, онъ далъ клятву "положить конецъ этимъ глупостямъ"... Благо, что кончилось все, какъ полагалъ онъ, безъ скандала, безъ семейной трагедіи! Развѣ не подлинный ужасъ, можно сказать, преступное легкомысліе, когда въ медовые дни, всего двѣ недѣли послѣ вѣнца, проѣздомъ домой, изъ Дрездена, сначала въ Италію, въ отелѣ "Савой", онъ, счастливый, нѣжный супругъ, параллельно, въ томъ же отелѣ, совершенно случайно, отпраздновалъ еще одну, такую же, необычайную по обстановкѣ, восхитительную встрѣчу, съ такой же красавицей, юной женой графа Бастіари!... Въ театрѣ, въ "Скала", рядомъ съ его ложей сидѣла такая величественная, прекрасная итальянка, "нѣжнѣйшій мраморъ" въ обществѣ какого то старика, мужа или отца и съ этого момента, — долго потомъ вспоминалъ, вспоминалъ, быть можетъ, жалѣлъ Стратоновъ, — онъ ничего больше не видѣлъ, не слышалъ. И ужасъ его, и нечаянная радость его были еще сильнѣй, когда, послѣ театра, ихъ столы въ ресторанѣ того же отеля оказались случайно рядомъ и — быть грѣху — и это несомнѣнно обреченность, ихъ аппартаменты и лоджіа оказались смежными! Значитъ, кому нибудь это было нужно, кому то понадобилось такое испытаніе, такое, если угодно, грѣхопаденіе, и Стратоновъ, и графиня Бастіари, случайно встрѣтившіеся, никогда другъ друга до того не видавшіе, не знавшіе другъ друга, случайно скрестившись взглядами, въ которыхъ легко читалась и мольба, и признаніе, и покорность судьбѣ — и поздно, до горячаго восхода, зачѣмъ то горѣли еще въ будуарѣ Бастіари огни... Все это было нужно не ему, влюбленному и гордому супругу, а какому то легкомысленному богу... Не искалъ молодой Стратоновъ этого, не искалъ онъ этой встрѣчи, да еще въ такіе золотовесенніе дни безмѣрнаго счастья, и тогда еще, разъ и навсегда, далъ онъ себѣ торжественную клятву "да не повторится это".

Бездѣтно проходили годы четы Стратоновыхъ.

Однажды у подъѣзда баронессы фонъ - Флатовъ - Стратоно-

вой оказалась кѣмъ то забытая нарядная дѣтская коляска, и въ ручкахъ прелестнаго мальчугана конвертъ съ итальянскимъ графскимъ вензелемъ по адресу профессора, сенатора Ивана Константиновича Стратонова. Младенца приняли въ домъ и окрестили его Копыловымъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЛАДИМІРЪ ВАРШАВСКІЙ

УЕДИНЕНІЕ И ПРАЗДНОСТЬ

повѣсть.

........Уединеніе
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пушкинъ.

I.

Въ дѣтствѣ Вильгельму Гуськову почти всегда снились страшные сны. То онъ видѣлъ золотое и свѣтлое пламя пожара, то за нимъ гналось стадо красныхъ быковъ, или всю ночь задыхаясь онъ боролся съ вѣдьмой въ густыхъ заросляхъ на берегу какой то рѣки, хотѣлъ и не могъ кричать. Но еще страшнѣе была безсонница. Онъ долго лежалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку, но потомъ томительное желаніе побѣждало и онъ поднималъ голову и смотрѣлъ на слабо бѣлѣющую въ темнотѣ дверь. Гдѣ то далеко, въ глубинѣ коридора, раздавалось странное приближащееся потрескиваніе, какъ будто бы какой то неизвѣстный таинственный человѣкъ медленно шелъ, чиркая спичками о коробку. Этотъ звукъ подходилъ къ самымъ дверямъ. Замирая отъ тоски и темнаго страха, Вильгельмъ ждалъ, что сейчасъ дверь откроется и войдетъ кто-то неизъяснимо ужасный. Но странный звукъ прекращался, потомъ опять возникалъ гдѣ-то далеко и вновь приближался. И вдругъ это кончалось и Вильгельмъ видѣлъ странное молчаніе уже давно бывшее вокругъ его пылающей головы, непостижимое движеніе времени, и наполнявшій комнату неясный свѣтъ. Вильгельмъ плакалъ; холодныя слезы медленно сохли на его щекахъ.

Когда днемъ онъ жаловался на безсонницу и просилъ что бы ему давали брому, взрослые не вѣрили, смѣялись или сердились.

Потомъ Гуськовъ поступилъ въ третій приготовительный классъ гимназіи Флерова и пересталъ видѣть страшные сны. Онъ

написалъ тогда свое первое стихотвореніе. Въ стихотвореніи было всего четыре строчки:

Товарищъ подай ка мнѣ руку.
Товарищъ молчитъ.
Въ глазахъ его вижу я страшную муку:
Онъ прямо въ глаза мнѣ глядитъ.

Отецъ Гуськова Василій Ивановичъ, ласково улыбаясь, спросилъ — кого ты имѣлъ въ виду говоря "товарищъ", какого нибудь гимназическаго товарища?

Вильгельмъ зналъ, что это былъ не гимназическій товарищъ, а окруженное неизвѣстной и какъ - бы будущей темнотой лицо какого - то друга или брата. Но онъ чувствовалъ, что это невозможно объяснить и угрюмо отвѣтилъ — да.

Онъ былъ болѣзнено уязвленъ, что при этомъ отвѣтѣ отецъ съ выраженіемъ скуки и разочарованія посмотрѣлъ въ сторону.

Когда Вильгельмъ уже перешелъ въ первый классъ, одинъ изъ мальчиковъ пожаловался на него учителю, что онъ не вѣритъ въ Бога. Учитель помолчалъ, потомъ сказалъ, что это дѣло совѣсти каждаго. Гуськовъ же не вѣрилъ въ Бога, такъ какъ думалъ въ то время, что всѣ замѣчательные и умные люди противъ религіи. Самымъ же замѣчательнымъ, умнымъ, добрымъ и хорошимъ человѣкомъ былъ отецъ Гуськова. Вильгельмъ даже долго былъ убѣжденъ, что не было человѣка болѣе высокаго роста, чѣмъ его отецъ.

Очень рано Вильгельмъ пристрастился къ чтенію книгъ. Въ десять лѣтъ онъ впервые прочелъ "Войну и миръ", и рѣшилъ, что если не считать его отца, который былъ совсѣмъ особеннымъ, могущественнымъ и великимъ существомъ, то, среди остальныхъ — "обыкновенныхъ" людей, Пьеръ Безуховъ былъ самымъ хорошимъ и замѣчательнымъ и что онъ Вильгельмъ, когда выростетъ, будетъ такимъ же какъ Пьеръ Безуховъ.

Вѣроятно именно тогда появился въ сознаніи Вильгельма цѣлый рядъ ложныхъ представленій о самомъ себѣ и о мірѣ.

Собственно эти представленія не имѣли никакого опредѣленнаго содержанія. Это было скорѣе отсутствіе незнанія. И только по все увеличивающейся потомъ темнотѣ Вильгельмъ съ недоумѣніемъ

замѣчалъ, что раньше вмѣсто нея было что то свѣтлое, все собою наполняющее.

Въ первый разъ Вильгельмъ испыталъ страхъ передъ неизвѣстностью будущаго, когда ему шелъ четырнадцатый годъ. Онъ ѣхалъ въ Костантинополь. Это было незадолго до взятія Перекопа.

Съ палубы парохода было видно, какъ огромное багровое солнце садилось за свѣтлыя низкія скалы, уже далекаго крымскаго берега. Сзади кто - то сказалъ — "можетъ быть въ послѣдній разъ мы видимъ, какъ солнце заходитъ за русскую землю".

Услышавъ эти слова, Вильгельмъ съ безпокойствомъ подумалъ, что онъ скоро увидитъ другую землю и новыхъ, не русскихъ, людей и что уже страшно давно, гдѣ - то во внѣ того, объемлющаго всю жизнь, единственнаго міра внутри котораго онъ находился, существовали города и люди, которыхъ онъ не успѣлъ узнать и которые были къ нему равнодушны, предоставлены своей судьбѣ, и ничего о немъ не знали.

У входа въ Босфоръ была сильная качка. Господинъ съ блѣднымъ лицомъ кричалъ, что онъ видѣлъ мину и показывалъ рукой на какое - то удаляющееся мѣсто въ плещущихъ и тѣснящихся волнахъ. Слѣва, сквозь медленно расходившійся туманъ, неясно проступалъ высокій и дикій берегъ. Бѣлые столбы воды взлетали почти до самаго верха желтыхъ отвѣсныхъ скалъ. Порывы вѣтра доносили далекій грохотъ и гулъ.

Начиналась новая земля, которая казалась такой же неизвѣстной, какъ пейзажъ Марса или Луны. Вильгельмъ не могъ понять, что уже давно, хотя Вильгельмъ никогда въ немъ не былъ, существовалъ какой - то большой городъ, въ которомъ не будетъ русскихъ вывѣсокъ, и что въ этомъ городѣ люди живутъ и ходятъ и что - то дѣлаютъ, несмотря на то, что они не говорятъ по русски и Вильгельмъ о нихъ ничего не знаетъ и ничего не читалъ.

Но когда пароходъ всталъ на рейдѣ передъ Золотымъ Рогомъ и въ красивыхъ лодкахъ подплыли люди въ красныхъ фескахъ и что - то кричали на незнакомомъ языкѣ и махали руками, Вильгельмъ подумалъ, что это было всегда, что именно такіе люди были съ самаго начала и всюду, и уже Россія и Севастополь показались далекими и онъ не могъ ихъ себѣ представить. И отъ неяснаго созна-

нія невозможности соединить себя и всѣ города и всѣхъ людей въ одномъ мѣстѣ и въ одномъ времени, Вильгельмъ почувствовалъ сожалѣніе и тоску.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Вильгельмъ Гуськовъ кончилъ гимназію и поступилъ на Русскій Юридическій Факультетъ въ Прагѣ. Въ душѣ Вильгельма въ то время была какая - то первоначальная инстинктивная увѣренность, что жизнь абсолютна и имѣетъ добрый смыслъ, и поэтому ко всему, что съ нимъ происходило, онъ относился довѣрчиво, "въ надеждѣ славы и добра", какъ онъ самъ потомъ говорилъ. Онъ сдавалъ экзамены, научился курить и пить водку и, что-бы окончательно быть принятымъ въ общество мужчинъ, познакомился съ дамой, про которую студенты говорили, что она "легко даетъ". Вильгельмъ не испыталъ особеннаго наслажденія, но зато было тщеславное удовлетвореніе, что онъ сталъ взрослымъ и такимъ же какъ всѣ.

Потомъ онъ влюбился въ барышню которую звали Катей. Онъ цѣловался съ нею ночью, на пустынныхъ улицахъ и въ городскихъ садахъ. Вначалѣ это ему нравилось, такъ какъ онъ думалъ, что и въ романахъ всѣ герои были влюблены. Но скоро ему стали непріятны намеки товарищей. Ему казалось, что онъ и Катя находятся внутри какой - то особенной атмосферы нѣжности, сладострастія и печали, и что эта атмосфера была какъ бы въ другомъ пространствѣ чѣмъ тотъ внѣшній, равнодушный и грубый міръ, въ которомъ происходили разговоры знакомыхъ и университетскія лекціи.

Въ серединѣ зимы былъ студенческій балъ. Вильгельмъ пришелъ поздно, стоялъ у входа въ главную залу, въ которой танцовали и игралъ жазъ - бандъ. Сзади студентъ Кооперативнаго института громко говорилъ другому — ишь Костинъ, съ бабой сидитъ, таить,... а что - жъ, наши молодцы, не под...

Вдругъ въ толпѣ танцующихъ Вильгельмъ увидѣлъ Катю и, какъ всегда, въ первое мгновеніе, когда онъ ее видѣлъ, его сердце стало биться медленно и почти не радостно. Она танцовала съ высокимъ незнакомымъ студентомъ, который тѣсно прижималъ ее къ себѣ. Глаза студента были опущены и его красивое лицо имѣло грубое, одновременно сосредоточенное и животно - безсмысленное выраже-

ніе. Вильгельмъ почувствовалъ усталость и нежеланіе участвовать въ этой жизни.

Онъ больше не ходилъ на свиданія и не писалъ писемъ.

Черезъ нѣкоторое время у Вильгельма перестала сгибаться въ колѣнѣ лѣвая нога. Странно, но никто изъ докторовъ не могъ опредѣлить, почему это произошло. Каждый высказывалъ какое нибудь новое предположеніе. Послѣдній, самый знаменитый, вообще ничего не объяснялъ. Онъ велѣлъ Вильгельму лечь въ кровать и держать ногу въ гипсовой повязкѣ, а лѣтомъ ѣхать въ Италію.

Шли длинные похожіе другъ на друга дни. Вильгельмъ лежалъ одинъ въ пустой комнатѣ, чувствуя тупую боль въ колѣнѣ. О Катѣ онъ думалъ рѣдко. Вообще, съ тѣхъ поръ какъ онъ пересталъ встрѣчать знакомыхъ и ходить на лекціи, ему не о чемъ было думать. Это отсутствіе опредѣленныхъ и ясныхъ мыслей, невозможность двигаться по своему желанію и угнетающее сознаніе, что съ нимъ ничего не происходитъ, были непріятны Вильгельму. Онъ никогда объ этомъ раньше не читалъ и не слышалъ. Этого не могло быть въ томъ хорошемъ и добромъ кѣмъ - то предустановленномъ планѣ человѣческой жизни, въ существованіе котораго, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, онъ всегда вѣрилъ.

Съ отвращеніемъ и отчаяніемъ Вильгельмъ сталъ заниматься онанизмомъ. Въ сознаніи его появлялся "я", (это было — пустота и скучное, отвлеченное сладострастіе) и "я" былъ одинокъ и отверженъ отъ жизни другихъ людей, отъ міра, отъ всего, что онъ зналъ или читалъ. Ему стало трудно думать. Почти всегда болѣла голова. Сухія, не вызывающія сладострастія описанія сдѣлокъ римскаго права, были ненавистны.

Наступила весна. Вильгельму шелъ уже девятнадцатый годъ. Опухоль въ колѣнѣ стала уменьшаться и онъ могъ ходить, опираясь на палку и передвигая какъ деревянную несгибающуюся лѣвую ногу. Визу въ Италію онъ не досталъ и провелъ лѣто на чешскомъ курортѣ Падеброды.

Днемъ онъ ходилъ по курортному саду и смотрѣлъ на шумно-двигающуюся толпу. Потомъ возвращался въ свою большую холодную комнату. Вся мебель въ комнатѣ почему - то была выкрашена въ свѣтло - зеленый цвѣтъ.

Однажды онъ подошелъ къ окну, чтобы посмотрѣть кончился ли дождь. Съ улицы тянуло сыростью. Гдѣ - то слабо чирикали воробьи. Сквозь густую зеленую листву деревьевъ была видна желтая, глухая стѣна костела. За костеломъ — деревья, пустыри... Громыхая проѣхала телѣга. Сидѣвшій на козлахъ мужикъ въ надвинутой на лобъ кепкѣ курилъ трубку и понукая лошадь махнулъ кнутомъ и процѣдилъ сквозь зубы — но.

Лицо у мужика было желтое и худое, обросшее рыжей щетиной давно небритой бороды, съ бѣлесыми рѣсницами и оловянными глазами.

Телѣга давно проѣхала, а Гуськовъ все стоялъ у окна, прислушиваясь къ исчезнувшему стуку колесъ. Онъ хотѣлъ и не могъ вспомнить какое - то забытое объясненіе и вдругъ съ безпокойствомъ подумалъ что никакого объясненія не было.

Еще за минуту до этого онъ жалѣлъ о томъ, что онъ бѣденъ и робокъ и, поэтому не можетъ познакомиться съ красивой дамой, которую онъ видѣлъ вчера на гуляніи. Она шла ему навстрѣчу какъ бодлэровскій прекрасный корабль. Вспоминая запахъ ея духовъ, ея обтянутый задъ и блескъ ея лица, онъ испытывалъ томительное сладострастіе и представлялъ ее съ какимъ - то мужчиной, ея любовникомъ, или что она....

Еще онъ думалъ, что въ воскресенье пріѣдетъ изъ Праги отецъ, что скоро экзамены по римскому праву, что вотъ уже полгода какъ Катя ему не пишетъ.

Но когда проѣхала телѣга, теченіе этихъ привычныхъ мыслей остановилось и Вильгельмъ, очнувшись отъ задумчивости, какъ будто бы въ первый разъ увидѣлъ стѣну костела, неясную загородную даль и бывшую всюду неподвижность.

И это было всегда.

Какъ просыпающійся отъ сна человѣкъ въ первое мгновеніе не узнаетъ обстановки своей комнаты и думаетъ, что произошла ужасная и необъяснимая ошибка, и онъ проснулся совсѣмъ не въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ раньше, Вильгельмъ видѣлъ, что онъ ничего не знаетъ объ этой желтой стѣнѣ, что она стояла гдѣ - то во внѣ, неподвижно и всегда и равнодушно къ нему. Онъ смотрѣлъ на нее открытыми глазами и повторялъ: “желтая стѣна”, но въ ней ничто не было этими словами.

Что бы понять ея существованіе, Вильгельмъ смутно представилъ поварачивающійся огромный шаръ земли и какія то другія планеты, Марсъ или Венеру, и пылающія солнца, которыя летѣли въ безднѣ безконечнаго пространства. Но что было между звѣздами и гдѣ кончалось пространство? И тогда онъ подумалъ, что все простерто надъ пустотой и что эта стѣна нигдѣ не находится и мужикъ, проѣхавшій на телѣгѣ среди облаковъ и звѣздъ, проѣхалъ въ несуществующемъ пространствѣ. И отъ этой мысли Вильгельму стало жалко мужика. Онъ закрылъ глаза и вдругъ ощутилъ, что это не могло его касаться, такъ какъ это другіе люди двигались и умирали въ тускломъ и невѣрномъ свѣтѣ, но онъ, Вильгельмъ, находился въ глубинѣ темноты, радости и тепла и въ будущемъ долженъ былъ стать такимъ же необыкновеннымъ человѣкомъ, какъ герои романовъ.

Но пока временная "не настоящая" жизнь съ каждымъ днемъ становилась все болѣе нестерпимой. Вильгельмъ переѣхалъ во Францію, былъ на морѣ, потомъ жилъ въ Парижѣ. Впослѣдствіи онъ никогда не могъ вспомнить, что же онъ тогда дѣлалъ. Какъ будто бы онъ всегда сидѣлъ одинъ, за столомъ. Свѣтло горѣла лампа. Въ комнатѣ очень холодно. Неподвижная, безпричинная и не имѣющая никакого содержанія тоска находится внутри Вильгельма или наполняетъ всю комнату. Онъ хотѣлъ подойти къ окну и поднять штору. Но ему страшно.

Единственной отрадой были сны. Онъ видѣлъ ихъ каждую ночь, и чтобы "досмотрѣть" вставалъ все позже и позже. Ему часто снились метро, море, влюбленность и убійство.

Иногда ему казалось, что у него было предчувствіе чего - то. Онъ ждалъ, что онъ вдругъ все пойметъ, откроется какая - то необыкновенная радость и онъ увидитъ, что эта тягостная оцѣпенѣлая жизнь была обманомъ и сномъ. Впрочемъ, потомъ онъ никогда не могъ вспомнить, о чемъ онъ думалъ въ эти странныя мгновенія ожиданія.

Однажды, это было въ началѣ весны, онъ поѣхалъ къ знакомымъ въ Шавиль, но не засталъ ихъ дома и пошелъ гулять въ лѣсъ. Въ концѣ уходящей внизъ освѣщенной солнцемъ просѣки голубѣло озеро. Это удивило Вильгельма. Онъ не зналъ, что въ Шавилѣ было озеро. На противоположномъ берегу сидѣлъ мальчикъ, была видна

крыша дома. Какъ будто бы тамъ была совсѣмъ другая страна, можетъ быть находящаяся въ другомъ измѣреніи, въ другомъ времени. Вильгельмъ хотѣлъ обойти озеро, чтобы попасть въ эту страну. Но озеро было длиннымъ, а солнце уже садилось. Вильгельмъ пошелъ обратно въ гору. Когда обернулся назадъ, увидѣлъ закатъ и вдругъ страшный и радостный холодъ потрясъ его сердце. "Сейчасъ я все пойму" — подумалъ Вильгельмъ. Но, странно, — онъ не могъ вспомнить, что именно онъ хотѣлъ понять.

II.

На слѣдующій день, когда Вильгельмъ вышелъ на улицу, онъ увидѣлъ, что была весна. Онъ вспомнилъ зиму, холодъ и унылое одиночество и вдругъ ему захотѣлось быть въ толпѣ людей, говорить съ кѣмъ нибудь, удостовѣриться, что существуетъ та жизнь другихъ людей, о которой онъ читалъ въ книгахъ. Онъ рѣшилъ итти на Монпарнассъ; это было единственное мѣсто въ Парижѣ, гдѣ онъ могъ разсчитывать встрѣтить знакомыхъ.

И дѣйствительно онъ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ. Какъ будто всѣ пришли на какой - то весенній праздникъ.

По троттуарамъ передъ столиками двигалась густая толпа. Многія женщины были безъ пальто въ легкихъ и пестрыхъ весеннихъ платьяхъ. Смотря на женщинъ, Вильгельмъ испытывалъ сладострастныя желанія.

Онъ увидѣлъ себя въ узкомъ зеркалѣ въ витринѣ какого - то магазина. Въ отраженномъ въ зеркалѣ·желтомъ лицѣ съ жирно - лоснящимся носомъ было что то слабоумное, отпечатокъ страха и унынія. Черный, еще пражскій, пиджакъ казался сѣрымъ отъ пыли, а воротничекъ и галстукъ имѣли смятый и грязный видъ. Вильгельмъ отошелъ отъ зеркала размышляя о томъ, что какъ бы хорошо было стать человѣкомъ высокаго роста, красивымъ и хорошо одѣтымъ. Зависть и сладострастіе все больше овладѣвали его воображеніемъ.

Первымъ Вильгельмъ встрѣтилъ Куликова. Куликовъ шелъ маленькими шажками, съ короткимъ достоинствомъ разсматривая толпу. Онъ былъ одѣтъ въ черное пальто и во всей его корректной слегка чопорной внѣшности чувствовалось что то чиновничье; какъ

будто онъ шелъ внутри двигающагося вокругъ него призрака петербургскаго дня.

— Какъ вы поживаете Василій Васильевичъ, все видите сны (Куликовъ говорилъ безъ всякаго оживленія, съ какой то профессорской серьезностью). Вотъ мнѣ тоже въ послѣднее время часто снятся кошмары. Но не такіе какъ обыкновенно, знаете когда на васъ лѣзетъ звѣрь со страшными глазами, а я вижу, что я иду по пустому полю, никого нѣтъ и мнѣ такъ страшно грустно, что я рыдаю. Вся міровая скорбь. Я такъ сказать сухо рыдаю. Теперь я прочелъ: все это отъ кофія.

Въ это время прошла въ растегнутой шубѣ высокая дама съ щеками выкрашенными въ оранжевый цвѣтъ. Замѣтивъ, что Вильгельмъ плохо его слушаетъ и смотритъ вслѣдъ дамѣ, Куликовъ сказалъ все тѣмъ же профессорскимъ голосомъ — каждую пятую женщину я приговариваю къ посаженію на колъ... сіе надо понимать духовно.

Когда они проходили мимо "Селекта", Вильгельмъ съ улицы видѣлъ черезъ открытыя окна сидящихъ внутри у стѣны подъ зеркалами двухъ поэтовъ въ новыхъ свѣтло - сѣрыхъ весеннихъ пальто.

По близорукости Вильгельмъ не могъ разсмотрѣть выраженія ихъ лицъ. Онъ видѣлъ только ихъ свѣтлыя новыя пальто и подумалъ что съ тѣхъ поръ какъ онъ ихъ не видѣлъ, они какъ будто помолодѣли или въ ихъ жизни произошло что - то неожиданно радостное.

Вильгельмъ проводилъ Куликова до метро Вавэнъ и перешелъ на другую сторону.

Кто то сильно ударилъ его по плечу и громкій голосъ сказалъ — здорово другъ ситный.

Вильгельмъ обернулся и увидѣлъ смѣющагося Биля.

Рядомъ съ Билемъ стоялъ красивый очень по модѣ одѣтый мальчикъ, похожій на Рамона Наваро. — Это мой пріятель скульпторъ итальянецъ — шепнулъ Биль.

— Enchanté monsieur — сказалъ итальянецъ почти нѣжно улыбаясь и показывая красивые зубы. Хотя Вильгельму показалось, что при этомъ итальянецъ враждебно посмотрѣлъ на его плохой костюмъ, ему было пріятно, что онъ стоитъ съ двумя хорошо одѣтыми молодыми людьми и говоритъ по французски. Впрочемъ итальянецъ обращался исключительно къ Билю. Онъ разсказывалъ что на

углу, принявъ его за американца, къ нему пристала une poule — я ей сказалъ, что у насъ въ Америкѣ въ городскихъ уборныхъ черезъ специальное окошечко видно синема, раздѣвающаяся женщина и особое отверстіе для.... (итальянецъ не стѣсняясь проходящихъ нѣсколько разъ сдѣлалъ движеніе совокупленія). Биль громко захохоталъ, Вильгельмъ заискивающе улыбался. Довольный успѣхомъ своего разсказа итальянецъ продолжалъ — elle était revoltée! ha, les salauds ha, les cochons, et pour dix sous seulement, et qu'est ce que font alors les filles, ha, les salauds!

Въ это время какой то большой автомобиль въѣхалъ однимъ колесомъ на тротуаръ и опять съѣхалъ на мостовую. Сидѣвшій у руля молодой человѣкъ смущенно и радостно улыбался. Его бѣлокурая голова была освѣщена солнцемъ. Казалось и онъ и автомобиль были опьянены этимъ бѣлымъ сверкающимъ блескомъ и запахомъ весны.

— Il est malade celui - là - сказалъ итальянецъ подымая брови.

— Voilà Greta Garbo — Биль показалъ на высокую шедшую на нихъ женщину. Ея зеленый костюмъ и развивающіеся золотые волосы были съ невѣроятной силой освѣщены блистающимъ солнцемъ. Она шла гордо поднявъ голову; ея раздѣленныя прямо впередъ торчащія острыя груди вздрагивали при каждомъ шагѣ. — Celle ci, en bleu turquoise? mais je la connais, c'est une norvégienne. Paul à couché avec elle.

Женщина сдѣлала видъ, что она не видитъ итальянца, хотя онъ смотрѣлъ на нее въ упоръ, нѣжно и нагло улыбаясь. Но Вильгельмъ замѣтилъ какъ кровь прилила къ ея и безъ того яркимъ щекамъ.

Итальянецъ скоро ушелъ. Биль и Вильгельмъ прошлись еще нѣсколько разъ передъ столиками "Дома" и "Куполя". Биль предложилъ Гуськову пойти сегодня вечеромъ на балъ въ студію одного художника. — Но вѣдь онъ меня не приглашалъ и я его почти не знаю — сказалъ Вильгельмъ.

— Это ничего не значитъ, ты придешь со мной, этого вполнѣ достаточно. Мы встрѣтимся съ тобой въ кафе, а оттуда пойдемъ вмѣстѣ.

Съ терассы "Дома" ихъ окликнулъ Языковъ и они подсѣли къ его столику.

Языковъ сидѣлъ передъ бутылкой англійскаго пива, уже слег-

ка пьяный, въ отличномъ расположенiи духа. Его лицо со вздернутымъ носомъ и взъерошенными волосами имѣло оживленное выраженiе. Въ смотрящихъ саркастически и весело странно - свѣтлыхъ глазахъ блистало вдохновенiе.

— Какъ ваши дѣла? — спросилъ Вильгельмъ.

— Ничего, меня вспомнили мои клiенты. Собственно они... Я самъ головой пробиваюсь, часто набиваю шишки, такъ что бываетъ больно. А вы что? все ищете бабу?

— Да, у васъ нѣту лишней?

— О, этого добра сколько угодно. Хотите Сюзи?

— Это въ красномъ пальто?

— Да, долбанной макдональдовой расы.

Биль вмѣшался въ разговоръ — а я тебя уважаю, что ты не того. Я тоже уже мѣсяца четыре какъ этимъ не занимался. Правда, раза два п р и т е р с я въ а в т о б у с ѣ. Знаешь, я всегда ѣзжу на площадкѣ или въ первомъ классѣ. На площадкѣ я люблю стоять въ углу, спиной къ публикѣ. Чувствую что кто то на меня надавливаетъ. Я думалъ, что это какой нибудь парень, и обернулся — думаю: "дать ему въ бокъ локтемъ?" Вдругъ вижу дѣвченка.

Языковъ слушалъ неодобрительно и наконецъ сказалъ — дакъ вы бы лучше на рю Блондэль сходили.

— Никогда не хожу.

Языковъ оживился — боитесь поймать? А я никогда не боялся. И, слава Богу, ничего. Разъ только набрался страху. Это было еще на фронтѣ. Я ѣхалъ на излѣченiе. Вхожу въ купэ. Въ купэ сидитъ ротмистръ. Спрашиваю разрѣшенiе. "— Втыкайтесь юноша". Я втыкаюсь. Онъ достаетъ серебрянную фляжку вродѣ термоса, но только сдѣланную по формѣ кармана. — "Пьете юноша". "Никакъ нѣтъ господинъ ротмистръ". "Ну это вы глупо дѣлаете юноша". Отказываться невозможно — почти штабъ - офицеръ. — "Покорно благодаримъ господинъ ротмистръ". Выпиваю. "А былъ у насъ въ юнкерскомъ училищѣ музей". Вниманiе и слухъ (Языковъ дѣлаетъ выраженiе почтительно слушающаго человѣка) "Первое — роковая картина; половина черная, половина бѣлая. Все время крутится. Называется день и ночь. Второе — шпора моей прабабушки, которая шенкелями остановила курьерскiй поѣздъ". Еще что то, не помню. Потомъ ротмистръ снялъ фуражку и похлопалъ себя по головѣ, а голова у

него голая и круглая какъ бильярдный шаръ. — Вотъ юноша много я пилъ, теперь ѣду въ санаторію, а болѣзнь у меня дѣтская — сифилисъ. Я — девятнадцать лѣтъ, вся жизнь впереди, и пилъ изъ его стакана. (Языковъ поддается впередъ съ безпокойнымъ видомъ человѣка тревожно спрашивающаго: "позвольте, что же это такое") "Не безпокойтесь юноша, уже не опасно, я и.... и ничего".

Слушая разсказъ Языкова, Вильгельмъ въ то же время видѣлъ все множество разнообразныхъ лицъ и разное выраженіе глазъ и слышалъ говоръ и смѣхъ людей сидящихъ вокругъ за столиками и входящихъ и выходящихъ черезъ двери "Дома". Совсѣмъ рядомъ небрежно развалясь на плетеномъ стулѣ сидѣлъ одѣтый какъ картинка изъ "Адама" смуглый молодой человѣкъ съ маленькими черными усиками; нѣжно растягивая слова молодой человѣкъ говорилъ проходящему лакею — s'il vous plait garçon, un verre d'eau et de la glace.

Биль кому - то поклонился. Повернувъ голову Вильгельмъ увидѣлъ одного изъ поэтовъ сидѣвшихъ въ "Селектѣ", безъ шляпы и въ своемъ новомъ весеннемъ пальто входящаго во внутрь "Дома" Свѣтлое пальто дѣлало его очень широкимъ въ плечахъ. Отвѣчая на поклонъ Биля онъ кивнулъ лакированной, казавшейся издали, маленькой головкой. Вильгельмъ не былъ съ нимъ знакомъ и почувствовалъ зависть къ Билю, который ничего не понималъ въ литературѣ и здоровался съ поэтомъ какъ съ самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ.

Потомъ во внутрь "Дома" прошли еще два русскихъ: одинъ въ котелкѣ, съ круглымъ толстымъ лицомъ, другой въ черной широкополой шляпѣ и съ лицомъ длиннымъ, аскетическимъ и какъ бы средневѣковымъ. Обоихъ Вильгельмъ часто видѣлъ на литературныхъ собраніяхъ.

Нѣсколько разъ проходилъ Черняевъ.

Вильгельмъ всталъ и началъ прощаться.

Молодой человѣкъ съ усиками не поворачивая головы все такъ же нѣжно растягивая слова говорилъ стоящему за его спиною лакею, который все не несъ ему воду со льдомъ — dites - donc garçon vous vous foutez de ma gueule, oui ou non?

— Приходите ко мнѣ Гуськовъ. Не пожалѣете. У меня всѣ стѣ-

ны исписаны матюками. Опоздаю на рандэву, приду домой и пишу:...

— Дѣлаете инскрипцію — улыбнулся Биль.

— Да, становишься скрибомъ...

— А что такое скрибъ?

— Э, бросьте, я почти кончилъ юридическій и говорю по латыни лучше чѣмъ по русски.

— Какъ поживаете Гуськовъ? — спросилъ въ это время стоявшій въ дверяхъ "Дома" Черняевъ, — куда вы идете, домой? Тогда идемте вмѣстѣ, намъ по дорогѣ.

— Такъ помни сегодня въ половинѣ седьмого въ кафе - табакъ, мы вмѣстѣ пообѣдаемъ, а потомъ пойдемъ на балъ — крикнулъ Биль.

Черняевъ и Вильгельмъ шли по бульвару Распай. Какъ у всѣхъ кого сегодня видѣлъ Гуськовъ у Черняева было какое то возбужденіе и новое выраженіе.

Черняевъ сталъ торопливо говорить — мнѣ жрать нечего, но я плевалъ на то, что нечего жрать. Гораздо хуже, что нечѣмъ заплатить за квартиру. Вы знаете я уже девять лѣтъ за границей и только разъ потерялъ сознаніе на улицѣ. Это было въ Тунисѣ отъ тропической лихорадки. Я пришелъ въ сознаніе уже въ госпиталѣ. Мнѣ говорятъ: "сейчасъ вы примете ванну". Я сказалъ: "что бы я ванну? Ничего подобнаго. Я сейчасъ ухожу" — и опять потерялъ сознаніе. Очнулся я уже въ ваннѣ и въ ваннѣ же снова потерялъ сознаніе. Въ третій разъ очнулся уже на кровати. Подходитъ докторъ. Онъ всѣмъ говорилъ "ты". Онъ спрашиваетъ меня: «qu'est ce que tu as?» Я отвѣтилъ «c'est à toi de le savoir».Онъ остался очень недоволенъ. Мой сосѣдъ по койкѣ сталъ ругать русскихъ. Я закричалъ; «veux - tu te taire sacré imbécile». Мнѣ сдѣлали какіе то уколы. Ночью мнѣ захотѣлось п... Я сказалъ это "п..." немного фатовато, ну это ничего. Я человѣкъ скромный и никогда не любилъ что-бы кто нибудь выносилъ за мной какъ нибудь горшокъ. Я всталъ съ койки и меня понесло. Я не могъ стоять, но мой инстинктъ екилибра, то есть инстинктъ вертикальности продолжалъ дѣйствовать. Понимаете? Поэтому вышло что будто бы меня понесла на стѣнку какая - то сила. Усиліемъ воли я пролавировалъ между кроватями, вышелъ въ корридоръ, п..., вернулся и легъ. На слѣдующій день мнѣ ста-

ло легче и страшно захотѣлось жрать. Но мнѣ ничего не давали. Можно было только молоко. Тогда я собралъ всѣ кувшины, молока никто не пилъ, и все выпилъ и сожралъ весь хлѣбъ. То - есть хлѣба не давали, а какія то гренки. Докторъ мнѣ сказалъ: "Вы должны оставаться здѣсь 12 сутокъ, чтобы пройти полный курсъ излѣченія" Я отвѣтилъ: "ничего подобнаго, я сейчасъ ухожу". Тогда онъ разсердился и сказалъ: «bon, partez! Mais si jamais vous revenez, je ne vous reçois plus».
Я ушелъ.

Вильгельмъ спросилъ — что, вы были тогда на кораблѣ?

— Нѣтъ, съ корабля я ушелъ съ самаго начала. На кораблѣ вы только колесико въ механизмѣ, а человѣкъ долженъ быть центромъ... ...et puis l'aventure me tentrait.

Прошли еще нѣсколько шаговъ.

Вильгельмъ спросилъ — вы испытали когда нибудь страхъ?

— Только разъ въ жизни. Разъ запутался на клотикѣ вымпелъ. Корабль былъ старый, гнилой. Мачта была раза въ полтора выше этого дома (Черняевъ показалъ на старый трехъ - этажный домъ). И все кончалось. Вантины гнилыя и оборванныя. Когда я взялся, руки были какъ каменныя, я не могъ шевельнуться. Я былъ неувѣренъ не въ моей ловкости, а потому, что это могло оборваться. Я сказалъ себѣ: "не можешь лѣзть, тогда падай, тогда падай"... и долѣзъ до самаго клотика.

Вильгельмъ чувствовалъ утомленіе и уже плохо понималъ, что говорилъ Черняевъ о какой то дѣвушкѣ, которая его "предала". Когда же Черняевъ сказалъ: "я достигну физіологическаго безсмертія", Вильгельмъ подумалъ, что это кажется похоже на слова Кирилова и взглянувъ на Черняева съ удивленіемъ увидѣлъ, что у него черные безъ блеска огромные глаза. Радужная оболочка такая черная что сливается со зрачкомъ. Кажется такіе именно глаза были у Кирилова.

Еще Вильгельмъ подумалъ, что нужно было бы предложить Черняеву взаймы, но было жалко денегъ: нельзя было итти на балъ не имѣя въ карманѣ хотя бы двадцати франковъ. И потомъ Черняевъ такой странный, еще могъ обидѣться.

Вильгельмъ ждалъ Биля.

Двери кафе поминутно отворялись и изъ сырого туманнаго

воздуха улицы, оживленно переговариваясь громкими голосами, входили люди съ красными лицами. Большей частью это были лавочники или шоферы такси.

— Salut, salut!

— Alors, on boit un coup

— On charge pas aujourd'hui?

За сосѣднимъ столикомъ нѣсколько лавочниковъ рѣзались въ беллотъ, ожесточенно хлеща картами по засаленному коврику. Они такъ громко кричали, что Вильгельму было все время страшно. Ближе всѣхъ сидѣлъ старикъ съ величественной широколобой головой римлянина, орлинымъ носомъ и черными насупленными бровями.

Скоро къ играющимъ подошелъ потирая руки и посмѣиваясь глазами, еще новый партнеръ. Онъ былъ въ мягкой шляпѣ и издали Вильгельмъ принялъ его за интеллигента. Но когда онъ снялъ пальто оказалось, что у него, именно такой какъ бы торжествующій задъ, какой долженъ быть у лавочника.

Вильгельмъ подумалъ: "что будетъ если вдругъ я почему либо перестану получать деньги отъ отца и мнѣ нужно будетъ зарабатывать самому въ этомъ мірѣ людей говорящихъ громкими голосами, и не знающихъ моихъ страховъ и моихъ мечтаній и этого постояннаго ощущенія странной слабости. Когда гарсонъ слушалъ мой заказъ, онъ смотрѣлъ поверхъ моей головы и чему то улыбался наглыми маслянистыми, какъ черныя константинопольскія оливы глазами, и уже въ этомъ отсутствіи почтительности со стороны гарсона было какъ бы предвозвѣстіе моихъ будущихъ страданій и гибели".

Въ это время вошелъ длинный худой арабъ съ сѣрымъ печальнымъ лицомъ. Черезъ плечо у него были перекинуты ковры и какой то блѣдный мѣхъ подъ лисицу. Онъ сталъ показывать металлическіе раздвигающіеся мундштуки. Стоявшій у стойки лавочникъ въ плоской какъ дискъ кепкѣ взялъ одинъ мундштукъ и вертя его въ рукахъ началъ торговаться. Арабъ уныло повторялъ — je te dis que ça me coûte à moi deux cinquante.

Наконецъ лавочникъ рѣшительно положилъ ему въ руку деньги — bon, je te donne trois balles, и повернувшись къ играющимъ въ карты — ça me plaît, parce que ça se tire.

Одинъ изъ игроковъ поднялъ голову — eh ben, et le tien, ça se tire plus.

— Si tu m'l'avais donné pour rien, t'aurais pas perdu grand chose —
— сказалъ ему лавочникъ.

Арабъ все продолжалъ стоять грустно качая головой.

Эти безцѣльныя наблюденія уже начинали утомлять Вильгельма. Онъ подумалъ, что онъ напрасно хотѣлъ видѣть жизнь другихъ людей. Онъ видѣлъ и помнилъ ихъ слова и жесты, но все это было какъ описанія въ книгахъ братьевъ Гонкуровъ, « si peu chargées de réalité »по словамъ Пруста, или какъ кинематографическая съемка въ которой онъ однажды участвовалъ к а к ъ фигурантъ; актеры и самъ Вильгельмъ дѣлали жесты и произносили слова повидимому нужныя по ходу дѣйствія, но такъ какъ Вильгельмъ не зналъ сценарія, все это ему казалось безсмысленнымъ и лишеннымъ объясненія. Онъ подумалъ, что не бываетъ "удесятереннаго" чувства жизни и онъ сдѣлалъ ошибку ожидая, что жизнь будетъ такой какъ жизнь въ романахъ Толстого и Достоевскаго, выдуманная страшной силой ихъ страданія и любви. На самомъ дѣлѣ, кромѣ отдаленныхъ и невѣрныхъ представленій, скуки, сладострастія и страха боли и смерти въ жизни ничего не было. Почему то онъ вспомнилъ картину "день и ночь" итальянца, который изображая совокупленіе со скучнымъ лицомъ, молча, какъ автоматъ, нагибался и опять выпрямлялся, ритмично и въ то же время судорожно д в и г а я т а з о м ъ и ж и в о т о м ъ .

Наконецъ вошелъ Биль.

Въ студіи художника горѣла большая печка. Надъ головами танцующихъ висѣли бумажные фонарики. Было очень тѣсно и шумно. Вильгельмъ сразу напился. Онъ смутно потомъ помнилъ что онъ съ дѣтской радостью держалъ въ рукѣ упругую и мягкую грудь какой-то женщины въ сѣромъ платьѣ. Женщина почему то хотѣла ударить его по лицу. Но кто - то вмѣшался и сталъ ее уговаривать, а Вильгельмъ опять пилъ отвратительный на вкусъ коньякъ, отъ котораго къ горлу подступала рвота.

Потомъ Вильгельмъ, Биль, Глѣбовъ, Пейсаховичъ и еще нѣсколько человѣкъ долго шли по туманнымъ и неузнаваемымъ ноч-

нымъ улицамъ. Глѣбовъ, показывая на одинокій, старый домъ съ закрытыми ставнями, говорилъ, что этотъ домъ раньше жилъ въ провинціи, что онъ случайно попалъ въ Парижъ и не понимаетъ этого огромнаго чужого города и все грезитъ о своемъ Безансонѣ. Пейсаховичъ тоже разсказывалъ о разныхъ образахъ, возникающихъ въ его сознаніи, но у него выходило не такъ хорошо, какъ у Глѣбова. Вильгельмъ не смотря на сырой пронизывающій холодъ шелъ распахнувъ тяжелое давящее плечи пальто. Его воображеніе было безсильно. Онъ только чувствовалъ боль во лбу (какъ будто въ лобъ былъ вдвинутъ очень большой и холодный желѣзный шаръ).

Странствованіе все длилось.

Наконецъ они дошли до центральныхъ рынковъ и сѣли въ кафэ. Входя въ кафэ Вильгельмъ опять посмотрѣлъ на себя въ зеркало и громко сказалъ — а я думалъ, что я "высокій блондинъ въ голубомъ плащѣ на бѣлой подкладкѣ".

Но никто не обратилъ на него вниманія.

Потомъ на улицѣ началась драка и они вышли смотрѣть. Дерущихся плотно обступила молчащая толпа. За спинами ничего не было видно – Est-ce qu'il n'est pas mort ? – сказалъ кто - то въ толпѣ. Вильгельму стало страшно. Пейсаховичъ, стараясь подражать говору парижскихъ предмѣстій, спросилъ у стоящаго рядомъ человѣка qu'est-ce qu'il y a ?

Человѣкъ держалъ въ толстыхъ мускулистыхъ рукахъ мѣшокъ съ морковью. Его умное широкое лицо деревенскаго парня имѣло жестокое выраженіе. Когда толпа молча разступилась и кого - то отволокли въ сторону, съ трамвайныхъ рельсъ всталъ человѣкъ съ разбитымъ въ кровь лицомъ. Синяя опухоль подъ глазомъ была разсѣчена и изъ розовой трещины капала кровь. Человѣкъ поднялъ съ земли оброненную въ дракѣ кепку и озирался по сторонамъ безпокойными рысьими глазами. Тогда парень грубо сказалъ — mais rien du tout, c'est la halle aux carotes.

И вдругъ Вильгельмъ въ первый разъ услышалъ острый запахъ зелени, мяса и рыбы, и поднявъ голову увидѣлъ высокіе, черные дома и черное беззвѣздное небо. И опять онъ подумалъ: "зачѣмъ эта печальная и страшная жизнь. И гдѣ же та страна, гдѣ все « ordre et beauté ». Вильгельмъ зналъ, что желаніе сладостной жизни

для себя и равнодушіе къ судьбѣ другихъ людей, проклятыхъ на трудъ, звѣриную борьбу и смерть подъ этимъ безпощаднымъ небомъ, были измѣной какому - то братскому человѣческому дѣлу. Но онъ напрасно хотѣлъ вызвать въ себѣ чувство состраданія и любви. Условная и риторическая жалость. На самомъ дѣлѣ онъ любилъ только себя. И это безсиліе любить вызывало скуку, отвращеніе и желаніе умереть.

Потомъ опять всѣ шли по какимъ - то неизвѣстнымъ улицамъ. Теперь надъ ними было блѣдное небо и дома стали темно - синими.

И вдругъ Вильгельмъ увидѣлъ въ тепломъ и ласкающемъ свѣтѣ восходящаго весенняго солнца розовые дома прелестной пласъ де Вожъ. Передъ этимъ все было холодъ и смерть. Эта же площадь была такъ необыкновенно прекрасна, что въ первое мгновеніе Вильгельмъ подумалъ: "это та страна, которую я искалъ".

На разсвѣтѣ сидѣли въ какомъ - то кафэ, открытомъ всю ночь. Но уже было мало народу. Гарсоны мели полъ, переставляли столики. У Вильгельма болѣла голова.

Разговоръ медленно угасалъ. Глѣбовъ произнесъ — я только призракъ.... Вы меня любите Гуськовъ?

Вильгельмъ не зналъ, что отвѣтить. Онъ очень усталъ и ему все было безразлично. Тогда Глѣбовъ задалъ тотъ же вопросъ Пейсаховичу. Пейсаховичъ покраснѣлъ и задыхаясь сказалъ — въ прошлый разъ, когда вы мнѣ говорили, что я не долженъ заниматься живописью, я васъ ненавидѣлъ. Но теперь, когда вы сказали, что вы призракъ, я вами восторгаюсь Николай.

Потомъ всѣ молчали. Биль и остальные куда то исчезли. Въ кафэ росла тишина и становилось печально. Съ улицы доносился шумъ пробуждающагося города. Окна кафэ были блѣдно голубыми.

Вильгельмъ и Пейсаховичъ уходятъ. Глѣбовъ говоритъ — я еще посижу немного — и закрывъ лицо руками падаетъ головой на столъ. "Можетъ быть мнѣ это только кажется" — думаетъ Вильгельмъ.

Въ метро Вильгельмъ стоялъ прислонившись спиной къ стеклянной двери. Онъ прислушивался къ боли въ головѣ и думалъ о томъ, какъ хорошо будетъ войти въ сѣрый сумракъ комнаты, лечь въ постель, быть дома. На каждой станціи, тяжело громыхая ногами

молчаливо входили съ хмурыми сосредоточенными лицами вставшіе рано и ѣдущіе на работу люди.

Придя домой Вильгельмъ задернулъ штору, зажегъ лампу и долго неподвижно сидѣлъ, чувствуя страшную усталость. Потомъ досталъ дневникъ и сталъ вяло писать; "Ровный стукъ часовъ. Холодъ. Кажется, что все умерло. Остался одинъ во всемъ мірѣ. Горѣла печка и на лицахъ дрожали черныя тѣни. Хотя можетъ быть тѣней не было, и не было багровыхъ лицъ, а былъ свѣтъ довольно ровный и желтый... И вотъ все спуталось, плыветъ, плыветъ. Сижу застывши, обгрызывая ногти... на поблѣднѣвшихъ ногтяхъ выступила розовая кровь. Я ненавижу свои ногти".

Несмотря на усталость Вильгельмъ долго не могъ заснуть и потомъ долго падалъ черезъ этажи кошмаровъ, пока не провалился въ глубину спокойнаго сновидѣнія.

Ему снилась большая желтая рѣка. Онъ то шелъ вдоль обрывистаго низкаго берега, то плылъ въ страшно тяжеломъ пальто въ ледяной черно - желтой водѣ. Вдоль рѣки стояли пристани на сваяхъ. На пристаняхъ били желтый камень. Почему то камень добывался со дна рѣки. Работами завѣдывали жестокіе и жадные надсмотрщики.

Вильгельмъ страшно бѣденъ и нанимается на первую пристань-каменоломню. Тамъ онъ видитъ дѣвушку, къ которой испытываетъ чувство небывающей въ жизни влюбленности и нѣжности. Вильгельмъ работаетъ плохо и когда, расталкивая согнутыхъ изнуренныхъ людей, къ нему идетъ толстый надсмотрщикъ съ кнутомъ въ рукѣ, Вильгельмъ рѣшается бѣжать, чтобы потомъ вернуться и спасти дѣвушку. Онъ бѣжитъ по шаткимъ висящимъ надъ черной мутной водой мосткамъ.

Странно, но онъ не вернулся за дѣвушкой, а попалъ въ маленькую тѣсную комнату, гдѣ сталъ свидѣтелемъ страшной и непонятной болѣзни одной женщины. У нея на лбу появилось кровавое пятно, и въ этомъ было что - то неизъяснимо ужасное и отвратительное. Вильгельмъ смотрѣлъ на это все увеличивающееся пятно до тѣхъ поръ пока у него не стали болѣть глаза и онъ вдругъ почувствовалъ съ мерзостной радостью, что у него на лбу появляется такое же пятно.

Тогда онъ вспомнилъ, что онъ дрался на дуэли и его ранили

въ голову. Онъ уже готовъ былъ упасть, но зналъ, что онъ не умеръ и не умретъ, такъ какъ есть что - то неизвѣстное, благодаря чему онъ не могъ умереть. Онъ смотрѣлъ на себя въ зеркало и видя свое лицо съ кровавымъ пятномъ на лбу, блѣдное какъ восковое лицо сифилитика въ музеѣ венерическихъ болѣзней, подумалъ: "какъ часто въ жизни на яву я смотрѣлъ на себя въ зеркало спрашивая кто я такое, что же такое моя жизнь, что со мною будетъ, и вотъ теперь я смотрю на себя въ зеркало, мое лицо такъ же необъяснимо какъ всегда, но теперь я знаю, что я умру ничего не узнавъ и мое лицо исчезнетъ. Въ отраженныхъ въ зеркалѣ глазахъ выразилось сожалѣніе, что Вильгельмъ умретъ ничего не узнавъ. Вильгельмъ спрашиваетъ доктора: "можетъ ли меня спасти операція". Докторъ — "ничего не извѣстно, надо пытаться". Вильгельмъ, чувствуя страшную боль въ головѣ — "но не будетъ ли мнѣ слишкомъ больно".

Въ это время Вильгельмъ на мгновеніе просыпается и чувствуетъ, что у него страшно болитъ голова, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ во снѣ была рана, и опять засыпая, думаетъ: "я не умру, такъ какъ это былъ сонъ, что я раненъ на дуэли и теперь когда я понялъ свою ошибку больше нѣтъ "закона необходимости" (Откуда - то выступило блѣдное лицо умершаго Черняева, который сказалъ: "я достигну физіологическаго безсмертія").

III.

Лѣто Вильгельмъ Гуськовъ проводилъ въ небольшомъ дачномъ мѣстѣ около Тулона. Онъ ни о чемъ не думалъ; цѣлые дни лежалъ на пляжѣ или съ лодки удилъ рыбу.

Его здѣсь всѣ любятъ: и рыбаки, и море, и случайные знакомые на пляжѣ.

Только разъ онъ испыталъ свое всегдашнее безпокойство. Онъ забылъ днемъ на маленькомъ далекомъ пляжѣ лопатку, которую взялъ у отельнаго служителя, чтобы накопать червей. Вильгельмъ вспомнилъ объ этомъ только вечеромъ. Это было непріятно — лопатка могла пропасть. Вильгельмъ сѣлъ въ лодку и сталъ грести. Ночь была свѣтлая. Въ огромномъ небѣ торжественно и странно - прекрасно сіяла луна. Лодка летѣла по глади залива. Были слышны

слабый плескъ и журчаніе, и волны то здѣсь, то тамъ вспыхивали въ лунномъ свѣтѣ. Эти вспыхивающіе блики образовывали легшую черезъ море серебряную сверкающую дорогу. Чѣмъ дальше отъ берега эта дорога становилась все шире и шире и около самой черты небосклона все море горѣло, было залито расплавленнымъ золотомъ и блистало живымъ и сказочнымъ огнемъ.

Скоро Вильгельмъ подъѣхалъ къ пляжу, гдѣ забылъ лопатку. Но странно, онъ не узнавалъ мѣста. Вода у берега казалась совсѣмъ неподвижной и такой прозрачной, что было видно песчаное дно. Но вдругъ Вильгельму почудилось, что берегъ движется и гладкая поверхность воды стремительно несется, а лодка стоитъ надъ свѣтлой и бездонной глубиной. Ему стало страшно и онъ повернулъ лодку. Грести теперь стало трудно. Поднявшійся вѣтеръ гналъ невысокія волны. Лодка вздрагивала и скрипѣла отъ ихъ ударовъ и ея плоское дно съ плескомъ и стукомъ падало съ волны на волну.

Луна зашла за тучи и всѣ очертанія берега измѣнились. Вильгельмъ гребъ уже очень давно, а казалось не двигался съ мѣста. Все также неясно бѣлѣла мертвая пелена большого пляжа и въ концѣ его все такъ же, не приближаясь, стояли потонувшіе во мракѣ дома отелей. Но теперь налѣво отъ нихъ возвышалась черная круглая скала, которой раньше не было. Далеко въ горахъ мигали вздрагивающіе огни какого - то поселенія. Высоко въ небѣ свѣтила блѣдная вечерняя звѣзда.

И вдругъ Вильгельму показалось, что это было уже страшно давно въ какой то другой жизни, когда сегодня онъ сидѣлъ со знакомыми на верандѣ отеля и черная женщина похожая на цыганку сказала, показывая на море облитое сіяніемъ луннаго свѣта — "однажды я предложила мужу: давай пойдемъ по этой дорогѣ". Вильгельмъ почему - то сказалъ — "я могу, я ходилъ по этой дорогѣ". Всѣмъ стало неловко, но старикъ съ сѣдой бородой ласково взялъ Вильгельма за кисть руки. Можетъ быть онъ не слышалъ, что сказалъ Вильгельмъ, но просто хотѣлъ поощрить молодость.

Теперь вѣроятно всѣ уже ушли спать, и эти слова, и чувство стыда, и имена этой женщины и старика, все это стало какъ блѣдная тѣнь исчезнувшихъ видѣній. Всегда же былъ только шумъ прибоя, и этотъ равнодушный погружающійся въ темноту міръ природы, и странная и неподвижная ничего не знающая о Вильгельмѣ гора. И

если бы Вильгельмъ закричалъ, никто бы не услышалъ. Во всемъ огромномъ мірѣ не было никого. Самое имя "Василій Гуськовъ", да и вообще всѣ мысли и чувства бывшія въ душѣ Вильгельма существовали только въ человѣческихъ сердцахъ; здѣсь же ничего этого не было.

"Но кто же я и что же такое моя жизнь, если все что я до сихъ поръ считалъ собою, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. И неужели услышать могутъ только люди и всѣ страданія и мысли людей и ихъ души только бѣдныя ложныя тѣни, возникшія произвольно, и непредвидѣнныя Творцомъ этого равнодушнаго, абсолютнаго и совершеннаго міра, всходящихъ въ безсмертной славѣ, недосягаемыхъ и прекрасныхъ мертвыхъ звѣздъ. Какъ же я думалъ, что все это только мои представленія и неужели меня также никто не знаетъ и не любитъ, какъ того чешскаго мужика проѣхавшаго на телѣгѣ или того матроса, котораго я видѣлъ около Лувра и, который ничего не подозрѣвая, радостно шелъ освѣщенный солнцемъ. Нѣтъ этого не можетъ быть, это только заимствованныя литературныя разсужденія". — подумалъ Вильгельмъ и изо всѣхъ силъ сталъ грести къ берегу. Но его не оставляло странное чувство неизвѣстности своей собственной жизни и, что онъ какъ лунатикъ двигался въ таинственномъ и зачарованномъ мірѣ, въ которомъ ничто не соотвѣтствовало тѣмъ условнымъ, выдуманнымъ людьми названіямъ, которыя до сихъ поръ онъ принималъ за дѣйствительность.

Уже начинались осеннія бури, когда изъ Праги пришло письмо отъ отца. Отецъ настаивалъ что бы Вильгельмъ возвращался въ Парижъ для продолженія занятій въ Сорбоннѣ. Онъ писалъ: "если можешь, дай мнѣ честное слово, поклянись мнѣ, что ты добьешься полученія диплома. Если я буду увѣренъ въ томъ, что ты доведешь дѣло начатое тобой до конца, мнѣ легче будетъ существовать и рѣже станутъ тѣ тревожныя и мучительныя ночи, которыя приходится проводить теперь".

Прочтя письмо Вильгельмъ сталъ ходить по комнатѣ разсѣянно взглядывая въ открытое окно. Въ тотъ день море шумѣло и неслось, какъ быстро текущая свинцовая лава, сверкающая на солнцѣ ослѣпительно, торжественно и грозно. Высоко вздымаясь, волны шли на берегъ и рушились съ ожесточеннымъ грохотомъ, далеко заливая

осиротѣлый пляжъ. Въ небѣ вѣтеръ гналъ бѣлыя тучи, тѣни которыхъ шли по серебрянному морю стремительными и зловѣщими черными полосами.

И вдругъ Вильгельмъ почувствовалъ страшную легкость освобожденія и подумалъ, что теперь начнется совсѣмъ новая жизнь.

Но уже съ самаго начала его возвращенія въ Парижъ стала присутствовать странная неясность.

Въ Тулонѣ онъ опоздалъ на скорый поѣздъ и долженъ былъ ѣхать съ какимъ то медленнымъ, который отходилъ почти уже ночью. Зато въ этомъ поѣздѣ почти никто не ѣхалъ.

Онъ проснулся гдѣ - то около Ліона. Уже не было моря. Онъ увидѣлъ свѣтлую и зеленую страну покрытую утреннимъ туманомъ, но уже начинающую розовѣть и блистать въ свѣтѣ встающаго солнца. Въ купэ же былъ предразсвѣтный сумракъ и холодъ. Вильгельмъ еще вспоминалъ сны и ощущая странную ясность и пустоту безъ земной жадности смотрѣлъ на проходящія какъ видѣнія поля и вдругъ, по всегда бывшему непрерывному стуку колесъ и мѣрному раскачиванію потолка, понялъ какъ давно и невозвратимо поѣздъ мчится черезъ неизвѣстное и холодное пространство (Опять ему представилось — огромное небо, облака и движеніе блѣдныхъ звѣздъ).

Когда поѣздъ подходилъ къ Парижу было уже совсѣмъ темно. Пересѣкая черное окно, вытягиваясь по невидимымъ, стремительно мчащимся назадъ, прямымъ линіямъ летѣли дымъ и искры. Подъ вогнутымъ потолкомъ вокругъ тусклой лампы плавалъ мутный дымъ папиросы.

Вильгельмъ открылъ окно. Въ огромномъ пространствѣ ночи безъ страсти и безъ зависти горѣли вздрагивающіе огни города. Потомъ стали проплывать въ темнотѣ какія - то крыши, трубы и вдругъ засверкали освѣщенныя окна одиноко стоящаго многоэтажнаго дома.

Въ одной изъ комнатъ спиной къ окну стоялъ человѣкъ въ подтяжкахъ, безъ пиджака и жилета. Комната казалась очень тѣсной и все что въ ней находилось было трудно разсмотрѣть. Стоящій въ ея глубинѣ странный зеленый шкафъ надвинулся на самое окно. Посрединѣ столъ и надъ нимъ лампа въ голубомъ стеклянномъ абажу-

рѣ. Женщина въ кухонномъ передникѣ поверхъ сѣраго въ бѣлую полоску платья ставила на столъ фаянсовую дымящуюся миску. Мгновеніе, и домъ поворачивается глухимъ боковымъ фасадомъ. Все исчезаетъ.

Жизнь другихъ людей: ея существованіе вдругъ поразило Вильгельма невѣроятно. Какъ будто бы за этимъ окномъ, сіяющимъ въ неподвижности ночи, что то совершалось и переходило, и этотъ мужчина въ подтяжкахъ и его жена и всѣ другіе люди и самъ Вильгельмъ, его сердце и тѣло, жили и умирали надъ непостижимостью этого происходящаго въ пустотѣ движенія.

Впослѣдствіи Вильгельмъ часто съ сожалѣніемъ думалъ, что онъ что - то пропустилъ и не понялъ, не могъ вспомнить. Здѣсь какъ будто бы раздавался какой - то тайный голосъ, напоминаніе о чемъ то забытомъ, о счастіи, о горѣ, о бѣдной человѣческой отчизнѣ. Вокругъ нея была бездушная неизвѣстная бездна и ниоткуда не могли "ринуться лучи". Здѣсь среди этихъ людей Вильгельму предстояло жить, любить и умереть. Но онъ напрасно старался себѣ представить, что они могли ему сказать.

Все получалась какая то досадная ерунда.

Какъ будто бы отворялась дверь и входилъ этотъ господинъ въ подтяжкахъ, уже не молодой, лысый, съ круглымъ брюшкомъ, съ плохо застегнутой ширинкой. Странно, хотя онъ былъ французъ, онъ говорилъ какъ говорятъ въ русскихъ бытовыхъ романахъ слегка стилизованныхъ подъ Достоевскаго — "ну-съ молодой человѣкъ, текъ - съ, текъ - съ", и смѣялся какъ въ жизни никто не смѣется — "хе, хе". Это было непріятно Вильгельму.

Неясно возникалъ какой - то фальшиво - литературный діалогъ.

Вильгельмъ говорилъ — " я не хочу оправдываться, я знаю, что вы правы, я самъ такъ думаю. И все-таки я слышу зовъ невѣдомаго,.. и потомъ — мнѣ страшно".

Господинъ въ подтяжкахъ неожиданно и неестественно начиналъ говорить о нужникѣ — "невѣдомаго, а вѣдомо ли вамъ молодой человѣкъ, что я только въ нужникѣ и могу подумать о чемъ нибудь не касающемся работы. Знаете люблю посидѣть, мечтаю".

— "Да, да, я повторяю, что вы правы и я не хочу защищаться.

Но не кажется ли вамъ, что даже когда вы сидите въ нужникѣ надъ вами звучитъ "вѣчная музыка".

— "Небо!? Неба, извиняюсь, не видѣлъ. Некогда мнѣ видѣть небо, мнѣ нужно семью прокормить, я дѣломъ занятъ. Это тоже въ нѣкоторомъ родѣ вѣчная музыка, унылая музыка, безъ звоновъ и зововъ, хе, хе, но праведная музыка, великая музыка. Я-съ кромѣ того страдалъ (Господинъ въ подтяжкахъ сморщился и плачетъ. Вильгельмъ замѣчаетъ, что у него нѣтъ лѣвой руки — оторвана на фронтѣ. Пустой рукавъ рубашки сложенъ и пришпиленъ къ плечу). А вы молодой человѣкъ съ вашей тоской по "потерянному раю", собственно никому не нужны".

— "Опять и опять вы правы".

— "Ну вотъ и хорошо. Бросьте эти ваши мечтанія, романчики и стишки. Жрать вѣдь и вамъ хочется".

— "Вы меня не поняли. Если я займусь "дѣломъ", внутри меня погибнетъ"....

— "Молодой человѣкъ! Вы все равно погибнете. И хорошо, гибните себѣ на здоровье въ вашемъ поганомъ туманѣ".

— "Можетъ быть, можетъ быть, но мнѣ хорошо только здѣсь, въ этомъ туманѣ. Впрочемъ, зачѣмъ ссориться, можетъ быть, мы сможемъ договориться. Хотя въ концѣ концовъ, мнѣ вѣроятно нравится, что я погибну".

Или, можетъ быть господинъ въ подтяжкахъ хотѣлъ сказать, что надо имѣть живую жену, любить другого человѣка.

Постепенно Вильгельмъ влюблялся въ эту живую женщину которая будетъ его любить.

Уже давно его смущала странная мысль, что другіе люди были въ "глубинѣ" жизни, но онъ хотя раньше, въ дѣтствѣ, тоже находился въ этой глубинѣ, теперь, такъ какъ произошла какая то ужасная и необъяснимая ошибка, лежалъ на песчаной отмели отвлеченныхъ и неподвижныхъ разсужденій, какъ трудно раздувающая жабры рыба у края текущей мимо свѣтлой воды. "Или какъ выкидышъ зарытый, я еще не существовалъ".

И эти искаженныя слова Іова и стѣсненное, немогущее вздохнуть воздухомъ настоящей жизни сердце — были какъ томительный сонъ, когда человѣкъ хочетъ и не можетъ кричать.

Вильгельмъ думалъ, что любовь живой женщины идущей изъ "глубины потрясетъ эту власть обмана и небытія и будетъ для него какъ дверь во внутрь жизни".

Онъ говорилъ ей: "или ты не видишь, что я уже такъ давно тебя жду".

Но это было такое же ни на чемъ не основанное пустое сердечное ожиданіе, какъ всегдашнее, несмотря на всю непреложность доводовъ разума, упорно въ немъ живущее убѣжденіе, что онъ станетъ человѣкомъ высокаго роста и не можетъ умереть; и такъ же хорошо, какъ то, что онъ умретъ и не станетъ вдругъ высокимъ онъ сознавалъ, что эта женщина не существуетъ.

Онъ не зналъ какое у нея было лицо. Но никто изъ его знакомыхъ женщинъ, тщеславныхъ, завистливыхъ и несчастныхъ, не могъ быть ею. Ни одна изъ нихъ не могла внушить ту неизъяснимую нѣжность, которую онъ нѣсколько разъ испыталъ во снѣ.

И всетаки это произошло.

(Продолженіе слѣдуетъ)

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ

ОТРЫВОКЪ

Вчера проѣзжалъ въ трамваѣ по Гольцштрассе. Обыкновенная, боковая. Все тѣ - же лавки. Тотъ - же комплектъ: "булочная — "дрогери" —, кино, — портной, — пивная". Какъ въ каждомъ кварталѣ. И вдругъ особо выдѣлилась (въ глазахъ и въ мозгу) какая - то "Bügelei". Гдѣ — "гладятъ". Именно по поводу этой бѣлой выставки, и входа, и витрины — почему - то именно по поводу нихъ, подумалось: — а когда меня не будетъ, что измѣнится въ этой Bügelei?

Ничего.

Въ томъ - то и дѣло. Тамъ гдѣ - то (въ нашемъ домѣ) плачъ и стенаніе. Впрочемъ на короткое время не навсегда, вѣдь. Поставятъ карточки. На столъ. На память. А, въ первый день завѣсятъ зеркала: потомъ, вѣдь, откроютъ. Надо жить дальше. Въ опредѣленный день съѣздятъ, дернъ поправятъ, цвѣтовъ посадятъ; часто ѣздить не будутъ; далеко, вѣдь, — за городомъ. И живымъ всегда боязно какъ-то и непріятно ѣздить. Лучше не ѣздить. — Давно мы у него не были. — Да, надо поѣхать.

— А сторожу Андрею уплатили за клумбу? — Да. Я прошлый разъ давала.

— Онъ любилъ Анютины глазки. — —

Я не смогу ничего отвѣтить. Я, въ сущности, не очень любилъ ихъ. Пошленькіе, въ общемъ, цвѣты. Хотя ничего: когда былъ гимназистомъ любилъ ихъ все-таки. Пестренькіе такіе, живые. И мягкіе. Потрогать ихъ пріятно. По бархату листьевъ.

Но тамъ и трогать ничего нельзя будетъ. Съ троганьемъ вообще будетъ кончено.

Потомъ ,вѣдь, вещей не будетъ. Запахи, сирень черезъ палисадникъ свѣсилась, пыль на ней легла —, или пыль изъ подъ каблука мягкая на шоссе взвивается — парень танцуетъ, шапку даже о земь бросилъ "начинаю, молъ, плясать" — и въ гармоникѣ басы такой теплой хрипинкой екнули, а потомъ гармоника растянулась,

вздохнула — — все звуки, вздохи, запахи. Понятно, это очень нехорошо, что ничего этого не будетъ. Покой? Это очень однообразно. Молчаніе? Все время?

Намъ Степанъ разсказывалъ, толстый латинистъ, въ давнія времена. Кой гдѣ на востокѣ въ деревняхъ, — а то и въ городахъ, — не произносятъ слова "умеръ". Вотъ этого звука. этихъ буквъ просто не произносятъ. Это называется "эуфемизмъ". Именно такое непроизнесеніе имѣетъ ученое названіе. Не хотятъ, чтобы на губахъ оставалось. Слова, вѣдь, какъ бабочки: онѣ рождаются невидныя на губахъ, слетаютъ, вьются, приносятъ бѣды, заклинаютъ счастье (чтобы оно осталось, чтобъ чаще приходило), трепещутъ крылышками, исчезаютъ. Но есть, очевидно, черныя слова: ихъ лучше не произносить. Быть можетъ онѣ разъѣдаютъ губы. Или остаются, живутъ черными бабочками. Есть, вѣдь, даже по настоящему такія бабочки съ мертвой головой, съ черепомъ. Ночныя.

Впрочемъ черныя, одноцвѣтныя, бархатныя — особенно если ихъ много —, если онѣ закроютъ солнце — страшнѣе. Какъ это вообще будетъ въ послѣдній моментъ? Закроется - ли солнце? Потемнѣетъ-ли на улицѣ? Подбѣжитъ - ли какой - либо прохожій помочь, увидѣвъ, что шатаюсь. Это, вѣдь, будетъ на улицѣ.

Степанъ разсказывалъ о тѣхъ, что этого слова совсѣмъ не произносятъ. Если придти къ нимъ и сказать: — Здравствуйте! А гдѣ хозяинъ? (А того допустимъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. Навсегда нѣтъ). — То слова "умеръ" и не будетъ. Слово "умеръ" черная бабочка съ живыхъ устъ. Опасно. Зачѣмъ ей дать трепетать въ этой комнатѣ? Можетъ она схоронится за книгами или въ углу, сложитъ крылышки. А когда надо будетъ...

Нѣтъ. Лучше этихъ словъ и не говорить.

Я говорилъ о "**Bügelei**"? Странная мысль. Вдругъ возникла по поводу случайнаго магазина съ бѣлой, даже какой - то непріятной вывѣской. Глупо, почему именно тамъ подумалось. И такъ остро и больно. На дурацкой, случайной улицѣ. Гольцштрассе не очень большая улица, боковая.

Неужели такъ таки все будетъ тамъ совершенно оди-

наково независимо отъ того, тутъ я или меня совсѣмъ нѣтъ. Вѣдь у насъ въ домѣ будетъ горе. А для меня ужъ вообще ничего не будетъ... Можетъ быть все таки иначе немножко, хоть чуть чуть, хоть на іоту иначе будетъ въ этой Bügelei? безъ меня. Иначе будутъ входить, иначе расплачиваться, покашливать такъ особому: его, молъ, нѣтъ, ну хоть разъ, хоть на одинъ день у нихъ такое большое событіе, какъ моя смерть (какой ужасъ эти два слова вмѣстѣ) отразится.

Продавщица можетъ быть по особому глаза такъ подыметъ вбокъ: его молъ нѣтъ. Я многаго не требую. Я согласенъ на малое. Пусть хоть глаза подыметъ въ уголъ наверхъ по особому. Такъ даже этого не будетъ. Даже этого. Просто ничего не будетъ. Какъ было при мнѣ, такъ будетъ безъ всякаго различія и безъ меня. Совершенно никакого дѣйствія. Гольцштрассе это не задѣнетъ.

Кстати: вообще никого это не задѣнетъ. Одного только: — Меня самаго. Только.

Хорошо. Я не буду объ этомъ говорить. Это все по гимназически. "Бояться" это по гимназически. Но когда сирень свѣшивается черезъ палисадникъ и пыль, уже вечерняя и бархатная, ложится на листья, и буквы вывѣски литыя, большія, точно висятъ въ воздухѣ безъ поддержки — то любишь, значитъ, все это.

Сирень прямо изъ сердца растетъ.

И вырвать ее невозможно. Гимназическое сердце — просто и глуповато — но прямо боится, чтобы не отняли.

Вотъ Преблоцкій — бѣленькій, даже бѣлобрысый, съ удивленными глазами — ушелъ (навсегда), когда мы были еще во второмъ классѣ. Мы его навсегда скостили съ какихъ то счетовъ, выбросили изъ списка — но за то внесли въ другой Списокъ:

Обидъ.

Преблоцкій это большая обида. На насъ были черныя, пансіонерскія куртки, кушаки съ пряжками, "Николаевская Гимназія". Сама гимназія была маленькая, чудесная, какъ бѣлый бисквитъ. Зданіе, какъ бѣлый бисквитъ. Зданіе, какъ каменный тортъ. Съ завиточками колонками и шапочкой церкви. Сзади въ саду деревянный лазаретъ, гдѣ лежали вѣчно больные свинкой Манухинъ и Сипайлло. Въ лазаретѣ можно было ходить въ туфляхъ, въ халатѣ, сѣромъ, очень длинномъ. Докторъ Прутенскій мазалъ всѣхъ іодомъ. При любой

болѣзни. Мы ходили въ географическихъ картахъ на ляжкахъ, спинѣ и рукахъ. Въ пансіонѣ къ обѣду давали зразы съ кашей. Дежурный читалъ молитву взбодреннымъ голосомъ...: "..ниспошли намъ благодать Духа Твоего святого, дарствующаго и укрѣпляющаго..." Все это было очень интересно.

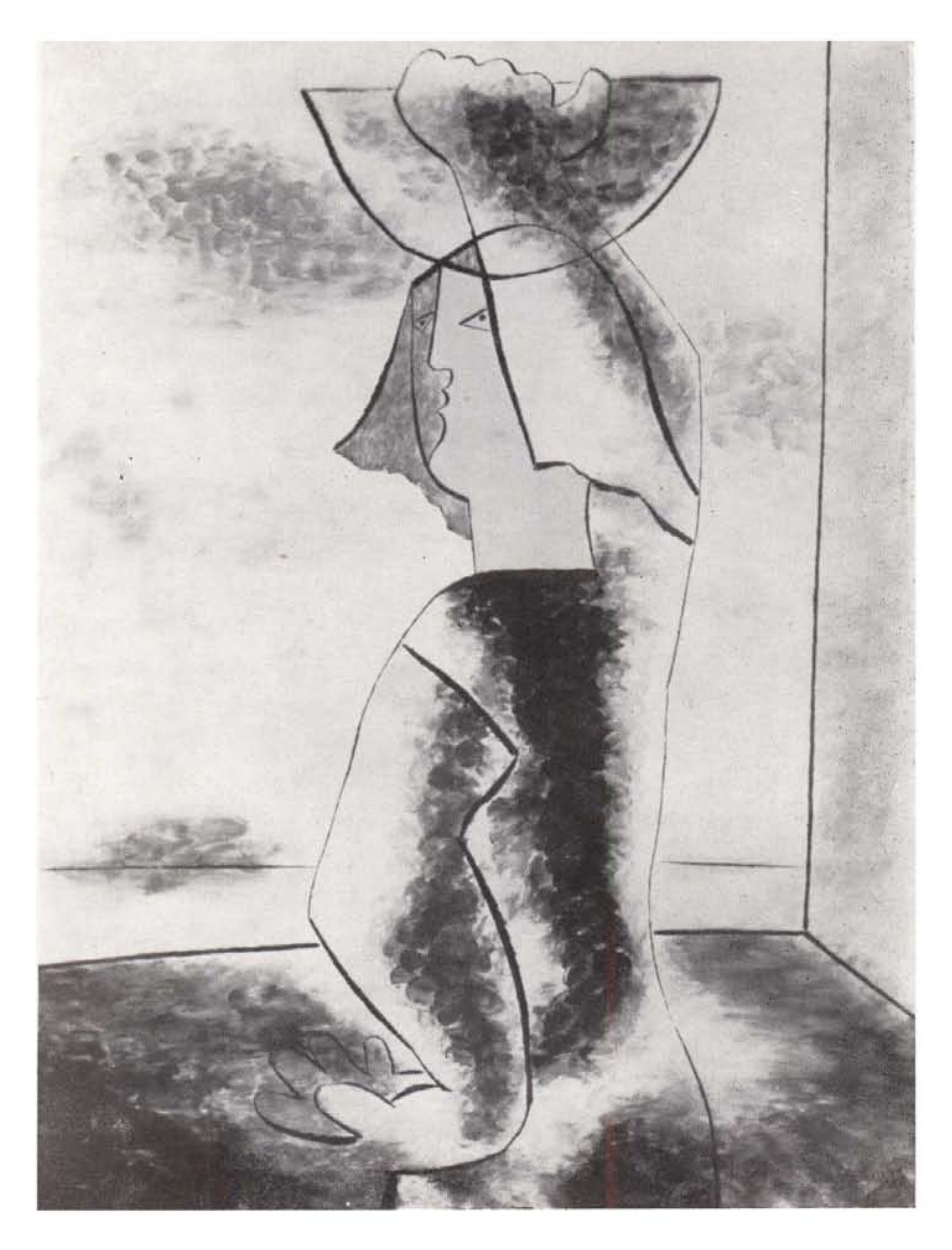
Преблоцкій слишкомъ рано все это кончилъ. И когда мнѣ говорятъ: — "по гимназически", молъ боишься. Вѣдь взрослые не бояться, не такъ или по иному боятся. То я отвѣчаю: — " по гимназически" это вовсе не такъ глупо. Тогда понимали все свѣжѣй. Вы, понятно, думаете, что съ тѣхъ поръ мы всѣ стали взрослыми, поумнѣли. Нѣтъ. Посѣрѣли. Ровнѣй стали. Ровнымъ слоемъ покрылись. Тогда жизненнѣй были. А страхъ (какъ - бы это назвать?) вотъ это самое — все равно осталось.

Книга лежитъ раскрытой. Имя ей — списокъ Обидъ. И мы ее пополняемъ.

Вотъ, напримѣръ, тогда - же внесли дядю Матвѣя. Дѣйствительно, развѣ не обидно? Молодой, красивый —, на маму былъ похожъ, ея братъ. Шопена какъ игралъ — cis - mol. И вторую Рапсодію Листа. И Венгерскую. Все что мы просили. Все что любили. Волосы у него были длинные. Сзади около самого затылка они, впрочемъ, здорово вылѣзли изъ за какой - то болѣзни волосъ —, но онъ такъ ловко все зачесывалъ. Прямо какой - то Падеревскій или Кубеликъ. Чудесный артистъ. Дѣйствительно. И консерваторію кончилъ. И образованіе долженъ былъ дальше продолжать. Въ Берлинъ выѣхалъ.

А потомъ вдругъ слѣды теряются. Будто - бы заметался какъ - то, затосковалъ, погибъ. Отъ насъ, вѣдь, все скрывали. Намъ, вѣдь, нельзя разсказывать. Еще рано. А мы все равно все узнали. Именно мы лучшіе детективы. Мы узнали, что дядя Матвѣй въ Ираклію влюбился. Мы и ее знали.Утковидная и переваливалась когда шла. Узенькая. Въ нее нельзя влюбляться. Особенно тѣмъ, кто такъ прекрасно играетъ «Erinnerung an Elise» или cis-mol. Съ тѣхъ поръ въ Павловскѣ - ли, дома - ли или потомъ на чужбинѣ, какъ только заиграютъ "Вторую Рапсодію" или Вальсъ - Каприччіо — мы всегда вспоминаемъ: — Матвѣй вотъ это игралъ, любилъ играть, лучше игралъ чѣмъ нынѣшніе.

И погибъ. Дѣйствительно погибъ. Въ карманѣ нашли не толь-

Сюрважъ. Фигура. *Survage. Image.*

Фера (Ястребцовъ). Наѣздница. *Férat. Cavalière.*

ко билетъ изъ Берлина домой, но и еще одинъ, только что взятый имъ билетъ, изъ подъ Кенигсберга обратно въ Берлинъ. Стало быть дѣйствительно заметался. Ѣхалъ уже домой. Но не совладалъ съ собой. Или Ираклія эта чего - то не поняла, (что онъ большой, что онъ Божій — художникъ Божій —) или не могла, или родители ея, очень скучные, — кроты такіе, — ей запретили, не знаю, только уѣхалъ дядя Матвѣй. Уѣхалъ, а потомъ заметался. Билетъ купилъ и обратно поѣхалъ.

Я всегда думалъ, какъ это было: буфера стучали, нѣмцы чужіе сидѣли, косились на него, — а онъ воздухъ такъ губами ловилъ, съ собой совладать не могъ, все входилъ и выходилъ изъ купэ, — нѣмцевъ злилъ. Они не знали, что онъ ужъ рѣшилъ сдѣлать. А можетъ и онъ самъ не зналъ еще. Вдругъ рѣшилъ. Ногу свѣсилъ. Потомъ другую. Я не знаю какъ это дѣлается. Нашли его изрѣзаннымъ колесами. Даже не знаю, остановили - ли поѣздъ. Или колеса простучали надъ нимъ, cis - mol дядя Матвѣй. Какъ ты прекрасно игралъ.

Но вотъ что еще не рѣшено до сихъ поръ: можетъ быть просто споткнулся, сорвался съ площадки, переходя. Или нарочно. Это до сихъ поръ неизвѣстно. Извѣстно, что заметался, умолялъ передъ отъѣздомъ всѣхъ и Ираклію. Черное крыло уже задѣло его. Зналъ напередъ. Солнце было для него уже прикрыто. Рай надвигался. А когда совсѣмъ стемнѣло, онъ спустилъ одну ногу, потомъ другую. Я не знаю точно какъ это дѣлается. Цѣпи близъ буферовъ звякали, площадки переходныя дрожали, нѣмцы въ купэ сердились, одинъ нѣмецъ пепелъ уронилъ на себя, другой дремалъ съ открытымъ ртомъ и муха вертѣлась около рта, сѣсть хотѣла, но онъ дышалъ черезъ носъ и этимъ отгонялъ ее.

Cis - mol сорвался и такъ его разрѣзало нѣмецкими колесами, твердыми. На какой - то станцій онъ и остался навсегда. Есть - ли дощечка тамъ, имя его — неизвѣстно.

Ираклію мы прокляли, не взлюбили ее съ тѣхъ поръ, а вины - то, можетъ быть на ней особой и не было. Просто уже солнце для него чернымъ рукавомъ закрывалась. Темнѣло. А на т о й станціи совсймъ стемнѣло. Тогда и случилось.

Дядю Матвѣя мы внесли въ книгу Обидъ. Большая это книга, очень простая, —только списокъ. Мы хотимъ предъявить ее ко взысканію.

И хоть отшвырнутъ намъ ее обратно, т а м ъ шуточекъ этихъ человѣческихъ не любятъ ("живи и трепещи, а Я покажу тебѣ какъ сирень хороша, и вечеръ, и бѣльма закатныя въ окнахъ, точно закатившiйся свѣтъ въ глазахъ у слѣпого —, а когда все полюбишь все отниму —, захочу, отниму. Даже и хотѣть Я не буду, мои колеса отнимутъ около Кенигсберга, а ты помечешься, муравей, потомъ хрустнешь подъ колесами"), хоть швырнутъ книгу Обидъ Оттуда обратно. Не важно. Мы все - же будемъ ее составлять.

И пополнять.

ЛАЗАРЬ КЕЛЬБЕРИНЪ
ЗЕЛЕНЫЙ КОЛОКОЛЪ

Я не помню, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, можетъ-быть десять лѣтъ, или двадцать, — и это ничего не мѣняетъ. Я не знаю, зачѣмъ я сейчасъ пишу, но поймите, что еще немного и будетъ поздно. Я не могу понять, чтó — поздно, но несомнѣнно, что будетъ поздно. Будетъ непоправимо.

Вѣдь я васъ любилъ. Теперь я могу уже сказать это вслухъ, самому себѣ и другимъ, и не боюсь, что будетъ звучать пошло. Я любилъ васъ такъ, какъ способенъ человѣкъ любить другого человѣка, я восхищался вами. Мнѣ казалось, что все зло, все уродливое, грязное, низкое, вся боль, которая въ мірѣ, и умираніе, и даже смерть — должны быть оправданы, если они нужны, чтобы могли быть вы. Я умомъ понималъ, что заблуждаюсь, но, восхищенный, какъ я презиралъ тогда мой маленькій, юркій, мой холодный, какъ жаба, пресмыкающійся умъ! Вы меня не любили, и мнѣ казалось, что, если лучшее чувство человѣка можетъ быть такъ непонятно просто отвергнуто, если и оно ничего не можетъ измѣнить, если только улетаетъ къ звѣздамъ, распыляется въ пустотѣ, чернилами изливается на бумагу, то что еще остается, на что еще надѣяться?

Вотъ я подхожу къ окну, отдергиваю синія шторы, раскрываю. Передо мною городская окраина и огни, огни до самаго горизонта. Какъ съ высокой горы смотрю я съ седьмого моего этажа на эти замирающія улицы, на эти молчаливые дома. Только слѣва, по желѣзнодорожной насыпи, равномѣрно стуча колесами, куда - то уходитъ поѣздъ; бѣлые клубы пара вырываются изъ трубы пыхтящаго паровоза и мгновенно исчезаютъ въ темнотѣ. — Какъ много домовъ, новыхъ и старыхъ, и въ каждомъ домѣ живутъ люди, богатые и бѣдные, и у каждаго изъ этихъ людей свой особый, отдѣленный отъ всего міра, мірокъ. Никому дѣла нѣтъ до другого. Муравейникъ. Вотъ въ этомъ, хотя - бы, трехъ - этажномъ домишкѣ,

тоже люди. Пьютъ, ѣдятъ, спятъ, дѣлаютъ дѣтей, потому - что не не могутъ иначе, дѣлаютъ деньги, потому - что хотятъ быть счастливыми, ссорятся, мирятся, старѣютъ, еще читаютъ газеты... Что еще? Умираютъ, забываютъ. Такъ тѣсно живутъ, а могутъ, все - таки, жить одинъ безъ другого; такъ близко отъ меня, а если - бы меня вовсе не было, имъ - бы это не помѣшало. Никому не помѣшало - бы. Муравьи. Почему вы не придумали для вашихъ поѣздовъ менѣе тревожныхъ сигналовъ, чѣмъ эти красно - зеленые стеклянные взгляды мертвыхъ семафоровъ? — Вдали, усилившись на мгновеніе, окончательно затихаетъ стукъ колесъ.

Медленно перевожу я глаза на небо, полное звѣздъ. Какъ много, много звѣздъ! Есть среди нихъ бѣлыя и синія, зеленоватыя и оранжевыя, есть яркія и тусклыя, большія и малыя, — но по сравненію даже съ самой крошечной изъ нихъ земля только легчайшая, невидимая пылинка. Какъ тѣсно жмутся они одна къ другой, — но и между наиболѣе приближенными милліоны километровъ черной, ледяной пустоты. И самое страшное это то, что въ этой пустотѣ совершенно тихо. Тамъ такая тишина, какой на землѣ человѣкъ не услышитъ, развѣ что въ землѣ... Да, человѣкъ. Это тоже имѣется. Кто ему поможетъ? — И нѣтъ у него теплой, уютной, съ синимъ диваномъ, комнаты, нѣтъ у него теплой, любящей и любимой жены, нѣтъ у него друзей, — вѣдь всѣ они призраки для него, какъ и онъ для нихъ только призракъ, — онъ совершенно одинъ, въ такомъ большомъ, большомъ, навсегда непостижимомъ и чужомъ мірѣ, случайный атомъ на случайной землѣ, на темной точкѣ, на томъ же атомѣ...

Холодно. Я съ содроганіемъ закрываю окно, задергиваю синія шторы, сажусь за "письменный столъ".

Намъ было по двадцать три года. Мы служили въ одномъ учрежденіи. Сначала я встрѣчался съ вами на лѣстницѣ, потомъ провожалъ васъ до дому, потомъ мы вмѣстѣ, иногда, гуляли, — банальная исторія, какую часто можно видѣть въ американскихъ фильмахъ, но съ нѣсколько инымъ окончаніемъ. Вы были моей "второй любовью", не первой, а второй, не "единственной", но можетъ - быть послѣдней.

Первая любовь! Классическая первая любовь съ розами и со-

ловьями, кажущаяся единственно - возможной, меньше чѣмъ на вѣчность не соглашающаяся, побѣждающая разлуку — вѣрностью, болѣзнь — преданностью, смерть — вѣрою въ безсмертіе. Когда жизнь осмыслена навсегда, когда не только "безъ тебя жить не могу", но и "безъ тебя жить не буду", — и вотъ, мы счастливые дѣти Божьи. Можетъ - быть это и не всегда такъ, но вѣдь каждый говоритъ о себѣ или пустыя слова. Если послѣ такой любви бываетъ вторая — **другая** — любовь, то она, какъ молнія, зажигающая и испепеляющая, совсѣмъ уничтожающая первоначальный, свѣтлый и осмысленный міръ. Она, своею сущностью и тѣмъ, что вообще **возможна,** заставляетъ во всемъ усумниться, разрушаетъ вѣчность и смыслъ, восхищаетъ отъ личности, не оставляетъ ничего, кромѣ себя самой. Гдѣ - то я читалъ или слышалъ, что любишь женщину тогда, когда хочешь имѣть отъ нея дѣтей, но вотъ любовь такая, когда не хочешь ровно ничего. Дѣти — продолженіе, но вотъ любовь, которая конецъ.

Я никогда ничего не говорилъ вамъ. Я даже самъ себѣ не говорилъ, — но однажды, въ темно-солнечный іюльскій вечеръ, когда мы проходили черезъ самую широкую, самую прекрасную площадь въ мірѣ, и теплый вѣтеръ развѣвалъ ваши золотистые волосы, и вы говорили мнѣ о томъ, что изъ окна вашей комнаты видна старая, вся въ плющѣ, католическая церковка и, что вы любите рано утромъ смотрѣть изъ окна, какъ мягкіе, косые лучи перваго солнца освѣщаютъ невысокую ея башенку и колоколъ въ ней, **совсѣмъ, совсѣмъ** зеленый, и что тогда, вдругъ, безъ причины, отъ солнца, отъ свѣтлой, влажной листвы деревьевъ примыкающаго къ церковкѣ палисадника, отъ утренней свѣжести, вы чувствуете, какое счастье — жить, и сердце учащенно начинаетъ биться, — тогда, о если-бы вы знали какъ, слушая васъ, я безвозвратно терялъ себя, къ какимъ границамъ я приближался, какъ восхищенный, восхищаемый, я оставлялъ далеко внизу этотъ городъ и вашу церковку въ немъ, и какія - то смутныя развалины, бывшія когда - то храмами, и какихъ - то окаменѣвшихъ призраковъ, бывшихъ когда - то людьми и самого себя и — самое тайное! — даже васъ. Съ какимъ удивленіемъ я сознавалъ, что даже, если случится самое невѣроятное, что если вы положите вашу прозрачную гордую руку, руку "героини романовъ Тургенева" на мою руку, и остановите на мнѣ ваши про-

стые и милые, но для меня трудные и несуществующіе глаза, и скажете мнѣ, что я вамъ не безразличенъ, — простите! — то это уже ничего къ моей любви не прибавитъ, потому - что внѣ нея ничего нѣтъ; ничего не измѣнитъ потому - что нечему мѣняться; ничѣмъ не обрадуетъ, потому - что все отнято, и что - то большое, наивное, дѣтское, какое - то невозможное представленіе о счастьи навсегда во мнѣ умерло.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени. Вы вышли замужъ, я женился. Счастливы - ли вы? Я, кажется, счастливъ.

Пора спать. Я теперь отвѣтственный банковскій служащій и нужно, чтобы завтра утромъ я пришелъ въ банкъ выспавшись и съ свѣжей головой. Лѣтъ черезъ пять меня могутъ назначить инспекторомъ и тогда, можетъ - быть, у меня будетъ собственный автомобиль. Карьера меня не интересуетъ, но если я не буду работать и стараться, то всѣ окружающіе будутъ упрекать меня въ томъ, что я живу среди людей, какъ паразитъ. Это, конечно, совершенно не важно, но мнѣ спокойствіе дороже всего и потому я дѣлаю карьеру.

Только иногда, въ такіе вечера, какъ сегодня, мнѣ не по себѣ. Я оглядываюсь на свою жизнь, — что? Удачи, признаніе, деньги, любовь — все мимо. Не остается ничего, ничего. Я начинаю чувствовать, что страшно одинокъ, мнѣ грустно, мнѣ тяжело, мнѣ душно. Я раскрываю окно и — призраки. Одинъ. Лицомъ къ лицу съ Богомъ или пустотой, очень маленькій, очень слабый.

И вотъ, мнѣ хочется вамъ сказать: помните сказку, въ которой какой - то жадный человѣкъ, король, кажется, пожелалъ, чтобы все, къ чему - бы онъ не прикоснулся, превращалось въ золото. Желаніе его было исполнено и онъ началъ умирать съ голоду, потому - что самый хлѣбъ въ рукѣ его становился металломъ. Такъ наше счастье. Оно становится камнемъ, какъ только мы къ нему прикасаемся и мы умираемъ отъ голода и жажды съ неживымъ, окаменѣвшимъ счастьемъ въ рукахъ. И что - бы мнѣ осталось отъ всей моей долгой и счастливой жизни, если - бы не память о вашемъ внимательномъ и холодномъ равнодушіи? Тогда мнѣ казалось, что такой "несправедливости" вынести нельзя, но теперь я знаю, что именно потому счастье мое осталось при мнѣ и любовь нерастраченной.

И какъ тогда она восхищала меня отъ васъ, отъ себя, отъ

города, чужого и совершенно ненужнаго, такъ и теперь — отъ страшнаго звѣзднаго и комнатнаго міра, въ какую - то пѣвучую темноту, гдѣ никого и ничего нѣтъ, но гдѣ сохраняется все, что когда - то звучало, и гдѣ, я слышу, ширится и растетъ легкій и торжественный звонъ, уже невидимаго, зеленаго вашего колокола

ЮРІЙ ФЕЛЬЗЕНЪ
СЧАСТЬЕ
романъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мнѣ кажется, вы были не менѣе, чѣмъ я, оскорблены Шуриной безцеремонностью передъ нами, его нестѣсняющейся мужской грубостью въ отношеніи Риты, ея слишкомъ быстрой, слишкомъ благодарной податливостью. Можетъ быть, непростительно у нихъ то, насколько они хотя бы внѣшне другъ другу не подходятъ: во мнѣ и посейчасъ, какъ новая, жива первая такая почти безсознательная уязвленность, возникшая у меня въ далекія дѣтскія времена изъ - за внѣшняго несоотвѣтствія одной пары, для взрослыхъ самой обыкновенной и даже образцово - согласной, и теперь я, изъ за такого же несоотвѣтствія, чуть ли не по ребячески былъ огорченъ, затѣмъ обрадовался, что и вы оказались со мной заодно, что болѣзненная моя чувствительность вамъ понятна. Я не могу сопоставить безъ какого - то полусуевѣрнаго страха (какъ будто этотъ страхъ, это суевѣріе обо мнѣ) Ритиныхъ тонкихъ, сіяюще - бѣлыхъ рукъ, съ правильными, съуживающимися кверху и безпомощно - милыми пальцами, и Шуриныхъ рукъ, маленькихъ, мягкихъ, несоразмѣрно - широкихъ, его пальцевъ, всегда неестественно - округленно согнутыхъ, прячущихся въ рукава, словно чего - то стыдящихся, я немедленно вижу, едва закрою глаза, какъ нелѣпо сочетаются столь непохожія ихъ руки, розовыя овалины ея ногтей и его неуклюжіе птичьи коготки, причемъ одинъ, на указательномъ пальцѣ — ущемленный, поломанный, черный.

Все это несправедливо и безсмысленно, и моя столь придирчивая "эстетическая" уязвимость пожалуй необоснованно преувеличена, но (какъ вы, очевидно, легко догадываетесь), я поддаюсь не только возстановленной въ памяти подобной же личной обидѣ — наглядная измѣна когда - то ласково - трогательныхъ рукъ — и не только смутнымъ опасеніямъ за мое неизвѣстное съ вами будущее,

но и какому - то неотразимому воздѣйствію вашихъ странно - взволнованныхъ разсказовъ о Ритѣ, о ея гимназической нѣжной холености и чистотѣ: вы, подруги, ею восхищались и наивно завидовали тому невѣдомому счастливцу, которому она достанется. И вотъ я долженъ возмущенно и печально признать, что она "досталась" (и до чего незаслуженно) Шурѣ, и меня уже невольно въ его наружности раздражаютъ, точно въ наружности удачливаго соперника, самыя невинныя, самыя незамѣтныя черты — слишкомъ большой отъ начинающагося лысѣнія, ровно - покатый, будто бы мыслительскій лобъ, безцвѣтные, зачесанные назадъ и брильянтиномъ приклеенные волосы, добродушно - хитрые глазки, невзрослыя ямочки на щекахъ, толстый и круглый носъ съ нелѣпымъ проваломъ вмѣсто переносицы, недоразвившійся вялый подбородокъ и вся Шурина нескладная коротконогая фигура, подвижная, нѣсколько угодливая и неожиданно плотная.

Должно - быть, вы видите его инымъ и совсѣмъ по другому несомнѣнно видитъ его Рита, но у меня просто не хватаетъ воображенія, чтобы въ немъ найти какой - либо новый образъ, мужественной силы или достойнаго умственно - душевнаго превосходства, и право же, мои слова — не легкая и не дешевая иронія. И все же не до конца ясно, отчего я такъ за Риту (или за васъ или за себя) оскорбленъ и такъ яростно нападаю на бѣднаго Шуру, съ которымъ у меня давнишнія почти товарищескія отношенія и котораго я совсѣмъ не по товарищески вамъ предаю — впрочемъ мы съ вами, при нашей крѣпкой дружбѣ, не совершаемъ предательства, не сплетничаемъ и не оговариваемъ, если оставшись вдвоемъ, дурно отзываемся о любомъ знакомомъ, какъ не являются сплетничествомъ или оговариваніемъ и наши уединенныя, хотя бы явно недобросовѣстныя о немъ мысли. Но пускай я и не совершаю, не могу съ вами и при васъ совершить предательства, зато неоспоримо мое упорно - послѣдовательное пристрастіе въ томъ, какъ я несправедливъ къ Шурѣ и какъ неожиданно превозношу Риту; вѣдь она не такая ужъ неописуемая красавица, какою представлялась вашимъ подругамъ въ ихъ гимназической всеупрощающей прямолинейности, и не такое безцѣнно - хрупкое существо, чтобы надо было его охранять отъ чьихъ - то непозволительныхъ покушеній, она — гибкая, стройная, удлиненно-тонкая и граціозная, у нея маленькая головка, мягкіе каштановые

волосы, блѣдно - бѣлое, какъ и руки, лицо, но, кромѣ этихъ общихъ, многимъ свойственныхъ и необыкновенно привлекательныхъ чертъ, имѣются у нея и личныя, обидно ее роняющія особенности (поскольку подобное раздѣленіе допустимо и не совсѣмъ произвольно) — мутно - сѣрые безвыразительные глаза, немного отвисшая, полная, "Габсбургская" нижняя губа, шепелявое произношеніе, слишкомъ робкій, до какой - то видимой фальшивости, голосъ. Итакъ Рита не "воплощеніе чудодѣйственной красоты" и не предметъ негодующей моей ревности (объ этомъ смѣшно и подумать), и однако же, когда Шура побѣдительно прижалъ ее къ стѣнѣ черезчуръ откровеннымъ, черезчуръ пѣтушинымъ движеніемъ и она лишь влюбленно порозовѣла, восторженно и нѣжно произнеся уже надоѣвшее намъ слово "Шуренышъ" (звучащее для меня, какъ "звѣренышъ"), я на минуту ихъ обоихъ возненавидѣлъ и немедленно счелъ себя правымъ, потому - что и вы въ ту минуту ихъ обоихъ возненавидѣли, а мнѣ передъ собой не приходится, да и не хочется оправдываться, если только я оправданъ передъ вами.

Я не пишу вамъ короткаго или длиннаго письма и не готовлюсь къ очистительной исповѣди, я даже не знаю, будутъ ли вами прочтены эти сегодня начатыя и неудержимо торопливыя страницы (очевидно, все - таки будутъ — я давно уже ничего отъ васъ не утаиваю и давно съ вами не позирую и не тщеславлюсь), но именно сегодня я словно бы сразу прозрѣлъ, словно бы вдругъ увидалъ, что творческая моя основа не заглохла отъ изнуряющей поглощенности вами (чего я все время опасался и въ чемъ наконецъ, было, увѣрился), а что она лишь незамѣтно перемѣстилась изъ области сосредоточенныхъ разговоровъ съ собой, требовавшихъ какого-то дневниковаго подобія, въ область постоянныхъ къ вамъ обращеній: къ вамъ, единственной моей вдохновительницѣ и возможной будущей читательницѣ, я впервые осознанно обращаюсь, и внезапно пущенныя на волю, долго бездѣйствовавшія творческія мои силы мнѣ кажутся уже разбрасывающимися и неисчерпаемыми.

Меня также обрадовало, что въ общемъ у насъ порывѣ, направленномъ противъ оскорбительной Шуриной гордости, все - таки не было ни малѣйшей доли самодовольства по поводу того, насколько мы ведемъ себя по другому и какая при постороннихъ у насъ соблюдается неизмѣнно - суровая, примѣрная выдержка — я, правда,

и не горжусь этой вами навязанной мнѣ примѣрностью и считаю ее слишкомъ уже искусственной и прѣсной. По крайней мѣрѣ, у меня часто бываетъ непреодолимая потребность къ вамъ подойти, васъ коснуться, на васъ особенно посмотрѣть — причемъ должно это выйти иначе, одухотвореннѣе, чѣмъ у Риты и Шуры — но отъ васъ непрерывно идетъ такой на людяхъ ощутительный, такой замыкающійся и стыдливый холодокъ, и я въ прошломъ вами настолько неизбалованъ, такъ теперь успокоенъ и упоенъ вашей щедростью, когда мы остаемся вдвоемъ, что мнѣ лишь пріятна эта показная холодность, и я самъ себя уговариваю, будто отъ васъ не требую большаго, будто я вовсе не хочу именно на людяхъ поднять и залѣчить свое, вами же израненное, вами же пробужденное самолюбіе.

Не собираюсь васъ ни въ чемъ упрекать и не буду капризно и сумасбродно себя мучить, если попробую ненадолго оживить наше прошедшее, столь безотрадное и дурное — я лишь хотѣлъ бы съ нимъ возможно нагляднѣе сопоставить, изъ него какъ бы вывести наше настоящее, пускай тоже несовершенное, зато неоспоримо счастливое. Одно изъ многихъ его печальныхъ несовершенствъ — вотъ эта внѣшняя у насъ стѣснительность и стыдливость, это несносное во всемъ самоудерживанье: я противъ откровеннаго, чрезмѣрнаго показыванья своихъ чувствъ, но и не желаю за нихъ краснѣть, точно виноватый. Такая стѣснительность возникла у насъ давно — когда возстановились наши съ вами прерванныя отношенія (сразу же послѣ вашего пріѣзда изъ Каннъ) и вы отъ Бобки вернулись ко мнѣ. Въ то время, помните, онъ по вечерамъ уходилъ, потемнѣвшій, жалко - презрительный, злой, и однажды на диванѣ втроемъ съ нимъ, притворившимся безразличнымъ и крѣпко спящимъ, я — отъ избытка влюбленной вашей отвѣтности, отъ избытка новаго своего богатства, имъ словно бы распоряжаясь и самонадѣянно Бобку жалѣя — я погладилъ вашей рукой его липко - склеенные жесткіе волосы, и вы недоумѣвающе на меня посмотрѣли, съ обидой не то за него, не то за себя — въ то время, вечеромъ или днемъ, онъ неизмѣнно уходилъ первый, насъ оставляя вмѣстѣ, въ мучительной для него, а для насъ удобной и безопасной обстановкѣ, но мы послѣ его ухода попрежнему сидѣли молчаливые и неподвижные, вы не тотчасъ же позволяли къ себѣ подойти, какъ будто въ такой, черезчуръ быстрой вашей измѣнѣ была бы и внутренняя и явная передъ Бобкой неделикат-

ность, и я, вначалѣ не сочувствуя преувеличенной вашей щепетильности, подчеркнуто поступалъ по вашему, стемясь къ согласію, къ одобренію, и смутно еще опасаясь изъ-за какого-либо противорѣчія въ одну минуту васъ потерять. Вотъ тогда, мнѣ кажется, и установилась наша теперешняя, обычная на людяхъ отчужденность, и я одинаково боюсь васъ оттолкнуть малѣйшимъ жестомъ, говорящимъ о моихъ "правахъ", и любой попыткой утѣшить моего "предшественника". Къ несчастью, съ нимъ у васъ ни разу не появилось подобной трогательной заботливости обо мнѣ, вы съ непонятной жестокостью забывали о моемъ присутствіи, и я намѣренно въ памяти оживляю ужасные мѣсяцы передъ вашимъ отъѣздомъ въ Каннъ, чтобы сдѣлаться нетребовательнымъ, спокойнымъ и скромнымъ. Я самъ не знаю, какъ правдоподобнѣе объяснить это столь очевидное и столь несправедливое различіе — тѣмъ ли, что у насъ съ вами вдвоемъ невольное взаимно - облагораживающее вліяніе, или же тѣмъ, что къ "обольстителямъ", вродѣ Бобки, васъ тянетъ всегда неудержимѣе, чѣмъ ко мнѣ, и ваша доброта всегда оказывается побѣжденной — но я мирюсь съ какой - угодно несправедливостью, только бы вы не исчезли и то смертельно - грустное прошлое не вернулось.

Я лишь хотѣлъ бы изъ него извлечь какіе-то простѣйшіе уроки для будущаго, причемъ мнѣ вовсе не надо, чтобы вы отказались отъ расхолаживающей со мною стѣснительности, но только необходимо, чтобы вы ея придерживались съ другими и меня бы этимъ хоть частично оградили отъ ревности, однако, разумѣется, я не вѣрю, будто какъ - нибудь сумѣю на васъ повліять. Вы достаточно уязвимы, наблюдательны и умны и додумались сами до всего, что я могу вамъ теперь сказать (правда, вы это примѣнили къ возможной своей неудачѣ), и мнѣ лишь остается собственныя ваши слова повторить или же вамъ напомнить ихъ приблизительный смыслъ. Вы не разъ уже говорили, что боитесь больше всего быть разлюбленной, что разлюбившій всегда безпощаденъ и своей безпощадности не замѣчаетъ, что вы были бы передъ нимъ до предѣла, до ужаса безпомощной и не добились бы ни жалости, ни великодушія, ни считанія. Вы также говорили о единственно - правильной добротѣ — не ко всѣмъ и не къ нѣсколькимъ, а къ одному, дѣйствительно такой добротою безконечно обогащаемому. Но и въ "Бобкино время" и въ немногихъ другихъ случаяхъ у васъ не было ко мнѣ, разлюбленному,

этого понимающаго или помнящаго сожалѣнія, и сейчасъ, въ наши лучшіе, въ самые беззаботные наши дни, изрѣдка перекидывается на "перваго встрѣчнаго" ваша будто бы одному предназначенная неотразимо - совершенная доброта, и тогда поневолѣ обезцѣниваются тѣ ваши умиленныя восклицанія, на которыя вы со мною такъ скупы и которыми вы меня осчастливливаете послѣ такихъ моихъ неимовѣрныхъ усилій. Я знаю, до чего бѣденъ однообразный человѣческій языкъ и до чего бѣдны средства, выражающія ту или совсѣмъ иную нашу признательность, я знаю, что и васъ безъ сомнѣнія не однажды оскорблялъ мой излишне сердечный тонъ съ людьми, мнѣ посторонними и еле знакомыми, но знаю, что именно въ этомъ вы хуже, забывчивѣе, безжалостнѣе и требовательнѣе меня и что ничѣмъ я васъ не измѣню и не исправлю.

Когда вы меня задѣваете своей холодностью (какъ только мы не одни), разрѣшенной кому-нибудь вольностью, дружественнымъ тономъ съ чужими, не заслуживающими вашей дружбы людьми, то обычно мнѣ кажется оскорбительнымъ лишь данный послѣдній случай, а всѣ иныя, прежде оскорблявшія возможности уже не страшны и не нарушаютъ безукоризненныхъ нашихъ отношеній.

Но теперь, среди безпечнаго у насъ спокойствія, эти мои обиды столь разрознены и рѣдки, что какъ-то одна съ другой не пересѣкаются, и каждая изъ нихъ не оттѣсняетъ предшествующихъ, и я невольно могу о нихъ разсуждать съ нѣкоторымъ безпристрастіемъ и непривычно-беззлобно, и вотъ мнѣ ясно, чего единственно я страшусь — всякой внѣшней вольности, хотя бы намека на физическую вашу измѣну. Я твердо (можетъ быть, слишкомъ самонадѣянно) вѣрю въ какую-то дружескую свою незамѣнимость, въ то, что непремѣнно возстановится, должна возстановиться всегдашняя, уже давностью освященная ваша ко мнѣ доброта, но вотъ такого полуизмѣнническаго и беззастѣнчиваго — особенно при мнѣ — поступка никакъ нельзя ни уничтожить, ни забыть. Я напередъ знаю всѣ ваши правильныя возраженія о предразсудочности подобныхъ собственническихъ моихъ взглядовъ, о необходимости и возможности что-угодно въ любви прощать, о прѣсности или скучности безупречно-вѣрныхъ союзовъ, однако мужская моя злопамятность сильнѣе и длительнѣе не только разумныхъ этихъ возраженій, но и сильнѣе искренняго моего желанія прощать, предвкушаемой сладости — съ

вами объясняться и мириться. И если въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ у меня примирительное съ вами объясненіе (ни съ чѣмъ несравнимое по своей сладости), то миръ возстанавливается неполный, недолгій, и какая-то остается плохо заглушаемая мстительность, оправдывающая, даже вызывающая нелойяльные отвѣтные мои поступки и усиливающая всякое новое мое возмущеніе.

Вы пожалуй мнѣ возразите, что сейчасъ, когда "все идетъ удачно и гладко", не стоитъ вспоминать стараго, что врядъ - ли оно вернется, а главное, теперь хорошо, и не стоитъ этого хорошаго портить. Но у меня всегда есть стремленіе какъ - то обезпечить уже достигнутое — душевное спокойствіе, дружбу, любовь — договорить поучительно - рѣшающія слова, заставить своего союзника "культивировать" установленныя у насъ отношенія, точно въ своей непоколебимой вѣрности я убѣжденъ и ее возвожу въ примѣръ, и меня каждый разъ поражаетъ, до чего мои союзники легкомысленны, непослѣдовательны, близоруки, я хочу, пока еще не поздно, докричаться до ихъ сознанія, и мнѣ это неизмѣнно не удается. Вотъ и сейчасъ — изъ за Риты и Шуры — мы оба взволнованы какимъ-то предчувствіемъ бѣды или опаснымъ воспоминаніемъ о себѣ и оба безмѣрно дорожимъ нашей крѣпкой спасительной связанностью, и мои слова о злопамятности, объ охлажденіи, о возможной потерѣ или уходѣ васъ могли бы задѣть, какъ никогда васъ прежде не задѣвали, и вы даже себя упрекаете за напоминаемыя вамъ "измѣны", меня жалѣете и во всемъ признаете правымъ (и лишь изъ гордости ничего не скажете), но того, что дѣйствительно было, моихъ мученій, сгустившагося внезапно, готоваго вернуться моего недовѣрія вы просто не знаете и узнать не можете: вѣдь не васъ это мучило, а меня. Но если чего - то основного вы и теперь не слышите и не видите — теперь, въ часы и дни нашей необычайной умилительной близости — то чего же мнѣ требовать и ждать, когда васъ хотя бы временно что - нибудь постороннее отвлечетъ и когда на время забудутся теперешніе счастливые дни, взаимныя наши обѣщанія и благодарность. Я иногда стараюсь понять, общая ли это черта или ваша — безостановочная смѣна забвеній, стремительность, съ которой вы забываете наши размолвки, если снова у насъ ладится, и доброе согласіе, если вы заняты инымъ, причемъ — разрушая, казалось бы, незыблемое согласіе — вы какъ - то обезоруживающе

наивны и жестоки. Боюсь, что и мнѣ это свойственно (вѣроятно въ меньшей степени, нежели вамъ), что также и я не вижу, не помню своихъ ошибокъ, что и у васъ противъ меня имѣются трудно прощаемыя и неизвѣстныя мнѣ обиды. Подобныя недоразумѣнія тѣмъ возможнѣе, чѣмъ больше случайныхъ у насъ друзей, чѣмъ съ ними тѣснѣе и ближе мы сходимся, и нерѣдко мнѣ хочется васъ просить, чтобы вы легкомысленно меня не втягивали въ какой - то нелѣпый, ненужный намъ кругъ, со всѣми этими сомнительными, вродѣ Шуры и Риты, неясными, невѣрными, ничтожными людьми, я въ сущности желалъ бы до конца нашей молодости на многіе годы съ вами запереться вдвоемъ, щадя свою, да и вашу столь повышенную уязвимость, я желалъ бы одинъ — зато безгранично — васъ баловать и какъ - то предохранить нашу, намъ предназначенную безукоризненность отъ горечи, отъ ссоръ, отъ неизбѣжнаго чужого вмѣшательства. Пожалуй есть и другой способъ себя (или насъ обоихъ) отъ чего - то невыразимо - страшнаго оберечь — стараться о васъ думать лишь поэтически - чисто, и постепенно у меня появилась такая острая потребность въ вашей конечно нереальной и старомодной "чистотѣ", что я никогда (при всей вашей безпредѣльной для меня соблазнительности) себя не допускаю до грубыхъ о васъ мыслей и пытаюсь отогнать невольныя навязчивыя видѣнія. Мнѣ самому смѣшна очевидная шаткость этого способа борьбы съ вашей давней неимовѣрной властью, съ неустойчивостью моего около васъ положенія, но какъ - то я долженъ бороться, противодѣйствовать, готовиться къ очередному удару, котораго надо опасаться ежеминутно и съ самой неожиданной стороны. И если вы когда - нибудь и прочитаете эти записи или я выскажу вамъ предостерегающія эти слова, ничто у насъ не измѣнится и ничего предотвратить не удастся: бываютъ ясныя, установившіяся къ намъ отношенія, не поддающіяся никакому нашему воздѣйствію — ихъ можно еще (и то незначительно) облагородить, смягчая внѣшнюю, черезчуръ обнаженную ихъ неровность, однако и видимостью, наружнымъ благообразіемъ отношеній не слѣдуетъ намъ пренебрегать, чтобы только избавиться отъ постыдной и назойливой боли, все-таки наполовину устранимой.

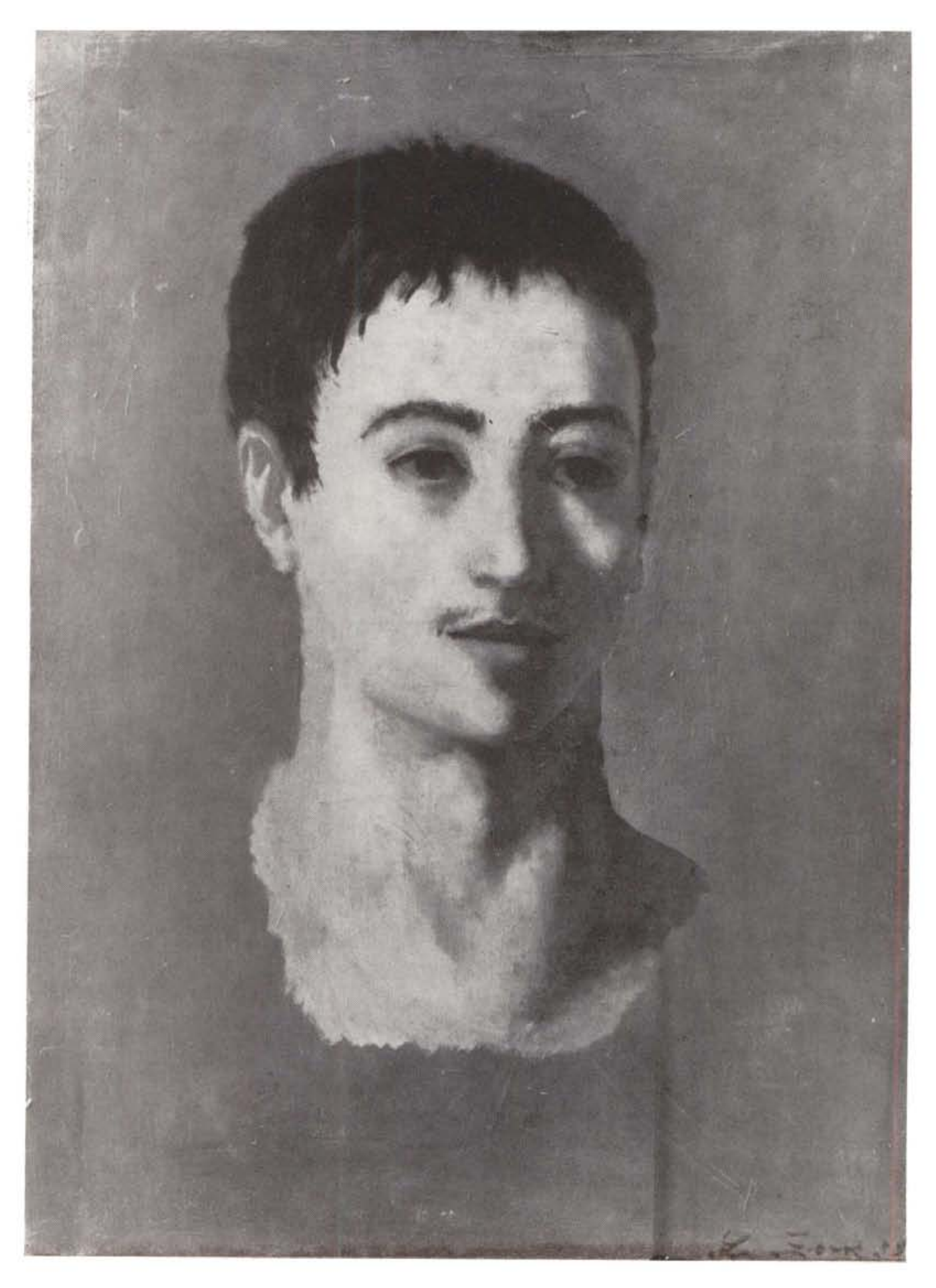
Вы пришли съ ошеломительной и страшной новостью, рѣшивъ мнѣ ее сообщить немедленно, смѣло и прямо, расчитывая и на мою безбоязненную внутреннюю устойчивость, въ то же время мнѣ сочувствуя и за меня страдая:

— Должна васъ очень огорчить, на дняхъ прiѣзжаетъ Сергѣй Николаевичъ.

Вы нѣсколько ошиблись въ степени моего безстрашiя — прежде всего мнѣ пришлось себя обмануть искусственно - успокоительными разсужденiями о томъ, что будто бы Сергѣй Н. сюда прiѣзжаетъ ненадолго, что эти немногiя недѣли я долженъ перетерпѣть, что я терпѣливъ, что привыкъ и умѣю ждать, что дождусь и что все это еще выносимо. И дѣйствительно не приходилось сомнѣваться, что рано или поздно Сергѣй Н. въ Парижъ попадетъ. Послѣ своего нашумѣвшаго американскаго контракта онъ въ свободные отъ съемокъ мѣсяцы можетъ ѣздить, куда ему угодно, каждый городъ внѣ Россiи ему доступенъ и внѣ Россiи никого у него нѣтъ, кромѣ васъ. Онъ не могъ забыть и о "царственномъ" своемъ подаркѣ, сдѣланномъ вамъ наканунѣ вашего отъѣзда изъ Берлина: этимъ подаркомъ, своей непрестанной въ отношенiи васъ добротой, всей вашей легкой, имъ, въ сущности, созданной жизнью онъ — въ лучшемъ смыслѣ — навсегда съ вами связанъ и, какъ бы онъ ни былъ благороденъ и безкорыстно - щедръ, онъ когда - нибудь долженъ (опять таки въ лучшемъ смыслѣ) наглядно свое благодѣянiе увидѣть, заслуженно, спокойно и скромно "пожать плоды". Можетъ - быть, онъ — единственное, что поневолѣ насъ раздѣляетъ. Я совсѣмъ не стыжусь, что Сергѣй Н. васъ облагодѣтельствовалъ, я къ этому прiученъ давно, да и сознаю васъ не въ постоянной отъ него зависимости — онъ вамъ однажды помогъ, и больше вы ни въ немъ (правда, благодаря лишь ему) и ни въ комъ другомъ не нуждались — но если у меня и бываетъ то, что называется "безпочвенными мечтанiями", такъ именно о большихъ, мною заработанныхъ деньгахъ, объ уплатѣ Сергѣю Николаевичу вашего "долга", о томъ, чтобы васъ выкупить, о тѣхъ чудесныхъ неисчислимыхъ послѣдствiяхъ, которыя намъ дасть подобный несбыточный выкупъ: значитъ, это крѣпко меня задѣло, не оставляетъ, и только я приспособился къ невозможности благопрiятнаго исхода. Вы, съ вашей скрытой легкой умиляемостью, съ чувствомъ признательности, неизмѣнно вамъ свойственнымъ, не можете себя не

Гончарова. Испанка. *Gontcharova. Espagnole.*

Л. Закъ. Лицо. *L. Zack. Visage.*

считать неоплатной должницей Сергѣя Н., вы порою словно принуждены, полураскаиваясь, свою благодарность подчеркивать, но вамъ тяжело быть навсегда кому - то обязанной, какъ это, само собой разумѣется, тяжело и каждому сильному, природно - самостоятельному человѣку — особенно же нелюбящему своего благодѣтеля, невольно отыскивающему въ его поступкѣ какія - то мелочи, которыя "все портятъ" и все имъ сдѣланное несправедливо и обидно обезцѣниваютъ. Мнѣ часто кажется, будто мое преимущество передъ Сергѣемъ Н. — во всякомъ случаѣ, одно изъ преимуществъ — что мнѣ-то вы ничѣмъ не обязаны, что я вамъ ни въ чемъ существенномъ не помогъ. И странно — поэтому вы лучше ко мнѣ относитесь, а у меня какъ разъ непослѣдовательная, неодолимая потребность что - то рѣшающее для васъ сдѣлать, вамъ помочь въ чемъ - нибудь наиболѣе важномъ, умиляться и радоваться своей помощи. Очевидно, какъ бы ни знать, какъ бы неукоснительно ни помнить общихъ законовъ и правилъ, ихъ къ себѣ не всегда примѣняешь и на своемъ будто бы исключительномъ примѣрѣ хочешь убѣдиться въ возможности человѣческаго совершенства. Вотъ и я, въ своемъ стремленіи васъ осчастливить, забываю все, почти неизбѣжное несоотвѣтствіе между наивными ожиданіями благотворителя, самодовольно предвкушающаго "беззавѣтную преданность", и между обычной озлобленностью тѣхъ, кому помогли и кого оттолкнули именно этими самодовольными ожиданіями. Зато на всякомъ чужомъ примѣрѣ мы легко доказываемъ свою безпристрастность и готовы немедленно къ нему приложить самые безпощадные "общіе законы": такъ, когда вы говорите о Сергѣѣ Н., я не довѣряю "казенной" вашей признательности, на васъ непохожимъ, заимствованно - пустымъ выраженіямъ, вродѣ сегодняшнихъ — "что бы я сдѣлала безъ него, что это за человѣкъ, онъ меня поднялъ не только денежно, но и духовно". Вы достаточно проницательны и умны, чтобы предвидѣть мое возмущеніе изъ - за такихъ явно - неискреннихъ вашихъ похвалъ и такой, хотя бы и "казенной", вашей восторженности, и въ часы и дни безукоризненно-милые вы не упоминаете о Сергѣѣ Н., однако, едва со мною вамъ скучно, вы непроизвольно о немъ заговариваете, если же — что бываетъ впрочемъ все рѣже — мы съ вами открыто не ладимъ и не хотимъ мириться, вы (опять-таки для себя непроизвольно, торопясь мнѣ противопоставить другую опору) говорите о Сергѣѣ

Н. уже вовсе не по обязанности, а какъ-то неожиданно-экзальтировано, съ оттѣнкомъ сердечной и даже любовной теплоты.

Мнѣ странно думать о новомъ образѣ Сергѣя Н., о томъ, какъ безповоротно перемѣстилось мое интеллектуально - сладостное ему подчиненіе, мой съ нимъ воображенный сопернически - дружескій союзъ. Вѣдь когда - то онъ былъ для меня тайнымъ и недосягаемымъ руководителемъ въ умѣніи добиваться чего - угодно — и съ вами, и въ искусствѣ, и въ житейскихъ дѣлахъ. Сейчасъ имъ утеряно всякое надо мной преимущество (кромѣ развѣ одного преимущества — денежнаго): онъ несомнѣнно "продался" — пускай отчасти и ради васъ — и поневолѣ сталъ для меня какъ - то меньше (пишу откровенно, съ простой и безжалостной прямотою, и не буду ничего ни пріукрашивать, ни оправдывать изъ - за рыцарскихъ чувствъ къ сопернику или врагу), а главная, для меня рѣшающая въ немъ перемѣна — что это я съ вами, что я читаю его безнадежно - грустныя признанія, что онъ уже давно не старается и не подтягивается, что онъ именно съ вами неудачливъ, жалокъ и слабъ. Вѣроятно въ каждомъ изъ насъ, если намъ повезетъ, есть какая-то самоувѣренность, побѣдительность, "хамство", какое-то пренебреженіе къ невезучимъ и побѣжденнымъ, и быть-можетъ, забывчивое мое равнодушіе къ Сергѣю Н., постепенно во мнѣ утвердившееся, объясняется не только его отсутствіемъ, но и давнимъ его у васъ неуспѣхомъ. Все жъ таки, будь онъ вамъ ближе меня, я бы совсѣмъ по иному о немъ помнилъ, и совсѣмъ бы иной мнѣ тогда казалось его также и внѣлюбовная, внѣсоперническая значительность.

Почему - то намъ легче и менѣе болѣзненно мы задѣты, если счастливый нашъ соперникъ - человѣкъ благородный и стоющій: иначе къ ревности присоединяется еще и сознаніе несправедливости, и навязчивая мысль о плохомъ выборѣ, и то, что женщина, для насъ несравненно - достойная, могла быть несправедливой и плохо выбрать. Если же, какъ у меня съ Сергѣемъ Н., благороденъ несчастливый соперникъ и въ данную минуту — полуслучайно — нѣтъ пренебрежительнаго, "хамскаго" о немъ забвенія, то появляется какое - то чувство неловкости, недовольства собой, какая - то увѣренность, что онъ поступилъ бы лучше, какое - то безпрерывное, необоснованное и невыгодное съ нимъ соревнованіе. Между тѣмъ именно съ вами — оттого - что я восхищенно васъ люблю, и притомъ васъ, а не только

себя въ этой любви, и даже васъ больше люблю, чѣмъ себя — у меня безграничная потребность въ своемъ, ни у кого другого не возможномъ, неповторимо - возвышенномъ благородствѣ, и первый признакъ такой къ себѣ требовательности — стоическое презрѣніе къ собственнымъ удобствамъ и нуждамъ: я могу не ѣсть и не спать, проснуться въ любое время, уйти съ середины обѣда, обходиться безъ денегъ, безъ развлеченій и безъ друзей. У меня "фанатическая идея" — какъ у подвижника, у патріота, у революціонера — вамъ приносить въ жертву что - угодно и для васъ безпощадно себя закалять, и въ "культивированіи" этой идеи Сергѣй Н. мнѣ постоянно и какъ - то укоряюще препятствуетъ: вѣдь такъ сложились обстоятельства, что я никакой жертвы не принесъ, что я какъ будто прихвастываю и "дешево отдѣлываюсь", а за нимъ уже имѣется что - то существенно - важное, и этимъ обезцѣнивается будущая моя жертва, мое благородство, всѣ мелко - аскетическія надъ собой побѣды, какъ безчисленными подвигами и смертями на фронтѣ обезцѣнивается работа людей, почему - либо оставшихся въ тылу. А главное, его "служеніе" и мое слишкомъ во всемъ между собою схожи: представьте себѣ, до чего становится скучно, если кто - то любимой вами женщинѣ такъ же, какъ и вы, блаженно - одобрительно улыбается, приноситъ книги или посылаетъ цвѣты, такъ же, какъ и вы, понимающе ее слушаетъ — насколько скучнѣе и невыносимѣе, когда это убійственно - глупое совпаденіе мелочей вызывается родственной близостью самихъ чувствъ, общностью ихъ цѣли, идеи, ихъ основной душевной настроенности, всего, благодаря чему та и другая любовь — лишь странно - безсмысленные чувства - близнецы (одно изъ вѣчныхъ издѣвательствъ природы — правда, нечастое, но какъ разъ мнѣ выпавшее). И пускай нами болѣзненнѣе, тяжелѣе переносится, если цѣль и дѣятельность соперника въ чемъ - то низкопробнѣе нашей (а всякая иная цѣль для насъ обязательно низкопробна), если соперникъ намъ кажется "хищникомъ", "эгоистомъ", человѣкомъ, на жертвы неспособнымъ — тогда легко дать просторъ обидамъ, негодованію, ревности и столь насъ усиливающей жаждѣ справедливости, легко и естественно бороться, и чужая побѣда и жесточайшее наше мученіе нами принимаются все же безъ потери собственнаго достоинства, съ надеждой на перемѣну или на конецъ. Но если соперникъ стремится къ тому же, что я, и женщина, за которую мы боремся, не безъ внутрен-

ней насмѣшливости обнаруживаетъ у насъ обоихъ одинаковость стремленій и способовъ, то у меня какъ бы украдена моя цѣль, да и вся моя влюбленная манера (разумѣется, случайная, но уже единственно мнѣ доступная), своего для меня въ любви не остается, и я самъ не могу понять, за что бы "ей" меня предпочесть, самъ не могу одобрить незаслуженнаго мною предпочтенія. Такая тягостная неотличимость двухъ отношеній, двухъ отдѣльныхъ чувствъ, давно установилась у меня и у Сергѣя Н., и меня спасало только постоянное его отсутствіе, то, что я наглядно съ вами его не видалъ, то, что я такъ рѣдко, такъ нереально - пренебрежительно о немъ думалъ, но если изрѣдка я все же о немъ думалъ и нечаянно съ собою сопоставлялъ, то мнѣ дѣлалось стыдно своего везенія, вашей восторженной оцѣнки моего благородства, вашего отвѣтнаго умиленно - признательнаго благородства. А теперь неминуемо должна нарушиться иллюзія единственности благовѣйно - жертвеннаго моего чувства, я увижу Сергѣя Н. рядомъ съ вами, и онъ будетъ такимъ же, какъ и я, и не помогутъ мнѣ никакія трусливо - утѣшительныя мысли — что все это на время, на недѣли, на мѣсяцы: мой другъ, не вѣрьте подобнымъ искусственно - утѣшающимъ мыслямъ — дурные часы, отказъ отъ возможныхъ хорошихъ часовъ, наше о нихъ сожалѣніе и боль никогда не кончаются и не пропадаютъ, и безчисленные ихъ слѣды (какъ и слѣды раздѣленности, счастья, объятій, упоительныхъ любовныхъ ночей и безоговорочнаго взаимно - добраго пониманія), въ сущности, насъ и создаютъ, и намъ слѣдуетъ — ради человѣческой своей высоты — непремѣнно добиваться и побѣды и въ побѣдѣ искупляющаго великодушія. И вотъ безошибочно сознавая всю для себя смертельную непоправимость пріѣзда Сергѣя Н., всю неутѣшительность того, что онъ пріѣзжаетъ сюда ненадолго, я лишь на этомъ нищенскомъ и шаткомъ "ненадолго" сразу же сталъ основывать черезчуръ уступчивыя свои надежды, но отъ гордости, отъ мужественности (или вѣрнѣе, вамъ въ гордости и мужественности подражая, стараясь такъ именно поступить, какъ вы считаете наиболѣе достойнымъ) я отложилъ естественно - нетерпѣливый вопросъ о Сергѣѣ Н. и перевелъ разговоръ на другое, на условленную встрѣчу съ Шурой и Ритой въ кафэ, а затѣмъ, какъ - то отъ страха ослабѣвъ, съ ощущеніемъ конца и послѣдняго передъ концомъ неизбѣжнаго пустого безразличія, тщетно пытаясь не выдать себя нетвердостью

голоса, подчеркнутостью, несвязанностью съ предыдущимъ отложеннаго на минуту вопроса, я безсильно и робко (и въ то же время дѣланно - шутливо) произнесъ:

— Скажите, Леля, votre ami, онъ пробудетъ въ Парижѣ очень долго?

— Боюсь, что очень. Кажется, онъ съ кѣмъ - то повздорилъ. Ему должны заплатить впередъ, а потомъ отпустятъ совсѣмъ. Жить онъ захочетъ тогда въ Европѣ, весьма вѣроятно, что какъ разъ въ Парижѣ. Вы озабочены? Я тоже (для Лели небывалое ко мнѣ благоволеніе — такія окончательно предающія Сергѣя Н. слова). Но право же, ничего не измѣнится. И знаете, что еще — изъ насъ двоихъ, меня и васъ, мнѣ будетъ гораздо труднѣе.

Вы меня нисколько не успокоили, да и я не могъ вамъ повѣрить и лишь смутно, почти бездоказательно подумалъ о своемъ возмущенномъ несогласіи (которое впослѣдствіи на улицѣ — благодаря обычному воображаемому съ вами спору — сперва усложнилось, затѣмъ постепенно упорядочилось), я подумалъ о томъ, что изъ насъ двоихъ безъ сомнѣнія легче будетъ вамъ, что вы останетесь попрежнему во мнѣ увѣренной и ни съ кѣмъ меня вынужденно не подѣлите, что никогда рядомъ съ вами не появится васъ обезцѣнивающей и обезличивающей соперницы. И уже внѣ воображаемаго нашего спора, съ какой - то безнадежной о себѣ ясностью, съ какимъ - то внезапнымъ прозрѣніемъ мнѣ предопредѣленныхъ и обидныхъ неудачъ, я вдругъ сознательно полностью охватилъ уходящее хорошее съ вами время, недавніе мѣсяцы и недѣли, какихъ у меня еще не было. Среди немногихъ счастливыхъ моихъ свойствъ — умѣніе не разочаровываться въ обѣщанномъ и осуществившемся, найти въ немъ то самое, что взволнованно мною ожидалось, и даже еще большее и лучшее, и медленно отъ найденнаго разгораться, безъ конца себѣ напоминая о своей удачѣ: такъ у меня было и съ первыми женщинами, и въ интеллектуальной дружбѣ, и теперь — изъ - за вашей неизмѣнной со мною доброты. Я до васъ не зналъ любовной доброты, и мое не по годамъ юношески - пылкое воодушевленіе предвидѣло, насколько она совершенна, но въ дѣйствительности она оказалась прекраснѣе и острѣе, чѣмъ я себѣ представлялъ, и мнѣ страшно писать о томъ, что быть - можетъ уже уходитъ, чему грозитъ подступившая вплотную и пожалуй скучно - оскорбительная опасность.

Изъ всего, что я могу потерять, мнѣ какъ - то особенно жаль достигнутой съ вами естественности, легкости, свободы: я говорю, о чемъ вздумается, предлагаю самое для себя въ данную минуту прiятное, не приспосабливаюсь, не хитрю и васъ ни къ чему не долженъ подготовлять и такую же довѣрчивую непосредственность постоянно ощущаю у васъ. Мнѣ это кажется ошеломительно - новымъ: такая недумающая простота бывала у меня и прежде — отъ безразличiя къ нѣкоторымъ людямъ, отъ привычной и разсѣянной съ ними вялости — но при малѣйшей задѣтости, при какой - либо зависимости отъ этихъ людей, какъ только они становились еле замѣтно, совсѣмъ незначительно нужными, непринужденное спокойствiе исчезало, и я —ради показной стойкости — напрасно старался хотя бы внѣшне его воспроизвести. Теперь же, кромѣ рѣдкихъ вашихъ отступленiй ("болитъ голова", "перекутилась", "устала" — или непрiязненно - хмурый взглядъ), у насъ ровная, часто веселая взаимная привѣтливость, и обо всемъ можно попросить, вы не пожмете плечами и вѣроятно ни въ чемъ не откажете. Мнѣ до сихъ поръ отрадно и странно распоряжаться вашимъ временемъ, васъ повести въ кафэ, если мнѣ захочется, отправиться съ вами въ кинематографъ, отложить завтракъ, заставить читать васъ понравившiйся мнѣ романъ или стихи, поднять васъ, еще сонную, съ кровати, чтобы вмѣстѣ поѣхать куда - нибудь за городъ... Я никогда не насыщаюсь вашимъ присутствiемъ, но въ этомъ нѣтъ болѣзненной, съ трудомъ подавляемой нетерпѣливости — напротивъ, совмѣстные наши дни придаютъ каждому изъ насъ сколько - угодно бодрости и здоровья. Вѣдь нельзя же назвать болѣзненнымъ то, какъ у меня колотится сердце, когда утромъ въ обычные одиннадцать часовъ я къ вамъ подымаюсь по лѣстницѣ или — рѣже — звоню по телефону, горестно предупреждая, что меня "задержали дѣла": очевидно намъ не слѣдуетъ такъ не вовремя послѣ ночи разставаться — такъ ясно - надуманно и не въ мѣру разсудительно — и мои слишкомъ раннiе вынужденные уходы, считанiе съ условностями, съ искусственной, внѣшней, я сказалъ бы, даже денежной чистоплотностью (съ тѣмъ, что вы самостоятельны и не живете со мною вмѣстѣ) — несомнѣнная жертва и наврядъ ли особенно нужная. Простите, если я придираюсь къ мелочамъ, вамъ что - то доказываю и съ вами торгуюсь — при моемъ то умѣнiи наслаждаться любой удачей: это все отъ привычки спорить, отъ изба-

лованности, отъ ненасытности, отъ вздорности — и больше я объ этомъ не упомяну.

Вся прелесть нашихъ удивительныхъ съ вами отношенiй въ томъ, что разнообразныя ихъ частности неизмѣнно проникнуты чѣмъ - то единымъ — взаимной доброжелательностью и довѣрiемъ, непрерывнымъ подбадриванiемъ другъ друга, какимъ - то смягченно - чувственнымъ нѣжнымъ слiянiемъ двухъ вмѣстѣ замкнувшихся, отъ всего отгороженныхъ людей — и еще прелесть ихъ въ томъ, что каждая такая частность по своему очаровательна и неизгладима. Вотъ кафэ, гдѣ подъ - вечеръ намъ такъ привычно - уютно сидится вдвоемъ, гдѣ мы особенно легко говоримъ о себѣ и, какъ всегда, если можно говорить о себѣ, стремительно вдохновляемся, вознося на необычайную высоту и насъ самихъ и столь дѣйственно - вдохновляющую нашу сыгранность. Мы оба приподняты тѣмъ же порывомъ, той-же — какъ у спиритовъ — отъ насъ таинственно рожденной силой, мы оба, до нескрываемой физической дрожи, до крайности впечатлительно-творчески - нервны и преувеличенно - радостно поражаемся щедрымъ — и собственнымъ и отвѣтнымъ — открытiямъ, причемъ наше восхищенiе и ежеминутно удовлетворяемое тщеславiе насъ все болѣе прочно и все по новому связываютъ. Да, обычно кафэ — наше творчество, подъемъ и полетъ, оправданiе внѣшне лѣнивой, нелѣпой, безцѣльной, эгоистически - самонадѣянной нашей жизни. А вотъ и нерѣдкiе у насъ вечера въ нарядномъ вашемъ пансiонѣ, въ неповторимо - родной вашей комнатѣ, огромной, тяжелой, загроможденной коврами, мебелью, подушками въ кружевахъ и разноцвѣтныхъ веселыхъ атласныхъ бантахъ: мы съ вами, одѣтые, лежимъ на тѣсной, немного жесткой кушеткѣ (пышная французская кровать какъ разъ у противоположной стѣны), ваши плечи покоятся на моей рукѣ, ваша голова чуть ниже моей, и я медленно глажу ближайшей вамъ правой щекой короткiе ослѣпительно - бѣлокурые ваши волосы, самое властное для меня въ неотразимо - волнующемъ вашемъ обликѣ и порою наиболѣе мнѣ послушное. Мы оба замерли, блаженно выпрямившись, и молчимъ, и каждый отдѣльный кусочекъ моей кожи (или такъ мнѣ наивно кажется или хочется, чтобы казалось) — черезъ тоненькое ваше платье и мой костюмъ — до навязчивости осязательно къ вамъ притягивается и словно бы ликующе удивляется безподобному совершенству вашихъ мягкихъ и плавныхъ

линій, а свободная лѣвая мея рука, не нарушая какого - то стыдливо-тайнаго нашего уговора, тихонько движется по этимъ плавнымъ неровностямъ, отъ нѣжнаго колѣннаго выступа до побѣдоносно - свѣтлыхъ волосъ, теперь лишь трогательныхъ и довѣрчиво ко мнѣ склоненныхъ. Затѣмъ правая моя рука застываетъ, вы жалуетесь на досадную боль въ спинѣ, гармонія, колдовство поневолѣ должны исчезнуть, но мѣняется поза, мы стараемся лечь согнувшись, устроиться по иному, проще, удобнѣе, вы съ наслажденіемъ закрываете глаза, какъ бы по дѣтски передъ сномъ тяжело вздыхая, въ послѣдній разъ еще вздрогнувъ и поведя плечами — и колдовство вернулось, и вскорѣ мы забыли о перерывѣ. Съ непонятнымъ и несвойственнымъ намъ упорствомъ мы сдерживаемъ то возростающее, то убывающее свое возбужденіе и эти странные, въ сущности, вовсе неодинаковые часы — для насъ и тѣлесный и душевный отдыхъ, удесятеренный той загадочной, той неизъяснимой остротой, которую иногда сообщаютъ другъ другу скучные и вялые порознь люди. Такой благодѣтельно - чистый отдыхъ и такой безудержный творческій подъемъ въ различныхъ, пускай даже ослабленныхъ сочетаніяхъ неожиданно возникаютъ отъ каждаго случайнаго прикосновенія, отъ каждаго, насъ хоть немного затрагивающаго разговора, и я, это сознавая, все болѣе долженъ радоваться своей ничѣмъ не стѣсненной съ вами свободѣ — вѣдь я всегда могу очутиться около васъ, оживить васъ незначущими, обнадеживающими словами, напомнить вамъ о своей любви или взволнованно спросить о вашей, васъ утѣшить, взять за руку и намѣренно вызвать любое, нужное по минутѣ и неизмѣнно благотворное наше взаимодѣйствіе, вы же почти безпричинно мнѣ благодарны и готовы восхищаться какою - угодно мелочью. Все это со стороны вѣроятно представляется смѣшнымъ и невзрослымъ, и еще на дняхъ мнѣ Шура укоризненно говорилъ, что мы оба ведемъ себя, "какъ ненормальные", что порою неловко на насъ смотрѣть. Можетъ-быть, онъ и правъ, и для него наши умиленные взгляды, какая - то непрерывность улыбокъ, счастья и доброты столь же оскорбительно-враждебны, какъ и для насъ его неприкрытая чувственность — лишній урокъ терпимости ко всякому, намъ противоположному поведенію — и онъ тѣмъ болѣе правъ и тѣмъ нагляднѣе урокъ терпимости, что я и не подумаю отказаться отъ вашихъ улыбокъ и доброты: изъ нихъ, изъ отвѣтныхъ моихъ поступковъ, изъ ожиданій и послѣдую-

щей признательности, изъ такой непрерывной горячки, насъ обоихъ цѣликомъ охватившей, незамѣтно складывается любовь, и въ этомъ ея питаніе и лишь въ этомъ ея неистощимость. И я не могу насытиться вашими любовными увѣреніями, преувеличенными "спасибо" по каждому поводу, грустной преданностью въ глазахъ и голосѣ, иногда же, на людяхъ, умышленной сухостью, мнѣ одному невольно понятной, внезапно срывающейся и переходящей въ незабываемую пѣвучую нѣжность: все это, какъ въ первые дни, для меня еще и ново и рѣдко — и дотого значительно, что ни малѣйшей благопріятной случайности мнѣ по жадному не хочется упустить.

И все же, когда я припоминаю безчисленные наши разговоры (и особенно мои воображаемые разговоры съ вами наединѣ), то оказывается, что есть у меня основное повышенно - радостное состояніе и какъ - то съ нимъ вмѣстѣ уживаются (или какъ - то его оттѣсняютъ) безконечные переходы отъ обиженности и печали къ недолгому и безоблачному спокойствію, и еще при этомъ оказывается, что я самъ упорно выискиваю свои горести (правда, менѣе упорно, чѣмъ многіе другіе влюбленные — у меня нѣтъ болѣзненнаго желанія себя мучить) и что — главное — повсюду онѣ разсыпаны, гдѣ у насъ будто бы обстоитъ такъ благополучно. Даже нерѣдко при "выясненіи отношеній", насъ всегда примирительно - вдохновляющемъ, поэтическая наша настроенность, привычно - легкія и милыя слова вдругъ смѣняются гнѣвными угрозами (мнѣ почему - то кажется, по вашей винѣ), что однако неизмѣнно приводитъ къ видимости бурнаго и сладкаго примиренія и что пожалуй для насъ является необходимой дразняще - любовной игрой. Точно такъ же и въ плохіе наши дни у меня было какое - то основное настроеніе (разумѣется, тягостное и гнетущее) и съ нимъ рядомъ постоянные переходы отъ послѣдней жесточайшей безнадежности къ минутному спокойствію, уже ничѣмъ не оправданному. Какъ тогда въ плохомъ, такъ и теперь въ хорошемъ, у насъ не бываетъ ровности и полноты — или, можетъ-быть ихъ нѣтъ на свѣтѣ — и порою наши теперешнія расхожденія попросту смѣшны и необъяснимы. Мы съ вами еще ни разу не говорили о вчерашнемъ показательномъ случаѣ — между тѣмъ онъ меня какъ-то обезсилилъ, словно тяжело перенесенная болѣзнь. Помните, вы были въ ванной комнатѣ у зеркала и сосредоточенно мазали губы, а я безъ дѣла стоялъ позади васъ, разсматривая въ зеркалѣ, какъ мы

вмѣстѣ выглядимъ, а потомъ — отъ внезапнаго прилива нѣжности (по крайней мѣрѣ, именно такъ мнѣ представилось) — чуть отведя край полудекольтированнаго вашего платья, въ сущности вами же давно избалованный, не впервые поцѣловалъ васъ въ плечо, но вы неожиданно вздрогнули и отодвинулись. На мгновеніе во всемъ вашемъ существѣ — въ опущенныхъ злобно глазахъ, въ потемнѣвшей напряженности шеи и щекъ, въ упрямомъ нахмуренномъ лбу — появилась какая - то презрительная досада, непониманіе неумѣстной моей развязности, готовность сопротивляться и нападать. Мнѣ, какъ обычно въ этихъ случаяхъ (теперь все болѣе рѣдкихъ), вдругъ стало ясно, что я вамъ физически непріятенъ, что вы еле скрываете свою брезгливость. Даже въ моей памяти не сохранилось, какимъ я сдѣлался сразу послѣ вашего движенія и что сказалъ — настолько я растерялся отъ обиды. Вѣроятно вы и сами что-то замѣтили и постарались нехорошее впечатлѣніе поскорѣе смягчить:

— Я начинаю бояться, когда вы со мной обращаетесь слишкомъ ужъ по привычкѣ, слишкомъ по хозяйски, точно мы тысячу лѣтъ женаты.

Мнѣ и эти смягчающія слова показались безмѣрно несправедливыми, и я окончательно себя увѣрилъ, что несчастный мой поцѣлуй былъ вызванъ нѣжностью и ничѣмъ инымъ. Все же я наполовину собой овладѣлъ и принялъ грустную позу человѣка, злонамѣренно-непонятаго, но приготовившагося все объяснить и лишь ожидающаго наводящихъ вопросовъ. Вы изъ гордости ихъ не задали, перешли изъ ванной комнаты въ спальную и взялись за газету, изрѣдка съ опаской на меня поглядывая. Впрочемъ я такъ и не рѣшилъ, догадались ли вы о степени моей задѣтости, насколько вамъ это важно и дѣйствительно ли вы хотѣли это загладить. Когда я — не то пробуя васъ испытать, не то уже совсѣмъ потерявъ надежду — безъ предупрежденія всталъ и заявилъ, что ухожу на цѣлый день по дѣламъ, вы не удерживали меня, и, прощаясь, не подняли глазъ отъ своей газеты.

Никакого дѣла у меня, конечно, быть не могло, и вы прекрасно понимали, что я пойду безсмысленно бродить по улицамъ и что о дѣлѣ я заговорилъ ради сохраненія какого - то своего достоинства, все равно опровергнутаго вашей догадливостью и ея несомнѣнной для меня очевидностью, и конечно я долго бродилъ по надоѣдливымъ, противно - веселымъ лѣтнимъ улицамъ, переходя изъ кафэ въ

кафэ и продолжая упиваться той грустной внутренней позой, которая при васъ у меня возникла и которой постепенно я началъ вѣрить. Сперва являлась она безпредметной, затѣмъ содержаніемъ ея сдѣлалось полузабытое и не сразу возстановленное, первоначально оскорбившее меня подозрѣніе, будто я, какъ прежде, физически вамъ "не нравлюсь" и будто вы — изъ деликатности, изъ - за отсутствія чьей-либо другой, вамъ болѣе нужной влюбленности — все время щадите меня, обманываете и стараетесь показать то, чего никогда со мною у васъ не было. Мнѣ стало (уже безъ всякой рисовки) до безвыходности жутко и больно, что въ отношеніяхъ единственно для меня важныхъ нѣтъ простѣйшаго, существенно - необходимаго свойства, столь обычнаго и нецѣннаго въ нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ, и одна за другой припомнились безсчетныя мои обиды, каждая ваша рѣзкость, каждый вашъ непріязненный и неумолимый жестъ. Вѣроятно не бываетъ большей любовной жестокости, чѣмъ это нечувствованіе, это отстраненіе любящаго, и никакая теплокровная дружба, никакіе изобрѣтательные совѣты намъ не замѣнятъ безразсудной, нами внушенной страсти — вотъ почему такъ живучи давнишнія мои обиды и такъ сильна и неустранима моя злопамятность: все передуманное въ наше плохое время, всѣ вамъ невысказанныя мстительно-дерзкія мысли, всѣ безошибочные "ваши" доводы (точнѣе, доводы, вамъ мною тогда приписанные) противъ возможнаго у насъ примиренія, вся ненависть безсонныхъ моихъ ночей, вами вызванная и естественно на васъ направленная, все это, казалось бы, навсегда усыпленное теперешней легкой и райской жизнью, внезапно пробудилось во мнѣ — до смѣшного по старому — словно бы оно и не исчезало. Мнѣ хотѣлось вамъ крикнуть и васъ предупредить, чтобы вы скрыли нелѣпую свою враждебность еще безупречнѣе, еще совершеннѣе, чѣмъ прежде, вѣрнѣе, чтобы вы окончательно ее перебороли, и негодующій этотъ порывъ былъ странно - точнымъ воспроизведеніемъ яростныхъ прошлогоднихъ, до васъ ни разу не дошедшихъ моихъ угрозъ. А затѣмъ повторилось (въ прежней послѣдовательности, но предѣльно - сокращенно) то, что однажды у меня продолжалось многія недѣли и даже мѣсяцы — внутренняя моя сдача, жалкое и печальное къ вамъ возвращеніе. Я вдругъ подумалъ (пожалуй безъ всякаго внѣшняго повода), что если я чего - нибудь и стою, то вы одна взволнованно и до послѣдняго основанія меня цѣните, что и это спа-

сительно для меня и врядъ ли достижимо съ кѣмъ - либо, кромѣ васъ, и что вы ко мнѣ (имено въ рѣшающемъ, а не въ мелочахъ) умно - благожелательны, какъ со мной никто еще не былъ. Мгновенно перейдя отъ чувства благодарности къ стремленію выказать великодушіе, я поддался предвидѣнію радости, какъ вы мнѣ прощающе улыбнетесь, и не разсуждая купилъ въ закрывавшемся уже магазинѣ любимые ваши духи: предыдущіе кончились, васъ же неизмѣнно трогаетъ не только вниманіе, но и его умѣстность, правильность, я бы точнѣе выразился, полезность — не отъ того, что вы корыстны (денежной корыстности въ васъ не имѣется и въ поминѣ), но отъ удвоенности для васъ такого словно бы "внимательнаго вниманія".

И правда, какъ я и ожидалъ, вы сразу же оттаяли, и первое привѣтствіе (вмѣсто обычнаго при такихъ подаркахъ удивленнаго — "нѣтъ, это мнѣ?" — или притворно - строгаго "кажется, я разсержусь"), первыя слова, мной услышанныя, были — "вытрите щеки" — послѣ того, какъ вы звучно меня въ обѣ щеки поцѣловали и запачкали ихъ блестящей губною помадой. Затѣмъ вы схватили съ туалета напильникъ и ножницы, чтобы поскорѣе раскрыть пакетъ (какъ ребенокъ торопится вынуть изъ папки подаренную ему игрушку) и чтобы перелить духи въ четырехугольный граненый туалетный флаконъ, но я, испытывая какую - то неколеблющуюся въ васъ увѣренность, поднявъ и раскинувъ полукругомъ свои руки, осторожно васъ притянулъ, и вы стремительно влетѣли въ приготовленное для васъ убѣжище, ненасытно - тѣсно прижавшись, съ той мягкой отдающейся покорностью, о которой я уже и не думалъ, когда недавно въ безцѣльномъ и горькомъ одиночествѣ бродилъ по лѣтнимъ Парижскимъ улицамъ, съ покорностью, которая заглаживаетъ любую мстительную долгую боль, а намъ съ вами доказываетъ, какая затаена сила именно въ нашемъ, послѣ неровныхъ этихъ лѣтъ, еще неисчерпанно - свѣжемъ, колдовскомъ объятіи, и быть - можетъ доказываетъ правоту отстраняющаго вашего движенія, мнѣ представившагося столь обиднымъ: вы какъ будто испугались, что колдовское дѣйствіе нашихъ соприкасаній незамѣтно превращается словно бы въ обязанность или привычку.

И вотъ теперь, изъ - за предстоящаго пріѣзда Сергѣя Н., всѣ очаровательныя частности ежедневныхъ нашихъ отношеній — встрѣчи въ кафэ, разговоры, сладостное спокойствіе у васъ дома, неволь-

ныя кратковременныя обиды и непередаваемо - смягчающее ихъ заглаживаніе, а также (чего ужъ частностью не назовешь) наши сказочныя и страшныя ночи — все это становится болѣзненно - неустойчивымъ, легко можетъ исчезнуть и замѣниться другими отношеніями, случайными и зависящими отъ постороннихъ причинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

СЕРГѢЙ ШАРШУНЪ

изъ эпопеи;

«ГЕРОЙ ИНТЕРЕСНѢЕ РОМАНА»

ЛИРИЧЕСКОЕ ПРИНОШЕНІЕ

Cherchant dans la marche et dans la fatigue l'engourdissement de la pensée.

Aurelia-Gérard de Nerval.

Берясь за физическую работу, Д. каждый разъ ужасался предстоящей: толкотни, уколовъ самолюбія, подчиненности, надрыва силъ, простуды и смерти.

Но, т. к. въ концѣ - концовъ, ничего ужаснаго не происходило, а мускульное напряженіе и связанное съ нимъ увеличеніе аппетита — приносило здоровье, то мало по малу договоръ съ жизнью возобновлялся.

Однако, на этотъ разъ, Долголиковымъ овладѣло опасеніе, что онъ, какъ иностранецъ, заработка больше имѣть не будетъ и, (хотя, про себя, не сомнѣваясь, что все устроится) преувеличивая до кошмара, и одновременно зная о пользѣ тяжелаго состоянія человѣчества для его развитія: даже началъ мечтать о черной работѣ.

Вотъ почему, хотя уже прошло съ недѣлю какъ онъ "возвращенъ свободѣ" — привычный образъ жизни все не налаживался.

"Я свободенъ! Лучшей своей сущностью больше не связанъ со стрѣлкой часовъ! Я — снова я! Я вернулся въ себя!", твердилъ Д.

Но, его я не могло войти, размѣститься въ выпрямившемся поздоровѣвшемъ тѣлѣ; и это "несовпаденіе контуровъ" чувствовалось особенно — первые часы и дни.

Больше чѣмъ послѣ каникулъ загорѣвшую и по временамъ растягивавшуюся въ идіотическую улыбку, его физіономію — раздуло пышкой, подъ кожей отложился слой жира (Д. даже ощупалъ себя, какъ женщина) и онъ прибавился въ вѣсѣ на 3-4 килограмма.

Первый - же день онъ отправился по магазинамъ картинъ.

Глубокое уныніе.

Служащіе, мужчины — читали газеты, женщины — занялись рукодѣліемъ.

На большой выставкѣ американскаго художника — одно полотно купила Франція, второе — бруклинскій музей.

Въ другомъ магазинѣ, женщина (и даже не иностранка) — предложила картины — "чьей работы?" освѣдомился хозяинъ — "моей", въ отвѣтъ отрицательное покачиванье головы.

"—Vous ne voulez pas voir? спросила художница, тихо и сдержанно, но — удивленнымъ, обиженнымъ и вызывающимъ голосомъ, немедленно устремляясь къ двери, которую хозяинъ вѣжливо открылъ ей.

У "своего" картиноторговца, атмосфера еще напряженнѣй.

Завѣдующій, Перезъ, несмотря на недавнія вакаціи — выглядѣлъ не лучше, чѣмъ въ началѣ лѣта, передъ окончаніемъ безплоднаго сезона.

Онъ сдерживался, чтобы въ отвѣтъ на каждое обращенное слово — не разразиться истерическимъ воплемъ.

"По нѣсколько сутокъ —нѣтъ даже ни одного посѣтителя!"

У Д., съ его расплывающимся въ улыбку лицомъ, быстро появилось желаніе — поскорѣе выбраться изъ этого ада, и — сознаніе, что послѣднія надежды на картиноторговца должны исчезнуть, — въ Парижѣ больше жить немыслимо: овладѣло имъ окончательно.

Съ этимъ "дѣловымъ визитомъ", его связь съ живымъ міромъ — пресѣклась.

Въ предшествовавшихъ аналогичныхъ случаяхъ, послѣ 1 - 2 дней оцѣпенѣнія, проведенныхъ въ одиночествѣ, Д., творчески накаливался до бѣла, теперь - же онъ беззвучно вылъ отъ растерянности, неизбѣжности конца человѣчества и неотъемлемой съ нимъ, собственной связи.

Хотя, благодаря пріобрѣтенному здоровью, крѣпкій ночной сонъ (онъ началъ видѣть во снѣ Наденьку) и успокаивалъ его, и утромъ онъ бывалъ даже веселъ —волны міровой тревоги, быстро превращали Д. въ сѣрое мѣсиво.

О живописи, ему больше не хотѣлось думать, — невозможность приняться за литературную работу — мучила еще больше.

Съ жадностью принялся читать французскихъ романтиковъ.

Но легко утомляющіеся глаза быстро лишили и этого способа одурманиваться.

Съ утратой этой возможности, Д. или принимался за писанье, (на чемъ глаза отдыхаютъ), или возвращался къ прерванной живописной работѣ (что глазами разрѣшается).

Но, послѣ теперешняго, почти двухмѣсячнаго перерыва, связать прошлое съ настоящимъ — могутъ только новыя впечатлѣнія, импульсы.

Въ четырехъ - же стѣнахъ мастерской — ихъ ему не дождаться; Д. человѣкъ не урбаническій, корни его въ широкой, зеленой, полевой землѣ, залитой золотой славой Солнца и небесной вѣчностью.

Начался возвратъ къ привычному ощущенію дряблости.

Рабочій паекъ вдругъ оказался чрезмѣрнымъ, во рту появилось утомленіе.

Въ первое - же воскресенье, Д. пытался возстановить положеніе своимъ универсальнымъ средствомъ — прогулкой, но усиліе осталось тщетнымъ, тревоги и подавленности разсѣять не удалось.

Вѣчная, непрерывная труба архангела, со страницъ газетъ — не смолкала.

Вотъ и эту ночь, возвращаясь, изъ экономіи пѣшкомъ, съ собранья возобновившей свою дѣятельность "Рацеи", Д. бѣжалъ какъ по страшному романтическому кладбищу или лѣсу призраковъ — косясь на оборванныхъ, опустившихся людей, сидѣвшихъ или спавшихъ на скамейкахъ.

Старая женщина, со сверткомъ въ рукахъ, гулко стуча прихрамывающей ногой, по серединѣ троттуара, отмѣривая шаги посохомъ — съ готовностью слѣдовала по своему послѣднему пути.

(Съ какимъ чувствомъ , Д. придя домой, ѣлъ сушеные фрукты!).

Но, великій возродитель — согналъ гарь и на этотъ разъ: утромъ, еще не вступивъ во владѣніе разумомъ, онъ почувствовалъ себя младенчески свѣжимъ (одолѣвала голодная плоть).

Въ моментъ осознанія бытія присоединилось уже вполнѣ вкусовое, блаженное воспріятіе музыки.

Съ улички, сквозь жиденькія стѣны, явственно доносился рѣчитативъ нищенки.

Ея голосъ былъ очень низокъ, ржавъ и безъ малѣйшей модуляціи, а напѣвъ простъ по своей рафинированной наивности, напоминающей старинныя бержеретныя пѣсенки.

Плодъ французской земли, свѣжей, здоровой и настоящей, но достигшей "севрскаго совершенства": въ парикѣ, напудренной, затянутой въ корсетѣ и разукрашенной лентами.

Въ говоркѣ старухи было много бисернаго, быстраго ритма.

Ему аккомпанировалъ турецкій барабанъ автобуса — мусорщика, то покрывавшаго голосъ, то прерывавшаго свое дыханье, то едва оттѣнявшаго речитативъ; третьимъ музыкальнымъ элементомъ были рѣзкіе звуки хлопушки, производимые вытряхиваемымъ ковромъ.

Все это очень цѣльно сливалось въ общее ощущеніе утра.

"Ахъ, какъ хорошо! Жаль, что я не знаю контрапункта!" воскликнулъ Д. "Который - же однако, часъ?! 7¼. Рано сегодня началась жизнь!" .

Не поднявшись немедленно, черезъ полчаса, онъ уже былъ другимъ человѣкомъ: "жизнь — ужасъ, просить о смерти нельзя — надо жить не умѣя, внѣ жизни, на задворкахъ!".

Спустившись за молокомъ — не удержался отъ покупки газеты.

За утреннимъ завтракомъ развернулъ.

"Ахъ, куда дѣваться отъ себя, отъ фактовъ?!".

Завязалась борьба между желаньемъ: вырваться на прогулку, въ ходьбѣ, въ движеньи, въ солнечномъ теплѣ и смѣнѣ впечатлѣній — найти успокоеніе и вдохновеніе, и — попыткой взяться за что нибудь немедленно.

Постучалъ сосѣдъ.

"Дѣло рѣшено!" истерически воскликнулъ Д.

Окаринесъ: воспитанный и добрый человѣкъ, но - обезпеченный матеріально и молодой, молодой!

Ежемѣсячно проживая, сколько Д. имѣлъ въ настоящую минуту "до конца своихъ дней" — до новой получки дотянуть никогда не умѣлъ.

На этотъ разъ, занявъ уже дважды, онъ пришелъ извиниться,

что денегъ все еще не получилъ, т.-к. Венизелосъ — перевелъ греческую казну съ фунтовъ на франки и доллары, и запретилъ, на двѣ недѣли, вывозъ за границу, но, что если Д. настаиваетъ, то онъ одолжитъ въ другомъ мѣстѣ и вернетъ немедленно.

Д. предложилъ еще.

Отказавшись, Окаринесъ сообщилъ, что занялъ у соотечественника, который — окончивъ афинскую академію со званіемъ равносильнымъ французскому Prix de Rome но получая недостаточную стипендію — изловчился продать картину даже Думергу.

Рекомендуя Д. слѣдовать его примѣру.

"Добрался до президента республики!

А я, совершенно не активный, инертный человѣкъ!

Я живъ только до тѣхъ поръ, пока деньги какъ - то приходятъ, добрые люди скажутъ — вотъ тебѣ черная работа, или — хочешь продать эту картину за столько - то; я иду по линіи наименьшаго сопротивленія, и не перестаю удивляться, что вотъ, дожилъ до 43 лѣтъ. Немыслимое чудо!

Противъ всякой очевидности — имѣю крышу надъ головой, не умираю съ голоду, не одѣтъ въ лохмотья кишащія вшами, не превратился въ карягу отъ ревматизма — не харкаю кровью отъ побоевъ — не разлагаюсь отъ сифилиса, —и знаю, что ничего не смогу предпринять для предотвращенія, и не сомнѣваюсь, что дѣло кончится именно такъ!".

Oh monsieur D, monsieur D!

Что это вы говорите!

На слѣдующее лѣто я ужъ непремѣнно поѣду въ Салоники и приглашу васъ съ собой".

"А до тѣхъ поръ что?!".

"Вмѣстѣ съ переводомъ денегъ, братъ сообщитъ мнѣ объ Афонѣ.

Но, это, знаете — дѣло очень трудное!

Афонъ, единица совершенно самостоятельная, какъ напр. Іерусалимъ, со своимъ уставомъ.

Ни митрополитъ салоникскій, ни даже патріархъ констинтинопольскій — многаго сдѣлать не могутъ.

Если хотите стать монахомъ, то это легко!

Только не совѣтую, потому - что я провелъ на Афонѣ нѣ-

сколько мѣсяцевъ — придется разстаться со всякой свободой и безпрекословно подчиняться суровому укладу, а монахи люди тупые, упрямые и педантичные, они превращаются прямо въ нечистоплотную скотину.

Я вѣдь вамъ уже разсказывалъ объ ученомъ, сошедшимъ съ ума?".

"Въ монахи не стоитъ".

"Поѣзжайте въ Афины, васъ освѣжитъ перемѣна мѣста, тамъ много солнца, а люди проще чѣмъ здѣсь и мои знакомые найдутъ вамъ работу".

"О, ужъ если рѣшить искать работу, то, я думаю, что въ Парижѣ возможностей больше!".

"Что - же вы собираетесь теперь дѣлать?".

"Не знаю"!

Ничего не могу! Атмосфера земли такъ наэлектризована, что я, каждую минуту жду: катастрофъ, конца міра, войнъ ,большевизма!

И, въ то - же время, я отдаю себѣ отчетъ, что сейчасъ происходитъ коренная, радикальная перестройка общественнаго уклада — нельзя допустить, чтобы люди умирали съ голоду и были рабами трехколѣнчатой машины, выдавливающей ямки на гвоздѣ.

Кромѣ того, въ живописи я нахожусь на распутьи.

Благодаря почти двадцатилѣтнему пребыванію въ Парижѣ, живопись моя стала реалистична, матеріалистична, посмотрите — въ ней нѣтъ и помина духовнаго начала!

Меня начинаетъ, пока еще смутно, тянуть къ сѣверной, красочно - цвѣтовой, музыкальной живописи, съ миражами, безтѣлесными существами, рѣющими въ золотыхъ, огненныхъ небесахъ, высяхъ, — чего такъ много у нѣмцевъ.

Вотъ, если - бы теперь съѣздить въ Дорнахъ, къ антропософамъ!

Кромѣ того — стыдно заниматься искусствомъ теперь, когда столько людей ведетъ недостойную человѣческаго сана жизнь!

Кормиться отъ живописи — можно только продавая ее богачамъ! Для занятія - же литературой — у меня нѣтъ внутренняго спокойствія.

...Развѣ можно работать, когда на улицу нельзя носа высунуть, чтобы не наткнуться на умирающихъ отъ лишеній!

Ну, что я могу сдѣлать!? — зарѣзать себя и отдать тѣло на съѣденіе, что - ли?!...

...Искусство, это абсолютное "ничегонедѣланіе", непрерывная тишина и сосредоточенность.

Для писанія мнѣ нужно все время безраздѣльно, и каждое отвлеченіе, выводъ изъ этого строя, каждый шорохъ, появленіе любого человѣка — все разрушаетъ!".

Окаринесъ, понявъ (впрочемъ не въ первый разъ), что это приложимо къ нему, заторопился ретироваться.

"Очевидно вы малохарактерны?" спросилъ онъ подымаясь.

"Въ высокой степени,... и уклончивъ.

Но это не трусость, потому - что бывали опасные моменты, когда я не терялъ присутствія духа, а — воспріимчивость моего нервнаго аппарата, реагирующаго на малѣйшія колебанія каждаго момента, — немедленное и безпрерывное перестроеніе иструмента, въ униссонъ".

Чтобы дать выходъ затоплявшей его желчи, Д., съ самаго момента появленія сосѣда — принявшійся, коряво, чинить бѣлье, а подъ конецъ, нервно, скачками и одѣваться, — на вопросъ Окаринеса: "что - же вы собираетесь предпринять?" — уже почти провизжалъ: "ничего не способенъ дѣлать! вотъ пойду гулять! возьму съ собой бумаги, м. - б. натолкнусь на клочки пейзажа, которые понравятся — сдѣлаю наброски!".

Пряча ключъ въ ящикъ для писемъ — Д. увидѣлъ открытку.

Помимо своей воли, на лицѣ его, вспыхнула улыбка.

Je vous remercie de votre aimable lettre.

Nous sommes maintenant en train de partir pour Paris où j'espère vous revoir.

Les meilleurs salutations de Solvig et P.-L. of Vikingsund.

"Испытаніе приближается!", воскликнулъ Д.

"Надо найти силу воли избѣжать искушенія, прожить, дождаться смерти въ бѣдности", рѣшалъ онъ въ одни моменты, колеблясь въ другіе.

Выбирать направленіе прогулки Долголикову было нечего, — давно тянуло къ неразрушенному кусочку городской стѣны, около

Porte de Gentilly, манившему его съ мѣста недавней работы. Солнце, хотя и осеннее, но все еще горячее, и легкій, веселый, голубой просторъ — немедленно перестроили Д. на легкій, бодрый, жизнерадостный ладъ.

Пошелъ той самой дорогой ,по которой, такъ недавно "ходилъ на работу".

Приблизившись къ студенческому городку, рѣшилъ обойти его съ тыловой стороны — становищемъ мусорщиковъ, прилегающимъ къ нему вплотную.

Гигантскій челнокъ подъемнаго крана, собирающійся заткать небо, каждый разъ переносящій Д. въ марсельскій портъ.

На пустырѣ, между новыми домами — люди, проведшіе на немъ ночь, или пришедшіе спать подъ солнцемъ.

Голландскій колледжъ — подвигающійся къ окончательной отдѣлкѣ.

Раскрытые окна, уже 1 или 2 года обитаемаго индокитайскаго павильона.

Огибая его, Д. замѣтилъ, что въ немъ есть комнаты и для европейцевъ, очевидно — колонистовъ.

По фризу греческаго дома разбиралъ великія имена: Сократъ, Платонъ, Фидій.

Потомъ свернулъ въ вонючій переулокъ лачужекъ, сбитыхъ изъ щепокъ, иногда утопающихъ въ заросляхъ цвѣтовъ.

На чугунной доскѣ съ надписью, что по сію ея сторону, вся площадь должна быть эвакуирована къ будущему іюню, лаконически приписано мѣломъ AN 2000.

"Подумалъ - ли зайти сюда, хоть одинъ, изъ живущихъ въ нѣсколькихъ шагахъ, пріѣхавшихъ со всѣхъ концовъ міра студентовъ?!" задавалъ себѣ вопросъ Д.

Старая женщина везла, въ поломанной дѣтской коляскѣ, что-то вродѣ набитыхъ мѣшковъ, изъ которыхъ капало.

Д. хотѣлъ - было сказать, что у нее опрокинулась бутылка съ молокомъ, но подойдя ближе увидѣлъ, что это кости, очевидно,, только - что вынутыя изъ котла.

Дѣти, видомъ своимъ напоминали кейфующихъ свиней, роющихся въ отбросахъ; изобильныя собаки, брешили на сторонняго, непохожаго на хозяевъ человѣка.

Онъ нѣсколько разъ попадалъ въ тупики.

Выбравшись въ квартальчикъ, гдѣ обиталищами служили отработавшія повозки магазина Самаритэнъ, обратился ко встрѣчному съ вопросомъ относительно пути: «a, moi, pas connaître», безнадежно и нерѣшительно отвѣтилъ онъ, показавъ, что недавно прибылъ на здѣшній вольный воздухъ, вѣроятно изъ польской Галиціи.

Въ лиллипутовой уличкѣ, не безъ изящества раскладывали на телѣжку — груши, чтобы отправиться продавать ихъ, вѣроятно, на троттуарахъ авеню д-Орлеанъ; въ другой, выйдя изъ кабачка, пріятели забрались въ дебри честолюбія; дугообразно ерзая, каміонъ старался выбраться съ игрушечной площади.

Женщины, развѣшивали "у себя въ саду" вымытое бѣлье; куда - то направлялась группа мужчинъ; обитатель, "въ лаковыхъ ботиночкахъ" прошелъ городской, легкой парижской походкой.

Двѣ женщины, несшія закрытый бакъ съ мусоромъ, остановились около сотоварокъ, передавая нѣчто сенсаціонное: "била по лицу" — "а, ее спровоцировали" донеслось до Д.

На пустырѣ, женщины - мусорщицы, выпростали бакъ, къ которому тотчасъ - же устремилось: нѣсколько собакъ и человѣкъ, еще болѣе низкаго соціальнаго положенія.

Уже "въ степи", на отлетѣ — выселокъ изъ 3 - 4 клѣтей, спаянныхъ просмоленнымъ картономъ въ блокъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ — колодецъ, сондирующій почву, съ кучами земли вокругъ — аванпостъ студенческаго городка.

"Куда перекинется эта вошь, куда приклеится эта грязь, — чѣмъ, отъ какой трухи будетъ существовать"?! восклицалъ Д., выбираясь наконецъ изъ "черты осѣдлости".

Вмѣсто того, чтобы вернуться въ Парижъ и пойти къ Жантійскимъ воротамъ, Д., влекомый къ полевому простору, направился къ зеленымъ, покрытымъ кустарникамъ, холмамъ возвышавшимся за Жантійи, впереди.

Пересѣкая полотно ж. - д. онъ увидѣлъ могущественно шествовавшаго инспектора ж. - д - аго участка въ сопровожденіи старшихъ рабочихъ, но опасенія, что группа узнаетъ недавняго подданнаго — оказались неосновательными.

Въ стѣнѣ невзрачныхъ домовъ, вставшей передъ нимъ улицы,

Д. замѣтилъ одинъ - новенькій, по архитектурѣ котораго онъ опредѣлилъ мѣстный вокзалъ.

Минимумъ интереса къ "жизненнымъ достиженіямъ" — повлекъ посмотрѣть на недавняго соперника.

Одинъ рабочій, переодѣваясь на обѣдъ — широко напѣвалъ.

(Въ Долголиковѣ всплыло ощущенія подавленности, не покидавшее его на протяженіи всей черной работы).

Предположивъ, что здѣшніе рабочіе могли видѣть его на сосѣдней стройкѣ, Д. — поспѣшно удалился, и пустыми, низкорослыми уличками, вышелъ къ неглубокому, застроенному оврагу.

Онъ припомнилъ, что это долина рѣчки Бьевры, и что уже бывалъ здѣсь.

Съ дѣловымъ любопытствомъ постоялъ передъ игрушечнымъ огородикомъ, перенесясь воображеніемъ, за сотни километровъ отъ Парижа, въ роль огородника.

Рѣчка дала знать себѣ — тяжелой, гнилостной вонью.

Припомнился Долголикову и этотъ запахъ Бьевры, движущей удручающее количество: кожевенныхъ, писчебумажныхъ и пр. заводовъ.

Глянувъ въ щель калитки, онъ увидѣлъ, какъ разъ подъ собой цементовый жолобъ, по дну котораго еле двигался зелено - желтый студень.

По новой уличкѣ, похожей на корыто, Д. началъ подыматься по противоположному скату долинки.

Своя, мѣстная, провинціальная жизнь.

Деревенская тишина, солнце и видъ — типичный для всей Средней и м. - б. даже Средиземноморской Франціи.

Прошелъ пожилой маляръ, повадкой больше похожій на чиновника.

Малый сопровождаемый негромкимъ собачьимъ лаемъ, въ рѣшетку или трещину каждой калитки — просовывалъ афишу мануфактурно - галантерейной лавки.

Въ отвѣтъ дребезжавшему въ небѣ аэроплану — какъ попугай, отозвалась дисковая пила лѣсопилки.

Преодолѣвъ улицу, Д. увидѣлъ, что манившій его зеленый крутосклонъ — остался сбоку, позади.

Радуясь солнышку, потѣя, по рытвинамъ и ухабамъ свалоч-

ныхъ мѣстъ онъ направился къ новому городку, вознесшемуся въ небо тройнымъ зубчатымъ рядомъ.

Открылся видъ на Парижъ.

До самаго горизонта, вправо — дымные, мутные переливы, рябь, мерцанье города, съ маячащими трубами фабрикъ и отдѣльными зданіями: фронтонъ сѣвернаго вокзала, Опера, Сальпетріеръ, Пантеонъ.

Лѣвѣе, совсѣмъ недалеко — Студенческій городокъ, на фонѣ парка Монсури, изъ котораго вытарчивала нелѣпая игрушка, сбитая тяжелымъ молотомъ — горлышко гигантской бутыли какой - то рекламы, съ желтой, металлической пробкой: непремѣнная Эйфелева башня.

Все это закутано въ душную вату гари - тумана.

Подъ ногами Д., не прерываясь отъ Парижа, лента домовъ скучившаяся влѣво, у подножія гигантскаго акведука.

Прямо, на его уровнѣ — голубая щель перспективы деревень и фабричныхъ городовъ, въ перемежку съ мѣстными буграми, съ Монъ - Валерьенъ во главѣ.

Изъ, еще незаконченныхъ домовъ, за спиной — неслись пѣсни и свисты, незнающихъ безработицы, чувствующихъ себя по старинкѣ, маляровъ.

Миновавъ городокъ, Д. остановился у края площадки.

Подъ нимъ — отвѣсно падающая, воронкообразная котловина заброшенныхъ обработокъ, съ лужей на днѣ и неубранными рельсами и вагонетками.

Д. припомнилъ и этотъ кратеръ.

По обрыву паслась коза, по животному — стремительно и опасливо повернувшая голову, почувствовавъ чье - то приближенье.

Въ небѣ кружила стайка отлетающихъ скворцовъ.

По крышамъ домиковъ, на фонѣ зеленаго откоса, жесткимъ, металлическимъ узоромъ, затянутымъ земной, голубоватой испариной, какъ картинка волшебнаго фонаря, или снимательная картинка — проявился поѣздокъ.

Тамъ гдѣ котловина сливалась съ домомъ, на травѣ полулежалъ человѣкъ.

Д. рѣшилъ, что это художникъ.

"Вотъ еще одинъ свободный, незанятой человѣкъ" съ симпатіей — подумалъ онъ.

Но, неожиданно разсыпавшійся по небу барабанной дробью, аэропланъ — отрезвилъ его, напомнивъ опаской, по поводу своего ничегонедѣланія, впечатлѣнія какое должно производить его появленіе на добропорядочныхъ людей, на полицію.

Ему, вдругъ, померещился громовой голосъ: "Эй вы, праздный человѣкъ, нефранцузскаго вида, въ сѣромъ костюмѣ, въ очкахъ безъ шляпы и съ портфелемъ въ рукахъ, стоящій на площадкѣ около новыхъ домовъ!... Эй, вы слышите?!... да, да, это я говорю вамъ!".

Д. инстинктивно поднявшій голову въ направленіи аэроплана, четко увидѣлъ, приближенное благодаря оптико - фонетическимъ приборамъ —лицо человѣка, смотрѣвшаго въ его глаза и указывавшаго пальцемъ, — "извольте немедленно отправиться, для объясненій на ближайшій полицейскій постъ, находящійся вонъ тамъ" (пространство прорѣзала указательная стрѣла).

"Такъ я лучше покажу документы вамъ... видите — я художникъ - человѣкъ интеллигентной профессіи, и они въ совершенномъ порядкѣ, т. - к. получены всего "недѣлю назадъ!".

«Bon, vous pouvez continuer».

Долголиковъ былъ такъ ошеломленъ реальной возможностью этой сцены, что быстро направился въ улицы, изображая идущаго по дѣламъ (съ портфелемъ) человѣка.

Повздорило 2 мальчугана.

Младшій, досадивъ - пытался убѣжать, но былъ пойманъ, тогда онъ хотѣлъ пиннуть, ногой обутой въ сабо, старшаго, но не разсчитавъ — упалъ и заплакалъ.

Д., молча наблюдавшій сцену, побудилъ ограничиться тѣмъже и проходившую пожилую женщину.

Было около полудня.

Раньше чѣмъ повернуть въ сторону города, Д. рѣшилъ подняться на самый верхъ холма, разсчитывая увидѣть Сену.

Избенки разступились и на пустырѣ даже паслось нѣсколько козъ.

Цѣль прогулки — бугорки прикрытые деревьями: оказались фортомъ.

"Ай, ай, ай! а у меня на одномъ листѣ тетради для набросковъ — схема соединенія двухъ семей Іисусовъ: Соломоновской и Натановской! Порвать! Но этимъ вызовешь еще больше подозрѣнія!".

Вошелъ въ короткую, еще всю заросшую травой, уличку.

Старѣющій человѣкъ, трепавшій капокъ — весело и немного вопросительно глянулъ на незнакомца.

Рѣдкое и отрадное явленіе, улица, въ которую вступилъ затѣмъ Д., имѣвшая выходъ только далеко влѣво немощена и изсѣчена не совсѣмъ еще подсохшими колеями, какъ въ родимомъ, отдѣленномъ двадцатью годами памяти, уѣздномъ городѣ Д.

Лишь домики чаще насажены, поменьше, веселѣе, опрятнѣе; почти передъ каждымъ — японскихъ размѣровъ, палисадничекъ, загроможденный осенними цвѣтами.

Фрукты уже сняты и только айва, напомнившая Д. его барселонскій періодъ жизни, отягощала деревья, да единственный подсолнечникъ, уже безъ листьевъ и лепестковъ, невиданнаго въ Россіи роста, какъ перегруженное землей рѣшето, старчески опрокинулъ плоскую голову.

Здѣсь, на безлюдномъ мѣстѣ Д. рѣшилъ — было уничтожить компрометирующій листочекъ, но подтрунивъ надъ собой, успокоился.

Наконецъ уличка вышла на асфальтовую дорогу, съ разбросанными домами.

Проносились каміоны, шли изъ ресторановъ строительные рабочіе. Д. скоро убѣдился, что и здѣсь проходилъ когда - то, и что плоскогорье очень широкое, скучное, и ни до какой Сены, быстро, не доберешься.

Рѣшилъ повернуть во свояси.

"Ай, ай, ай!

Надпись: Municipalité communiste de Villejuif!

Дикаго вида человѣкъ, съ портфелемъ, да еще русскій, шляется по задворкамъ коммунистическаго гнѣзда!

Скорѣй, скорѣй бочкомъ отсюда!".

Rue Jean - Baptiste Clément... et célèbre chançonnier populaire : "а, вотъ онъ кто былъ!".

Rue Etienne Dolet.

"Ну, а за угломъ такъ и жди улицу Paul Bert!».

· Rue Tolstoï, sociologue et romancier russe 1828-1910.

"Нашего полку прибыло — Толстой коммунистъ! что еще на это скажутъ московскіе "братушки!".

Зашагалъ по свалкамъ, ямамъ.

Совсѣмъ близко, изъ зелени Венсенскаго лѣса — вышки колоніальной выставки.

Путь подъ гору, заводъ; двое полицейскихъ разговариваютъ съ коллегой въ штатскомъ.

Хотѣлъ пересѣчь улицу и направиться по параллельно идущей съ ней, въ травѣ, дорогѣ.

"А, да вѣдь за ней - то фортъ!" (съ наводнившими его лачугами).

Съ озабоченнымъ видомъ прошелъ мимо охранителей порядка, которымъ, пріятель, съ типичнымъ французскимъ пафосомъ, разсказывалъ о коснувшихся его налоговыхъ дрязгахъ.

"Ужъ этихъ - то надо - бы избавить!" подумалъ Д.

Rue Voltaire — безъ комментаріевъ.

Скатившуюся уличку перегородило высоко стоящее шоссе.

Поднявшись на него, Д. оказался на берегу мощеной рѣки, стремившейся влѣво, до самаго Парижа, усѣянной возникающими и лопающимися трамваями и авто.

Трамвая близко не оказалось и въ Д. возникла мысль — добраться до дому пѣшкомъ.

Скоро онъ подошелъ къ закрывавшемуся рынку.

Попасть на базаръ къ ликвидаціи, и накупить за гроши нераспроданной провизіи — житейская, наслѣдственная утѣха Д.

На грудѣ шпината ярлыкъ — 0,25 ле ½ кило.

(Съ недѣлю назадъ уплатилъ 1,65).

Не всматриваясь въ качество, сказалъ чтобы дали.

Словоохотливая торговка повѣдала, что первую партію продала всю, а этого никто не купилъ, потому - что сорванъ вчера, немного примялся, и что она согласна отдать весь за 1 фр.

Д. отвѣтилъ, что его слишкомъ много.

Т. - к. вѣсовъ уже не было, то торговка, сдѣлавъ пакетъ изъ цѣлой газеты, наложила его до - верху, увѣряя, что тамъ по крайней мѣрѣ килограммъ.

Общими усиліями затолкали въ портфель.

Воздержавшись отъ банановъ и "выгоднаго" винограда, Д. "напалъ" на винныя ягоды.

Уже сказавъ чтобы отвѣсили, сообразилъ, что покупка мало интересна, тѣмъ болѣе, что ягоды низкаго качества... но, дѣло немного выправилось, когда — получая двухфранковую монету, торговка, не безъ замѣшательства заявила, что не можетъ вернуть сдачи, потому - что кассу уже увезли.

"Такъ прибавьте нѣсколько ягодъ".

Подобный жестъ показался ей настолько широкимъ и неожиданнымъ, что она положила съ десятокъ.

Неисправимый сластена принялся тотчасъ ихъ пробовать.

Шпинатъ началъ немедленно прессоваться, промочивъ портфель.

"Какая жвачка получится изъ него къ дому?!" сокрушался Д.

Проходя мимо Оспись де Бисетръ — живо ощутилъ себя погруженнымъ въ картину Утрильо, и опасливо миновавъ таможню, вышелъ въ Парижъ тѣми самыми Жантійскими воротами, которые были отправнымъ пунктомъ прогулки. На рву, въ травѣ — толпа рабочихъ, поджидала конца обѣденнаго перерыва, а одинъ любитель — принималъ даже солнечную ванну.

До дому дошелъ къ двумъ часамъ.

Сортировка шпината отняла часа 1½ времени.

Но Д. былъ возбужденно - радостенъ — прогулка встряхнула его.

Принялся писать.

КОНЦЕРТЪ СКВОЗЬ ДРЕМОТУ

Устроившись какъ курица на насѣсти, повиснувъ на перилѣ своего стоячаго мѣста, и дождавшись первыхъ, вагнерическихъ звуковъ увертюры Гвендолина, Шабріэ, Д. привычно закрылъ глаза... и, грохотъ, какъ булькающая вода — быстро ушелъ вверхъ — наступила тьма.

Музыка, какъ черезъ отворенную дверь, черезъ шлюзу —

обрушившись на него потопомъ сверкающихъ, мелкихъ осколковъ золотого стекла — только когда онъ открывалъ глаза.

Сказался результатъ физической работы и недосыпанья.

Пришлось подчиниться.

Свѣтъ, краски — врѣзались въ звуки, глуша созерцательность.

Д. зналъ, что французскіе музыкальные круги добиваются реабилитаціи Шабріэ, однако, въ небольшихъ вещахъ — композиторъ представлялся ему болѣе значительнымъ и своеобразнымъ; антиподъ своего побѣдоноснаго современника Дебюсси, въ увертюрѣ — не сумѣлъ остаться "французомъ Шабріэ", но дойти до вулканической безформенности (что, изъ французовъ, по плечу, кажется только Флерану Шмитту) — онъ, какъ сынъ страны мѣры и ясности — не смогъ, конечно, тоже.

Этотъ, рубленный стальнымъ ножомъ, на ровные квадраты — горячій, золотой ледъ, громыхающій по міровой крышѣ — по временамъ имѣлъ силу подымать Д. до сознанія, но — съ началомъ исполнявшейся впервые, Симфоніи Альбера Русселя, музыка (воспринимаемая Д. какъ экстазъ, пантеистически): дегенерировала, конкретизировалась.

Чтобы глаза отвлекали его по возможности меньше, Д. — уставился въ темное, пустое мѣсто, въ заднихъ рядахъ музыкантовъ и сквозь тощіе, черные, сухіе звуки симфоніи (какъ только - что видѣнныя въ галлереѣ картины пріятеля Бургоса Альтоса, которыя тотъ развѣшивалъ передъ вернисcажемъ): слышалъ отвратительный скрежетъ, визгъ и свистъ Работы Машинъ, Мосолова.

Подъ шелестъ, скрипъ и хрустъ музыки — передъ нимъ всталъ: рѣзкій, грязно - грубый міръ реальности, дремоту стало трудно преодолѣвать и съ открытыми глазами.

Острые, чугунные силуэты музыкантовъ и ихъ холодно - красныхъ инструментовъ, вырѣзанные книгообразными свѣтами электрическихъ лампъ, и надъ ними — работающіе ножницы контрометра - дирижера, претворялись въ Д. въ пантомиму работы фабрики.

Дальній рядъ музыкантовъ, окрашенный зелеными колпаками лампъ: банкирская контора, съ арфистками - дактилографками.

Мелкая маята, оробоченные бывшіе люди.

"Какой (духовной: глюковской, баховской и далѣе назадъ) музыки, можно ждать отъ чернаго цвѣта?!

Все черно кругомъ!

Чтобы не окаменѣла, окончательно не изсякла, вслѣдъ за прочими искусствами и музыка — нужно, концертный залъ и оркестръ, погрузить въ мягкую атмосферу; отнюдь не слѣдуя русскому балету, гдѣ все сведено къ живописи — поучиться этому, допустимъ, у эвритмистовъ!", неслось въ Д., отягощенномъ великой скукой буденъ.

Только піанистка: длинная, одутловатая, свисающая блондинка, непривычная въ Парижѣ фигура, хотя судя по фамиліи и француженка, согласившаяся исполнить Дебюсси, (этого Шопена на французскій ладъ), вмѣсто какого нибудь бравурнаго концерта, и — Намуна, Ляло, творчество котораго умѣщается въ рамки треугольника; Берліозъ, Гуно, Григъ — оказавшаяся на обычной высотѣ хорошаго изъ среднихъ компзитора — вернули его изъ аспиднаго сна, въ міръ эмоцій.

ЯПОНСКАЯ ОТКРЫТКА

Уѣзжая, Д. попросилъ Саруми пересылать ему письма, т. к. консьержки въ домѣ не было и онъ, единственный изъ обитателей пяти мастерскихъ — оставался на лѣто въ Парижѣ.

Пріѣхавъ въ Дорти Верино, одну изъ первыхъ открытокъ, Д. отправилъ ему.

Отвѣтъ, японецъ, составилъ съ помощью учебника.

Bonjour Mr Dolgolicow!

Je vous remercie de votre carte.

A Paris aussi mauvais temp. Pour moi c'est préférable pour le travail il fait moins chaud.

J'espère que santé va bien, ainsi que votre travail.

Recevez nos amitiés sincères.

K. Saroumi.

(Ancien dancing de Japon).

Принимая японскую открытку отъ почтальона, Д., по рус-

ской привычкѣ, задалъ себѣ вопросъ: какъ, первый - же почтовый служащій не взялъ ее себѣ?

На прекрасномъ картонѣ, пахнущемъ драгоцѣннымъ деревомъ, она была раскрашена въ десятокъ яркихъ красокъ по способу гравюры по дереву, и съ золотыми и серебряными орнаментами, бѣлыми и зелеными цвѣтами по одеждѣ танцующихъ гейшъ.

Показалъ ее новымъ знакомымъ.

"Какого вы мнѣнія о японцахъ?" спросила Д. австраліанка.

"Я ихъ совсѣмъ не знаю. Это первое знакомство.

...Кажется очень хитрый и крѣпко спаянный народъ.

Они аттаковали Россію безъ объявленія войны, техникой и дисциплиной далеко насъ превосходили, и одержали побѣду".

"Мы ихъ считаемъ такъ - же хитрыми и знаемъ, что они придутъ въ Австралію", съ внутреннимъ удивленіемъ по поводу обнаружившейся общности интересовъ, сказала она.

"По окончаніи европейской войны, японцы, въ видѣ вознагражденія, просили Англію — разрѣшить имъ колонизовать сѣверную часть Австраліи.

Насъ меньше 5.000.000 и мы живемъ на узкой полоскѣ, юговосточной части материка, гдѣ климатъ больше всего приближается къ европейскому, — потомъ есть рѣдкіе города, напримѣръ Мельбурнъ, по южному и западному побережью.

Остальная часть страны не заселена (" а негритосы?!" всколыхнулся Д., будто дѣло шло о его кровномъ интересѣ.

Отвѣтъ послѣдовалъ сухой и короткій, въ формѣ удивленія и игнорированія аборигеновъ) — потому - что, климатъ экваторіальный, а весь центръ — пустыня.

Позвольте намъ занять сѣверъ Австраліи, все равно онъ никѣмъ не обитаемъ, а для насъ вполнѣ подходящъ и житъ намъ негдѣ!, говорили они англичанамъ.

Великобританія не согласилась, но мы увѣрены, что японцы, все равно, скоро захватятъ Австралію".

Этотъ разговоръ, заставилъ австраліанку, сдѣлать еще одинъ шагъ въ сторону Д., и послужилъ поводомъ къ занимательнымъ бесѣдамъ о флорѣ и фаунѣ Австраліи и жизни ея обитателей.

НЕЧАЯННЫЙ ИЛИ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

(Конецъ Долголикова)

Въ мѣстныхъ газетахъ было опубликовано предупрежденіе Ліонской метереологической станціи, о возможномъ подъемѣ Роны, до угрожающаго уровня.

Въ городкѣ, на противоположномъ, гористомъ берегу и въ самой Пети Кайю, были вывѣшены сигнальные флаги, и глашатай-барабанщикъ, началъ, дважды въ день, сообщать послѣднія свѣдѣнія.

Доходилъ онъ и до Дорти - Верино, стоящаго на мысу, особнякомъ отъ деревни.

Вода мчалась со все возрастающей быстротой и шумомъ.

Если смотрѣть на эту катящуюся лаву, немного отступя отъ окна, то казалось, что она сейчасъ ринется въ комнату.

Казалось, что домъ плыветъ.

Двухметровая полоска земли отдѣлявшая его отъ воды парапетомъ, казалась уже ниже уровня.

Когда единственный доступъ къ Дорти - Верино, со стороны моста сверху, изъ городка, каждую минуту могъ быть отрѣзанъ — ученики къ супругамъ Эспа, наконецъ не явились.

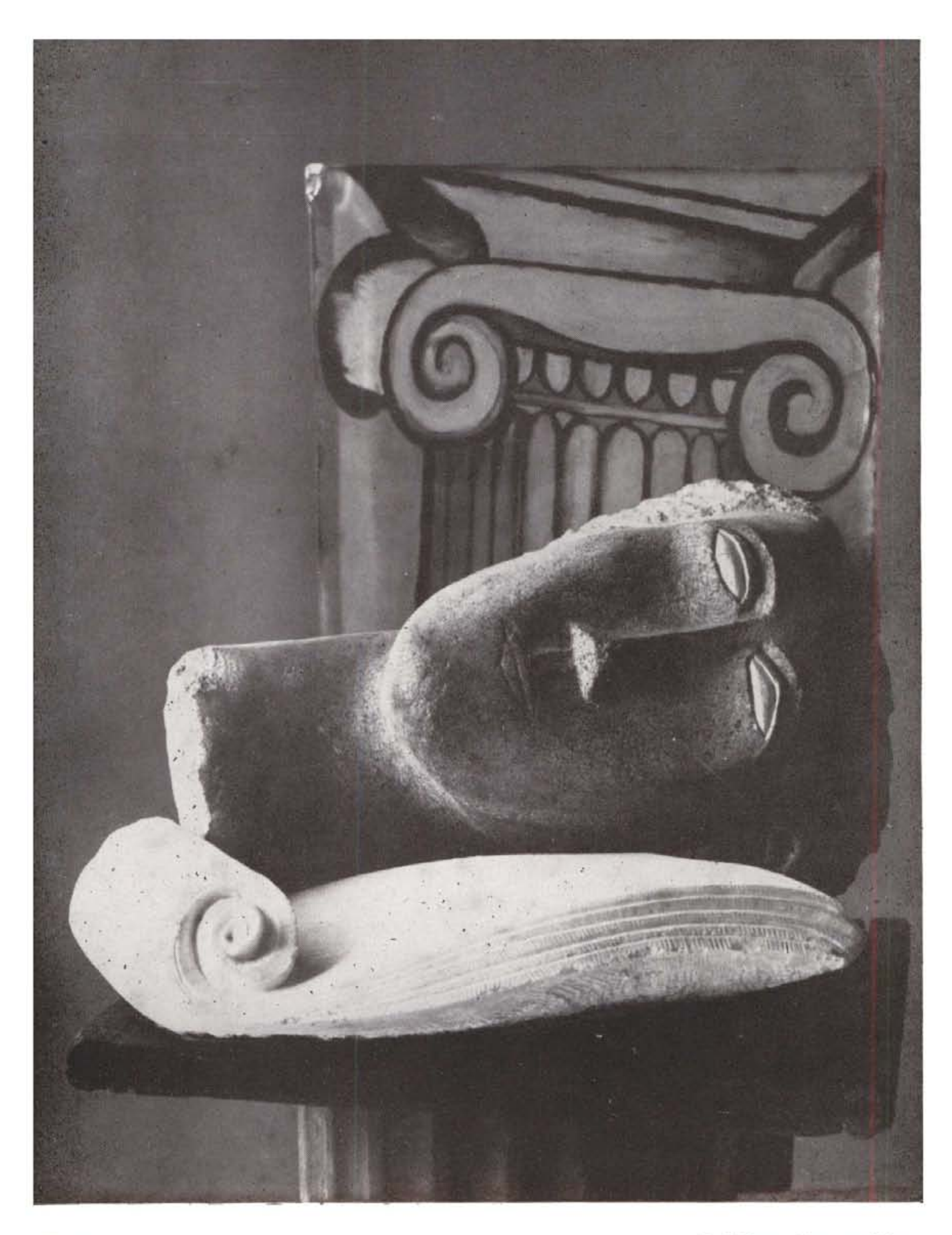
Это, столь немыслимое событіе: вдругъ прекратившійся, музыкальный, раздиравшій душу Д. адъ — взвинтилъ его, чуть - ли не еще больше чѣмъ гулъ Роны.

Уже нѣсколько ночей, расхаживая у себя по комнатѣ, какъ мышь въ ловушкѣ, при зажженномъ электричествѣ, туша его лишь, чтобы черезъ стекло, застилаемое дождемъ, — вглядѣться въ бушующую рѣку, и не имѣя возможности изъ - за музыкальнаго ералаша за стѣной, вопреки, создавшейся по совѣту врача, привычкѣ — спать пополудни, сегодня, пораженный его отсутствіемъ, Д. заснулъ.

Однако, скоро онъ чѣмъ - то былъ возвращенъ къ сознанію, и отдалъ себѣ отчетъ, что это вызвано какимъ - то новымъ, прибавившимся шорохомъ.

Открывъ окно, онъ увидѣлъ, что вода прилила къ самому дому.

Шилтянъ. Натюръ-Мортъ. *Chiltian. Nature morte.*

Цадкинъ. Композиція. *Zadkine. Composition.*

Молча, пройдя черезъ залъ, мимо вопросительно посмотрѣвшаго на него Эспа, онъ вышелъ, подъ дождь, на балконъ.

Домъ, какъ броненосецъ — плылъ по водѣ.

Страшная картина наводненія, потопа!

"Что теперь дѣлать?!", растерянно обратился Д. къ Эспа.

"Да ничего особеннаго, mon vieux! Потому - что сдѣлать ничего нельзя!

Но, вы безпокоитесь совершенно напрасно.

Черезъ 2 дня, подъемъ воды прекратится.

А, вы кажется спали, это васъ подкрѣпитъ!

Идите посмотрите, садъ еще даже и не затопленъ".

Д., черезъ вестибюль, вышелъ на террасу и увидѣлъ подъ собой твердую землю.

Это его несказанно утѣшило.

Сквозь деревья и дождь — виднѣлись ближніе дома, мерещились холмы... вольный міръ!

Перекинувшись словомъ съ остальными обитателями осажденной крѣпости (женщины занимались обычными хозяйственными дѣлами) и поболтавъ съ семилѣтней Бойкой, Д. вернулся къ себѣ — открылъ одну - двѣ книги и даже занялся передѣлкой куска на одной картинѣ.

Нѣсколько разъ Д. подходилъ къ окну.

Каменная стѣнка становилась ниже, уходя подъ воду.

Эспа принялся за назойливыя скрипичныя упражненія.

Такъ прошло время до чая.

Д. пошелъ на кухню.

Вѣчно голодная Бойка поплелась за нимъ.

Огромная комната, обычно блиставшая чистотой, была завалена каменнымъ углемъ, дровами для растопки, грудами овощей.

Кастрюли съ молокомъ, масло и сыръ, и приготовленная на день пища — стояла здѣсь - же, т. - к. въ погребъ просочилась вода, уже нѣсколько дней, назадъ.

Вдругъ Бойка, только - что меланхолически сказавшая: «il pleut toujours» — громко воскликнула: «oh, regardez, regardez vite monsieur D., l'eau est venue dans le jardin!».

Д. подбѣжалъ къ окну.

«Psst! Il ne faut pas crier comme ça, Boika!» остановила мать.

Бурная пасть воды, ворча, віясь при столкновеніи съ препятствіемъ — поглощала землю.

«Il n'y a rien de grave, Boika!» сказала мадамъ Эспа, обращаясь больше къ Д., чѣмъ къ дочери, "до уровня пола еще добрыхъ $1\frac{1}{2}$ метра!".

Вечернее чаепитіе, какъ впрочемъ и обычно — происходило въ залѣ.

« Quel temps, quel malheur tout de même ! » воскликнула мадамъ Эспа — "нѣсколько дней сидѣть безъ уроковъ!

А какая возня съ птицей и кроликами!".

— "Мнѣ пришлось отложить поѣздку на гончарню и занятія съ дѣтьми въ школѣ", мрачно, съ жертвенной готовностью, отвѣтила австраліанка.

"Меня это чрезвычайно волнуетъ! Я теряю контроль надъ собой!

Совсѣмъ не знаю, что будетъ со мной ночью!" не выдержалъ Д.

"Вы нервны больше чѣмъ нужно!

Вѣдь вы - же знаете, что это повторяется здѣсь, изъ года въ годъ!

Конечно, нѣсколько ночей, крѣпко спать не придется.

И, нужно сказать правду, вода будетъ бить особенно сильно съ вашей стороны.

Но, зато какъ будетъ весело, когда Рона начнетъ спадать!

Правда, Бойка?"

« Oui, papa !

Какъ прошлый разъ".

"Я вамъ совѣтую поменьше читать эмигрантскія газеты" добавилъ Эспа.

"Совсѣмъ не знаю, чѣмъ это кончится, для меня!" тихо сказалъ Д.

« De la fermeté, monsieur D. ! Видите, что даже мы, слабыя женщины, спокойны!" отозвалась австралійка.

До темноты Д. наблюдалъ, какъ вода поглощала траву и старался быть съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ.

Послѣ ужина, супруги разучивали дуэты.

Д. охотно остался слушать, но въ обычный часъ, въ 10 съ лишнимъ, они удалились.

Мать лишь сдѣлала поблажку ребенку, позволивъ лечь въ ея кровать.

Австраліанка задержалась, стараясь разговоромъ пріободрить Д., надѣясь, что его языкъ развяжется, хотя - бы и подъ ощущеніемъ страха и опасности.

Но, ничего не дождавшись, какъ пришибленная собака, ушла въ свою комнату.

Безъ малѣйшаго разсчета на успѣхъ, Д. попробовалъ "уйти въ сонъ".

Но, съ шуршанья, прервавшаго его полуденную дремоту — теперь вода рушилась, рѣзалась о выступъ дома — съ шумомъ и грохотомъ, не замѣчать который, у Д. силъ не было.

Услышавъ, что кто-то изъ Эспа открылъ дверь въ залъ, Д. бросился туда тоже.

"Вы даже не раздѣвались?" спросилъ его глава семьи.

"Мнѣ кажется, что на кухнѣ забыли потушить электричество. Мы, конечно, тоже спимъ плохо".

Проходя обратно, онъ пожелалъ Д. спокойной ночи.

Вернувшись въ комнату, Д. пробовалъ призвать себя къ мужеству и спокойствію, убѣждая, что домъ, на продолженіи десятковъ лѣтъ и не однажды въ годъ, находится въ подобномъ положеніи, и что онъ выстроенъ съ разсчетомъ противустоять наводненіямъ.

Дѣйствовало это не на долго.

Страхъ, жуть, беззащитность, разобщенность со всѣмъ живымъ — вытѣсняли доводы изъ сознанія, и въ прояснившійся на мгновеніе, пустой, незанятый мозгъ — снова врывался водный громъ.

Прибѣгалъ Д. и къ медитаціи.

« Jesus pasibilis ! Христосъ, повсюду и непрерывно за насъ распинаемый!" мысленно произносилъ онъ, стараясь приблизиться къ переживанію того, на чемъ настаивалъ разумъ.

Но, сосредоточенность тотчасъ разсѣивалась, приходилось безсмысленно твердить фразу.

Онъ горестно изумлялся, что за нѣсколько лѣтъ стремленія къ смиренію и ожиданію понятнаго и безтрепетнаго перехода въ безтѣлесную жизнь — достигъ столь малаго.

Наконецъ, онъ сдѣлалъ то, къ чему прибѣгалъ такъ рѣдко:

взялъ книгу Рудольфа Штейнера "Какъ достигнуть познанія высшихъ міровъ" (которую, изъ - за плѣненности Люциферомъ паренья въ красочно - музыкальныхъ эмпиреяхъ — до конца, ни разу не дочиталъ) и раскрылъ на "Внутреннемъ спокойствіи".

По всегдашнему — книга произвела свое чудесное дѣйствіе.

"Отличать существенное отъ несущественнаго".

"Съ внутреннимъ спокойствіемъ наблюдателя и судьи онъ долженъ противустоять самому себѣ".

"Высшій человѣкъ".

"Постепенно такой начинающій ученикъ будетъ все больше и больше самъ руководить собою и все меньше давать руководить собой обстоятельствамъ и внѣшнимъ вліяніямъ".

Этотъ десятокъ страницъ — заглушилъ шумъ воды, наполнивъ Д. покоемъ и величіемъ.

Онъ глубоко уснулъ.

Но, изъ мирнаго, растительнаго состоянія, вдругъ, съ грохотомъ, звономъ и трескомъ — былъ возвращенъ въ сознаніе.

Безотчетно повернувшись въ притягивавшую его сторону, Д. увидѣлъ, что въ комнату кто - то ломился, протягивая изъ окна угрожающія, вооруженныя руки.

Молніеносно сообразивъ, что это Хуанъ (рабочій каменоломни, которому, при взрывѣ динамита — оторвало руку и органы размноженія), нѣсколько разъ грозившій расправиться съ нимъ, будучи увѣренъ, что Д. живетъ съ его женой.

Уже уклоняясь отъ приближавшихся рукъ, онъ выскользнулъ въ залъ и стремительно распахнувъ дверь на балконъ — прыгнулъ, разсчитывая попасть на парапетъ, но поскользнувшись — упалъ на него грудью.

Воронка сорвала Д. и скрутивъ въ канатъ, бросила ко дну, покатила шаромъ, потомъ метнула на затопленные каменья, наваленные вдоль берега, для выпрямленія фарватера.

Эспа, пробужденные новымъ шумомъ влившимся въ общій гулъ, выйдя въ залъ, увидѣли открытыя двери на балконъ и въ комнату Д. заполненную вѣтвями, принесеннаго водой и врѣзавшагося въ окно — огромнаго дерева.

Поворачиваемое теченіемъ, оно уже готово было двинуться дальше. Трупа Д., Рона не вернула.

НИК. ОЦУПЪ
О ПОЭЗІИ И ПОЭТАХЪ

Есть періодическія явленія въ исторіи, приливы и отливы воинственныхъ, напримѣръ, настроеній, приближеніе и наступленіе катастрофъ.

У людей съ обостреннымъ слухомъ времени или судьбы, какъ у Блока, бываютъ моменты, когда они какъ бы проговариваются о будущемъ, которое не то чтобы ими угадывалось, но въ нихъ, почти безъ ихъ вѣдома, раньше чѣмъ въ другихъ, вписывается, какъ въ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ радіо - пріемниковъ. Они отличаются иногда отъ другихъ неуравновѣшенностью, юродствомъ, какъ Хлѣбниковъ, у котораго почти всѣ остальныя качества, кромѣ развѣ чувства русскаго языка, были развиты неизмѣримо меньше этой особой, у него почти истерической, чувствительности.

Въ воздухѣ Европы и всего міра происходятъ сейчасъ какіе - то новые разряды все той же уже съ 1914 года грубо обнаружившейся разрушительной энергіи, окончательное дѣйствіе которой уже можно предвидѣть.

И вѣкъ послѣдній ужаснѣй всѣхъ
Увидимъ и ты и я,
Все небо скроетъ гнусный грѣхъ,
На всѣхъ устахъ застынетъ смѣхъ,
Тоска небытія.

Можетъ быть все это наступило, а если еще нѣтъ, ждать его, при томъ же ритмѣ убыванія воздуха и нарастанія удушья, навѣрно, уже не долго.

Въ связи съ этимъ, всеобщимъ, а можетъ быть и безотносительно, само по себѣ, — для писателей русской эмиграціи, въ небольшомъ, но сложномъ ихъ мірѣ, кажется, наступилъ особый періодъ, въ которомъ особенно явственны одиночество, взаимная отчужденность и охлажденіе страстей.

Еще лѣтъ пять назадъ, какъ будто призванные раздѣлить какое - то огромное наслѣдство, литераторы въ эмиграціи были не такими какъ сейчасъ: интриги и козни маленькой среды связывались съ событіями планетарнаго масштаба, происходила, снаружи мало замѣтная, но изнутри очевидная, борьба вокругъ воображаемаго пирога, вокругъ вымышленнаго права занимать вниманіе Россіи, Европы, міра.

Вдоволь поинтриговавъ и другъ съ другомъ основательно перессорившись, разочарованные въ друзьяхъ и союзникахъ, а главное въ міровомъ своемъ назначеніи, литераторы оказались сейчасъ въ исцѣляющемъ и печальномъ одиночествѣ съ трезвымъ сознаніемъ очень скромной и оттого, быть можетъ, особенно тяжелой и почетной своей миссіи.

*
**

Было время, когда уважающій себя представитель золотой молодежи не могъ не выпустить книжку декадентскихъ стиховъ. Было и другое время, когда въ профессіональныхъ союзахъ Москвы и Петербурга регистрировались сотни и сотни стихотворцевъ. Если о первыхъ справедливо было сказать: «съ жиру бѣсятся», у вторыхъ было одно серьезнѣйшее оправданіе — карточка «профсоюза», даже такого, какъ союзъ поэтовъ, облегчало добываніе хлѣба.

Но вотъ сейчасъ въ эмиграціи, въ средѣ, изъ которой выкачанъ воздухъ какъ будто для большей безошибочности какого то научнаго надъ нами опыта, развѣ не должны были вымереть безъ остатка микробы писательства для хвастовства и тщеславія и тѣмъ болѣе для добыванія хлѣба.

Не въ пустую ли это рѣдчайшее литературолюбіе. Это такъ дорого стоющее упорство?

Да и въ однихъ ли поэтахъ — эмигрантахъ дѣло? Не представляютъ ли они только болѣе удобный для наблюденія клиническій случай? Не каждый ли поэтъ, гдѣ бы и когда бы онъ ни жилъ, — обреченное на добровольныя лишенія существо, на которомъ жизнь срываетъ свою грубость и злобу.

Я думаю, что весь секретъ Рембо — неодолимая потребность отвѣтить грубостью на грубость, ударомъ на ударъ. Поэтъ, какой бы онъ ни былъ («олимпіецъ» или «проклятый» — разница въ силѣ сопротивленія) сноситъ за себя и за всѣхъ всѣ обиды жизни.

Поэтъ слабѣе женщины. Въ грубой средѣ сильныхъ міра сего долженъ найтись Меценатъ, чтобы «протежировать» поэту, какъ мужчина протежируетъ женщинѣ. Что за унизительная и, увы, полезная и необходимая, обида — вечеръ въ пользу знаменитаго писателя?

Рембо, властный съ малыхъ лѣтъ, просто не хотѣлъ побираться. Общество оставляетъ поэту лишь право быть нищимъ и изворачиваться по мѣрѣ силъ.

Купецъ — одинъ изъ хозяевъ жизни. Рембо захотѣлъ быть хозяиномъ.

— Не хотите моей поэзіи и не надо. Ничего не даете поэту, все — купцу. Прекрасно — буду купцомъ.

⁂

У Гумилева былъ «золотой сонъ» о роли поэта въ обществѣ.

Земля забудетъ обиды
Всѣхъ воиновъ, всѣхъ жрецовъ,
И будутъ какъ встарь друиды
Учить съ зеленыхъ холмовъ.

Поэтъ долженъ все умѣть — говорилъ Гумилевъ. Поэты будущаго — естественные и единственные правители свободныхъ народовъ.

Надо ли напоминать, какъ далеко все это отъ дѣйствительности.

Судьба Ламартина — случайность. Гете въ сущности удачно нашелъ покровителя — только и всего.

Въ подавляющемъ числѣ случаевъ поэтъ забытъ, униженъ, отстраненъ отъ всего или отъ очень многаго въ «нелитературной», въ живой жизни.

Надо быть христіаниномъ, чтобы ничего лучшаго, чѣмъ ему дано, для поэта не требовать.

Гумилевъ не былъ христіаниномъ, хотя и крестился на каждую церковь.

Блокъ былъ христіниномъ, хотя и писалъ кощунственные стихи.

Блокъ никакихъ правъ для поэта не требовалъ. О власти въ дѣлахъ государственныхъ и говорить нечего. Какіе ужъ тамъ друиды — поэтъ ниже сапожника.

Блокъ не жалѣлъ объ этомъ. Поэта ждетъ награда нездѣшняя. Какъ у Бодлэра корона поэта — изъ чистѣйшихъ лучей, у Блока смерть поэта — пускай подъ заборомъ — все же необыкновенная смерть.

Это Богъ меня снѣгомъ занесъ,
Это вьюга меня цѣловала.

Рембо не хотѣлъ небесной награды, онъ хотѣлъ ея здѣсь на землѣ — въ видѣ власти и денегъ. Гумилевъ былъ убѣжденъ, что поэту подобаютъ власть и почетъ. Безъ особыхъ усилій въ своемъ кругу онъ и добивался того и другого.

Блоку навѣрно было бы не по себѣ, если бы поэты были въ почетѣ. Блокъ вообще не любилъ сильныхъ.

⁂

Осенью 1931 года исполнилось десять лѣтъ со дня смерти Блока и

Гумилева. Вѣроятно пройдетъ еще много десятилѣтій раньше чѣмъ одно изъ этихъ именъ — второе, конечно, — отодвинется на какое - то неизмѣримое разстояніе отъ другого. Пока же они связаны прочнѣе, чѣмъ любыя два другихъ имени, въ новой русской литературѣ.

Не слѣдуетъ поэзію Гумилева умалять. Ей просто невыгодна ея судьба. Ей пришлось выдерживать противопоставленіе поэзіи Блоковской, какъ будто обѣ «противницы» равны. Жизнь и судьба Гумилева и Блока похожи на два противоположныхъ, но равноцѣнныхъ рѣшенія общей задачи. Стихи одного и другого — не одинаковы по качеству.

Очень вѣроятно, что побѣда Гумилевскаго начала была бы въ исторіи жизни поэтовъ — побѣдой надъ ихъ рокомъ. Другое дѣло, что это по существу невозможно. Но очень многіе изъ современныхъ поэтовъ едва ли не правы, «настраиваясь по Гумилеву». Его мужественная бодрость — не вымыселъ. Воспоминанія друзей, видѣвшихъ его въ домашнихъ туфляхъ, ничего не мѣняютъ.

Я не согласенъ съ однимъ изъ проницательнѣйшихъ нашихъ критиковъ, писавшимъ недавно, что Гумилевъ былъ только «поэтишкой», что мужа и воина сдѣлали изъ него уже послѣ смерти.

Я тоже имѣлъ много случаевъ видѣть Гумилева «въ натуральную величину» со всѣми его слабостями. Но зная, какъ свидѣтель, до чего легенды о Гумилевѣ искажаютъ и преувеличиваютъ правду о немъ, я все же думаю, что именно неточности легендарныхъ о немъ представленій единственно способны передать истинное содержаніе этой жизни.

Пусть не такъ опасны были его охотничьи подвиги въ Африкѣ и не такъ замѣчательно то, что дѣлалъ онъ на войнѣ. И все таки и тамъ и особенно въ личной жизни Гумилевъ былъ героемъ.

И я въ роднѣ гиппопотама,
Одѣтъ въ броню моихъ святынь,
Иду торжественно и прямо
Безъ страха посреди пустынь.

Эти строчки, переведенныя изъ Готье Гумилевымъ, можно бы поставить эпиграфомъ ко всей его жизни.

Одного только онъ по настоящему боялся, даже «трусилъ» — жалкой, будничной, сѣрой дѣйствительности. Въ этой борьбѣ силы его не равны Блоковскимъ.

Гумилевъ отъ дѣйствительности спасался въ нарядные подвиги, въ экзотику, въ сонъ о друидахъ, въ мечты о могуществѣ людей.

Какъ странно, но въ Блокѣ за облаками романтики такъ долго не могли разобрать обывателя и гражданина.

Если - бы Гумилевъ могъ прочесть стихи, написанные въ эмиграціи, онъ вѣроятно былъ бы очень доволенъ. Въ нихъ достигнуто то, что онъ больше всего цѣнилъ — высокій средній уровень. Почти ничего изъ ряда вонъ выходящаго, но сколько трудолюбія и сколько, если не очень яркихъ, то все же безспорныхъ удачъ.

Другое дѣло, кому удачи эти нужны. Блокъ отвѣтилъ бы: никому. Что значило бы прежде всего: эти стихи не въ силахъ что - либо въ мірѣ измѣнить. Ну а стихи Пушкина? Они по Блоку должны «клеймить сердца», «испытывать ихъ гармоніей». По какому же признаку такіе стихи узнаются? Блокъ показалъ не одинъ разъ, что въ этомъ ему легко разобраться, если рѣчь идетъ о Пушкинѣ или другомъ изъ великихъ поэтовъ. Въ современникахъ онъ разбирался хуже. Изъ поэтовъ младше себя чаще всего поощрялъ слабѣйшихъ, тѣхъ, у кого находилъ отзвукъ «серьезной темы».

— Слушайте, слушайте музыку революціи. Эту музыку улавливалъ въ стихахъ Надежды Павловичъ и потому цѣнилъ слабую ея поэзію. А къ Мандельштаму былъ холоденъ.

Какъ «организаторъ групповыхъ успѣховъ» въ стихотворчествѣ, Гумилевъ былъ единственной за послѣднія десятилѣтія фигурой. Даже Брюсовъ не столько сдѣлалъ въ этой области. Блоку она чужая...

Среди авторовъ, новыя книги которыхъ въ «Числахъ» еще не отмѣчены, трое по крайней мѣрѣ хорошо овладѣли своимъ ремесломъ.

Это уже почти мастера.

Они избѣгаютъ случайныхъ словъ, обильно вставляемыхъ дебютантами, чтобы скорѣе двинуться дальше «на крыльяхъ вдохновенія».

Вѣроятно не все, что написано, включается ими въ сборники. Угадывается отборъ. Чувствуется выдержка, культура.

Этимъ авторамъ ясно, что ихъ голосъ дойдетъ тѣмъ лучше до чужого слуха, чѣмъ безупречнѣе будетъ передача каждаго звука. Они умѣютъ заботиться о техникѣ стиха, какъ заботится о совершенствѣ и мощи своего аппарата радіо - телеграфистъ, посылающій въ пространство сигналы. Къ счастью

они и не настолько увлекаются средствами передачи, чтобы забыть, что же собственно имъ хотѣлось сказать.

Я говорю главнымъ образомъ объ А. Ладинскомъ, В. Смоленскомъ и Д. Кнутѣ. О послѣднемъ очень тонко и справедливо пишетъ на этихъ страницахъ П. Бицилли. Отсылаю интересующихся къ его рецензіи.

Если въ чемъ - нибудь слѣдуетъ упрекнуть А. Ладинскаго въ связи съ его новой книгой*), это пожалуй въ неумѣніи, точнѣе въ нежеланіи быть скупымъ на строфы. Кое какія изъ его стихотвореній воображаешь укороченными и, врядъ ли это ошибка воображенія, только тогда безупречными.

Есть поэты, умѣющіе сообщить одной строчкѣ или строфѣ напряженіе цѣлой поэмы. Въ русской поэзіи въ этомъ смыслѣ Тютчевъ не знаетъ себѣ равныхъ.

У Ладинскаго дарованіе несомнѣнно не этой природы. Онъ не способенъ экономить силы для одного рѣшительнаго удара. При выборѣ особенно замѣчательныхъ строчекъ Ладинскаго, не находишь ни одной предѣльно сжатой и выразительной. Но если поэзія Ладинскаго рѣдко «поражаетъ въ сердце», она витаетъ надъ нами, увлекаетъ, плѣняетъ.

Не отчетливая въ отдѣльныхъ строчкахъ магія «Сѣвернаго сердца» — въ соединеніи всѣхъ составляющихъ книгу стиховъ.

Какъ ни странно на первый взглядъ поэзія Ладинскаго очень мужественная. Поэтъ оберегаетъ все тающее, небесное, женственное, театральное.

Ему нужно скрыть дыханіемъ, оградить заботой и лаской слабую, беспомощную жизнь. До грубаго, полнокровнаго міра ему нѣтъ дѣла. Тамъ его участіе никому не нужно.

Онъ — рыцарь, покровитель женщины и ея всегда немного театральнаго очарованія.

Среди особенно плѣнительныхъ строчекъ Ладинскаго вотъ строчки о душѣ:

И отвѣчаетъ горестно она:
— Еще я къ райской жизни не годна,

Еще я не сгорѣла на огнѣ,
Еще не выплакалась въ тишинѣ,

Еще не научилась я любить,
Еще мнѣ надо у людей пожить.

---

*) А. Ладинскій. «Сѣверное сердце». Изд-во Парабола. Берлинъ.

Стихи могутъ замѣнить автору любое дѣйствіе. Можетъ быть, еслибы Смоленскій не написалъ «Заката»*), онъ бы погибъ. Но вмѣсто этого онъ, къ счастію, написалъ книгу стиховъ. Все здѣсь посвящено смертельной усталости, все ею проникнуто и по крайней мѣрѣ наполовину, все это подчиненныя настроенія автора. Многое въ «Закатѣ» не то чтобы заимствовано у того или другого поэта, но взято изъ поэтическаго словаря нашего времени.

Такой словарь (не только словъ, но цѣлыхъ фразъ, оборотовъ, интонацій) никѣмъ не составленъ; у культурнаго писателя онъ всегда подъ рукой — достаточно имѣть хорошій слухъ и память.

Но даже узнавая у Смоленскаго клишэ катастрофическаго эсперанто, нельзя не почувствовать за искренними и условными фразами — его дыханія, его судьбы. Это стихи крайняго индивидуалиста, который въ сущности никого и ничего, кромѣ себя, не любитъ. Своимъ угасаніемъ и никому не нужностью онъ немножко рисуется. Любовь къ женщинѣ выражаетъ безъ страсти и воодушевленія. Смерть, особенно своя собственная, его умиляетъ.

«Тамъ человѣкъ сгорѣлъ».

Блоковская фраза предполагаетъ сгораніе за кого - то или за что - то, но не за себя. Поэзія Смоленскаго откровенно эгоцентрична. Онъ не жалѣетъ человѣка и ни за кого и ни за что душу не потерялъ.

У Смоленскаго, не потому что онъ пишетъ о смерти, а потому какъ онъ пишетъ о ней, — весь міръ пропитанъ сладкимъ и обморочнымъ запахомъ тлѣнія.

Но какъ хороши, отчетливы, немногословны нѣкоторые изъ его стиховъ. Какъ ясенъ и точенъ его языкъ. Какое это иногда удачное искусство.

Говоря «почти мастера», а не мастера я имѣю въ виду то небольшое уже для Ладинскаго и Смоленскаго разстояніе, которое отдѣляетъ литературную молодость отъ зрѣлости. Силы еще не окончательно провѣрены, что - то не устоялось, что - то прибавится и тогда поэты окончательно овладѣютъ своимъ міромъ. Но самое важное уже налицо. И Ладинскій и Смоленскій — поэты.

Объ Анатоліи Штейгеръ*) этого еще сказать нельзя. Въ его стихахъ и вкусъ и знаніе ремесла и память о чужой поэзіи и безпомощность — трудно сказать, чего въ нихъ больше. Есть даже слѣдъ того, что называютъ личностью поэта. Но потому - ли, что такова природа Штейгера, потому ли, что у него

*) В. Смоленскій. «Закатъ», Из-во Я. Поволоцкій и К-о, Парижъ, 1931.
*) Анатолій Штейгеръ. «Эта жизнь». Парижъ, 1931.

нѣтъ воли совершенствовать свою поэзію, все это — ни плохо, ни хорошо. Скорѣе все же хорошо по уровню, по отсутствію грубыхъ ошибокъ, по тонкости рисунка въ отдѣльныхъ вещахъ. Но многое еще нужно сдѣлать автору, чтобы его поэзія могла запоминаться и волновать.

Пока эпиграфомъ къ «Этой жизни» можно бы выбрать двѣ строчки Штейгера:

И слышится съ неба отвѣтъ
Неясный ни да, ни нѣтъ.

Трудно судить объ авторахъ по двумъ - тремъ вещамъ, напечатаннымъ въ альманахѣ.

Въ Харбинѣ вышелъ сборникъ стиховъ — Семеро. Лучшіе изъ семи участниковъ — Н. Рѣзникова ,И Свѣтловъ и Н. Щеголевъ.

Въ сборникѣ перемежаются вліянія Гумилева и Пастернака, Блока и Маяковскаго.

Ничего еще ни для кого изъ семерыхъ не устоялось*). Все у нихъ можетъ и должно измѣниться.

Но фактъ существованія въ Харбинѣ группы людей, пишущихъ и печатающихъ небезынтересные стихи, слѣдуетъ отмѣтить.

Берлинскіе поэты выпустили второй сборникъ стиховъ — «Роща»*).

Третье стихотвореніе Я. Бикермана самое маленькое и, кажется, самое удачное изъ трехъ.

...Все, что ея, меня томитъ:
Квадратикъ плана городского,
Въ которомъ домъ ея стоитъ.

Стихи Раисы Блохъ какъ всегда пріятны и культурны. Быть можетъ ей болѣе всего пристали сдержанность и строгость къ себѣ, обычно хорошо ее выражающія. Поэтому первыя двѣ строчки второго и третьего стихотворенія не воспринимаются какъ удача — ихъ тонъ слишкомъ для стиля Р. Блохъ повышенный, экзальтированный.

Очаровательныя въ послѣднемъ стихотвореніи строки:

Не итти вѣдь по снѣгу къ рѣкѣ,
Пряча щеки въ пензенскомъ платкѣ,
Рукавица въ маминой рукѣ.

---

*) «Семеро» Сборникъ стиховъ. Харбинъ, Изд-во Молодая Гураевка. 1931.
*) «Роща».
О первомъ сборникѣ берлинскихъ поэтовъ «Новоселье», смотр. рецензію въ пятой книгѣ «Чиселъ».

Нина Бродская въ сложномъ — и синтаксически и психологически — стихотвореніи пытается сдѣлать достояніемъ поэзіи то, чего сейчасъ такъ много въ прозѣ: анализъ настроенія безъ претензіи его прояснить и точно опредѣлить, но съ намѣреніемъ — внушить его читателю. Въ какой - то степени это ей удается.

Николай Бѣлоцвѣтовъ вѣроятно не далъ въ «Рощу» лучшихъ своихъ вещей. Мы помнимъ по «Новоселью» и по сборнику поэта стихи болѣе удачные. Впрочемъ двѣ первыя строфы элегіи хороши. Хорошо и заключеніе третьяго стихотворенія:

А вдругъ средь купленныхъ подругъ
Въ какомъ - нибудь ночномъ притонѣ...

Михаилъ Горлинъ занимателенъ и даровитъ. Больше чѣмъ кто либо изъ его товарищей по сборнику онъ можетъ измѣниться. Пока стихи его — шалости пера, но «блаженъ кто смолоду былъ молодъ». Когда стиль Горлина будетъ свидѣтельствовать о его зрѣлости, думается, что это будетъ небезынтереснымъ моментомъ въ эмигрантской поэзіи.

Изъ длинноватыхъ стихотвореній Юрія Джанумова удерживаются первыя строфы второго — объ усталости. Стиль третьяго — имажинизмъ, не то ослабленный, не то облагороженный другими вліяніями.

Стихотвореніе Игоря Миллера не даетъ возможности сказать что - либо объ авторѣ. Замѣтна какая - то разсудочность, но можетъ быть въ другихъ стихахъ Миллера ея нѣтъ.

Стихотворное разсужденіе А. Павловичъ о родинѣ не плохо, несмотря на то, что на эту тему почти никому стихи не удаются. Обычно это смѣсь приподнятыхъ и фальшивыхъ строчекъ. Въ разсужденіи Павловичъ есть скромность и нѣтъ ни истерики, ни лжи, ни преувеличеній.

Достоинства эти значительно ослаблены композиціей стихотворенія — оно растянуто и разбавлено большой дозой слабыхъ строчекъ и строфъ.

Въ стихахъ Вл. Піотровскаго чувствуются умѣлость и манерность, быть можетъ вызванная чрезмѣрной увѣренностью въ своихъ силахъ.

То ль душа моя, бродя,
Поскользнулась и упала.

Выписываю эти двѣ строчки Піотровскаго, какъ примѣръ, не требующій комментарій. Создатели одного изъ провинціальныхъ «измовъ» въ Россіи выпустили манифестъ, гдѣ мило заявляли, что берутъ лучшее у символистовъ, футуристовъ, акмеистовъ, имажинистовъ и, кажется, еще экспрессіонистовъ.

Къ сожалѣнію, хотя и не заявляя объ этомъ въ манифестахъ, нѣкоторые авторы въ эмиграціи смѣшиваютъ сразу нѣсколько поэтическихъ рецептовъ. Лучше быть ученикомъ только Маяковскаго или Гумилева или даже имажинистовъ, чѣмъ отражать безъ сопротивленія всѣ эти вліянія.

Поэзія даровитаго Піотровскаго наводитъ на грустныя въ этой области мысли.

Второе его стихотвореніе, ритмически, подъ Блока.

Стихи Софіи Прегель, кромѣ второго и четвертаго, не принадлежатъ къ ея лучшимъ вещамъ. Но и въ этихъ ея строчкахъ есть прелесть. Отдѣльные эпитеты говорятъ о находчивости автора, въ стилѣ — пріятная простота. Интересно у Прегель ея стремленіе не осложнять стиховъ, не перегружать ихъ трудной темой. Въ ея незамысловатыхъ, но чистыхъ строфахъ зато свободно проявляется лирическое дарованіе.

Все притаилось и затихло
Грядущимъ жаромъ сожжено
И было слышно, какъ на дно,
На душу, вспаханную рыхло,
Дневное падало зерно.

Стихи Евгенія Раича эффектны (особенно первые два). Но долженъ ли авторъ этому радоваться? Едва ли. Подождемъ высказываться о Раичѣ до слѣдующихъ его стиховъ.

Николай Эльяшовъ помѣстилъ въ «Рощѣ» два грамотныхъ и блѣдноватыхъ, но скорѣе пріятныхъ стихотворенія.

У Викторіи Эрденъ есть живость. Очень цѣнное и очень опасное качество. Поэтесса вотъ - вотъ потеряетъ голову, вотъ - вотъ восхитится не въ мѣру своей «удалью», своимъ «размахомъ». Но пока что все въ ея стихахъ пристойно и мило.

Общее впечатлѣніе отъ «Рощи» очень утѣшительное. Молодые берлинскіе стихотворцы преданы поэзіи, у нихъ немало вкуса и требовательности къ себѣ. Можно еще добавить, но это уже относится не только къ участникамъ «Рощи», а почти ко всѣмъ стихотворцамъ эмиграціи, что ихъ поэтика не «московская», а «петербургская». Оставляя въ сторонѣ вопросъ, какая лучше (вѣроятно та, въ которой тотъ или другой поэтъ лучше себя проявляетъ) нельзя все же не напомнить, что въ перетбургской средѣ безпрерывно воспитывались — скромность въ выборѣ выраженій, простота и всегда и во всемъ чувство мѣры.

Всѣ эти качества, на первый взглядъ, налицо у Ю. Мандельштама*). Но вчитываясь внимательно въ его стихи, въ нихъ разочаровываешься.

У Мандельштама есть вѣроятно безсознательное представленіе о томъ, какой должна быть «самая совершенная» структура стиховъ. Онъ знаетъ, гдѣ нужно оборвать строчку, гдѣ повысить голосъ. Онъ добивается и нерѣдко достигаетъ внѣшнихъ эффектовъ. Онъ тоже почти мастеръ, какъ Ладинскій или Смоленскій. Но къ сожалѣнію ничего, кромѣ восхищенія игрой въ поэзію, Мандельштамъ до сихъ поръ не обнаружилъ.

Онъ узналъ пружины поэзіи, ея техническую природу, но еще не задумался надъ пустотой даже самой искусной словесной игры.

Мнѣ кажется, что сама по себѣ эта игра ничуть не унизительна.

Но если Мандельштаму суждено стать поэтомъ (что по моему вполнѣ возможно) такой переходъ будетъ для него болѣе мучительнымъ и болѣзненнымъ, чѣмъ для стихотворцевъ, технически безпомощныхъ, у которыхъ узнаваніе «пружинъ» поэзіи подчинено все болѣе и болѣе растущей необходимости какъ можно лучше выразить себя.

Е. Бакунина выпустила большую, слишкомъ большую книгу*). Опытный стихотворецъ выбралъ бы изъ всей этой груды не больше половины стиховъ. Навѣрно и уцѣлѣвшія вещи онъ бы подвергъ болѣе тщательной обработкѣ, сокративъ множество длинныхъ стихотвореній и кое - гдѣ и кое - что подправивъ.

Но опытъ не трудно пріобрѣсти, а то, что у Бакуниной уже есть, встрѣчается рѣже, чѣмъ механическое умѣніе.

Бакунина — личность. Слова въ ея книгѣ иногда грубоваты, но стоитъ ли на этомъ останавливаться.

Бакунину сравнивали съ Шкапской, «гинекологической» поэтессой. Несмотря на какое - то сходство въ темахъ, поэзія этихъ двухъ женщинъ кажется мнѣ неравноцѣнной. У Шкапской больше сноровки, она ловчѣе, но она все время играетъ роль. Почувствовавъ, что это ей удается, Шкапская стала писать одно за другимъ стихи «по своей спеціальности». Постепенно все, что въ началѣ казалось ея заслугой, стало отпугивать отъ этой однообразной поэтессы.

У Бакуниной темы не специфически - женскія. Страсть, материнство, дѣторожденіе — въ центрѣ ея вниманія и это чувствуется на протяженіи всей

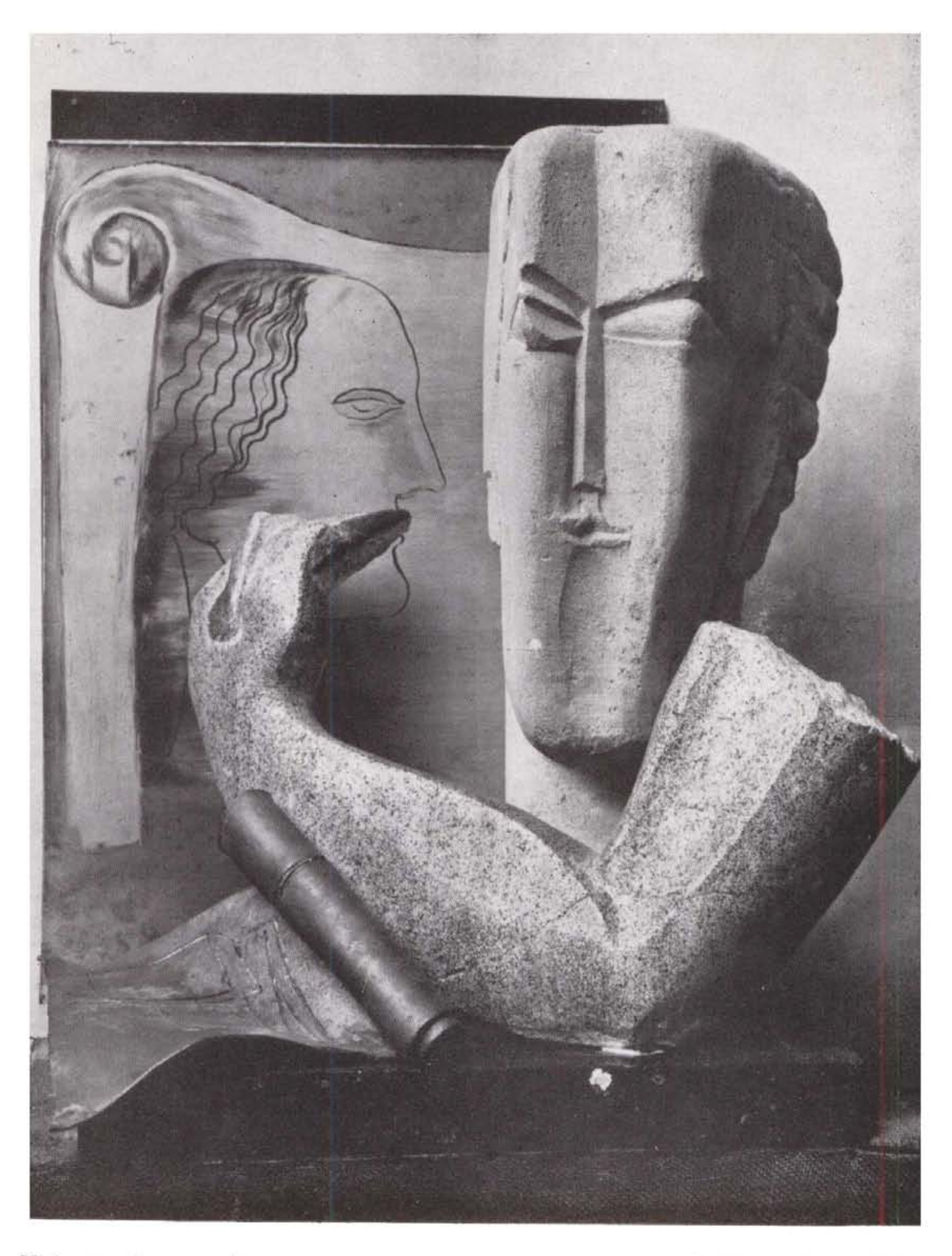
---

*) Ю. Мандельштамъ. «Вѣрность». Из-во Я. Поволоцкій, Парижъ, 1932.
*) Екатерина Бакунина. «Стихи», складъ изданія: «Родникъ», Парижъ, 1931.

книги. Но думаетъ и пишетъ она обо всемъ, что связано съ человѣческой жизнью. Отблескъ Библіи и Розанова лежитъ на этой полнокровной, тяжелой и честной поэзіи.

Цадкинъ. Голова. *Zadkine. Tête.*

Цадкинъ. Композиція. *Zadkine. Composition.*

ГРИГОРІЙ ЛАНДАУ
ТЕЗИСЫ ПРОТИВЪ ДОСТОЕВСКАГО

I.

Основную тему Достоевскаго можно намѣтить по разному — болѣе углубленно и болѣе плоско, болѣе возвышенно и болѣе жизненно. Однако, при всѣхъ подходахъ останется несомнѣнной область, къ которой эта тема относится — область пороковъ и страданій, зла человѣческой жизни и души, проблема его преодолѣнія и оправданія. Судьба человѣка и человѣчества, пребывающаго во злѣ и страданіяхъ, — такова тема Достоевскаго.

Тема эта въ глубочайшей своей сути есть основная и, вѣроятно, исходная тема религіозная: какъ возможно, чтобы Божій міръ, чтобы человѣческая душа, созданная по Божьему подобію, — лежали во злѣ; тема эта — въ другой своей грани — и исчерпывающая тема соціальная: какъ устранить страданія и зло человѣческой жизни. Отсюда соприкосновеніе съ религіозной, мета-этической мыслью — мысли соціальной, даже когда она всецѣло безбожна, антирелигіозна. Сближаетъ Достоевскаго съ обѣими — его предѣльная погруженность въ міръ человѣческаго зла, въ муку человѣческаго существованія, въ чаянія и отчаянія страждущей души. Тема зла — основная и неотступная тема человѣческаго бытія, и въ сути своей культура есть только система преодолѣнія зла, какъ религія — система его оправданія. А такъ какъ мученическая и мучительская душа Достоевскаго развертываетъ зло съ пронзительной страстностью и сверлящій геній его великъ, то онъ и овладѣваетъ читателемъ, гипнотизируя своимъ переживаніемъ человѣческой судьбы.

Соприкосновеніе Достоевскаго съ мыслью соціальной и религіозной можетъ быть приблизительно такъ описано, что исходилъ онъ изъ идеи сороковыхъ годовъ, изъ соціальнаго вопроса; но пафосомъ его было отрицаніе отвѣта той эпохи: соціальное разрѣшеніе проблемы отвергалъ онъ, углубляясь въ поиски ея корней въ личности, и тѣмъ самымъ переходилъ и приближался къ религіозному пониманію и разрѣшенію. Однако, для моего тезиснаго разсмотрѣнія мало существенно, точно ли и правильно ли такое описаніе пути Достоевскаго и его

темы; достаточно признаніе правильнымъ указаніе той области, къ которой она относится, а въ этомъ отношеніи и не можетъ быть сомнѣній. Тема поставлена о судьбѣ человѣка (и человѣчества), а человѣкъ взятъ во злѣ и въ страданіяхъ, въ безвыходной діалектикѣ ихъ оправданія и разрѣшенія, въ упованіяхъ просвѣта.

Тема безспорно вѣчная и основополагающая для религіи, этики и соціальной мысли, — отсюда значительность твореній Достоевскаго; напряженность и взвинченность его духа — даютъ ей глубину и силу внушенія. Тема вѣчная и основополагающая, но *не единственная,* не исчерпывающая тема человѣческой судьбы; и потому ее можно развивать въ образахъ и разсужденіяхъ, въ разоблаченіяхъ и призывахъ, въ системѣ, картинѣ или проповѣди, но нельзя никакимъ ея разрѣшеніямъ дать отвѣтъ на поставленную проблему — о цѣлостномъ человѣкѣ (и человѣчествѣ), объ его цѣлостной судьбѣ, объ ея цѣлостной проблематикѣ.

Ибо человѣкъ живетъ не только во злѣ и страданіяхъ. Этимъ тезисомъ я пока еще отнюдь не хочу высказать утвержденія, что человѣкъ живетъ и въ добрѣ и въ радости — хотя оно и вполнѣ вѣрно. Но такой споръ не вывелъ бы изъ сферы мышленія Достоевскаго. Какъ безнравственное относится къ одной категоріи съ нравственнымъ — къ этикѣ, отличаясь только своимъ качествомъ, какъ красота относится къ одной категоріи съ уродствомъ — къ эстетикѣ, вновь отличаясь только своимъ качествомъ, такъ зло и добро, страданія и радость — находятся въ общей имъ плоскости и противопоставленіе одного другому — какъ бы глубока ни была его значительность — изъ этой плоскости не выводятъ. Въ ней то и ведетъ свой споръ Достоевскій — споръ, который надо съ нимъ вести. Но еще существеннѣе — вообще вывести за ея предѣлы, показать ея однобокость, неисчерпываемость ею человѣческой судьбы.

Ибо человѣкъ живетъ не только во злѣ, но и въ творчествѣ, — только это сознаніе выводитъ изъ удушливаго напряженія на свѣтлый просторъ. Даже больше того — творчество и есть отвѣтъ человѣка на зло, въ которомъ онъ живетъ, путь его преодолѣнія или преодолѣванія, выходъ изъ него. Сфера творчества не совпадаетъ со сферой зла и не противоположна ей: онѣ пересѣкаются и одна выходитъ за предѣлы другой, тѣмъ самымъ совмѣстно очерчивая кругъ цѣлостной судьбы человѣка.

Безконечно многообразно творчество. Мыслитель создаетъ картину міра, ученый въ мукахъ бьется надъ поставленной ему наукой или жизнью задачей и въ упоеніи находитъ — или мнитъ найти — ея разрѣшеніе; другой на созданныхъ имъ крыльяхъ съ помощью построеннаго имъ механическаго сердца и мускуловъ уносится въ поднебесье; ротаціонная машина съ дивнымъ постоянствомъ выбрасываетъ тысячи экземпляровъ отпечатанной и сложенной — пускай только макулатуры; восходитъ экспедиція на Гималаи или продвигается къ полюсу — и гибнетъ или торжествуетъ, или погибаетъ, торжествуя. Шахты прокладываются въ глубь земли, туннели проводятся сквозь горы, возводятся храмы, каптируются рѣки; пустыня, орошаемая, становится садомъ; вылечиваются язвы; тончайшіе музыкальные инструменты согласованной игрой воспроизводятъ единый звуковой замыселъ и потрясаютъ душу артисты, давая въ точно продуманной, искусно произведенной обстановкѣ и освѣщеніи — иллюзію новаго бытія. Большіе или незамѣтные люди перестраиваютъ самое общеніе человѣческое, создаютъ или мѣняютъ государство, строятъ парламентъ или партіи, арміи, тресты. Творятъ благодѣнія и добро, воспитываютъ, создаютъ семейный оплотъ, приносятъ жертвы человѣчности и любви.

Это не перечисленіе, не систематика, это — случайные примѣры непрекращающагося человѣческаго творчества. Можетъ быть, и слово это слишкомъ возвышенное, не все охватываетъ; прибавимъ же къ творчеству — созиданіе, строительство, наконецъ, просто — работу. Творчествомъ преисполнена жизнь человѣка, съ творчествомъ связана его судьбы, творчествомъ онъ возносится и возноситъ, губитъ и спасаетъ, ищетъ спасенія и гибнетъ.

Человѣкъ живетъ въ проблематикѣ зла, но — и въ проблематикѣ творчества. Это расширеніе его судьбы отнюдь не превращаетъ мрака въ свѣтъ, трагедіи въ идиллію. Оно не разрѣшаетъ, не снимаетъ мучительной проблемы зла, хотя творчество и даетъ важнѣйшій путь его преодолѣнія или преодолѣванія. Трагиченъ всякій глубинный человѣческій запросъ. Творчество, творческій духъ имѣетъ свою безнадежность, свое возвышеніе и паденіе — ибо вѣдь въ трагедіи не одна гибель, а гибель того, что уже утвердилось въ своей значительности. Есть многообразный жизненный трагизмъ въ неосуществленіи, въ незавершенности, въ искаженности творчества, въ противорѣчіи творчества и жизни; есть многообразный имманентный трагизмъ въ невыполнимости творческаго заданія, въ неизбѣжныхъ несоотвѣтствіяхъ задачи и результата; есть глубочайшая трагедія въ расхожденіи творца и сотвореннаго, въ неизбѣжно отрывающейся отъ творца жизни однажды имъ созданнаго (трагедія Пигмаліона и Галатеи); есть міровая трагедія конечной обреченности творческаго усилія

разсѣяться, раствориться въ той косной стихіи бытія, изъ которой черпаетъ оно и свой матеріалъ и свой стимулъ. Возвращается въ тлѣнъ изъ тлѣна сотворенное.

Выходъ изъ міра зла въ міръ творчества не уничтожаетъ трагедіи, но мѣняетъ, обогащаетъ ее: открывается новый героизмъ и новыя упованія, и новое отчаяніе. Изъ мрачнаго подземелья мы какъ бы выходимъ на свѣтъ, на просторъ. Бездны открываются и съ горныхъ высотъ (можетъ быть, только отсюда онѣ и открываются) и гибелью завершается смѣлое восхожденіе, — но это другая гибель чѣмъ въ шахтахъ, наполнившихся удушливыми газами. Рокъ творчества не менѣе безпощаденъ, чѣмъ рокъ зла, но — глубже и содержательнѣе задача и иная судьба обреченнаго. Подлиннымъ — не спасеніемъ, конечно, но — освобожденіемъ ощущается переходъ изъ подъ гипноза зла на просторъ человѣческаго творчества — уже потому, что творчество есть героическая и отчаянная человѣческая попытка освободиться отъ зла.

Я не утверждаю, что въ творчествѣ — разрѣшеніе роковыхъ вопросовъ зла; я только утверждаю, что они перемѣщаются, становятся въ новомъ свѣтѣ иными. Частный примѣръ подтвердитъ это положеніе. Достоевскій часто обращается къ «самому главному» — человѣческой личности, ея «самостоятельному хотѣнію», ея несводимости на разсудокъ, на выгоды, на причинность, на законы природы. «Вѣдь все дѣло то человѣческое кажется и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобы человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ» («Записки изъ подполья»). Ради этого Достоевскій готовъ отвергнуть міровую гармонію. Путь же къ этому «важнѣйшему», къ самоутвержденію личности онъ видитъ въ непризнающемъ «закона» человѣческомъ своеволіи, въ метафизическомъ «капризѣ». «Джентльменъ... съ насмѣшливой физіономіей» готовъ столкнуть прахомъ все человѣческое благоразуміе, лишь бы «по своей глупой волѣ пожить». Развертывается напряженная діалектика своеволія, какъ утвержденія личности.

Не стану разсматривать вопроса, нѣтъ ли возможности и въ предѣлахъ этики, добра и зла — иначе утверждать человѣческую личность; но во всякомъ случаѣ ясно, какой уродливой и несущественной представляется эта существеннѣйшая мысль Достоевскаго въ свѣтѣ «человѣка въ творчествѣ». Ибо творчество и есть самоутвержденіе человѣка, его самостоятельнаго хотѣнія, его воли и глупой и умной, пусть даже его каприза — не въ видѣ пинка ногой въ благо-

разуміе и законы, а въ видѣ чудеснаго использованія, господства надъ ними и съ ихъ помощью. Безслѣдно нырнетъ въ подполье, откуда онъ напрасно выбрался на свѣтъ Божій, метафизическій «джентльменъ... съ насмѣшливой физіономіей» — и насмѣшка превратится въ гримасу недоумѣнія, когда онъ замѣтитъ творца, утверждающаго свою волю не своевольнымъ отрицаніемъ «законовъ», а вольнымъ и могучимъ строительствомъ на нихъ. Діалектика воли «человѣка во злѣ» приводитъ къ утвержденію, что «послѣ дважды двухъ ужъ разумѣется ничего не остается не только дѣлать, но даже и узнавать». «Человѣкъ въ творчествѣ» — на дважды два построитъ блистательный міръ иллюзіи или красоты, благоразумія или сумасбродства, выгоды и даже... добра. Обреченный на вѣчное уничтоженіе міръ будетъ перестраиваться и возсоздаваться, и передъ этимъ блистательнымъ и трагическимъ цвѣтеніемъ, передъ этой человѣческой борьбой съ рокомъ, торжествомъ — пусть мгновеннымъ — и гибелью, пусть окончательной, — что такое «джентльменъ... съ насмѣшливой физіономіей»: выходецъ изъ удушливаго подполья въ чуждый ему грозный, но свѣтлый міръ.

Такъ мѣняется обликъ человѣческихъ проблемъ и судьбы въ свѣтѣ «человѣка въ творчествѣ», строителя, изобрѣтателя, выдумщика. Вызовъ Богу — строительство Вавилонской башни — только одна изъ его возможностей и его трагедій. Какъ творца — его можно бы назвать человѣкобогомъ; но въ этомъ нѣтъ кощунства, нѣтъ даже дерзновенія, — въ этомъ лишь смиренное пріятіе своего достоинства, ибо не образъ ли Божій во всякомъ человѣкѣ; и развѣ въ томъ преимущество «человѣка во злѣ», — что онъ его оскверняетъ?

Поразительно, какъ чужда идея творчества творчеству Достоевскаго, хотя бы и при самомъ распространительномъ пониманіи этого слова, какъ созиданія, строительства, работы. Въ огромной галлереѣ выведенныхъ Достоевскимъ лицъ и описанныхъ имъ событій — мы находимъ, конечно, множество разныхъ образовъ и дѣяній. Все же поражаетъ, въ какой мѣрѣ *преобладаютъ среди нихъ люди полной или преимущественной праздности;* цѣлыя произведенія буквально таковыми сплошь исчерпываются (напр., такая замѣчательная вещь, какъ «Село Степанчиково» или «Записки изъ подполья»). Если же кто чѣмъ и занятъ, то его занятіе остается гдѣ то за кулисами разсказа. Герои Достоевскаго безконечно другъ друга посѣщаютъ, ходятъ отъ одного къ другому, неограниченно разговариваютъ (притомъ удивительно многословно), нерѣдко умно и проникновенно разсуждаютъ, фантазируютъ, ставятъ проблемы, другъ друга ловятъ и подстерегаютъ, часто оскорбляютъ, издѣваются, унижаютъ и унижаются, отъ времени до времени насилуютъ и изрѣдка убиваютъ. Но очень

рѣдко они что бы то ни было «дѣлаютъ», строятъ, устраиваютъ. (Вотъ слѣдователь обстоятельно описанъ на работѣ, но эта работа и сводится къ тонкому разсужденію, постановкѣ проблемъ, подстереганію и ловлѣ). Подавляющее большинство героевъ Достоевскаго состоитъ изъ праздныхъ людей (это отмѣчаетъ и Бердяевъ, конечно, съ противоположной оцѣнкой) или людей взятыхъ въ періоды праздности: именно къ нимъ, къ міру собственныхъ созданій и обращенъ его знаменитый предсмертный призывъ: «Смирись, праздный человѣкъ» (какъ, впрочемъ, къ нему-же обращенъ и другой крикъ его отчаянія: «смирись, гордый человѣкъ». Праздная гордость — міръ Достоевскаго).

Въ той красочной симфоніи — сѣро - желтымъ по сѣро - желтому, — какую представляетъ твореніе Достоевскаго, оттѣнки располагаются преимущественно отъ праздныхъ гордецовъ къ самолюбивѣйшимъ бездѣльникамъ. Конечно, праздность — въ своемъ родѣ подходящая среда для производства опредѣленныхъ душевныхъ опытовъ, для выработки чистыхъ культуръ иныхъ болѣзнетворныхъ началъ, встрѣчающихъ въ работѣ и творчествѣ внѣшнюю для себя преграду (въ частности, самолюбіе неограниченно пухнетъ въ праздности). Но я сейчасъ и не критикую, а только отмѣчаю чуждость творчеству Достоевскаго образовъ творчества, созиданія, работы. «Человѣку въ творчествѣ» нѣтъ мѣста въ творчествѣ Достоевскаго.

Поэтому такъ чужда и непривлекательна для Достоевскаго современная Европа, весь пафосъ которой (въ его время впрочемъ, еще не вполнѣ выявившійся) именно и состоитъ въ безоглядномъ творческомъ устремленіи, созидательномъ разбѣгѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было бы неправильно усматривать въ герояхъ Достоевскаго простое отраженіе Россіи середины девятнадцатаго вѣка, какъ «надстройки надъ крѣпостнымъ правомъ» — что-ли, усматривать въ ихъ праздности отраженіе чужого крѣпостного труда, что до нѣкоторой степени относится къ героямъ Гончарова и Тургенева. Дѣйствующія лица у Достоевскаго преимущественно разночинцы, обыкновенно бѣдняки, иногда нищіе, часто приживалы. Внѣшняго положенія у нихъ нѣтъ и они не всегда къ нему стремятся; опоры у нихъ нѣтъ и они ея не ищутъ. Свою жизнь, иногда большого духовнаго напряженія и уже всегда огромнаго душевнаго нажима, проводятъ они въ напряженной праздности, въ озлобленномъ бездѣліи. Этимъ напряженіемъ и нажимомъ отличаются они отъ героевъ Гоголя, тоже лишенныхъ творчества и строитель-

ства, но зато и не предназначаемыхъ разрѣшать верховные вопросы человѣческаго бытія. Герои Достоевскаго праздны, но отнюдь не инертны, не лѣнивы, не Обломовы; но — активность ихъ направлена не на внѣшнее претвореніе, а сосредоточена на внутреннемъ кипѣніи — во внѣ же преимущественно выявляется въ видѣ разрушительнаго взрыва. Въ этомъ ихъ отличіе отъ героевъ Щедрина, которые по существу тоже ничего не творятъ, не создаютъ; но они дѣйствуютъ, симулируютъ дѣятельность, и ихъ порокъ именно въ томъ, что дѣятельность эта фиктивная, дутая, лживая. Толстой отрицалъ умственные виды творчества и работы; Сперанскій не удовлетворилъ князя Андрея, Кутузовъ вознесенъ за то, что дремалъ въ минуты рѣшающихъ обсужденій; «плоды просвѣщенія» вызываютъ у него насмѣшку; но Толстой видѣлъ, хотя и не любилъ, и государственно - строительную работу, а другую — помѣщиковъ, крестьянъ — онъ и видѣлъ и любилъ. И Николай Ростовъ и Левинъ — работники и строители.

У поэта лишнихъ людей, Тургенева, работаютъ и крестьяне и помѣщики; Инсаровъ — не интригующій блефистъ, какъ Верховенскій, а организаторъ; въ Базаровѣ виденъ работающій медикъ; Павелъ Кирсановъ, этотъ Евгеній Онѣгинъ въ пожилые годы, если и не во снѣ, то внутри себя создалъ культурный міръ. Творческаго человѣка описывалъ Лѣсковъ и съ этимъ, вѣроятно, связана утѣшительная благость многихъ его вещей. Конечно, подлиннымъ поэтомъ творческаго человѣка былъ Пушкинъ. Въ другомъ мѣстѣ («Пушкинъ какъ воспитатель») приходилось отмѣчать, что онъ былъ единственнымъ великимъ русскимъ писателемъ, воспѣвшимъ государственное дѣло, «труды державства и войны»; но онъ былъ и пѣвцомъ творческаго человѣка вообще — не только строителя державы, Петра, не только глубокихъ и жертвенныхъ замысловъ Барклая де Толли, не только трагическихъ усилій Бориса Годунова, но и легкаго генія Моцарта и трудныхъ напряженій Сальери, поэта, полнаго звуковъ и смятенія, пророка, жгущаго сердца людей.

Недаромъ — незадолго до своей смерти, вѣроятно, обезсиленный отъ кошмарнаго круженія своихъ героевъ, въ отчаяніи призывая ихъ смириться («смирись, гордый человѣкъ... смирись, праздный человѣкъ»...). — Достоевскій, какъ къ маяку спасенія, воззвалъ къ своему антиподу, Пушкину. Это было капитуляціей великаго писателя, которая — небывалый случай — создала ему величайшее торжество. Этимъ тріумфомъ, даннымъ ему за капитуляцію, русское общество показало, что сознательно или инстинктивно *отъ подпольной діалектики зла оно счастливо устремится къ творческому свѣту и воздуху.*

Въ этихъ тезисахъ нѣтъ мѣста для обстоятельнаго развитія, тѣмъ тщательнѣе слѣдуетъ въ нихъ избѣгать недоразумѣній.

Я не хотѣлъ здѣсь сказать, чтобы и въ предѣлахъ этической проблемы не было возраженій или противопоставленій идеямъ и образамъ Достоевскаго; я не хотѣлъ сказать, чтобы проблема «человѣка во злѣ» была имъ исчерпывающе или полно разработана; я не хотѣлъ сказать, что единственнымъ противопоставленіемъ «человѣка во злѣ» былъ — «человѣкъ въ творчествѣ». Я только хотѣлъ этимъ противопоставленіемъ вызвать образъ тѣхъ міровъ, которые своими задачами и своимъ трагизмомъ и своей насыщенной содержательностью, неизмѣримо усложняя и обогащая человѣческую судьбу, выводятъ изъ подъ гипноза монотонной проблематики Достоевскаго, разсѣиваютъ кошмаръ его подполья.

II.

Достоевскій принадлежитъ къ тѣмъ многочисленнымъ русскимъ людямъ, которые съ пренебреженіемъ — если не съ презрѣніемъ — относятся къ европейскому укладу, къ европейскому мѣщанству, къ европейской цивилизаціи. Онъ видитъ въ Европѣ кладбище, хотя бы «святыхъ чудесъ», и хотя камни этого кладбища сентиментально собирался со слезами цѣловать Иванъ Карамазовъ, но это только памятники ея «горячей минувшей жизни». Могучей современности, преисполненной творчества вещей и идей, жизни и духа — Достоевскій не замѣтилъ и не призналъ.

Противоположеніе былой горячей жизни — нынѣшнему кладбищу, противоположеніе современности — упоминаемымъ имъ памятникамъ Венеціи, Рима и Парижа можно было бы понять какъ противоположеніе культуры — цивилизаціи. Но это значило бы заслонять все огромное творчество Достоевскаго номногими отдѣльными высказываніями.

Я не буду здѣсь разсматривать, въ какой мѣрѣ вообще законно противополагать понятія культуры и цивилизаціи; не буду вскрывать того непониманія современности, которое заповѣдный паркъ принимаетъ за кладбище и не замѣчаетъ могучаго біенія жизни за его оградой и надъ его поверхностью. Суть въ томъ, что и «святыя чудеса» не причемъ въ основномъ ощущеніи Достоевскаго, ибо цивилизаціи онъ на самомъ дѣлѣ не противопоставляетъ былой культурѣ, а обѣимъ противопоставляетъ — максимализмъ, одинаково отрицающій ихъ обѣихъ. Иванъ Карамазовъ готовъ вернуть билетъ въ этотъ міръ изъ за неоправ-

данной слезинки ребенка; русскіе мальчики, встрѣтившіеся впервые въ трактирѣ, проводятъ часы въ спорахъ о Богѣ — въ противоположность аккуратнымъ нѣмцамъ, въ этой обстановкѣ просто выпивающимъ бокалъ пива. Иногда съ трагическимъ напряженіемъ, какъ въ знаменитомъ разговорѣ Ставрогина съ Шатовымъ, иногда — какъ въ «Запискахъ изъ подполья» — затушевывая кривляньемъ истовость высказываемаго — необыкновенно охотно говорятъ герои Достоевскаго о предѣльномъ, о послѣднемъ, объ окончательномъ. Пусть Palazzo ducale – сейчасъ только камень на кладбищѣ, но и когда его строила «горячая минувшая жизнь, онъ такъ же мало могъ бы удовлетворить, какъ спорящихъ въ трактирѣ мальчиковъ, такъ и самого Достоевскаго, ибо и тогда онъ не давалъ никакого непосредственнаго и окончательнаго отвѣта на вопросъ, есть ли Богъ, и не снималъ проблемы невинной дѣтской слезинки. Творчество не интересуетъ Достоевскаго, этико - антропологическая же проблема волнуетъ его лишь въ своемъ максимумѣ. *Максимализмъ Достоевскаго одинаково отрицаетъ и цивилизацію и культуру.*

И какъ къ максимализму устремлена мысль Достоевскаго, такъ изъ максимализма она исходитъ. Вопросы человѣческой судьбы выростаютъ изъ фактовъ жизни и души. Вопросы обостряются, когда жизнь берется въ ея крайнихъ проявленіяхъ, душа — въ ея наиболѣе взвинченныхъ состояніяхъ. Изъ живой ткани вырываются напряженнѣйшія точки, чтобы ихъ пунктиръ велъ къ максимальнымъ проблемамъ. Само собой, тутъ нѣтъ умысла и построенія; просто — такова душа, мысль, ощущеніе Достоевскаго.

Если въ невниманіи къ творческому процессу — главный порокъ Достоевскаго, то въ максимализмѣ — главный его грѣхъ.

Культура во всѣхъ областяхъ есть всегда творчество не послѣдняго, даже не предпослѣдняго, — а средняго, промежуточнаго, axiomata media живое насыщеніе пустоты, отдѣляющей живого человѣка отъ предѣльныхъ идей. Идея атома могла мелькнуть во всякой эпохѣ и можно было съ ея помощью разсуждать о природѣ; но только высоко развитая наука застраиваетъ пустоту между идеей и реальностью, ученіемъ объ атомѣ, молекулѣ, электронѣ, ихъ строеніи, удѣльномъ вѣсѣ и пр. Мечта о полетѣ мелькала во всякой эпохѣ и творила о немъ мифъ; только высокая техника строитъ пропеллеры, моторы, носящія поверхности, балоны для водорода и гелія. О Богѣ не трудно разсуждать и въ трактирѣ, жаждать его можно всегда и вездѣ; но только высокая

культура насыщаетъ — каждая по разному — алканіе божественнаго рѣшающимъ одержаніемъ образовъ, догмъ, ритуала — создавая религіи. Свобода есть призывъ, приводящій въ непосредственномъ примѣненіи къ разрушенію и насилію; требуется долгій государственный путь, чтобы создать учрежденія, обезпечивающія свободу гражданина и неприкосновенность личности. Эликсиръ жизни претворяется въ рядъ гигіеническихъ, санитарныхъ, профилактическихъ мѣръ, удлиняющихъ на нѣсколько десятилѣтій среднюю продолжительность человѣческой жизни. Золотой вѣкъ позади или впереди насъ превращается культурой въ систему соціальныхъ учрежденій, облегчающихъ человѣческое существованіе.

Культура есть созиданіе промежуточныхъ цѣнностей. Окончательныя цѣли, предѣльныя задачи — сами по себѣ внѣ культуры; онѣ входятъ въ нее, поскольку вызываютъ построеніе подготовительныхъ къ нимъ ступеней; онѣ разрушаютъ культуру, когда производятся попытки къ ихъ прямому и непосредственному осуществленію; притомъ разрушаются тѣ среднія цѣнности, черезъ которыя пытаются перескочить къ конечнымъ, либо просто разваливаясь, либо превращаясь въ свою противоположность. Невоплощенная въ ограниченныя учрежденія свобода становится анархіей или — по идеѣ Шигалева — рабствомъ; немедленный миръ становится братоубійственной междоусобицей; власть всѣхъ становится всеобщимъ рабствомъ, общее благосостояніе — всеобщей нищетой; монистическое обоснованіе — поверхностной натяжкой; единоспасающее лекарство — шарлатанствомъ и знахарствомъ.

Но было бы ошибкой думать, что зато цѣной гибели промежуточнаго достижимо окончательное. Послѣднее никогда недостижимо и— мнимо достигаемое съ налета — лопается какъ мыльный пузырь, оставляя капельку мутной пѣны. Послѣднее достижимо и вѣчно исчезаетъ — если не за громадой выстроенныхъ во имя его срединныхъ цѣнностей, то — въ пустотѣ; въ созиданіи промежуточнаго или въ разрушеніи его. Нѣтъ альтернативы между срединнымъ и предѣльнымъ, есть альтернатива между насыщенностью, хотя бы преслѣдующей мнимую безконечность, и — ни къ чему не ведущей пустотой.

Предѣльная идея есть всегда — духовная переработка, упрощающая, отвлекающая отъ содержанія, мысленная проекція на нереальный экранъ запроса или заданія, который имѣетъ свой законный смыслъ въ своей собственной конкретности, ограниченности, соотношеніи съ дѣйствительностью. А потому воплощеніе въ дѣйствительность этой умственной (или эмоціональной) ея переработки, съ ней несоотносительной, неизбѣжно ее ломаетъ, не осуществляя и себя. Тѣмъ болѣе губительнымъ долженъ быть максимализмъ, когда онъ не

только преслѣдуетъ предѣльныя задачи, но исходитъ изъ максимально преувеличенной, односторонне обостренной, взвинченной дѣйствительности. Двойное несоотвѣтствіе приводитъ къ двойному искаженію.

Максимализмъ не неизбѣжно антикультуренъ, онъ только всегда внѣкультуренъ. Онъ бываетъ двигателемъ культуры, поскольку, оставаясь внѣ ея, даетъ ей призывы и указываетъ направленіе; онъ разрушаетъ ее, когда въ нее воплощается.

Двойственны и его пружины. Максимализмъ, зловѣщій рокъ европейской современности, коренится въ ея же «фаустовскомъ» устремленіи въ безконечность, въ прометеевомъ дерзновеніи похитить небесный огонь; онъ выращенъ на титаническомъ размахѣ научныхъ и техническихъ успѣховъ. Прометеево дерзновеніе и титаническій размахъ становятся максимализмомъ въ сознаніи массового человѣка, которому демократизація и вульгаризація знаній уясняетъ контуры достиженій, но который не ощущаетъ сопротивленій, преодолѣнныхъ творцами. Онъ видитъ грандіозные результаты, не знаетъ грандіозныхъ усилій и думаетъ, что нѣтъ препятствій и для достиженія предѣла.

Максимализмъ имѣетъ и другой ликъ: онъ можетъ не только взывать къ вѣчнымъ напряженіямъ, но и освобождать отъ нихъ — воспитывая своей безпредѣльностью безразличие и презрѣніе къ конечному. Онъ можетъ проистекать не изъ ненасытимой энергіи, а изъ лѣни; изъ легкости мыслительнымъ прыжкомъ избѣгнуть дѣйствительныхъ препятствій, не только не преодолѣвъ, но даже не замѣтивъ ихъ. Максимализмъ можетъ быть символомъ нескончаемыхъ напряженій, но и стимуломъ уклоненія отъ нихъ — подмѣной дѣянія крылатыми словами. Фантастическую ракету мечтаютъ пустить на луну; ребенокъ протягиваетъ къ ней свои слабыя руки.

Горе культурѣ, когда въ нее внѣдряется максимализмъ, когда, оставаясь внѣ - предѣльнымъ по своему содержанію, онъ становится ея внутри - предѣльнымъ заданіемъ и тѣмъ самымъ величайшей для нея угрозой. Горе, когда изъ внѣкультурнаго, сверхкультурнаго стимула для творцовъ онъ становится заданіемъ для безтворческаго сознанія, критеріемъ для зрителя. Какъ заданіе онъ разрушаетъ пафосъ культуры, какъ мѣрило онъ уничижаетъ ея цѣненіе. Что такое въ сравненіи съ послѣднимъ предѣломъ всѣ ограниченныя достиженія: передъ безсмертіемъ — оздоровленіе на нѣсколько десятилѣтій, передъ истиной — нѣсколько относительныхъ теорій, облегченіе жизни — передъ ея легкостью. Сколько ни дѣлаешь шаговъ къ безконечной цѣли, остаешься отъ нея одинаково далекимъ — къ чему же дѣлать эти шаги, — съ такимъ же успѣхомъ можно прыгать на мѣстѣ. Передъ совершенствомъ одинаково уродли-

во всякое несовершенство. Еще раньше разрушенія культуры внѣдреніемъ въ нее, — максимализмъ ее подрываетъ, вытравляя къ ней вкусъ и не давая ему появиться. Стимулъ напряженія, онъ и факторъ бездѣятельности; проявленіе ненасытной творческой воли — онъ и проявитель творческаго паралича, воспитатель творческой бездѣятельности, разлагающей и обезцѣнивающей.

Мальчики, случайно встрѣтившіеся въ трактирѣ, съ такимъ же отсутствіемъ стыдливости способны немедленно заговорить о Богѣ, святости и добрѣ — съ такой же легкостью, съ какой въ трактирѣ же или внѣ его они совершатъ безстыдную гадость, — ибо велико ли разстояніе гадости отъ скромной порядочности передъ лицомъ святого максимума. Гадость для максимализма даже предпочтительнѣе порядочности, какъ проститутка предпочтительнѣе честной женщины, — ибо во второй подозрѣваетъ онъ притязаніе на положительную оцѣнку или на мгновенное внутреннее удовлетвореніе, а какъ смѣетъ человѣкъ на это притязать передъ лицомъ вѣчныхъ цѣнностей! Не лучше ли уже откровенная, ни на что не претендующая гадость? Безконечность цѣли, безмѣрность критерія дѣлаетъ все одинаково непозволительнымъ, но тѣмъ самымъ и все одинаково позволеннымъ. «Если нѣтъ Бога, все позволено», — человѣческаго достоинства, утвержденія личности на своей идеѣ максимализмъ не видитъ и не признаетъ.

Выводъ Кантіанства: Богъ есть, потому что не все позволено — для максималиста обременителенъ; такъ какъ божественное ему по человѣческой слабости недоступно, то онъ неизмѣнно рискуетъ впасть въ смердяковщину. Это и есть то, что называется «двумя безднами»: одна въ притязаніи, другая — въ дѣйствительности. Культурный же человѣкъ безмолвно склоняется передъ святостью, ни отъ кого ее не требуя, поскольку не въ силахъ самъ ее дать, но трактирному — съ икотой — разговору о святости онъ предпочтетъ простую порядочность.

Культура есть творчество срединныхъ цѣнностей; сколько ихъ не творить, онѣ останутся одинаково далеки отъ своего предѣла и потому съ точки зрѣнія максималиста одинаково никчемными и ничтожными. Но съ точки зрѣнія культуры и творчества таковымъ же будетъ и максималистъ.

Не всегда бываетъ максималистичной этика; но склонна она стать таковой, — Достоевскій не исключеніе, а только одинъ изъ образцовъ цѣлой категоріи. Однако, отъ другихъ ея разновидностей отличается онъ существеннѣй-

шимъ образомъ — своей малой опредѣленностью. Этическій максимализмъ, выставляя свои предѣльныя требованія, строитъ неумолимыя мѣрила, создаетъ неуступчивый идеалъ. Стремясь къ безпредѣльности, онъ нажимаетъ до послѣдней крайности свои требованія къ человѣку и, чтобы обезпечить себя отъ всякой переливчатости и неопредѣленности, онъ рѣзко и твердо очерчиваетъ *минимумъ своего максимума,* ту черту, ниже которой спуститься нельзя безъ грѣховнаго нарушенія; все выше и выше идти можно и должно, но вотъ предѣлъ, ниже котораго — грѣхъ. Этотъ предѣлъ установимъ по разному; либо созданіемъ системы предписаній — аскетизма, жертвенности, самоотреченія; либо созданіемъ высокаго образа - образца, дающаго не раціональныя, а интуитивныя мѣрила должнаго поведенія. Въ великомъ началѣ религіозно - этическихъ системъ стоитъ образецъ; въ разработкѣ появляются догмы и предписанія.

У Достоевскаго нѣтъ ни того, ни другого; съ безудержнымъ напряженіемъ, съ неотвязчивой страстностью разворачиваетъ онъ душу «человѣка во злѣ», зло человѣческой души и въ отчаянныхъ поискахъ выхода или разрѣшенія — не согласенъ примириться на меньшемъ, чѣмъ на максимумѣ, не согласенъ принять и слезинки, требуетъ предѣльной свободы въ произволѣ метафизическаго каприза. Онъ не хочетъ примириться на меньшемъ, чѣмъ на максимумѣ, но самый *максимумъ дается только въ смутномъ позывѣ,* безъ образа и безъ догмы.

Когда же онъ свое положительное, свое примиряющее все же рѣшается дать не въ алканіи, а въ образѣ — то ему остается въ полномъ отступленіи отъ собственной діалектики и требовательности дать образъ, отрицающій максималистическое устремленіе. Въ Зосимѣ — максимализмъ Достоевскаго капитулируетъ передъ освящающей эмпирику благостью православной традиціи. Образъ Зосимы въ этомъ смыслѣ подобенъ пушкинской рѣчи. Въ обоихъ — въ нѣкоторомъ смыслѣ знаменитѣйшихъ его созданіяхъ, во всякомъ случаѣ одержавшихъ наиболѣе яркую побѣду среди современниковъ, — происходитъ *капитуляція Достоевскаго.* Къ обоимъ нѣтъ перехода отъ толщи его образовъ, къ обоимъ не ведетъ его гипнотизирующая діалектика, его потрясенная и потрясающая духовность, оба одинаково мало даютъ отвѣтъ на его напряженнѣйшую тревогу. Діалектика своеволія и послѣдней слезинки — забыта передъ лицомъ Зосимы; какъ исчезаютъ Грушеньки и Лизы передъ образомъ превознесенной въ пушкинской рѣчи Татьяны, какъ разсѣивается затхлость подполья или надрывная идеологія Шатова въ свѣтѣ алканія всечеловѣчности. Тутъ нѣтъ перехода, разрѣшенія. Достоевскій въ своихъ произведеніяхъ не разоблачаетъ своихъ героевъ и ихъ духовности, не опровергаетъ ихъ; изъ діалектики ихъ

духа выводитъ онъ свои построенія, тѣмъ самымъ ихъ духъ санкціонируя. И когда въ завершеніе своего творчества онъ взываетъ къ ихъ противоположности, къ тому, что отрицаетъ ихъ и ихъ духовность, то тѣмъ самымъ падаетъ и вытекающая изъ нихъ діалектика и ея выводы. Тутъ нѣтъ разрѣшенія. Тутъ капитуляція. Точно потерянный въ лабиирнтѣ своей діалектики и до смерти утомленный отъ неустаннаго надрыва, Достоевскій сдался и припалъ къ тому, что было ихъ отрицаніемъ и противоположностью, — и вызвалъ этимъ восторженное чувство облегченія у своихъ современниковъ. Наибольшій успѣхъ одержалъ Достоевскій и наибольшую глубину проявилъ — въ своей предсмертной капитуляціи.

Въ проблемѣ зла, на которой сосредоточился Достоевскій, онъ устремленъ на максимумъ, который, однако, остается у него въ неопредѣленной смутности. Этическому максимализму свойствененъ переходъ въ религію. Максимальная нравственная требовательность находитъ въ божественномъ Провидѣніи и въ потусторонней судьбѣ — своего двигателя и свое завершеніе. Только перенесенный въ божественную близость — максимализмъ теряетъ свою незакономѣрность; впрочемъ, онъ и перестаетъ быть максимализмомъ въ мірѣ божественной абсолютности. Религіи бываетъ свойственнымъ нравственный максимализмъ.

Однако, и здѣсь культура заключается въ созданіи промежуточныхъ, срединныхъ цѣнностей — въ этомъ состоитъ задача историческихъ церквей. Едва ли не простое недоразумѣніе въ томъ, что Достоевскій сближаетъ своей ненавистью соціализмъ съ католической церковью. Соціализмъ стоитъ на земномъ максимализмѣ, церковь — строитъ земныя срединныя цѣнности на максимализмѣ небесномъ, т. е. творитъ культуру на потусторонней основѣ. Въ частности католическая церковь подчиняетъ своей предѣльной задачѣ — творчество всѣхъ областей культуры, и этической, и соціальной, и художественной, и отвлеченно мыслительной, непрерывно обращается къ «человѣку въ творчествѣ», чтобы спасти «человѣка во злѣ». Въ области этической — церковь въ своемъ историческомъ развитіи разрабатываетъ всю скалу срединныхъ, промежуточныхъ, подготовительныхъ цѣнностей, т. е. уничтожаетъ «максимализмъ», вводя безконечную задачу въ систему конечныхъ, не противопоставляя максимальнаго — эмпирическому, а объединяя ихъ въ сложно разработанной системѣ и іерархіи. Ясно какъ такое умонастроеніе должно отвращать отъ себя

непосредственный максимализмъ Достоевскаго, не признающаго срединныхъ цѣнностей и не видящаго человѣка въ творчествѣ.

Богъ религіозно оправдываетъ нравственный максимализмъ, а для того, чтобы при этомъ земныя подготовительныя серединныя цѣнности получили свой смыслъ и обоснованіе — нужна тщательная разработка религіозной догматики, нужна теодицея, нужна религіозная метафизика. Конечно, въ истокахъ религіи, являющихся ея величайшими вершинами, этой разработки и обоснованія не бываетъ, — ихъ даетъ религіозная культура; но и тамъ имѣются ихъ заданія, поставлены уже главныя вѣхи. Достоевскій находится не у истоковъ религіи и слѣдовательно не можетъ ограничиться общимъ заданіемъ, даже если бы оно у него и было. Религія дана у него не какъ непосредственное утвержденіе, а какъ выводъ, но съ той же смутностью и неопредѣленностью, съ которой данъ у него и этическій максимализмъ. Онъ не видитъ Бога, но ищетъ Бога, чтобы спасти свой максимализмъ. Но смутный Богъ Достоевскаго, имъ не узрѣнный, ничего и не спасаетъ: для этого онъ долженъ былъ бы насытиться отсутствующимъ у Достоевскаго содержаніемъ. Богъ можетъ оправдать слезинку ребенка, — но для этого нужна теодицея. Безъ догмы и метафизики (хотя бы въ заданіи, въ вѣхахъ) — Богъ не оправдываетъ слезинки. Отсюда и шатанія Достоевскаго. Онъ вѣритъ и не вѣритъ. Онъ не можетъ вѣрить и хочетъ вѣрить, потому что лишенъ того божественнаго содержанія и того духовнаго зрѣнія, которыя творятъ вѣру или — творятся въ вѣрѣ. Онъ Бога не видитъ; *Богъ для него смутный выводъ изъ смутной максимальной требовательности.*

III.

Достоевскій занятъ человѣкомъ «во злѣ и страданіи» и именно потому, что не видитъ его въ творчествѣ и въ радости, не понимаетъ онъ его путей и не знаетъ его судьбы, — онъ не видитъ и самой полноты человѣческаго зла и страданій.

Конечно, на огромныхъ полотнахъ мученій и мучительства, оставленныхъ имъ, — можно найти много разнаго зла и много разныхъ страданій. Все же какъ общій обзоръ главныхъ образовъ и происшествій, описанныхъ имъ, такъ и анализъ отдѣльныхъ его произведеній показалъ бы, что иногда основнымъ и едва ли не всегда преобладающимъ зломъ и страданіемъ — является одно: уязвленная гордость — въ «высшемъ смыслѣ» или ущемленное самолюбіе — въ «низшемъ». Геніальное разоблаченіе, обнаженіе, пожалуй даже

пародію — достоевщины далъ Достоевскій въ «Запискахъ изъ подполья». Въ сущности ихъ долженъ былъ написать непреклонный его врагъ, безпощадный его разоблачитель. Ущемленное самолюбіе ничтожества, гложущая уязвленность безсилія — такова движущая пружина страданій и зла, развертывающіяся съ величайшей послѣдовательностью и убѣдительностью, съ той однолинейностью, которыя ненормальному (т. е. не - всестороннему) придаетъ видимость общечеловѣческаго.

Человѣкъ я или не человѣкъ? — такой вопросъ почти исчерпывающе занимаетъ саморазоблачающагося героя. Но когда ставится такой вопросъ, то тѣмъ самымъ объективно дается на него и отрицательный отвѣтъ, а субъективно — чтобы таковаго избѣжать — злобствующее безсиліе стремится къ самоутвержденію въ своемъ безсильномъ злобствованіи. Діалектика самоутверждающагося безсилія, уязвленнаго собственнымъ безсиліемъ и утверждающагося въ своей уязвлености — такова основополагающая тема (конечно, не единственная) Достоевскаго, разоблаченная въ «Запискахъ изъ подполья». Но въ разныхъ своихъ разновидностяхъ — не та же ли тема у Фомы Опискина и даже Ивана Карамазова, у Смердякова и Ставрогина, у Кириллова и Раскольникова, у героевъ и эпизодическихъ лицъ. Не только совершаютъ гнусности, но даже и убиваютъ и насилуютъ такіе люди — изъ безсилія и ради самоутвержденія.

Поразительно, что такая творческая натура, какъ Достоевскій, не видитъ творческаго человѣка, такая значительная душа занята преимущественно мукой ничтожества, такой дѣятельный человѣкъ видитъ однихъ праздныхъ. Но вѣроятно именно потому, что Достоевскій — душа творческая, значительная и дѣятельная — онъ, видимо, задыхался въ созданномъ имъ мірѣ моральнаго мазохизма, преодолѣваемаго соціальнымъ садизмомъ, — и начавъ съ саморазоблаченія въ «Запискахъ изъ подполья», кончилъ призывомъ пушкинской рѣчи къ гордому человѣку и къ праздному человѣку — смириться.

Велика грѣховность безсильной гордыни, пресмыкающагося самолюбія; велики его зло и страданія, — все же не исчерпываются имъ зло и страданія человѣческой судьбы. И — страннымъ образомъ —присматриваясь къ міру и безмѣрныхъ мукъ, созданному Достоевскимъ, къ безбрежнымъ страданіямъ и злу, развернутому имъ передъ потрясеннымъ читателемъ, замѣчаешь, что это только незначительная часть зла и страданій, которыми полна человѣческая судьба. Глубина человѣческихъ бѣдствій, развернутыхъ Достоевскимъ безмѣрная, но — не океанская, а глубина колодца. Конечно, въ немъ можно утонуть; больше того — въ немъ нельзя не утонуть; никакая геніальность пловца не

спасетъ въ такой тѣснотѣ отъ этой участи, — но къ гибели приводитъ здѣсь не глубина, а узость.

Безмѣрныя страданія, которыми мучается и мучитъ читателя Достоевскій. *только доля человѣческихъ страданій.* Ихъ мучительскій нажимъ отводитъ ихъ отъ жизни въ мысленную лабораторію, гдѣ производимый опытъ протекаетъ надъ изолированнымъ матеріаломъ и даетъ его оголенную діалектику. Эта діалектика мучительскаго максимализма уводитъ отъ полноты жизни, отъ творчества, даже — отъ полноты страданій. Она потрясаетъ и порабощаетъ сознаніе, она не убѣждаетъ и не освѣщаетъ его.

Если Достоевскій даже и полноты страданій не видитъ, хотя всецѣло въ нихъ погруженъ, тѣмъ одностороннѣе видитъ онъ радость, скорѣе всего — въ подготовкѣ къ страданіямъ или въ томъ максималистическомъ нажимѣ, гдѣ достигая экстаза, радость соприкасается съ мученіемъ.

Съ радостью неразрывно сплетено творчество, — но творчество осталось внѣ кругозора Достоевскаго. Радость освѣщаетъ и освѣщается любовью. Понятіе любви охватываетъ огромное многообразіе душевныхъ переживаній, частью весьма различныхъ. Значительнѣйшія разновидности любви имѣютъ то общее съ творчествомъ, что въ обоихъ *человѣкъ выходитъ за предѣлы своей личности во внѣшній міръ или къ другой личности, тѣмъ самымъ и утверждая свою собственную.* Отсюда великая щедрость творчества и любви; отсюда ихъ жертвенность. Отсюда ростъ въ нихъ души, спокойствіе ея за себя, ея торжество. — Достоевскому знакомъ другой выходъ души за свои предѣлы — безъ самоутвержденія, когда въ мистическомъ отрывѣ она утопаетъ въ мірѣ или въ другомъ человѣкѣ, погружаясь въ экстазъ, блаженство и муку.

Есть и другая противоположность творчеству и любви, утверждающимъ себя выходамъ за свои предѣлы, именно — *самоутведжденіе безъ выхода.* Душа здѣсь тѣмъ упорнѣе отгораживаетъ себя, чѣмъ слабѣе, чѣмъ ничтожнѣе себя чувствуетъ, чѣмъ больше боится себя потерять. Эгоистичная и скаредная, она сосредоточена на себѣ; себя вѣчно утверждаетъ въ гордости и самолюбіи; оторванная отъ объективности, въ которой укоренены человѣческій духъ и человѣческая жизнь, она хирѣетъ, оттѣсняется, чувствуетъ себя обойденной; ее уязвляетъ немощь при сравненіи съ тѣмъ, что внѣ ея; отгородившуюся въ своей скорлупѣ ее обижаетъ вѣчно наступающая со всѣхъ сторонъ объектив ность. Безсильная зависть гложетъ ее, безсильная ненависть толкаетъ на мест

невиноватому передъ ней міру, на месть, которая ее утвердила бы, не подвергая риску, изподтишка — на гадость. Чувствуя себя оторванной и потерянной въ этомъ вражьемъ мірѣ, замкнувшаяся въ себя — душа, ущемленная и усомнившаяся, испытываетъ себя, утверждаетъ себя, свою враждебность, свое озлобленіе на міръ, — въ непріятіи его, въ преступленіи противъ него.

Нѣтъ большей противоположности творчеству и радостной любви, утверждающему себя выходу за свои предѣлы — какъ въ самоутвержденіи безъ выхода, какъ въ подпольѣ уязвленной гордыни и ущемленнаго самолюбія. Понятно, почему Достоевскому, погруженному въ этотъ міръ, остался чуждымъ міръ творчества и свѣтлой любви.

Многообразны разновидности радости, какъ многообразны виды страданія — такъ и остаются они многообразными, не сливаясь между собой. Здѣсь не приходится ихъ перечислять — достаточно отмѣтить ихъ несводимость, взаимную незамѣнимость, нестираемость. Радость, однажды бывшая, была навсегда; ее можетъ забыть слабое человѣческое сознаніе (какъ забываетъ и страданіе и горе); но и въ этомъ случаѣ она осталась въ его глубинахъ и живетъ въ нихъ и можетъ быть не меньше предопредѣляетъ жизнь и судьбу человѣка, чѣмъ то, что онъ знаетъ и помнитъ. Она *навсегда осталась, какъ нѣкогда бывшая,* и невытравима изъ бытія, даже если и исчезла изъ сознанія.

.. Не часто бываетъ чистая безпримѣсная радость — безъ страданія, безъ зла; но отъ примѣси страданія не блекнетъ радость, потому что онѣ не складываются, давая общій итогъ, общую сумму или разницу, а остаются каждая сама по себѣ, *нераздѣлимыя, но не сливающіяся.* Потому не правъ пессимизмъ, основывающійся на избыткѣ страданія надъ радостью (какъ не правъ былъ бы и оптимизмъ, утверждающій противоложное) и признающій общій итогъ жизни отрицательнымъ, страдальческимъ; *ибо общаго итога и нѣтъ,* а остаются рядомъ - положенныя радости и страданія. Даже съ радостью не складывается радость воедино, какъ не складывается страданіе со страданіемъ; тѣмъ менѣе вычитаются страданія изъ радости. Конечно, сочетаются какъ то ихъ воздѣйствія на человѣческую душу, ихъ переживающую; но здѣсь нѣтъ механическаго сложенія, нѣтъ и химическаго синтеза, а есть гораздо болѣе сложное, — жизнь души, въ которой и малое добро можетъ перевѣсить огромное зло (и наоборотъ) въ зависимости не отъ нихъ, а отъ души, ихъ воспринявшей, отъ синтеза ея воспріятія. И добро и зло, и радость и страданіе — метафизически

вѣчны и раздѣльны, довлѣютъ себѣ и въ единой душѣ сосуществуютъ, событійствуютъ, не сводясь ни къ какому общему итогу.

Въ этомъ послѣднее основаніе страшной отвѣтственности за человѣческое бытіе — невозможность изгладить, невозможность сдѣлать бывшее небывшимъ. Въ этомъ одинъ изъ предѣльныхъ двигателей человѣческой судьбы.

Въ этомъ правда протеста Достоевскаго противъ неискупленной слезинки. Но почувствовавъ неизгладимость страданій и зла — Достоевскій не почувствовалъ неизгладимости радости и добра, ихъ самозаконности. Тѣмъ самымъ искаженными представились ему проблемы человѣческой судьбы и задачи ея оправданія.

Утвержденіями о радости я отнюдь не хочу вытѣснить пессимизма — оптимистическимъ толкованіемъ человѣческой судьбы и менѣе всего хочу трагедію замѣнить идилліей; я только хочу, чтобы трагедія была усмотрѣна въ ея трагичности, а не въ упрощающемъ туманѣ, скрадывающемъ ея существо, и чтобы пессимизмъ вытекалъ изъ всесторонней правды, изъ полноты жизни, а не изъ близорукости или дальтонизма.

Для Достоевскаго осталась скрытой жизненная и духовная полнота. Онъ видитъ человѣка во злѣ, но не видитъ человѣка въ творчествѣ. Онъ видитъ человѣка въ мрачномъ страданіи, но не видитъ его въ свѣтлой радости.

Страданіе и зло — онъ видитъ сосредоточенными въ уязвленной гордынѣ и ущемленномъ самолюбіи и невнимателенъ къ другимъ безчисленнымъ его источникамъ. То, что передъ нимъ открывается, взвинчиваетъ онъ до максимума, какъ къ максимализму возводитъ онъ и требованія разрѣшенія — и такимъ образомъ снова упускаетъ человѣческую жизнь и человѣческій духъ въ ихъ подлинности, въ ихъ полнотѣ, въ ихъ многогранности, т. е. въ ихъ правдѣ.

Судьба человѣка, его трагедія и поиски разрѣшенія ,остались искаженными въ творчествѣ Достоевскаго. Гипнотизирующая сила его взвинченнаго и односторонняго генія превращаетъ эту искаженность въ великую духовную опасность.

ВЛАДИМІРЪ ВАРШАВСКІЙ
О «ГЕРОѢ» ЭМИГРАНТСКОЙ МОЛОДОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

Существуетъ ли эмигрантская молодая литература?

Въ началѣ этого года, выступая публично одинъ деликатный человѣкъ, сказалъ: «помилуйте, за столько лѣтъ одинъ романъ, три разсказа»!

Но все - таки она существуетъ. И совсѣмъ не важно, что никто изъ эмигрантскихъ молодыхъ писателей не пишетъ «много и хорошо». Это скорѣе признакъ «праведности», и вотъ почему....

Кто является героемъ этой литературы?

Самый заядлый марксистскій критикъ сломитъ ногу, пытаясь опредѣлить классовую принадлежность Аполона Безобразова, или того «я», отъ имени котораго ведется разсказъ въ романахъ Шаршуна, Фельзена, Газданова и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ авторовъ.

Это дѣйствительно какъ бы «голый» человѣкъ, и на немъ нѣтъ «ни кожи отъ звѣря, ни шерсти отъ овцы». Вѣрнѣе, это человѣкъ одѣтый какъ - то очень безформенно, произвольно и случайно. Въ соціальномъ смыслѣ онъ находится въ пустотѣ, нигдѣ и ни въ какомъ времени, какъ бы выброшенъ изъ общаго соціальнаго міра и предоставленъ самому себѣ.

Это — «праздный» и «лишенный развлеченія» эмигрантскій молодой человѣкъ (т. е. лишенный того развлеченія, которое даютъ участіе въ работѣ и жизни другихъ людей, возможность приложить свои силы къ отвѣтственной передъ людьми дѣятельности). Его умъ лишенъ огромной части того матеріальнаго содержанія идей и интересовъ, которыя развлекаютъ сознанія людей находящихся и дѣйствующихъ въ опредѣленной соціальной средѣ. По словамъ Паскаля изъ глубины души такого человѣка устраненнаго изъ исторіи и выброшеннаго изъ движенія соціальной жизни съ ея страстями и конкретной дѣятельностью неизбѣжно должны подняться пустота, скука и отчаянье.

Давящее чувство небытія, тоска по какой - то дали и слова Гамлета «пала связь временъ» — вотъ вѣроятно весь «составъ» сознанія такого человѣка.

Правда, такіе талантливые молодые авторы, какъ напримѣръ Зуровъ, Рощинъ, Сиринъ и нѣкоторые другіе никакъ не начинаются съ этихъ словъ.

Но нужно сказать, что это скорѣе какъ бы молодое поколѣніе школы «старшихъ», эмигрировавшихъ, а не эмигрантскихъ писателей. Вотъ почему не смотря на свои достоинства они не представляютъ интереса для спеціальнаго изслѣдованія о героѣ эмигрантской литературы.

Я уже говорилъ о «составѣ» сознанія этого героя. Это пустота и скука, тоска по какой - то дали и вопросы Гамлета.

Уже не разъ критики говорили о «скучающихъ» молодыхъ поэтахъ и писателяхъ. Почему - то они всегда это говорятъ съ осужденіемъ и даютъ педагогическіе совѣты. По ихъ словамъ: «это никому не интересно». Конечно, они правы — врядъ - ли эти уединенные эмигрантскіе молодые люди съ душою Гамлета могутъ быть интересны и нужны человѣчеству, двигающемуся черезъ ужасъ исторіи, черезъ проклятіе «въ потѣ лица», черезъ страданія и смерть и не имѣющему времени заниматься праздными вопросами Гамлета.

Все это вѣрно — но все таки Гамлетъ пребываетъ всегда, и «составъ» сознанія молодого эмигрантскаго человѣка съ «литературной» душой — есть вообще судьба человѣка. Такъ какъ съ каждымъ человѣкомъ (хотя бы потому, что « on mourra seul » бываетъ, что жизнь какъ бы останавливается и вдругъ ему нечего дѣлать, онъ одинокъ и для него разрушается смыслъ всей его прежней дѣятельности и дѣятельности всѣхъ другихъ людей, вообще смыслъ сотворенія міра. Тогда этотъ составъ входитъ въ душу человѣка съ какой то печальной механической неизбѣжностью.

И здѣсь нужно признать, что эмигрантская молодая литература не по своей талантливости и достиженіямъ, а какъ бы по своему типу, какъ документъ, какъ свидѣтельство, имѣетъ отношеніе къ чему то важному и имѣющему значеніе и интересъ для всѣхъ. Такъ какъ по словамъ Розанова: «всѣ религіи пройдутъ, а это останется: просто сидѣть на стулѣ и смотрѣть въ даль».

И потомъ еще — все-таки Гамлетъ слышалъ въ своей пустотѣ голосъ духа:

Мнѣ помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ.

Пока есть память въ черепѣ моемъ.

И здѣсь опять эмигрантская литература касается чрезвычайно важнаго вопроса. Лишенная всего соціальнаго и внѣшняго она неизбѣжно обращается къ «внутреннему» человѣку. Но существуетъ ли дѣйствительно внутренній человѣкъ и можетъ ли онъ услышать голосъ духа.

Прочтя въ одной евразійской книгѣ фразу: «кто знаетъ, быть можетъ, для будущихъ поколѣній наглядный опытъ съ такой же очевидностью будетъ

говорить нѣчто, совершенно противоположное воззрѣніямъ, которыя до сихъ поръ казались неоспоримыми: что общество есть нѣчто первоначальное, а отдѣльныя личности, духовныя монады — только производныя части, несамостоятельныя величины», или у Поля Валери:

«qui se confesse ment et fuit le véritable vrai lequel est nul, ou informe, et en général indistinct»,

не говоря уже о большевистскомъ «безсмертномъ коллективѣ», я долго съ грустью думалъ, что уже «доказано», что человѣческая личность съ ея чувствами, страданіями и надеждами реально не существуетъ, и если отнять отъ человѣка все то, что дало ему общество и культура, то отъ человѣка ничего не останется, какое - то пустое мѣсто.

Мнѣ это было обидно, но я не зналъ что можно отвѣтить на почему-то всегда радостные торжествующіе «антропофагическіе» крики.

Но потомъ я прочелъ статью Шестова «познай самого себя»: Къ сожалѣнію, я не могу приводить слишкомъ длинныхъ цитатъ. Но вотъ, кажется, самое важное: «ясно, что правило «познай самаго себя» есть правило человѣческое. Смыслъ его въ томъ, чтобы каждый цѣнилъ и мѣрилъ себя такъ, какъ его цѣнятъ и мѣряютъ окружающіе люди. То - есть, чтобы онъ не чувствовалъ себя такимъ, какой онъ на самомъ дѣлѣ, а разсматривалъ только свое изображеніе, какъ оно отражается на поверхности бытія, т. - е. интересовался не своимъ Дингъ анъ зихъ, выражаясь языкомъ Канта, а только своимъ «явленіемъ». И въ теченіе вѣковъ общественность добилась своего. Человѣкъ, принужденный всегда «познавать самого себя», т. е. разсматривать только свое изображеніе, разучился видѣть свою «сущность».

Теперь мнѣ кажется, что можетъ быть ничего не «доказано», но происходитъ борьба, борьба за «сущность» человѣка, за человѣческую душу, со всѣми ея чувствами и стремленіями, хотя бы «историческій матеріализмъ» и доказалъ, что ея нѣтъ или что она вредна и потому подлежитъ искорененію.

И вотъ, выброшенный изъ жизни другихъ людей герой эмигрантской литературы, котораго окружающіе люди ничѣмъ не цѣнятъ и не мѣряютъ, который (въ соціальномъ смыслѣ во всякомъ случаѣ) не имѣетъ никакого опредѣленнаго отраженія на поверхности бытія, невольно начинаетъ интересоваться своимъ Дингъ анъ зихъ и тѣмъ самымъ становится противъ общественности на сторону «сущности».

Этимъ и объясняется праведная бѣдность эмигрантской молодой литературы. Если литература, какъ всякое другое выраженіе жизни, есть «фигляръ неистово шумящій на подмосткахъ», то въ эмиграціи зрителей почти

нѣтъ, подмостки освѣщены призрачнымъ и умирающимъ свѣтомъ, и поэтому въ эмигрантской литературѣ съ самаго начала присутствуетъ та мертвая тишина, которая въ жизни человѣка существующаго въ нормальныхъ соціальныхъ условіяхъ начинается только «черезъ часъ». Въ самомъ дѣлѣ: читателей нѣтъ, издателей нѣтъ, нѣтъ литературы какъ опредѣленной общественной категоріи, нѣту вообще соціальнаго воздуха и поэтому тѣмъ кто хочетъ писать хорошіе разсказы и повѣсти такъ сказать «нормальнаго беллетристическаго типа» дѣлать въ эмигрантской молодой литературѣ нечего.

Въ извѣстномъ смыслѣ она существуетъ именно потому, что ея нѣту, нѣту какъ матеріала для историко - литературныхъ и формально - критическихъ изслѣдованій, нѣту какъ общественнаго факта, вообще ея нѣту на поверхности бытія. Въ какомъ то смыслѣ она существуетъ почти только какъ ненаписанная бѣлая страница. И тѣмъ не менѣе она существуетъ реальнѣе чѣмъ многіе «факты» и находясь на сторонѣ «сущности» противъ общественности тѣмъ самымъ является современной литературой.

Такъ какъ именно сейчасъ, на порогѣ огромныхъ «ассирійскихъ» измѣненій входящихъ въ міръ, происходитъ какъ бы послѣдняя трагическая и безвыходная борьба за человѣческія души, борьба между уничтожаемой сущностью и торжествующей общественностью.

Я думаю, что для того чтобы понять «мѣсто» молодой эмигрантской литературы, необходимо хотя бы приблизительно представить себѣ характеръ этой борьбы.

Здѣсь мнѣ придется начать очень издалека и для того, чтобы не быть голословнымъ, пользоваться цитатами.

Ипполитъ о картинѣ «снятіе съ креста», которую онъ видѣлъ у Рогожина, говоритъ: «природа морщится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмого звѣря, или, гораздо вѣрнѣе, хоть и сказать странно, въ видѣ какой - то громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмыслено захватила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣльное существо, которое одно стоило всей природы и всѣхъ ея законовъ, которая и создавалась, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого Существа»..

Вотъ какъ комментируетъ эту цитату Шестовъ: «Не знаю, нужно ли послѣ всего вышесказаннаго, еще доказывать, что въ этихъ словахъ вылилась самая глубокая, самая завѣтная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая трепетная и тревожная мысль Достоевскаго. Въ который уже разъ стоитъ онъ, забывъ и себя

и все на свѣтѣ передъ чашками страшныхъ вѣсовъ; на одной огромная, безмѣрно тяжелая природа съ ея принципами и законами, глухая, слѣпая, нѣмая; на другую онъ бросаетъ свое невѣсомое, ничѣмъ не защищенное и не охраненное «самое важное» и съ затаеннымъ дыханіемъ ждетъ; какая перетянетъ».

Вѣроятно современный кризисъ сознанія заключается въ томъ, что люди стали забывать «самое важное», забывать послѣднюю цѣль всѣхъ усилій человѣческой жизни — чтобы «самое важное» перетянуло тяжесть глухонѣмой природы съ ея принципами и законами.

Повидимому, начиная съ разсказа о сотворенномъ изъ глины Адамѣ, въ котораго Богъ вдохнулъ душу, существуетъ среди людей нѣкоторое дуалистическое представленіе о составѣ человѣка: Человѣкъ находится между двумя формами существованія: жизнью и мертвой матеріей. Въ «эволюсіонъ креатрисъ» Бергсонъ разсказываетъ, какъ жизнь, являющаяся сознаніемъ и свободой, входитъ въ косный міръ механической, не имѣющей исторіи матеріи подчиненный слѣпымъ и, равнодушнымъ законамъ причинности и необходимости и стремится его потрясти и побѣдить. Жизнь какъ бы пробуетъ всѣ средства борьбы и приспособленія, и въ формѣ человѣческой технической цивилизаціи стремится къ побѣдѣ надъ механической природой міра при помощи же механизмовъ, искусственно построенныхъ машинъ, то есть какъ бы пользуется оружіемъ врага. Человѣкъ единственное живое существо, способное создавать орудія изъ «мѣди и желѣза» и единственное живое существо, обладающее геометрическимъ умомъ. Повидимому этотъ умъ есть такое же механическое орудіе, такая же машина, какъ напримѣръ рѣзецъ или молотъ, и такъ же какъ рѣзецъ или молотъ былъ «изобрѣтенъ» въ процессѣ приспособленія и борьбы и предназначенъ для совершенія утилитарныхъ дѣйствій надъ мертвой матеріей.

И такъ: умъ и машины и необходимое для развитія ума и строенія машинъ общество — только средства борьбы человѣка за существованіе, послѣдняя же цѣль этой борьбы, чтобы перевѣсило «самое важное».

Но постепенно это представленіе стало извращаться въ сознаніи людей.

Наблюдая несостоятельность всѣхъ метафизическихъ системъ и рядомъ съ этимъ огромные успѣхи технической цивилизаціи, люди невольно стали приходить къ мысли, что если человѣческій умъ не можетъ постигнуть что такое жизнь, свобода, Богъ и въ то же время вполнѣ успѣшно приспособленъ для совершенія утилитарныхъ дѣйствій, то можетъ быть вся реаль-

ность человѣческой жизни и исчерпывается совершеніемъ этихъ дѣйствій, а «самое важное» Плотина и такія сомнительныя и туманныя вещи какъ любовь, свобода, Богъ и т. д. — только напрасное и вредное мечтаніе. Люди какъ бы отказываются отъ наслѣдства Авеля. Потомки же Каина, даръ котораго былъ не угоденъ Господу, построили первый человѣческій городъ и были первыми ковачами всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза. Теперь повсемѣстно побѣждаетъ предположеніе, что все дѣло человѣчества и сводится къ строенію города и орудій, къ строенію «громадной машины новѣйшаго устройства». Жертва же Авеля, которую презрѣлъ Богъ, но которая въ сущности не нужна для устройства на землѣ, окончательно признается не научной и вредной, «буржуазнымъ предразсудкомъ».

Собственно коммунизмъ есть только доведеніе до логическаго конца этого «каиновскаго» пониманія: если дѣйствительно все человѣческое дѣло сводится къ строенію городовъ и машинъ, то это строительство должно быть организовано наиболѣе раціональнымъ, дѣловымъ и научнымъ образомъ: все человѣчество должно быть превращено въ единую трудовую армію, дѣйствующую по всемірному «пятилѣтнему плану». Вмѣстѣ съ тѣмъ является новое представленіе о доблести человѣка. Если вся реальность человѣка сводится къ участію въ этомъ строительствѣ, то въ душѣ человѣка должно быть уничтожено все то, что является ненужнымъ или даже вреднымъ для эффективности этого участія, т. е. всякія чувства, романтизмъ и т. д. Героемъ станетъ или организаторъ работъ (Фордъ, Сталинъ) или инженеръ. Герой этотъ тѣмъ совершеннѣе и доблестнѣе, чѣмъ полнѣе въ его душѣ будетъ убитъ Авель и уничтожены всякія чувства, понятія добра и зла, «проклятые» вопросы, тоска по дереву жизни, желаніе свободы и безсмертія и побѣды «самаго важнаго», вся эта интеллигенщина, ненужная и можетъ быть даже вредная для осуществленія настоящаго назначенія человѣка: строеніе машинъ. Представленіе же, что человѣкъ имѣетъ живую душу окончательно будетъ признано вреднымъ пережиткомъ христіанскаго романтизма и замѣнится новымъ научнымъ представленіемъ: человѣкъ есть производное отъ коллектива, механическій роботъ и вся реальность человѣка исчерпывается матеріальной и соціальной эффективностью его дѣйствій. «Радуйтесь, вы стали машиноравными» провозглашаютъ правители въ «Мы», Замятина.

Дѣйствительно, радуйтесь: новый герой будетъ счастливѣе стараго, онъ не будетъ испытывать страданія, такъ какъ именно «самое важное», ничѣмъ не защищенное отъ неумолимаго и глухого звѣря природы съ ея принципами и законами и является источникомъ страданій, а въ новомъ героѣ

останется только «геометрическій умъ» (то есть часть состава человѣка вполнѣ «индентичная» природѣ), подчиненный тѣмъ же законамъ» и принципамъ и такъ же, какъ математическія истины или механическая машина не могущій ни плакать, ни смѣяться.

Говоря о томъ, что коммунизмъ есть доведеніе до логическаго конца этого, уже давно и повсемѣстно побѣдившаго, каиновскаго представленія о жизни человѣка, я вовсе не хотѣлъ сказать, что всѣ большевики отдаютъ себѣ въ этомъ отчетъ. Луначарскій, напримѣръ, плача надъ Афинскимъ Акрополемъ, говорилъ, что большевики тоже какъ древніе греки за свободу человѣка. Но неизвѣстно даже, были ли за свободу древніе греки. Тѣмъ менѣе это извѣстно о большевикахъ. Важно то, что марксизмъ, гегельянство, историческій матеріализмъ, вся та апологетика «общественности» изъ которой вышли водители большевизма, есть доведеніе до конца уже давно зрѣвшихъ въ человѣческихъ умахъ идей общественной религіи, механистическаго и раціоналистическаго человѣка и каиновскихъ града и орудій изъ мѣди и желѣза.

Конечно, культура, вообще человѣческое дѣло борьбы за свободу и жизнь противъ таящей въ себѣ смерть «безмѣрно тяжелой природы съ ея принципами и законами», не можетъ существовать безъ города и механическихъ орудій. И въ этомъ смыслѣ самый идеалъ организаціи всего человѣчества въ справедливую трудовую армію, дѣйствующую по единому плану, есть великій и праведный идеалъ, и «святой инженеръ» Федорова можетъ быть дѣйствительно является высшимъ образцомъ человѣческой доблести. Но эта «бѣлая магія» города и машинъ», именно при забвеніи жертвы Авеля и торжествѣ «общественности», несетъ въ себѣ возможность превращенія въ черную, превращенія изъ средствъ борьбы за жизнь и свободу въ «громадную машину новѣйшаго устройства», безсмысленно поглощающую и жизнь и свободу и великое и безцѣнное существо. Было бы слишкомъ долго говорить объ этомъ. Сошлюсь на Бергсона или на «Атлантиду» Мережковскаго. Тамъ объ этомъ говорится. Говорится и у многихъ другихъ авторовъ. Это одна изъ самыхъ распространенныхъ теперь темъ.

Вѣроятно, дѣйствительно человѣчество теперь вступаетъ въ одинъ изъ періодовъ такого превращенія. Во всякомъ случаѣ есть страшная и реальная угроза превращенія и здѣсь произойдетъ борьба за человѣческія души.

Какъ я уже говорилъ, эмигрантская литература самымъ «фактомъ» разговоровъ о «внутреннемъ», выброшенномъ изъ «общественности» человѣкѣ, принимаетъ какое - то участіе въ этой борьбѣ.

Очень часто и много говорилось о томъ, что эмигрантская литература, оторванная «отъ тѣла своего народа», неизбѣжно должна задохнуться. Какъ единственный выходъ указывалось «духовное» соединеніе съ совѣтской литературой.

По существу, этотъ совѣтъ сводится къ неосуществимому требованію: отказаться отъ защиты сущности и отъ пережитаго опыта «задыхающагося» человѣка и теоретически примкнуть къ чужому реально непережитому опыту принудительнаго участія въ огромномъ строительствѣ града и орудій изъ мѣди и желѣза. Въ большинствѣ случаевъ это совѣтъ опортунистическій, стремленіе приспособиться къ «духу времени» и, благодаря этому, выжить. Къ чести эмигрантскихъ молодыхъ авторовъ, нужно сказать, что, повидимому защита того, что они считаютъ «самымъ важнымъ» ихъ занимаетъ больше чѣмъ желаніе выжить и никто изъ нихъ еще не дѣлалъ попытокъ приспособиться къ духу времени.

Долго казалось, что эмигрантская и совѣтская литературы находятся на «разныхъ полюсахъ земли» и что голый герой первой и служащій общественности, служащій до истребленія своей сущности, герой второй есть разные виды живыхъ существъ.

Создалась особая демагогическая формула:

Эмигрантскій герой, это тотъ о комъ сказано — кто станетъ сберегать душу свою, тотъ погубитъ ее.

Герой совѣтскій: о немъ сказано — нѣтъ больше той любви, если кто положитъ душу свою за друзей своихъ.

Въ этой формулѣ есть неотразимое и страшное обвиненіе противъ эмигрантскаго героя, но въ то же время, какъ во всякой схемѣ, какое то искажающее правду упрощеніе.

Я вѣрю, что въ этихъ словахъ есть главный смыслъ ученія Христа. Вѣрю и въ то, что сейчасъ въ Россіи многіе готовы положить свою душу. (Вѣроятно именно эта готовность и дѣлала то, что всегда русскій народъ, несмотря на все «окаянство», былъ христіанскимъ народомъ и какъ бы самымъ любимымъ Христомъ народомъ). Но врядъ ли правы тѣ, кто дѣлаютъ отсюда поспѣшные и демагогическіе выводы въ пользу того, что Толстой называлъ «общественной» религіей. Все таки сказано: сбережетъ душу тотъ, кто потеряетъ ее ради Меня. Ради Меня и сбережетъ, а не ради безсмертнаго коллектива, діалектическаго матерьялизма, «общественности», вообще всего огромнаго каиновскаго плана сліянія съ мертвой природой со всѣми ея принципа-

ми и законами «поглощающей глухо и безчувственно великое и безцѣнное Существо» и вмѣстѣ съ Нимъ всѣ человѣческія души, которыя никакъ не сберегутся.

Но объ этомъ невозможно говорить въ предѣлахъ хотя бы и длинной статьи на литературныя темы.

Мнѣ нужно ограничиться указаніемъ на то, что въ послѣднее время произошли какія - то явленія, расшатывающія стройность этой схемы.

Съ появленіемъ «Зависти» Олеши въ совѣтской литературѣ, призванной воспѣвать строеніе «хрустальнаго зданія», вдругъ воскресъ раздавленный подпольный человѣкъ и опять заговорилъ «я самый гадкій, самый смѣшной, самый мелочный, самый завистливый, самый глупый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ». И можетъ быть, если встрѣтятся когда нибудь совѣтскіе и эмигрантскіе писатели, то совѣтскихъ будутѣ интересовать не тѣ эмигрантскіе, которые стремясь «духовно» съ ними соединиться, будутъ имъ говорить о Марксѣ, о генеральной линіи, о «хрустальномъ зданіи» (на это они скажутъ — мы это знаемъ лучше, чѣмъ вы), а тѣ, кто будутъ съ ними говорить о раздавленныхъ чувствахъ внутренняго человѣка.

Но въ то же время въ холодѣ и пустотѣ сердца эмигрантскаго героя стало являться новое волненіе. Онъ какъ будто бы сталъ оглядываться вокругъ себя и «душа его страданіями людей уязвлена стала». Цѣлый рядъ выступленій извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ эмигрантскихъ молодыхъ людей съ литературной душой свидѣтельствуетъ, что эмигрантскій герой тоже хочетъ быть за соціальную справедливость и за братское общечеловѣческое дѣло.

Вѣроятно духовное соединеніе эмигрантской и совѣтской литературы сможетъ призойти только тогда, когда совѣтская литература перестанетъ быть служанкой «общественности», а эмигрантскій герой пойметъ что «поэтомъ можешь и не быть, но гражданиномъ быть обязанъ». То - есть, когда явится какая - то новая идея, примиряющая правду Авеля и правду Каина и какой - то новый градъ для служенія, которому не нужно будетъ убивать Авеля и предавать «самое важное».

Но это произойдетъ, конечно, только въ случаѣ хорошага конца.

П. МИЛЮКОВЪ
СОВРЕМЕННАЯ ЯПОНІЯ

«Если бы мы захотѣли изобразить исторію Японіи въ послѣдніе полвѣка, то намъ пришлось бы сказать о ней гораздо больше, чѣмъ объ исторіи предшествовавшихъ двадцати столѣтій».

Katsouro Hara, Histoire du Japon (1926).

Въ 1903 году мнѣ пришлось читать въ Чикагскомъ университетѣ лекціи о внутреннемъ положеніи Россіи, вышедшія потомъ по - англійски и по - французски подъ заглавіемъ «Русскій Кризисъ». Моимъ сотоварищемъ по чтенію лекцій въ этотъ лѣтній семестръ оказался молодой японскій профессоръ Іенага. Мы вмѣстѣ жили въ университетскомъ общежитіи, ходили другъ къ другу на лекціи и обмѣнивались мыслями по поводу слышаннаго. Признаюсь, я завидовалъ японцу. Мнѣ приходилось разсказывать американцамъ о признакахъ приближающейся революціи, о тяжеломъ экономическомъ положеніи крестьянства, объ успѣшной пропагандѣ лѣвыхъ партій и т. п. А японецъ съ патріотическимъ пафосомъ говорилъ о святости и прочности власти микадо, о религіозномъ преклоненіи передъ его человѣческимъ обликомъ, о воинской доблести класса «самураевъ» (японскаго средняго дворянства) и о высокомъ уровнѣ ихъ «Бушидо» — кодекса рыцарской морали; о прочной нравственной связи народа съ властью и т. д. Я тогда шутилъ надъ Іенага, что его картина напоминаетъ мнѣ Россію имп. Николая I — въ славянофильскомъ изображеніи. Я не зналъ, въ то время, что былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ самъ думалъ, и что вся эта политическая идеологія далеко не коренится въ сѣдой древности, но есть очень свѣжій продуктъ, идеализирующій старый строй въ моментъ его уже начавшагося разложенія. Такъ и у насъ — единственная теорія русской монархіи была составлена бывшимъ революціонеромъ Львомъ Тихомировымъ въ годъ первой русской революціи (1905). И лишь совсѣмъ недавно мнѣ пришлось ознакомиться съ лекціями другого японскаго молодого лектора Юсуке Цуруми, читанными тоже передъ американской аудиторіей двадцатью годами позже — въ 1924 - 25 гг. Цуруми говорилъ теперь о Японіи то самое ,что четверть вѣка назадъ мнѣ приходилось говорить о Россіи. И моя ошибка была лишь въ томъ, что вмѣсто четверти вѣка

я оцѣнилъ въ полвѣка запозданіе политическаго и соціальнаго процесса между нашими обѣими странами.

Чтобы внести еще больше точности, надо, собственно, сократить и этотъ промежутокъ. Революція въ Японіи началась уже съ 1868 г. (а у насъ съ 1861 г., если считать съ года освобожденія крестьянъ). Конечно, это была — и по японской терминологіи — «буржуазная революція». Эпоху имп. Мейджи можно сопоставить съ эпохой «великихъ реформъ» Александра II. Чтобы сразу показать перспективу, отдѣляющую это начало отъ современности, скажу только сейчасъ же, что въ Японіи понадобилось еще 20 лѣтъ, чтобы дожить до конституціи 1889 г. и что наиболѣе значительныя перемѣны, превратившія старую Японію въ новую Японію, есть уже дѣло двадцатаго столѣтія: болѣе того, дѣло годовъ, послѣдовавшихъ за міровой войной 1914-1918 гг.

Какъ и у насъ, соціальная и политическая эволюція послѣдовала въ Японіи за предшествовавшей эволюціей экономической. И суть экономической эволюціи — одна и та же: постепенное и медленное превращеніе страны изъ аграрной въ индустріальную. Можно считать, что и пружина приводившая въ движеніе этотъ процессъ — та же самая: переростаніе населеніемъ наличныхъ средствъ питанія въ данный моментъ, — другими словами, перенаселеніе. Въ Японіи, какъ и во многихъ современныхъ странахъ, усиленіе роста населенія есть явленіе сравнительно недавнее. Въ дореформенную эпоху «Токугавы» (предшествовавшую эпохѣ «Мейджи») населеніе Японіи было стаціонарно: между 1721 и 1846 гг. это все тѣ же 26-27 милліоновъ. Съ тѣхъ поръ эта цифра сдѣлала скачекъ до 65 милліоновъ. Объясняется это не только нѣкоторымъ уменьшеніемъ смертности съ улучшеніемъ условій общественной гигіены, но главнымъ образомъ ростомъ количества рожденій, которое за послѣдніе полвѣка поднялось съ 6,9 до 15,5 на тысячу.

Правда, не вся Японія перенаселена. Значительная часть ея территоріи состоитъ изъ горныхъ возвышенностей, а удобныя для земледѣлія земли сосредоточены по берегамъ острововъ. Разработана только одна десятая или одна восьмая часть всей площади. Притомъ, населеніе предпочитаетъ ютиться въ южной части острововъ, гдѣ климатъ — субтропическій. Здѣсь живутъ болѣе 300 чел. на квадратный километръ, а если взять одну пашню, то на 1.000 гектаровъ пашни приходится высшая цифра въ мірѣ — 950 человѣкъ (въ Голландіи и Бельгіи 779 - 629; въ Англіи 761, въ Россіи 96). Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ климатъ холоднѣе и населеніе рѣже: въ сѣверной поло-

винѣ о. Хондо менѣе 100 ч., на Хоккаидо и Карафуто — менѣе 50 ч. на кв. кил.

Какой же способъ — избавиться отъ результатовъ перенаселенія? О контролѣ надъ рожденіями въ Японіи, конечно, нечего и думать. Остается эмиграція. Но японецъ — плохой колонизаторъ. Въ 1929 г. изъ 65 милліоновъ населенія (съ Формозой и Кореей — 90 милл.), только 650.000, т. е. одна сотая жила за-границей (въ томъ числѣ 200.000 въ Манчжуріи и 150.000 въ Китаѣ) и около 667.000 въ новопріобрѣтенныхъ странахъ (Корея и Формоза). Соединенные Штаты, Канада, Австралія, какъ извѣстно, формально закрыли доступъ японцамъ. Выходъ на острова Тихаго океана предполагаетъ войну: этотъ исходъ мы оставимъ въ сторонѣ. Остается, прежде всего, усиленіе внутреннихъ рессурсовъ страны. Кое - что сдѣлано въ этомъ направленіи. Производительность риса увеличена на 50%. Площадь распашки увеличена — до крайняго предѣла: въ послѣдніе годы она начинаетъ уменьшаться въ связи съ индустріализаціей. Во всякомъ случаѣ, ростъ потребленія населенія сильно перегналъ увеличеніе внутренняго производства. Въ 1894 - 98 не хватало 1.393.000 коку риса, составляющаго главный предметъ питанія массъ. Въ 1922 - 26 эта цифра возросла до 8.498.000. Рисъ приходится ввозить на 70 милл. іенъ (іена - 12.50 фр.) изъ Индокитая и Бирманіи.

Платить сырьемъ за этотъ ввозъ съѣстныхъ продуктовъ Японія не можетъ. Единственное ея сырье — шелкъ, вывозимый почти исключительно въ С. Штаты, не покрываетъ дефицита. Слѣдовательно, нужно вывозить товары, продукты фабричнаго производства, т. е. индустріализировать страну. Это нужно и для того, чтобы давать занятіе пришлому изъ перенаселенныхъ деревень населенію. Но это также нужно—а при «имперіализмѣ» Японіи и прежде всего нужно, — чтобы производить внутри страны предметы военной индустріи. И тутъ Японія встрѣчаетъ самое серьезное препятствіе. Для индустріализаціи нужны три вещи: уголь, желѣзо и нефть. Какъ разъ этими залежами острова Японіи обдѣлены. Въ Соед. Штатахъ запасовъ угля считается на человѣка 34.274 тонны. Въ Китаѣ имѣется этихъ запасовъ только 2.320 тоннъ на человѣка. А въ Японіи ихъ всего 150. Также и запасы желѣза, которые въ С. Ш. составляютъ 37,9 тоннъ, въ Японіи доходятъ только до 1,5 тонны на человѣка. Для вывоза главной фабричной продукціи — тканей — нуженъ хлопокъ и шерсть. Ни того, ни другого вовсе нѣтъ въ Японіи: ихъ приходится ввозить на всѣ 100%. Мы уже отсюда можемъ заключить, какъ велика зависимость Японіи отъ внѣшнихъ рынковъ (Америка, Англія, Британская и Голландская Остиндія, Китай). Эта зависимость увеличивается въ той же про-

порціи, въ какой растетъ индустріализація и, стало быть, потребность во всѣхъ этихъ предметахъ ввоза. Напр. для своихъ тканей въ 1913 г. Японія ввозила сырья на 268 милл. іенъ. Въ 1918 г. — уже 608, а въ 1928 — 687. Точно также металлическихъ издѣлій и машинъ въ эти же годы ввозилось на 66, 112 и 187 милл. іенъ.

Не мудрено, что уже съ 1890-хъ гг. ввозъ Японіи постоянно превышалъ вывозъ. Только въ годы міровой войны, благодаря разстройству мірового товарообмѣна, Японія вывозила много и сильно нажилась. Но тѣмъ сильнѣе послѣ окончанія войны ударилъ по Японіи кризисъ. Часть внѣшнихъ рынковъ была, естественно, потеряна; землетрясеніе 1923 г. нанесло огромный ущербъ народному хозяйству. Японія должна была разстаться съ значительной частью валюты, накопленной въ годы войны. Только наложивъ эмбарго на золото, она сохранила возможность сохранить свою золотую валюту. Но это — дорогая валюта, лишившая Японію возможности соперничать съ дешевой серебряной валютой китайцевъ и давшая послѣднимъ возможность конкурировать съ японскими торговцами въ Манчжуріи. Затѣмъ послѣдовали государственные займы въ Англіи и Америкѣ, т. е. еще болѣе возросла зависимость отъ иностраннаго капитала.

При такомъ шаткомъ положеніи внутренней экономики понятно будетъ значеніе для Японіи ближайшаго къ ней китайскаго рынка, который она принуждена дѣлить съ иностранцами, и Манчжуріи, которую она давно уже хочетъ обратить въ свою исключительную колонію. Только въ азіатскія страны можетъ идти главный предметъ японскаго фабричнаго производства — текстильный товаръ. И здѣсь Японія не безуспѣшно конкурируетъ съ Англіей. Напримѣръ, вотъ ввозъ въ Китай хлопчатобумажныхъ издѣлій (въ процентахъ):

	1913	1922	1923
Изъ Англіи	53%	42%	38%
Изъ Японіи	20%	47%	51%

Изъ Манчжуріи Японія получаетъ въ большомъ количествѣ бобы (соя) и пшеницу. Тамъ имѣется добавочный уголь — лучшаго, чѣмъ въ Японіи качества; нефть, желѣзо, лѣсъ. А послѣ договоровъ 1925 и 1928 гг. съ СССР. Японія получила 50% нефтяной площади на сѣв. Сахалинѣ, уголь, лѣсъ — тамъ же, а по рыболовной концессіи 1928 за ней закрѣплены значительныя площади рыбныхъ ловель у Охотскихъ береговъ и на Камчаткѣ.

Параллельно съ экономической эволюціей шли и перемѣны въ соціальномъ строѣ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть о классѣ военнаго дворянства, «самураяхъ», сложившемся, какъ и наше служилое сословіе*), очень давно — въ Японіи еще въ тринадцатомъ вѣкѣ. Вліяніе самураевъ основывалось на его владѣніи служилыми участками. Надъ рядовымъ дворянствомъ господствовали аристократическіе кланы, изъ которыхъ четыре сохраняли вліяніе до позднѣйшаго времени: Сацума, Чошу, Тоса и Хисенъ. Все что ниже дворянства, — это были «нечистые» — въ своемъ происхожденіи «метеки» Японіи. Смыслъ революціи Мейджи въ соціальномъ отношеніи заключался не столько въ уничтоженіи господствовавшаго класса, сколько въ его окончательномъ сліяніи съ торгово - промышленнымъ классомъ: сліяніи, начавшемся уже и ранѣе. Экономическое развитіе и здѣсь привело къ тому же результату, какъ у насъ въ Россіи: старыя земельныя отношенія стали невыгодны. Помѣщики предпочитали получить выкупные платежи и на реализованный капиталъ открыть промышленныя заведенія у себя же въ деревнѣ или заняться коммерческими операціями. Въ 1871 г. «четыре сословія» были юридически уравнены. Кланы ликвидированы и замѣнены новымъ административнымъ дѣленіемъ на «кепы» (префектуры). Высшіе феодалы («даиміо», которымъ «служили» самураи) получили мѣста губернаторовъ. Признана была закономъ частная собственность на землю(по нашему, «помѣстья» превращены въ «вотчины»), съ правомъ сдачи въ аренду. Продажа зерна объявлена свободной. Въ 1876 г. выкуплено правительствомъ жалованье самураевъ. Во главѣ страны стала централизованная верховная власть микадо, одержавшая побѣду надъ «шогунами» (феодальными властителями).

Съ этихъ поръ самураи (ихъ насчитывалось 400.000 «домовъ», при 486 «домахъ» аристократіи) пошли въ администрацію, въ качествѣ чиновниковъ, или въ торговлю и промышленность. Свое значеніе въ войскѣ они потеряли съ введеніемъ всеобщей воинской повинности. Японская армія перестала быть классовой. Наиболѣе культурные изъ самураевъ образовали первый слой японской интеллигенціи. Наиболѣе отсталые — пополнили ряды «имперіалистовъ», требовавшихъ уже въ семидесятыхъ годахъ аггресивной политики и захвата Кореи. Нашлись наконецъ и непримиримые, не желавшіе разставаться со старымъ феодальнымъ строемъ. Въ 1874 году и особенно въ 1876 - 1877 гг. они подняли рядъ ожесточенныхъ возстаній противъ новаго порядка. Возстаніе 1877 г. въ кланѣ Сацума было съ трудомъ подавлено

*) Самое слово «Самураи», значитъ буквально: «служилый человѣкъ».

шестьюдесятью тысячами войска, причемъ было потеряно 6,000 убитыми и 10 тысячъ ранеными.

Не менѣе глубоки и важны были и перемѣны въ положеніи крестьянства. Выйдя на полусвободу, крестьяне фактически оставались крѣпкими землѣ*), разбитой на карликовые участки. Съ другой стороны, свобода мобилизаціи земли привела къ концентраціи земель въ рукахъ немногихъ крупныхъ помѣщиковъ. На одномъ полюсѣ землевладѣнія имѣется теперь около 50.000 крупныхъ (относительно, конечно) помѣщиковъ, владѣющихъ въ среднемъ участками выше 10 гектаровъ, и 350.000 среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ, владѣющихъ участками отъ 5 до 10 гектаровъ. Это, очевидно, и есть остатки старыхъ аристократовъ и самураевъ. На другомъ полюсѣ насчитывается 4.580.000 мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ ниже трехъ гектаровъ. Изъ нихъ 3.679.000 владѣютъ меньше чѣмъ по гектару каждый, а изъ этихъ послѣднихъ — 2.479.000 — меньше 0,5 г. Прибавимъ, наконецъ, къ этому перечню 1.526.000 безземельныхъ, снимающихъ крошечные участки земли въ аренду. Пріарендовываютъ и владѣльцы мелкихъ участковъ. Въ общемъ въ 1865 г. 36% всей земли, а въ 1927 г. уже 46% обрабатывалось арендаторами. Отъ 10 до 15% владѣльцевъ не жили вовсе въ своихъ деревняхъ. Положеніе арендаторовъ въ Японіи было такъ же плохо, если не хуже, чѣмъ у насъ въ Россіи въ концѣ XIX вѣка. Средняя арендная плата составляла 50-55% урожая. Но къ этому прибавлялись дополнительные сборы, доводившіе плату до 80%. А оставалось еще государство, которому надо платить налоги, торговецъ, ростовщикъ, взимавшій съ крестьянина до 50% годовыхъ. Какъ и въ Россіи, крестьянинъ принужденъ былъ продавать свой хлѣбъ осенью, когда цѣны дешевы, и покупать его весной, когда цѣны стояли дорогія. Все это объясняетъ огромную задолженность (у насъ — недоимочность) крестьянъ, составлявшую (аренда и налоги) въ 1925 г. пять милліардовъ іенъ.

Въ результатѣ и въ Японіи мы встрѣчаемся съ глубокимъ аграрнымъ кризисомъ и съ постоянно усиливающимися крестьянскими волненіями. Число ихъ быстро растетъ, какъ видно изъ слѣдующей таблички.

1917 — 1920	отъ 85 до 408	ежегодно
1921 — 1924	отъ 1.680 до 1.917	„ „
1925 — 1927	отъ 2.052 до 2.751	„ „

*) Населеніе было уже крѣпко землѣ и тогда, когда самураи, подобно нашимъ служилымъ людямъ удѣльнаго времени, переходили вмѣстѣ съ своимъ «даиміо», изъ одной области въ другую.

Каковы причины крестьянскихъ волненій? Они выясняются изъ крестьянскихъ требованій, которыя сводятся, главнымъ образомъ, къ тремъ пунктамъ: уменьшеніе арендной платы, отмѣна добавочныхъ поборовъ и право продолженія аренды. Послѣднее требованіе особенно характерно. Землевладѣльцы стремятся освободить землю отъ земледѣлія, чтобы воспользоваться ею для промышленныхъ цѣлей. Насколько этотъ мотивъ волненій важенъ, видно изъ того, что въ 1924 г. онъ давалъ поводъ лишь для 1,6% крестьянскихъ волненій, тогда какъ въ 1925 г. эта цифра поднялась до 7,8%, въ 1926 до 12%, въ 1927 до 21%, въ 1928 до 25%, въ 1929 до 32%, въ 1930 до 54%, т. е. этой причиной вызывалось болѣе половины всѣхъ волненій, число которыхъ въ эти послѣдніе три года держалось на 2.000.

Что касается рабочаго класса (къ нему мы вернемся), его образованіе въ Японіи совершалось еще медленнѣе, чѣмъ у насъ. Работа на фабрикѣ долго оставалась отхожимъ промысломъ для крестьянъ. Этимъ объясняется, какъ низкій уровень заработной платы, такъ и низкая производительность труда. Результатъ плохой работы — высокая себѣстоимость продукціи. Такъ въ Англіи, гдѣ заработная плата вдвое выше, продукты хлопчатобумажной фабрики въ Манчестерѣ на треть дешевле, чѣмъ тѣ же фабрикаты, произведенные въ Осакѣ. Отсюда вытекаетъ необходимость протекціонизма, какъ единственной возможности избавить дорогіе японскіе товары отъ иностранной конкурренціи. Какъ всегда, за необходимость протекціонизма расплачиваются низшіе классы.

Общій выводъ изъ этого краткаго очерка соціальныхъ перемѣнъ — тотъ же, что и изъ характеристики перемѣнъ экономическихъ. Старый строй Японіи отошелъ въ прошлое; новый находится въ процессѣ образованія, и несомнѣнной его чертой является гораздо большая сложность и меньшая устойчивость, чѣмъ стараго строя. Въ этомъ сравненіи не заключается ни похвалы, ни порицанія, а только констатированіе факта. Переходъ отъ стараго къ новому для Японіи такъ же неизбѣженъ, какъ и для другихъ государствъ, выходящихъ изъ средневѣковья. Но здѣсь онъ совершается болѣе болѣзненно — отчасти вслѣдствіе своей запоздалости, отчасти же вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій японскаго «мѣсторазвитія».

Переходимъ теперь къ эволюціи политическаго строя. И здѣсь мы найдемъ рядъ знакомыхъ намъ чертъ. Самой существенной изъ нихъ является борьба за сохраненіе центральной государственной власти, облекшейся въ форму самодержавія и опирающейся на поддерживающій ее дворянскій классъ. Въ виду такого характера политическаго процесса, въ политическихъ

учрежденіяхъ долѣе, чѣмъ въ другихъ разобранныхъ выше областяхъ жизни, сохраняется вліяніе старинныхъ пережитковъ. Архаизмъ политическаго строя, при далеко ушедшихъ впередъ экономическихъ и соціальныхъ процессахъ, здѣсь, какъ и повсюду, является причиной назрѣвающихъ государственныхъ потрясеній.

Въ числѣ пяти пунктовъ, провозглашенныхъ молодымъ императоромъ Мейджи 14 марта 1868 г., былъ одинъ, гласившій: «совѣщательныя учрежденія должны быть установлены, и всѣ оффиціальные акты должны быть въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ». Двусмысленность этихъ выраженій какъ нельзя болѣе напоминаетъ доконституціонныя заявленія русской верховной власти въ тѣ моменты, когда она вынуждалась къ уступкамъ. Однако, выраженія «совѣщательныя учрежденія» и «общественное мнѣніе» показываютъ, что совѣтники императоровъ, составлявшіе этотъ документъ, хорошо понимали, въ какомъ направленіи идутъ нежелательныя для нихъ уступки. До конституціи, во всякомъ случаѣ, отъ этого туманнаго обѣщанія было еще далеко.

Японія обязана выходомъ изъ этого подготовительнаго къ свободнымъ учрежденіямъ періода, съ одной стороны, мѣстному самоуправленію, которое я безъ колебаній буду называть русскимъ терминомъ «земство», съ другой стороны, — интеллигенціи, университету и печати, по обыкновенію пошедшимъ въ своихъ политическихъ стремленіяхъ значительно дальше, чѣмъ піонеры политическихъ требованій, — земскіе люди.

Часть помѣщиковъ, сохранившихъ вліяніе на мѣстахъ, оказалась съ самаго начала реформъ въ оппозиціи къ новоявленной централизованной власти. Въ оппозицію перешли цѣлые кланы, обдѣленные политическимъ вліяніемъ, какъ Тоса и Хисенъ. Каждый изъ нихъ выставилъ своего вождя оппозиціи: Тоса — Итагаки, а Хисенъ — Окуму. Въ 1889 г. образовалась первая группа сторонниковъ парламента («Коккай - Кисей - Домейкай»). Въ ней были представлены 28 мѣстныхъ организацій, разсѣянныхъ въ 22 префектурахъ, съ общимъ числомъ членовъ болѣе 87.000 чел. Въ слѣдующемъ 1881 г. основана первая либеральная партія «Дзіюто», съ Итагаки во главѣ. Это была партія, требовавшая широкихъ политическихъ правъ и соціальныхъ реформъ. Ее можно было бы сравнить съ нашимъ «Союзомъ Освобожденія». Болѣе умѣренная партія Окумы («Кайсинто») выдвигала болѣе конкретныя требованія: выборность мѣстной администраціи, уменьшеніе налоговъ. Правительство попробовало было распустить «Дзіюто». Но послѣдовалъ рядъ серьезныхъ безпорядковъ въ рядѣ мѣстностей, и власть принуждена была уступить. Она

наконецъ обѣщала открыть парламентъ, черезъ девять лѣтъ, т. е. въ 1890 г. Въ ожиданіи этого срока правительство принимаетъ (какъ и въ Россіи) промежуточныя мѣры. Собираются совѣщанія земствъ при губернаторахъ, производятся выборы въ собранія префектуръ, учреждается (1885) кабинетъ министровъ. Но въ то же время принимаются и мѣры предосторожности противъ ожидаемыхъ эксцессовъ печати и общественности. Въ 1875 г. уже издано строгое «Положеніе о печати», въ 1882 г. «Положеніе о публичныхъ собраніяхъ». Имѣется и Положеніе «объ охранѣ общественнаго спокойствія» (1887). Наконецъ, учрежденъ (помимо стараго Генро) Тайный Совѣтъ — личный органъ императора, присвоившій себѣ впослѣдствіи права автентическаго толкованія конституціи и воздѣйствія на приведеніе въ исполненіе законовъ.

Проектъ конституціи поручено было составить Ито — впослѣдствіи извѣстному политическому дѣятелю, изъ клана Сацума. Для этой цѣли онъ спеціально командируется за-границу, увлекается ученіемъ Лоренца Штейна — и составляетъ проектъ конституцій по прусскому образцу. Это та самая «лжеконституція», которая послужила однимъ изъ образцовъ для нашихъ основныхъ законовъ 1906 г. Представительство по этой конституціи состоитъ изъ двухъ палатъ. Нижняя составляется изъ депутатовъ, избранныхъ на основаніи цензоваго избирательнаго права, активнымъ правомъ пользуются плательщики 15 іенъ прямыхъ налоговъ. Верхняя палата составлена изъ принцевъ крови и крупныхъ феодаловъ — по назначенію императора и верховъ промышленнаго и земледѣльческаго класса, — единственныхъ выбираемыхъ соотвѣтственными классами. Императоръ сохраняетъ самую широкую прерогативу. Въ 1909 г., въ отпоръ приближающейся волнѣ демократизаціи, особымъ указомъ военныя и морскія дѣла опредѣленно изъемлются изъ вѣдѣнія палаты. Этимъ объясняется особое положеніе военной касты въ этомъ политическомъ строѣ. Министры не отвѣтственны передъ палатой. Въ случаѣ нужды предвидится возможность законодательства въ порядкѣ чрезвычайныхъ указовъ, представляемыхъ палатѣ послѣ введенія ихъ въ дѣйствіе.

Несмотря на всѣ эти ограниченія, объявленіе конституціи вначалѣ вызвало большой энтузіазмъ. Смыслъ этого энтузіазма сталъ понятенъ, когда выборы въ первую палату (1890 - 1891) дали оппозиціонное большинство. Палата сразу вступила въ борьбу съ правительствомъ. Она отвергла бюджетъ, отказала правительству въ морскихъ вооруженіяхъ и въ устройствѣ сталелитейной промышленности. Судьба этой палаты была та же, какъ и нашей первой государственной думы. Она была распущена. Параллель можно продол-

жить и нѣсколько далѣе. Вторые выборы, съ вмѣшательствомъ въ нихъ жандармовъ и войскъ, поведшимъ къ кровопролитію, дали тѣмъ не менѣе снова абсолютное большинство оппозиціи. Но, въ противоположность нашей второй думѣ, эта палата пошла по тому пути, который заднимъ числомъ совѣтуетъ принять русской либеральной оппозиціи В. А. Маклаковъ. Японскій Столыпинъ, Ито столковался съ японской партіей народной свободы «Дзіюто», напуганной крестьянскими волненіями. Онъ далъ ей подачку въ видѣ уменьшенія прямыхъ налоговъ, и партія превратилась въ... «октябристскую». Представительство въ Японіи приспособилось къ положенію и акклиматизировалось. Но оно перестало быть «народнымъ». А промежуточная позиція, занятая Ито, оказалась, какъ и у русскаго Столыпина, непрочной. Онъ нашелъ опаснаго соперника въ лицѣ члена того же клана, Ямагаты, болѣе праваго по убѣжденіямъ. Ямагата — творецъ японской арміи, побѣдившей въ двухъ войнахъ съ Китаемъ и съ Россіей, пользовался огромнымъ вліяніемъ въ странѣ. Онъ наполнилъ своими приверженцами и Верхнюю палату, и Тайный Совѣтъ — и сдѣлался полнымъ господиномъ положенія. Ито, не говоря уже о вождяхъ либерализма, Итагаки и Окумѣ, перешли въ оппозицію. Если угодно, можно видѣть въ этомъ оппозицію аграріевъ противъ центра и городского капитализма. На тридцать лѣтъ господство японско́й бюрократіи закрѣпилось. Политическая роль либерализма была парализована цѣлымъ рядомъ непреодолимыхъ препятствій. Прежде всего, — дороговизной политическихъ выборовъ. Цуруми въ своихъ лекціяхъ приводитъ примѣръ того, какъ дешево обходились выборы въ первую палату. Поневолѣ мы опять вспоминаемъ первую государственную думу. Нѣкій ученый Ниши уплатилъ за выборы всего одну іену: это была плата тому рикшѣ, который доставилъ его изъ его деревни въ городъ на избирательное собраніе. А въ 1924 году средній расходъ на выборы составлялъ 50.000 іенъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ кандидату приходилось расходовать до 200.000 или даже до 400.000 тысячъ. Конечно, при этомъ личность кандидата отходила на второй планъ передъ его карманомъ. А такъ какъ кандидатъ расчитывалъ вернуть себѣ расходы во время отправленія депутатскихъ функцій, то... онъ становился доступенъ подкупу. Коррупція сдѣлалась характерной чертой депутатскаго званія, и, естественно, репутація народнаго представительства сильно пострадала отъ этого. Чтобы остаться подольше депутатомъ, членъ палаты долженъ былъ подчиняться правительственнымъ указаніямъ, ибо иначе грозилъ довременный роспускъ палаты. А при широкомъ вліяніи на слѣдующіе выборы министерства внутреннихъ дѣлъ, губернатора и полиціи — всякій понималъ, что это значитъ. Въ 1915 г. Окума, въ 1917 г. Те-

раучи распустили палаты — и получили на выборахъ огромное правительственное большинство. При безотвѣтственности министровъ передъ палатой, совѣтники императора имѣли безконтрольное вліяніе на выборъ премьера. До своей смерти (1922) ставилъ премьеровъ, въ сущности, Ямагата. Но роль премьера, какъ и роль министровъ, была весьма неблагодарной. Всѣ важныя рѣшенія, особенно въ военныхъ и дипломатическихъ вопросахъ, шли мимо нихъ; премьеръ узнавалъ о рѣшеніяхъ, когда они уже приводились въ исполненіе. Министерства были наполнены служащими, принадлежавшими къ всесильной бюрократіи, и въ своемъ собственномъ вѣдомствѣ министръ былъ безсиленъ. Горькія жалобы по этому поводу можно прочесть въ статьѣ эксъ - министра кабинета Окумы, Юкіо Озаки. Такъ шло дѣло до міровой войны. Съ этого времени либерализмъ нашелъ поддержку въ окрѣпшемъ среднебуржуазномъ слоѣ. «Создался широкій, состоятельный и независимый средній классъ», такъ формулируетъ эту перемѣну Цуруми — и тутъ же прибавляетъ вторую черту: «вызвано къ жизни активное рабочее движеніе». Я присоединяю къ этимъ двумъ и третью. Появилась широко распространившаяся въ массахъ — и тоже независимая печать. Она не была партійной, но очень радикальной: этого требовалъ широкій кругъ читателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ сложился кругъ писателей - журналистовъ, прежде не находившихъ журнальнаго заработка, а теперь хорошо обставленныхъ матеріально. «Опасныя», по мнѣнію правитльства мысли такихъ популярныхъ писателей, какъ профессоръ Нитобе или Іошино получили самое широкое распространеніе. Процентъ неграмотныхъ упалъ до 5%. Теперь «каждый рикша читаетъ газету въ ожиданіи кліента». Немудрено, что тиражи наиболѣе распространенныхъ газетъ выросли до цифръ, не уступающихъ парижскимъ. Двѣ газеты, издаваемыя однимъ консорціумомъ въ Токіо и Осакѣ, «Майничи» и «Ничи - Ничи» распространяются въ двухъ и 1¼ милліонахъ экземпляровъ. Около этого имѣютъ и издаваемыя въ тѣхъ же городахъ газеты «Асахи». Газета «Хочи» распространяется въ ¾ милліоновъ экземпляровъ. Редакціи помѣщаются въ собственныхъ домахъ, въ 5 - 7 этажей.

Всѣ указанныя обстоятельства сильно измѣнили картину политическаго положенія послѣ міровой войны. Либерализмъ далеко еще не успѣлъ осуществить всей своей программы, но ему на смѣну въ общественномъ мнѣніи шли уже болѣе радикальныя теченія, сильно окрашенныя соціальнымъ элементомъ. И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, правительство стало относиться внимательнѣе къ... либерализму. Осенью 1918 г. на смѣну консервативному кабинету Терaучи сформировался кабинетъ Хара, изъ той - же партіи сейю-

кай. Но Хара впервые принялъ позу премьера партійнаго кабинета («первый коммонеръ») и расположилъ въ свою пользу либераловъ, отмѣнивъ мѣры противъ свободы печати. А съ 1919 г. широкая публика повернула къ соціализму. Дальнѣйшую судьбу развивающагося парламентаризма можно прочесть въ названіяхъ смѣнявшихся кабинетовъ. Въ 1924 г. былъ испробованъ коалиціонный кабинетъ Като, гдѣ получила участіе либеральная партія кенсекай. Въ 1926 г. онъ замѣненъ чисто либеральнымъ кабинетомъ Вакацуки. Послѣ промежутка — возвращенія къ имперіалистско-военному кабинету Танаки (1927 - 1929) мы имѣемъ новый поворотъ къ либерализму. Въ 1929-31 гг. правятъ два кабинета обновленной либеральной партіи «Минсейто» — Хамагучи и снова Вакацуки. Въ самое послѣднее время Японіей правилъ снова имперіалистскій кабинетъ, вовлекшій страну въ манчжурскую авантюру. Но послѣ убійства Инукаи военными заговорщиками націоналъ - соціалистическаго типа, по совѣту Сайоджи, микадо счелъ нужнымъ снова прибѣгнуть къ внѣпартійному коалиціонному кабинету, — въ который, однако же Вакацуки отказался вступить. Несомнѣнно, кабинетъ этотъ является результатомъ полной побѣды военной партіи, усилившейся вслѣдствіи объединенія двухъ господствующихъ клановъ, прежде соперничавшихъ другъ съ другомъ. Самое это объединеніе сухопутныхъ генераловъ съ моряками свидѣтельствуетъ о возросшей опасности слѣва.

Какъ видимъ, побѣды либерализма и до сихъ поръ далеко не полны. Съ начала 20-хъ годовъ либералы вмѣстѣ съ лѣвыми соединились на одномъ лозунгѣ — всеобщаго избирательнаго права. Послѣ постигшаго Японію страшнаго землетрясенія 1923 г., вызвавшаго опасеніе, что усилятся народныя движенія, правительство уступило: Ямамото объявилъ въ палатѣ, что онъ вноситъ соотвѣтствующій законопроектъ. Всеобщее избирательное право и было проведено въ 1925 г., и на основаніи новаго закона уже дважды были проведены выборы (1928 и 1931).

Чѣмъ, однако же, объясняется неполнота побѣды либеральнаго теченія? Я не рѣшаюсь говорить объ этомъ съ полной увѣренностью, но позволю себѣ высказать нѣкоторыя предположенія. Весьма вѣроятно, что именно имперіализмъ сблизилъ между собой политическія теченія. Это сближеніе нашло себѣ поддержку въ несомнѣнномъ поворотѣ широкой японской общественности въ сторону націонализма. Причины этого поворота разнообразны. Во - первыхъ, въ этомъ направленіи долженъ былъ дѣйствовать общій ходъ развитія японской національной культуры. Мы присутствуемъ съ нѣкотораго времени при окончаніи затянувшагося періода подражанія иностраннымъ

нововведеніямъ, — періода, оттѣснившаго національные элементы культуры, но не упразднившаго ихъ. Подражаніе иностранцамъ сказывалось какъ во всемъ внѣшнемъ обликѣ жизни, такъ и въ области японскаго творчества. Нравы большого города слишкомъ американизировались, бросались въ глаза новыя привычки къ западному комфорту и роскоши, семейныя традиціи поколебались съ выходомъ женщины за предѣлы семейнаго очага. Но вотъ, японская «душа» «нашла себя» въ литературѣ. Иностранное вліяніе, несомнѣнно, оплодотворило японское воображеніе и дало литературѣ новыя формы. Но послѣ погони за новыми теченіями въ чужихъ странахъ и послѣ усвоенія европейской международной техники, японскіе писатели, такъ сказать, вернулись домой. Этому возвращенію содѣйствовали два слѣдующія обстоятельства, совпавшія во времени и произведшія сильное впечатлѣніе на японскую психологію. Первымъ изъ нихъ было японское землетрясеніе 1923 г., стоившее жизни болѣе чѣмъ 200.000 человѣкъ, раззорившее многія семьи, разрушившее цѣлые города, нанесшее тяжкій уронъ народному хозяйству и напомнившее населенію о старинныхъ національныхъ привычкахъ бережливости и дисциплины. Возвращеніе къ прежнимъ «добродѣтелямъ», какъ всегда, сопровождалось осужденіемъ новыхъ нравовъ. Кромѣ того, вся нація почувствовала потребность сблизиться для взаимной поддержки, моральной и матеріальной. Вторымъ толчкомъ, содѣйствовавшимъ рецедиву національизма, было рѣшеніе конгресса Соед. Штатовъ, запретившаго въ 1924 г. японскую иммиграцію. Японцы и раньше того, по «джентльменскому соглашенію» 1907 г. прекратили добровольно иммиграцію въ С. Штаты. Но то, что было прикрыто формой добровольности, почувствовано было какъ кровное оскорбленіе всему народу, когда было облечено въ форму внутренняго закона. И особенно чувствительно было то, что сдѣлала это Америка, которая въ глазахъ передовой японской общественности была воплощеніемъ справедливости и доброжелательства по отношенію къ Японіи. Чувство обиды было такъ сильно и глубоко, что именно съ тѣхъ поръ заговорили особенно настойчиво о возможности военнаго конфликта на Тихомъ океанѣ. Третьимъ мотивомъ возрожденія національизма была реальная опасность торжествующаго національнаго движенія въ Китаѣ для интересовъ Японіи. Въ другомъ мѣстѣ (см. мою статью въ № 49 «Совр. Записокъ») я показалъ, какъ въ результатѣ этого движенія иностранцы теряли свои завоеванія въ Китаѣ и какъ Японія, которая поддерживала движеніе, пока оно было направлено противъ другихъ иностранцевъ, начала противодѣйствовать ему — черезчуръ поздно, — когда оно обернулось и противъ нея самой. Недавнія военныя дѣйствія въ Шанхаѣ вовсе не были только «зало-

гомъ», чтобы послужить для торговли съ міровой дипломатіей относительно предстоящихъ пріобрѣтеній въ Манчжуріи. И ихъ непосредственная цѣль была, по моему мнѣнію, — спасти японскія привилегіи въ важнѣйшемъ торговомъ центрѣ, которому грозитъ скорая ликвидація. И попытка захватить въ монопольное распоряженіе Манчжурію, еще не закончившаяся, была продиктована необходимостью спѣшить и воспользоваться послѣднимъ удобнымъ международнымъ моментомъ общей усталости и кризиса для закрѣпленія своихъ «специальныхъ интересовъ» въ этой обширной области. Другое дѣло, насколько эта торопливость окажется цѣлесообразной. Но выполненіе посмертнаго завѣщанія Танаки именно теперь встрѣтило, повидимому, меньшее сопротивленіе со стороны общественнаго мнѣнія Японіи, чѣмъ можно было ожидать. Опять таки, другой вопросъ, насколько это націоналистическое настроеніе японской общественности окажется длительнымъ.

Нужно, наконецъ, упомянуть и о четвертой причинѣ, давшей толчокъ къ возрожденію націонализма. Это именно страхъ соціальной революціи въ Японіи. О возможности соціальной революціи много говорятъ иностранцы. Но, повидимому, объ этомъ начали задумываться и японскіе политическіе дѣятели. Каковы мотивы для такихъ опасеній?

До 1901 г. развитіе соціализма въ Японіи было мало замѣтно. Это былъ, такъ сказать, инкубаціонный періодъ. С. д. партія была организована уже въ 1901 г. Но она опиралась тогда только на интеллигентскую доктрину. Въ 1906 г. (10 лѣтъ спустя послѣ такого же явленія въ Россіи) крупная желѣзнодорожная стачка въ сѣверной Японіи дала впервые соціалистамъ надежду опереться на народныя массы. Въ 1910 г. партія попыталась вступить на путь терроризма. Была раскрыта попытка покушенія на императорскій домъ. Послѣ того послѣдовало запрещеніе партіи, которая принуждена была скрыться въ подполье. Но черезъ два года, въ 1912 г. была найдена другая легальная опора. Образовался первый профессіональный союзъ «Ю-ай-кай», ставшій ядромъ будущей федераціи труда. Настоящее начало рабочаго движенія относится уже къ годамъ міровой войны — 1914 - 1918 гг. Громадный спросъ на трудъ въ эти годы, промышленный бумъ, высокая заработная плата — все это благопріятствовало росту рабочаго движенія. Нужно также отмѣтить впечатлѣніе, полученное отъ русской революціи 1917 г. Уже ранѣе мы встрѣчаемъ интересъ къ соціальному движенію въ Россіи, вызванный отголосками ученій Толстого въ японской литературѣ. Видный писатель Аришима, человѣкъ со средствами, роздалъ все свое имѣніе подъ вліяніемъ взглядовъ Толстого. Окончательно вышло наружу съ своей организаціей и съ

своими требованіями рабочее движеніе въ годы послѣвоеннаго кризиса. Въ 1919 - 1921 гг. послѣдовалъ цѣлый рядъ забастовокъ. Первоначальныя теоретическія и программныя требованія, внушенныя интеллигенціей, уступили тутъ мѣсто требованіямъ практическимъ. Вообще за короткій десятилѣтній промежутокъ 1912 - 1922 г. въ японскомъ соціализмѣ смѣнился цѣлый рядъ оттѣнковъ. Начавъ съ либеральныхъ настроеній и перейдя къ Марксу и Энгельсу, это движеніе въ 1919 г. перешло къ синдикализму и выставило лозунги: долой политику; контроль надъ промышленностью. Въ 1922 г. оно стало коммунистическимъ, а когда проведенъ былъ законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, повернулось частично къ ревизіонизму. Конфликтъ двухъ послѣднихъ теченій произошелъ въ этомъ году на съѣздѣ 136 рабочихъ союзовъ 30 сентября въ Осакѣ. Коммунисты выступили съ требованіемъ объединенія рабочихъ союзовъ въ единую конфедерацію. Синдикалисты отстаивали начало свободнаго сотрудничества отдѣльныхъ союзовъ. Конференція закончилась среди шума и безпорядка, но осталось впечатлѣніе побѣды коммунистовъ. Въ 1926 г. была создана легальная «рабоче - крестьянская партія» («Родо Наминто»); изъ за введенія въ нее лѣвыхъ произошелъ расколъ, и появились двѣ новыя партіи. На выборахъ 1928 г. коммунисты выступали открыто. Въ парламентъ было проведено нѣсколько депутатовъ отъ рабочихъ.

Конечно, все это не говоритъ еще о серьезной опасности для государственнаго строя. Въ Японіи насчитывается 4.772.000 рабочихъ. Изъ нихъ «организованы» только 342.000. Изъ этого числа большевики насчитываютъ только 20-25 тысячъ членовъ, организованныхъ въ профсоюзы, принадлежащихъ къ ихъ революціонному лагерю.

Но надо прибавить, что соціальное движеніе распространено далеко за предѣлами рабочаго движенія. Въ частности, большимъ успѣхомъ пользуется, повидимому, въ Японіи христіанско - соціальное движеніе. Имѣется даже свой «японскій Ганди», имя котораго, вѣроятно, скоро станетъ извѣстно всему свѣту. Его имя: Тойохико Кагава. На этой фигурѣ стоитъ остановиться. Кагавѣ теперь 44 года. Къ христіанству онъ пришелъ черезъ буддизмъ. Извѣстна склонность японцевъ къ религіозному синкретизму. Такъ они привили конфуціанство къ родному шинтоизму, буддизмъ къ конфуціанству и — въ послѣднее время — пытаются привить христіанство къ буддизму, какъ великій путь къ спасенію», «даидоджи». Какъ и Сунъ - Ятъ - Сенъ, Кагава научился христіанству у миссіонеровъ. Но онъ кончилъ Пристонскій университетъ въ Соед. Штатахъ — отнюдь не для того, чтобы приготовить себя къ карьерѣ методистскаго пастора. Воспитанный въ состоятельной сре-

дѣ, онъ уже ранѣе прошелъ школу лишеній среди бѣдняковъ, къ которымъ примѣнялъ ученіе о добромъ самаритянинѣ. Онъ изучилъ жизнь городскихъ трущобъ и подонковъ. Онъ успѣлъ стать также популярнымъ писателемъ, котораго сравнивали съ Горькимъ. Его книги распространялись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Подъ его вліяніемъ были отмѣнены въ 1925 г. мѣры противъ профессіональныхъ союзовъ и верхняя палата ассигновала милліонъ долларовъ на перестройку рабочихъ жилищъ въ шести большихъ городахъ Японіи. Одно время правительство покровительствовало его митингамъ, считая, очевидно, что религія отвлекаетъ отъ соціализма. Но недаромъ его тужурка, на манеръ толстовки, стала обычнымъ костюмомъ японскаго рабочаго. Не примыкая ни къ какой партіи, Кагава оказалъ сильную поддержку рабочему и крестьянскому движенію. Онъ — рѣшительный противникъ націонализма и имперіализма. Когда онъ касается этой темы, его проповѣдь дышетъ негодованіемъ и бичуетъ. «Японія охвачена смерчемъ страха», обличаетъ онъ шовинистовъ. «Ея строй потрясенъ до самаго основанія. Я не разумѣю подъ этимъ, что Японія лишена арміи и правительства... Но вмѣстѣ съ землей во время великаго землетрясенія потрясена и душа Японіи. Японскій народъ не вѣритъ больше другъ другу, не вѣритъ въ себя... Это меня печалитъ. Было время, когда японскій народъ думалъ, что нація создана мечемъ, что мечъ - душа Японіи. Но это время прошло. Отнынѣ въ душѣ японца должна царить любовь. Одна любовь покоряетъ міръ. Всѣ люди, мечтавшіе о міровой имперіи, погибли. Александръ Великій, Юлій Цезарь, Наполеонъ, кайзеръ — всѣ исчезли, какъ сонъ. Побѣда мечемъ — временна; она не имѣетъ никакой прочности».

Религія Кагавы дѣйственна. День и ночь онъ молится и проповѣдуетъ. За нимъ идутъ. Кагава любитъ бѣдныхъ, и не любитъ арміи. Онъ борется противъ военной службы. Его называютъ японскимъ Толстымъ и св. Франциськомъ.

Я не берусь предсказывать, что выйдетъ изъ всѣхъ описанныхъ перемѣнъ, превратившихъ старую Японію въ новую. Но, если можно сдѣлать выводъ изъ всего сказаннаго, то, прежде всего, этотъ выводъ будетъ состоять въ томъ, что вовсе не нужно искать разгадки души японскаго сфинкса, чтобы понять, что тамъ происходитъ. Мои сравненія съ другими странами — и прежде всего съ Россіей — не есть только литературный пріемъ. Въ ихъ основѣ лежитъ не внѣшнее сходство, а глубокое тожество процессовъ исторической жизни. Можно сдѣлать и второй выводъ. Японія вовсе не есть тотъ монолитъ, котораго такъ боятся люди, когда - то презиравшіе «макаковъ». Это скорѣе

конгломератъ сложныхъ явленій, — конгломератъ, въ которомъ творческія и разрушительныя начала сплетаются въ общій клубокъ. И какъ разъ тѣ силы, на которыхъ думали основать могущество старой имперіи, могутъ, по вѣрному замѣчанію Кагавы, оказаться разрушительными.

Можно бы было вывести отсюда и нѣкоторый прогнозъ относительно послѣдствій того конфликта, въ который Японія втянута старымъ духомъ, теперь рѣшительно отошедшимъ въ прошлое. Злой геній Танаки витаетъ надъ происходящимъ. Два раза ему не удались при жизни его имперіалистскія затѣи: въ 1919 - 22 гг. въ Сибири и въ 1927 - й г. въ Шантунгѣ. Трудно думать, чтобы третья затѣя, гораздо болѣе серьезная и трудная, удалась теперь наслѣдникамъ Танаки. Противъ ея успѣха говорятъ не только тѣ препятствія, которыя уже обнаружились въ Манчжуріи. Противъ нея — основное настроеніе народныхъ массъ въ самой Японіи, гораздо лучше выражаемое ея печатью и проповѣдями Кагавы, чѣмъ воинственными рѣчами министровъ. Прежде между этими дѣйствительными настроеніями и нашими впечатлѣніями о японской монолитности стояла стѣна нашего невѣдѣнія о Японіи. Пора теперь эту стѣну разрушить, чтобы возстановить взаимное пониманіе между народами. Я былъ бы радъ, если бы эту задачу помогла хотя бы отчасти выполнить настоящая моя статья.

П. Милюковъ.

ПОЛЬ ФИРЕНСЪ
ЖАНЪ ЛЮРСА

Ж. Люрса. Рисунокъ. *J. Lurçat. Dessin.*

Мы живемъ въ эпоху п р о б л е м ъ. Такъ или иначе, художники мыслятъ (къ счастью, нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ хорошую живопись, хотя и мыслятъ неудачно), и, разумѣется, планъ предшествуетъ видѣнію. Многія произведенія являются «поисками», свидѣтельствуютъ скорѣе объ усиліи, нежели объ удовольствіи. И лишь отдѣльные творцы отказываются жертвовать нѣкоторой частью своей человѣческой природы. Намъ кажется, такимъ образомъ, что воля противопоставляется лирическому порыву, разсудочность вдохновенію — форма краскамъ, какъ нѣкогда ученики Энгра противопоставлялись ученикамъ Делакруа. Можно ли той же любовью любить Матисса и Пикассо? Теоретикъ себѣ бы этого не позволилъ. Но Жанъ Люрса не теоретикъ, онъ поэтъ. Онъ нашелъ свое мѣсто между «дикими» и кубистами, рано

открывъ свое призваніе и ввѣрившись своей звѣздѣ. Мы видѣли, какъ онъ двигался впередъ «прыжками», «ступенями», и онъ не перестаетъ насъ поражать. Онъ сохранилъ рѣдкое преимущество удивляться себѣ самому и себя самого увлекать. Другими словами, вдохновенію отведена замѣтная роль въ разработкѣ его произведеній. Онъ въ нихъ вкладываетъ жизнь, предпочтенія, мечты и воспоминанія о путешествіяхъ. Всо это объединено въ извѣстномъ порядкѣ, въ сочетаніи цвѣтовъ, то необыкновенно чарующемъ, то рѣзкомъ, въ сочетаніи формъ, почти невѣсомыхъ.

Богатство содержанія сочетается съ простотой выраженія. Неопредѣленное внушается при помощи точныхъ знаковъ. Если Люрса сразу ничего не отвергаетъ, онъ умѣетъ выбирать. Онъ остороженъ, расчетливъ, онъ чуть-чуть алхимикъ, и его студія напоминаетъ намъ лабораторію. Интересно было бы прослѣдить путь художника отъ первоначальнаго, «линейнаго» ясновидѣнія до законченной картины, черезъ напряженіе мысли, черезъ опыты и наброски, черезъ эти фантазіи, рожденныя реальностью и преображаемыя подобно бабочкамъ, дневнымъ бабочкамъ, вышедшимъ изъ темныхъ хризалидъ и включившимъ себя въ новую реальность — на этотъ разъ реальность картины. «Человѣкъ, говоритъ Люрса, не выдумываетъ, не можетъ только выдумывать. Міръ подставляетъ ему пѣшки, съ помощью которыхъ онъ ведетъ игру».

Не передергивать конечно теперь труднѣе всего. Избѣгать системъ и формулъ. Вести с в о ю игру, а не игру школы. Люрса неизмѣнно удается быть свободнымъ. Но онъ любопытенъ ко всему, даже къ творчеству своихъ собратьевъ. Быть - можетъ, ничего не выдумывается, но кое - что о т к р ы в а е т с я , и нѣтъ иныхъ открытій, кромѣ личныхъ. То, что открываютъ, дѣлаютъ своимъ. Присвоить вещь, насъ поразившую, и какъ бы дать ей восторжествовать надъ самой собою, какъ бы отожествиться съ нашимъ о ней представленіемъ — вотъ секретъ самобытнаго и словно бы нечаяннаго, рокового, органическаго стиля. Образъ стремится къ отвлеченности, однако въ ней не уничтожается. Жанъ Люрса, хорошо себя знающій, контролирующій себя, наблюдаетъ за работой очищенія и проясненія, которая происходитъ въ его памяти, и умѣетъ ждать, покуда созрѣютъ плоды. Какой бы «вторичной» ни была его живопись, она сохраняетъ свѣжесть интимнаго соприкосновенія съ природой — съ воздухомъ, вѣтромъ, солнцемъ, дождемъ; она отдаляется отъ всего, что ей послужило поводомъ, не отрицая его и не сжигая мостовъ. Въ общемъ, она гораздо менѣе анти - импрессіонистична, чѣмъ живопись крайнихъ «конструктивистовъ» или патентованныхъ пластиковъ.

Вначалѣ это — случайное вдохновеніе, молніеносная любовь. Нѣтъ перегородки между человѣкомъ и произведеніемъ. Если сѣрое Парижское небо, сіяющая Африканская лазурь, складки бурнуса, геометрическій рисунокъ восточныхъ домовъ, туманы Ламанша или безпорядокъ луговъ въ американскихъ преріяхъ, если все это въ чемъ - либо, въ какой - либо мелочи согласуется съ чувствительностью художника, — которая иногда затемняетъ зрѣніе — вы найдете въ его картинахъ самую ихъ суть, самое ихъ существо и видоизмѣненія. Причудливое устраняется, живописное остается, но какъ орудіе, какъ поддержка поэзіи, выраженія, идеи. Такимъ образомъ, изъ темы освобожденной отъ излишнихъ украшеній, очищенной отъ случайныхъ нарядовъ и схваченной въ своемъ существѣ, Люрса извлекаетъ, какъ хорошій музыкантъ, цѣлый рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ варіацій. Онъ не бросаетъ мелодіи, не исчерпавъ всей ея сладости. Но лишь только онъ ее используетъ до конца, лишь только инстинктъ его предупредитъ о возможной опасности повтореній, о чрезмѣрной эксплоатаціи этой находки, онъ тотчасъ же мѣняетъ атмосферу и стиль. Вотъ почему мы говорили, что онъ продвигается «прыжками», рискуя разочаровать и смутить почитателей. Слѣдовать за нимъ, это — постоянно его догонять, это — видѣть, какъ онъ ускользаетъ, и настигать его въ ту минуту, когда онъ поворачивается спиной къ своему созданію и приготовляется къ новому побѣгу. Надо ли добавлять, что движеніе Люрса ничего общаго не имѣетъ съ математически - точной походкой автомата или лунатика. Немногіе художники столь сознательно, столь трезво относятся къ своимъ капризамъ. Но вѣдь искусство - тайна, и если Люрса, подобно мастерамъ всѣхъ временъ и своего времени, вѣритъ въ полезность теорій и опытовъ надъ средствами выраженія (золотая область, равновѣсіе діагоналей, жара и холодъ — все это плѣнительное дѣтство искусства), онъ не пренебрегаетъ ни одной цѣлью, расположенной за предѣлами теорій и схемъ. Онъ боится влеченія къ «декоративности», въ чемъ нерѣдко его упрекали и чему онъ могъ отдаться безъ опасенія, разрисовывая изумительные картоны для ковровъ — но онъ не считаетъ, что единственное спасеніе въ «пластикѣ». Онъ слишкомъ уменъ, слишкомъ чувствителенъ, чтобы свести задачу художника къ игрѣ или роскоши. Онъ всегда мечталъ о цѣльномъ искусствѣ.

Мы недавно видѣли, какъ патетика, патетика горестная и чрезвычайно «модернъ», патетика «кризиса» врывается въ творчество, дотолѣ мирное и ясное, едва тронутое, и то не всегда, легкою дымкою меланхоліи. Мѣсто горизонтальныхъ линій заняли огромныя барочныя композиціи. Сумрачныя

купальщицы, раздутые паруса, сумасшедшія снасти и урожающія волны ворвались въ пространство, истерзанное, скрученное, гдѣ краски рѣзкія, точно свистки или завыванія сиренъ, столкнулись съ красками безнадежной сладости. Все распадалось, все рушилось, гроза бушевала... бушевала въ сердцѣ поэта, пребывавшаго во власти какого - то изнуряющаго бунта. Какая эпоха болѣе нашей вызвала взрывъ обостреннаго, отчаявшагося романтизма, давшаго пищу и оправданіе сюрреализму? Можно видѣть, въ какой именно точкѣ соприкоснулось въ духовномъ планѣ искусство Люрса, благодаря особой его выразительности, со жгучей и мрачной нашей дѣйствительностью. То, что означали все это отравленіе, это нагроможденіе раскрѣпощенныхъ формъ, эти прерывистые ритмы, эти кораблекрушенія и катастрофы, было бѣшенствомъ, было священной яростью европейца, пытавшагося какъ Самсонъ — колонны храма, расшатать заблужденія, въ тѣни которыхъ мы дремлемъ, расшатать, хотя бы и рискуя погибнуть подъ развалинами, но — отомщеннымъ.

Приступъ оказался краткимъ. Высказавъ съ рѣзкой откровенностью то, что онъ высказать хотѣлъ и что мы поняли не сразу, Люрса освободился отъ той части своего существа, гдѣ драма, становясь неподвижной, могла загромоздиться реторикой, и поспѣшно устремился къ развязкѣ. Не въ его привычкахъ отказываться отъ себя, но онъ во - время раскрылъ и закрылъ скобки. Онъ все - таки движется по прямой.

И намъ надо двигаться по прямой, чтобы сказать нѣсколько словъ о теперешнихъ проектахъ, о теперешнихъ мысляхъ — достаточно несовременныхъ — Жана Люрса. Его братъ Андрэ, одинъ изъ лучшихъ архитекторовъ приходящаго на смѣну поколѣнія, человѣкъ, довѣряющій своему практическому чутью, но въ чьихъ сооруженіяхъ есть душа, есть гармоническая красота, строитъ въ Вильжюифѣ школу новаго типа, такъ, чтобы ученикамъ хотѣлось возвращаться въ классы. Внутри этой школы четыре панно, длиной приблизительно въ семь метровъ, шириной въ три метра, даны въ распоряженіе Жана Люрса, чтобы онъ ихъ украсилъ по своей волѣ, фантазіи и вкусу. «Работа для дѣтей заставляетъ размышлять, пересматривать самые основные вопросы», заявляетъ художникъ, окружающій себя, словно документами и свидѣтелями, рисунками школьниковъ и школьницъ отъ шести до двѣнадцати лѣтъ. Какая свѣжесть, какое просвѣтленіе послѣ бури! Люрса думаетъ о своихъ «кліентахъ», болѣе требовательныхъ, чѣмъ торговцы и «покупатели»; онъ думаетъ о стѣнахъ, которыя надо покрыть удобопонятными изображеніями. Нереальность дѣтскихъ рисунковъ внушаетъ ему — по собственному его признанію, котораго другіе бы не сдѣлали — рядъ сокращеній и метафоръ. И на

нѣсколькихъ полотнахъ уже воплощаются намеки на чувственный міръ (на ручей, на камни, на грозу), простота которыхъ, дѣйствительно стѣнная, отражаетъ нѣчто грандіозное, сверхъ - декоративное, сверхъ - пластическое, даже сверхъ - художественное...

Куда - же мы идемъ? По ту сторону проблемъ. Люрса не вѣритъ, что мы придемъ въ обѣтованную землю классицизма, въ землю, обѣщанную Евгеніемъ д-Орсъ и Вальдемаромъ Жоржемъ. Онъ же самъ насъ ведетъ въ рай, болѣе земной, чѣмъ можно предположить, въ рай, гдѣ должны предстать въ своей первичной чистотѣ, въ самомъ ясномъ свѣтѣ, формы жизни, понятныя одновременно и глазу и душѣ. Такимъ формамъ не жаль посвятить свои волненія. Человѣкъ можетъ обрѣсти въ нихъ свободу, которой онъ вчера чуть было не потерялъ. Наконецъ то въ живописи наряду съ мыслью можетъ появится отблескъ счастья. Искусство не напряженное, простое, но не упрощенное и не столько гуманистическое, сколько человѣчное.

Творчество Люрса — надежда, освобожденіе, честная попытка слiянiя безъ отрѣшенія отъ природы или отъ самого себя. Оно сближаетъ реальность и сонъ, идею и жизнь.

АНДРЭ де - РИДДЭРЪ

ЦАДКИНЪ

Отъ Возрожденія до конца 19-го вѣка — иными словами отъ Микель Анжело до Родена, если сразу назвать двѣ вершины очень длительнаго, но въ сущности не знавшаго коренныхъ измѣненій, развитія — скульптура не переставала быть искусствомъ лѣпки. Цадкинъ одинъ изъ тѣхъ кто ее возвращаетъ къ той концепціи «извлеченія идеи изъ куска», которую она лучше бы никогда не оставляла. Я не собираюсь изслѣдовать какими путями вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими художниками его направленія онъ пришелъ къ этой смѣлой концепціи. Для этого пришлось бы разбираться въ слишкомъ сложныхъ вліяніяхъ: открытіе Европой негритянскаго искусства и другихъ такъ называемыхъ «примитивныхъ» искусствъ, возвратъ многихъ художниковъ къ готической идеѣ, возродившійся интересъ къ народной скульптурѣ, совершенно новое пониманіе назначенія и судебъ пластическаго искусства. Мнѣ достаточно только указать на важность этого движенія истинно - революціоннаго въ моментъ своего совершенія, хотя и здѣсь, какъ во многихъ другихъ областяхъ, революція частично была только возвратомъ къ традиціи заброшенной въ продолженіи слишкомъ долгаго времени.

Скульптура, сильнѣе чѣмъ живопись связанная матерьяломъ и поэтому болѣе косная, наконецъ увидѣла новые горизонты, которые и не снились мѣсильщикамъ глины и чеканщикамъ послѣднихъ столѣтій. Такъ какъ еще больше чѣмъ академическая живопись — въ которой несмотря на злую волю художника и все что онъ дѣлаетъ чтобы оттолкнуть насъ своею преданностью рутинѣ, всетаки краски иногда даютъ намъ немного неожиданности и радости — традиціонная скульптура со своими застывшими тѣлами, условными позами и безжизненными жестами, со своей манерой выявленія по самой своей природѣ жесткой и скудной, бѣдной даже въ намѣреньяхъ, не доставляетъ намъ ничего кромѣ скуки. Чаще всего эта манера ограничена съ одной стороны скуднымъ и мелочнымъ реализмомъ, съ другой — надоѣвшимъ наивнымъ и поддѣльнымъ символизмомъ. Сверхъ того, техническіе вопросы и всѣ охватываемые ими чисто - профессіональные пріемы господствуютъ въ ней до та-

кой степени, что совершенно лишають искусство превращенное въ ремесло того широкаго отклика, которое оно встрѣчало когда - то.

Ни въ комъ изъ нашихъ скульпторовъ ,сочетаніе современныхъ качествъ съ могучей традиціей (не школьной, но человѣческой, не застывшей, а свѣжей) не выразилось такъ полно и такъ неотразимо убѣдительно, какъ въ Цадкинѣ. Его искусство въ одно и тоже время — «коренастое» и тонкое, крѣпкое и гибкое, разсудочное и интуитивное. Самую глубокую свою самобытность онъ черпаетъ именно изъ этого необыкновеннаго соединенія противорѣчивыхъ данныхъ. Совершенно не заботясь о вымѣренномъ циркулемъ «совершенствѣ» и объ условной «гармоніи», презирая холодную законченность предписываемую академическими канонами, онъ если и не создалъ своего жанра, то по крайней мѣрѣ возстановилъ традицію, вѣковую традицію начатую примитивами и до сихъ поръ еще существующую у «дикихъ» народовъ. Онъ внесъ въ современное искусство новую технику, все значеніе которой только еще начинаетъ выявляться. Простой, прямой и болѣе связанный съ народными традиціями, чѣмъ съ учеными рецептами и поэтому многимъ кажущійся «варваромъ» — Цадкинъ сумѣлъ почти полностью освободиться отъ классическаго греческаго идеала, не перестававшаго со времени Возрожденія черезъ уроки и вліянія Школы воздѣйствовать на нашу скульптуру. Пристально изучая творчество Цадкина невольно думаешь о самыхъ чистыхъ и патетическихъ выраженіяхъ скульптуры: скульптура египтянъ и ассирійцевъ, скульптура нашихъ строителей соборовъ, туземцевъ Африки и Америки, крестьянъ въ русской или баварской деревнѣ вырѣзающихъ по дереву свои священныя видѣнія и буколическія сцены своего быта. Мы чувствуемъ себя за сотни верстъ отъ нашихъ напыщенныхъ академій и мастерскихъ, отъ всего что подчиняется искусственности и рутинѣ, холодному сходству и пустой аллегоріи. И тогда спрашиваешь себя не отъ этихъ ли именно ремесленниковъ и рабочихъ честныхъ и смиренныхъ передъ Богомъ и жизнью, сильныхъ только собственнымъ опытомъ, и отъ тѣхъ, кто, благодаря какому то чуду, чувствуютъ и работаютъ какъ они, мы должны ждать обновленія и возстановленія того захирѣвшаго искусства какимъ стала скульптура.

Если бы во что бы то ни стало стараться опредѣлить вліянія подъ которыми находился Цадкинъ, во всякомъ случаѣ, въ своихъ первыхъ работахъ, то чаще всего онъ заставляетъ насъ вспоминать негровъ. Я имѣю въ виду не какую либо его опредѣленную статую, которую можно было бы разсматривать

какъ близкую къ еле обтесаннымъ языческимъ идоламъ хранящимся въ нашихъ этнографическихъ музеяхъ — напримѣръ очень «африканская» композиція его грандіознаго «Пророка» —, а самое глубинное основаніе его творчества, самое его вдохновеніе и характеръ исполненія. Я тороплюсь прибавить, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о слѣдующемъ за модой умышленномъ подражаніи чернымъ. Самое большее что можно подмѣтить въ томъ или иномъ его замыслѣ, въ той или иной чертѣ — это какую то тайную связь, невольную аналогію, совершенно непреднамѣренную и проистекающую изъ нѣкоторыхъ общихъ началъ.

По мѣрѣ того какъ онъ продолжалъ свои поиски, по мѣрѣ того какъ въ Парижѣ созрѣвало и обновлялось его видѣнье, и онъ изслѣдовалъ Францію подолгу, останавливаясь передъ романскими и готическими соборами, его искусство «европеизировалось». Экзотическая оболочка спадаетъ. Исчезаетъ постепенно вкусъ къ русскому фольклору. Голосъ готическихъ мастеровъ слышится съ большей силой. Нѣкоторыя послѣднія бронзы Цадкина — «Женщина съ птицей», «Актриса» — стоятъ гораздо ближе, чѣмъ это думаютъ къ скульптурамъ Реймса или Амьена (Amiens). Новое средневѣковье, многими теперь предвѣщаемое, цвѣтетъ въ легендѣ его творчества.

Въ его статуяхъ мы не найдемъ той разбитой на куски поверхности и обломанныхъ плоскостей, которымъ не поколебался приносить жертвы даже такой большой художникъ какъ Роденъ; не найдемъ мы и слишкомъ мягкихъ изгибовъ по которымъ свѣтъ скользитъ и, разсѣиваясь исчезаетъ. Цадкинъ сводитъ свое построеніе къ строгому геометрическому профилю. Онъ почти полностью изгоняетъ волнистыя линіи. Большія, но вовсе не одеревенѣлыя вертикали рождаютъ методическое и тѣмъ неменѣе живое строеніе. Онъ соблюдаетъ самую строгую экономію средствъ. Тайна этого творца въ томъ, что онъ совершенно не теоретикъ.

Цадкинъ останавливаетъ сразу планъ своихъ композицій и опредѣляетъ расположеніе фигуръ, въ соотвѣтствіи съ окончательнымъ порядкомъ. Съ перваго взгляда его творчество кажется краткимъ: вовсе не нужно долго передъ нимъ останавливаться чтобы увидѣть его полноту, сразу ощутимую пре-

лесть, живой ритмъ. Самые острые изломы исполнены напряженной внутренней силой, насыщенной веществомъ, упругой и упорной, которая ихъ стилизуя въ тоже время не перестаетъ ихъ дѣлать живыми. Это именно и есть та «сюрреальность», которую мы такъ любимъ проповѣдывать, столь же чуждая подражательности натурализма, какъ и отвлеченности.

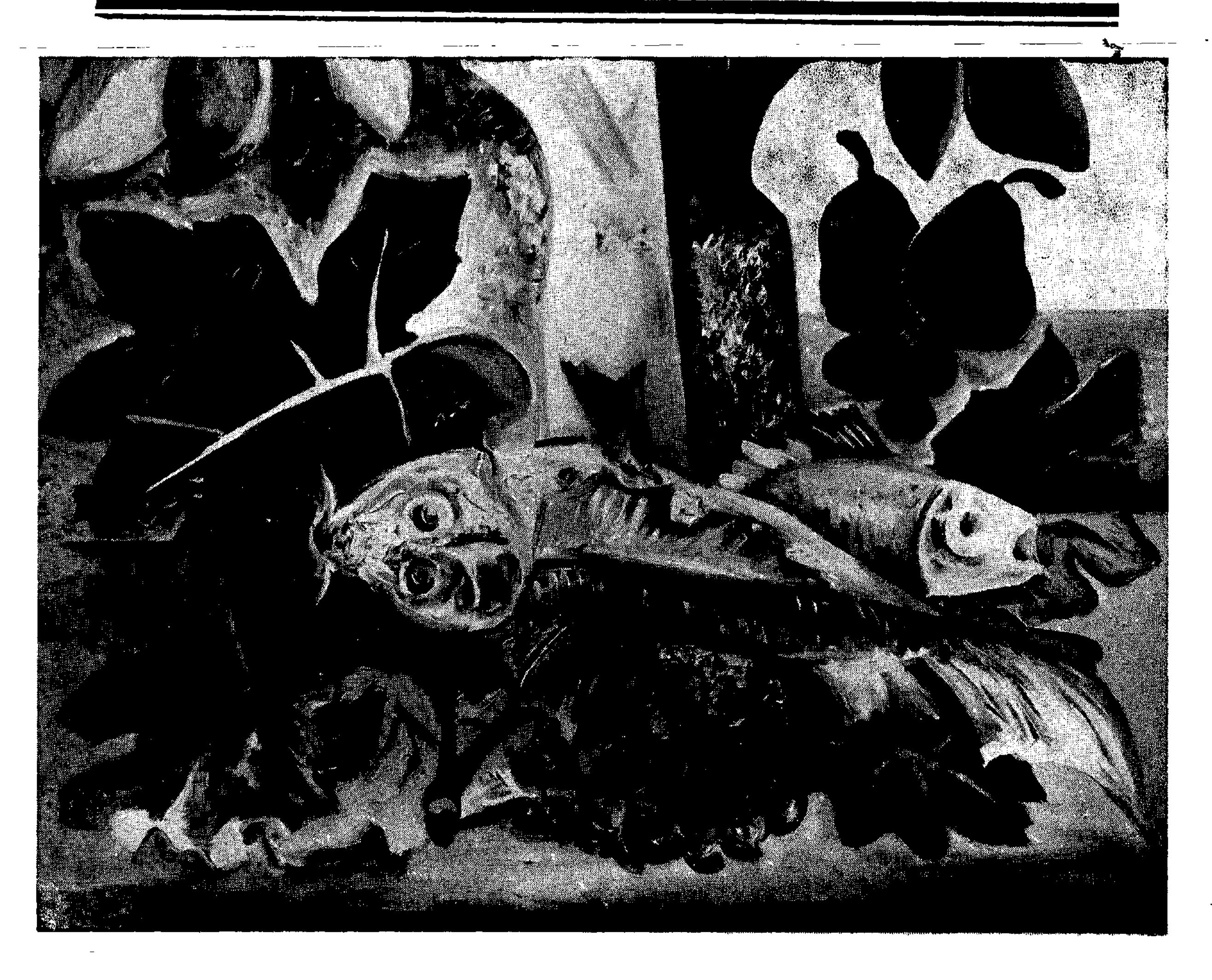
Не малую отраду даетъ намъ Цадкинъ своимъ мужественнымъ и крѣпкимъ талантомъ, среди полнаго упадка столь плачевно разслабленнаго искусства какимъ стала скульптура, — показъ красивыхъ деталей, сладострастныхъ формъ, красивости, искусно достигнутой, но худосочно - жантильной и напыщенно - манерной. Творчество же Цадкина исполнено силы и выразительности. И, хотя оно ограничиваетъ себя самымъ существеннымъ, нѣсколькими опредѣляющими линіями, скорѣе «вызывающими» образы чѣмъ описывающими, и сводитъ линіи облика человѣка или животнаго къ ихъ простѣйшему выраженію, оно не становится отъ этого менѣе полнымъ. Впрочемъ форма для Цадкина — средство, а не цѣль. Не такъ же ли какъ граціозность деталей и замысловатую многопланность, онъ отвергаетъ и похожесть и «анекдотъ»? Нужно помнить, что для него статуя — всегда статична. Стремясь къ равновѣсію, онъ сочетаетъ и сгущаетъ до предѣла пластическія слагаемыя, которыми онъ пользуется. По счастью всѣ части его твореній слагаются согласно строгому предначертанію и сочетаясь дополняютъ другъ друга. Создаваемыя имъ группы неизмѣнно отличаются тѣмъ единствомъ, которое онъ, какъ мало кто — умѣетъ осуществлять съ такой полнотой.

ПОЛЬ ФИРЕНСЪ
РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ «ПАРИЖСКОЙ ШКОЛЫ»

Мы распредѣляемъ художниковъ по школамъ, семействамъ, націямъ. Мы ихъ группируемъ. Они группируются часто уже сами по себѣ — 19-ый вѣкъ былъ вѣкомъ анализа, — и индивидуализма. Нашъ же является вѣкомъ наскоро построенныхъ, временныхъ синтезовъ, системъ, теорій. Рѣдкій критикъ противостоитъ искушенію попробовать передѣлать по своему исторію всего искусства, если не всю философію искусства.

Есть въ Парижѣ, въ этой столицѣ живописи, одинъ эстетическій комплексъ, — цѣлый водоворотъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ талантовъ, — который никому не удалось объединить какимъ нибудь основнымъ принципомъ или свести къ единому міровоззрѣнію. Ему дали названіе «парижской школы», — названіе, которое опредѣляетъ явленіе, но не заключаетъ въ себѣ никакой доктрины и удерживается лишь благодаря своему «удобству».

«Парижская школа», вторая школа этого имени, отражаетъ тотъ же космополитизмъ, что и первая, существовавшая въ концѣ XIV в. Нѣкоторые «примитивы» — напр. Андрэ Боневе — иллюстраторы того времени, и анонимный мастеръ Parement de Narbonne, работавшіе въ царствованіе Карла V-го, — восприняли и соединили въ себѣ вліянія мастеровъ Сіены, Кельна и Фландріи, ничуть не измѣняя этимъ искусству своей родины (въ чемъ позднѣе упрекалъ одинъ молодой критикъ Клода Монэ). Они не отклонились также отъ «Королевскаго пути», отмѣченнаго въ прошломъ столѣтіи вѣхами шедевровъ готической скульптуры. Никто не ставилъ въ упрекъ этимъ «парижанамъ» ихъ провинціальное происхожденіе. А вѣдь Валансьенъ и Дижонъ въ ту эпоху были такъ же удалены отъ Парижа, какъ теперь Москва, Ленинградъ, Одесса... Пусть простятъ намъ эту оглядку. Намъ кажется очень важнымъ подчеркнуть, что въ «живомъ искусствѣ», гдѣ соприкасаются столько различныхъ теченій, возможно было бы выдѣлить русское теченіе, точно такъ же какъ въ «интернаціональномъ» искусствѣ 14-го вѣка или въ Авиньонской школѣ 15-го вѣка легко было бы опредѣлить повторность и интенсивность вліяній, пришедшихъ съ сѣвера или съ юга.

Гончарова. Рыбы. *Gontcharova. Poissons.*

Есть особое электричество Востока, которое вспыхиваетъ молніями, разсыпается искрами, или вливается въ сѣть проволокъ и кабелей, и батареи аккумуляторовъ — мы подразумѣваемъ Кубизмъ въ его наиболѣе конструктивныхъ формахъ — гдѣ его энергія видоизмѣняется. Есть русскіе художники. Есть несомнѣнно русское искусство (здѣсь не мѣсто говорить о его отличительныхъ чертахъ).

И есть смѣсь, иногда удачная, пережитковъ разныхъ традицій — византійской классической, романтической, такъ какъ въ концѣ концовъ формы искусства, его нюансы и его языкъ не имѣютъ обязательной связи съ категоріями національностей.

— Сильно усложняютъ вопросъ, и безъ того трудный и сложный, расо-

выя соображенія. Французъ, конечно, слишкомъ склоненъ къ обобщеніямъ. Но онъ знаетъ все же, что смѣшивать сѣверъ и югъ Россіи — это то же, что непосредственно соединить Балтійское море съ Чернымъ, и его невѣжество въ географіи не достигаетъ такихъ размѣровъ. Кромѣ того, сколько евреевъ среди парижскихъ русскихъ?

Возьмемъ «случай Шагала», одинъ изъ наиболѣе значительныхъ, такъ какъ дѣло идетъ одновременно о самомъ оригинальномъ, съ нашей точки зрѣнія, художникѣ молодой Россіи, и о томъ, кого приняла Франція съ наибольшимъ энтузіазмомъ. Намъ кажется, что слѣдуетъ различать въ его творчествѣ отчасти вліяніе Россіи и отчасти — гетто. Россія: воспоминаніе о поразительныхъ «экспрессіонистическихъ» иконахъ, гдѣ чудо разсматривается какъ явленіе естественное. Еврейство: вдохновеніе, сюжетъ и его поэзія.

Хорошо. Но это не объясняетъ еще Шагала, т. к., въ концѣ концовъ, надо объяснять художника только имъ самимъ. Когда, по поводу лондонской выставки, былъ поднятъ вопросъ, существуетъ ли «французяское искусство», историки и эстеты строили свои выводы исходя изъ творчества Пуссэна или Ленэна.

Стоитъ ли повторяться? Если мы восхищаемся творчествомъ Луи Ленэна, то потому ли, что этотъ великій художникъ — французъ, или потому что, этотъ французъ — великій художникъ?

Я вѣрю въ личность, я вѣрю въ геній. Я вѣрю, что Шагалъ есть Шагалъ, потому что онъ — Шагалъ. Гипнотизируя насъ формулами, критики часто теряютъ изъ виду художника и его твореніе.

⁂

Среди русскихъ Парижа я вижу разныя группировки: 1) художники-поэты (Шагалъ, Генинъ), для которыхъ въ краскѣ, главномъ выразительномъ матеріалѣ, заключено какое-то магическое свойство. Тона и полу-тона измѣнили обычный порядокъ на ихъ палитрѣ. Они хотятъ чистыхъ тоновъ, чарующихъ или мощныхъ аккордовъ, которые значительны сами въ себѣ, музыкальныхъ гармоній, обычно лишенныхъ радости. 2) Лирики, болѣе безпокойные, — большей частью тоже евреи, лихорадка которыхъ заразительна, но которые, въ умѣренномъ климатѣ Ile de France излѣчиваются иногда отъ одержимости, крѣпнутъ, проясняются, обновляются въ нѣжности, въ утонченности. Я имѣю въ виду покойнаго Минчина, Терешковича, художника этой группы колористовъ наиболѣе испытавшаго вліяніе французской школы, наконецъ Блюма и Пуни. 3) Декораторы, частью вѣрные традиціи; ихъ творчество — это балеты Дягилева, съ которыми навсегда связаны имена Гонча-

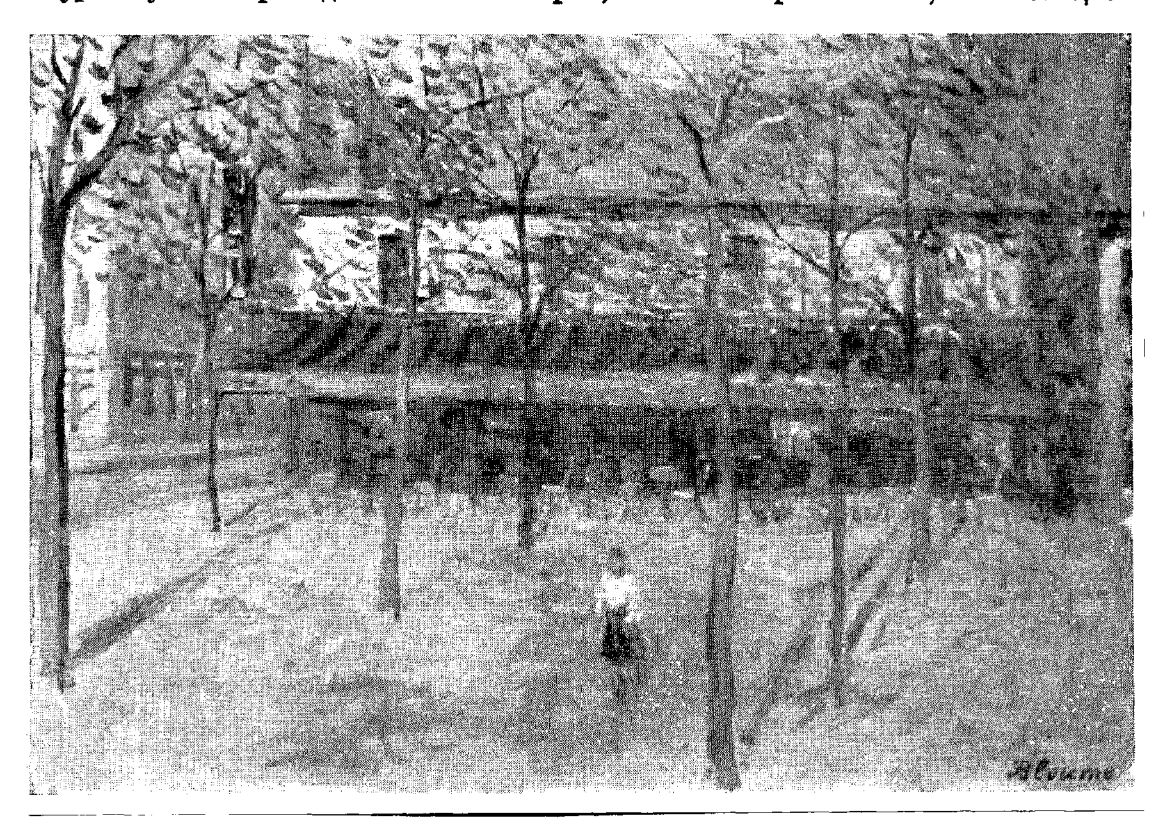

Ланской. Казармы *Lanskoy. Casernes.*

ровой, Ларіонова. 4) Художники, болѣе всѣхъ предыдущихъ покоренные «фрнацузской манерой» и матеріаломъ, имена которыхъ, если бы мы не знали ихъ происхожденія, были бы занесены на золотую доску молодой французской живописи. 5) Нѣсколько классиковъ, наконецъ, о которыхъ мы скажемъ слово въ концѣ. — Вотъ рамки. Можно ихъ считать нѣсколько растяжимыми. Надо избѣгать излишней систематизаціи. Помѣщайте же гдѣ хотите, независимыхъ, какъ напримѣръ, Мане-Каца, Кремня, Ланского, Добринскаго или Ларіонова съ его утонченными бежевыми нюансами. Всѣ они — чего пришли они искать въ Парижѣ? Того, чего до 19-го вѣка художники искали въ Римѣ: школы, — и свободы. Противорѣчіе между этими двумя терминами лишь кажущееся. Есть потребность въ климатѣ свободы (здѣсь идетъ рѣчь только о свободѣ интеллектуальной и эстетической, чтобы узнать свои собственныя

возможности и найти свою собственную дисциплину, которая позволитъ полностью выявить себя).

Парижская школа: бульонъ культуры самыхъ разнообразныхъ культуръ. Русскіе приходятъ со своей вѣрой, со своей страстностью, съ мистицизмомъ дѣйствительно прожитой жизни, со своими надеждами. Они не встрѣчаютъ никакихъ преградъ, но передъ ними открывается много путей. 19-ый вѣкъ преодолѣлъ всѣ свои кризисы; 20-ый же создалъ свои — отчасти сознательно, искусственно — и не все еще умерло въ романтизмѣ, натурализмѣ, импрессіонизмѣ, фовизмѣ, кубизмѣ, сюрреализмѣ. Все снова можетъ ожить, на поляхъ «изм'овъ», надъ ними, — во всемъ этомъ живой человѣкъ признаетъ своими тѣ стремленія, чувства, фантазіи, которые соотвѣтствуютъ его идеалу, или его темпераменту.

Блумъ. Пейзажъ. *Bloume. Paysage.*

— Какой русскій лишенъ идеала, темперамента? Онъ подходитъ къ своему видѣнію, извлекая пользу изъ безчисленныхъ опытовъ, произведен-

Гозіассонъ. Рисунокъ. *Hosiasson. Dessin.*

ныхъ Франціей. Вѣдь Франція предлагаетъ всей Европѣ не столько образцы для подражаній, сколько примѣры разныхъ подходовъ къ природѣ, а также цѣлый словарь, вѣрнѣе словари, синтаксисы, «теорію словесности», въ сокровищахъ которыхъ каждый можетъ найти то, что ему необходимо, чтобы выразить себя.

Догматизмъ, который довольно часто встрѣчается въ критикѣ, отсутствуетъ въ искусствѣ. Меньше всего его въ произведеніяхъ Пикассо, Матисса, Пьера Боннара. Я намѣренно привожу имена этихъ трехъ художниковъ, вліяніе которыхъ (вмѣстѣ съ Утрилло, Руо, Дереномъ, Бракомъ, Модигліани и Вламинкомъ) мнѣ кажется рѣшающимъ для «парижской школы». Даже Шагалъ, который со своей стороны оказываетъ вліяніе не меньшее, чѣмъ эти художники, воспринялъ все же уроки Франціи, поддался ея очарованію, и не безъ пользы для себя.

*
**

Когда говорятъ о французскомъ искусствѣ, и о Франціи вообще, не слѣдуетъ замыкаться въ предѣлахъ настоящей эпохи. Прошлое сохраняетъ свой престижъ,свое вліяніе и свое дѣйствіе. Живущій въ Парижѣ русскій художникъ иногда болѣе пораженъ произведеніями Сезанна, Делакруа и Пуссена, чѣмъ творчествомъ Пикассо и Матисса. Изъ множества размышленій и споровъ въ данное время выдѣляется, становится все болѣе и болѣе точнымъ, понятіе о французскомъ классицизмѣ и всемірномъ гуманитаризмѣ. Мы знаемъ многихъ молодыхъ русскихъ художниковъ, которые охотнѣе идутъ въ Лувръ, въ залы 17-го и 19-го вѣка, чѣмъ въ галлереи rue de la Seine и rue de la Boëtie. Назовемъ Евгенія Бермана, Леона Зака, Филиппа Гозіассона, Леонида, Челищева. — Перечислить эти имена — значитъ напомнить людямъ разсѣяннымъ, вѣчно спѣшащимъ, модернистамъ, которые видятъ опасность всегда справа, — что быть можетъ «возвращеніе къ человѣку», во всякомъ случаѣ, возвращеніе къ здоровымъ живописнымъ пріемамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ пониманію очевиднаго соотвѣтствія между комбинаціей формъ и красокъ и связью мыслей и чувствъ, — уже намѣчается и обѣщаетъ дать толчокъ, базу для обновленной живописи въ ея полномъ расцвѣтѣ души и тѣла. Если это дѣйствительно случится завтра, то нужно будетъ признать, что усилія въ этомъ направленіи пяти - шести русскихъ, испытавшихъ на себѣ обаяніе голубой эпохи Пикассо и творчества Кристи или Берара, — оказались рѣшающими, сознательными и, до нѣкоторой степени, объединенными. Надо было бы также признать, что нигдѣ, кромѣ Парижа, эти усилія не смогли бы дать такихъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ, крайне утѣшительно констатировать, что въ часъ когда все человѣчество коллективно поклоняется ложнымъ богамъ механизаціи, колѣнопреклоненное передъ тракторомъ, — кучка русскихъ, окончательно сроднившихся съ Парижемъ, при содѣйствіи Франціи — идеальной наслѣдницы Рима и Греціи — стараются спасти нѣкоторыя драгоцѣнныя основы и достиженія культуры, которая могла бы — пожелаемъ этого — вновь стать общеевропейской.

Мы очень далеки, неправда - ли, отъ той Россіи, которую слишкомъ часто называютъ азіатской и отъ тѣхъ русскихъ, которымъ многіе думаютъ польстить, называя ихъ «молодыми ѣарварами».

КН. СЕРГѢЙ ВОЛКОНСКІЙ

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОНЪ

Современный французскій драматическій театръ за послѣдніе годы далъ въ развѣтвленіи своего ствола новый ростокъ. Такъ называемый «авангардъ» («передовичество») въ своемъ разнообразіи опредѣляется болѣе всего направленіемъ, указаннымъ итальянскимъ драматургомъ, имя котораго сообщилось и самому направленію. «Пиранделизмъ» заразилъ французское драматическое творчество своимъ смѣшеніемъ вымысла съ реальностью, прошлаго съ настоящимъ и даже съ будущимъ. Самъ изобрѣтатель этого типа пьесъ, по нашему мнѣнію, не пошелъ дальше въ этомъ направленіи, чѣмъ его знаменитая драма «Шестеро въ поискахъ автора». Здѣсь было настоящее, равноправное смѣшеніе, ставившее и насъ, и дѣйствующія лица въ одинаковое состояніе «неразберихи» между вымысломъ и дѣйствительностью. Такого полнаго, одурманивающаго наше сознаніе воздѣйствія мы уже не испытали ни у самого Пирандэлло, ни у его французскихъ подражателей.

Французскій театръ еще прибавилъ къ этому сосѣдству потусторонняго съ посюстороннимъ элементъ переселенія душъ. Года два тому назадъ была пьеса, въ которой духъ жены вселяется въ гувернантку, чтобы мстить мужу... Въ нынѣшнемъ сезонѣ типичная въ этомъ отношеніи пьеса «Бифюръ» («Перекрестокъ») Гантійо, автора столь долго продержавшейся и въ переводахъ обошедшей всѣ европейскія сцены «Майи». Дѣвушка умираетъ отъ наплыва чувствъ въ ту самую минуту, когда любимый ею человѣкъ признается ей въ любви. Онъ неутѣшенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что о н а живетъ въ д р у г о й. Онъ начинаетъ ее искать, находитъ и привозитъ къ себѣ. Рядъ сценъ, въ которыхъ она руководится смутными воспоминаніями, «узнаетъ» свою же собственную фотографію, музыкальную пьесу, которую та, прежняя когда - то играла... Такими, въ сущности весьма «плоскодонными», пріемами авторъ думаетъ навязать зрителю ощущеніе потусторонности и также осязаемости метампсихическаго процесса. Здѣсь являются на подмогу «эффекты» освѣщенія, полутѣни, зрительныя и слуховыя неясности... Пьеса шла въ театрѣ Монпарнассъ, подъ режиссурой такого мастера, какъ Бати, и

при исполненіи главной роли тою же Маргаритой Жамуа, которая играла Майю. Нельзя было сдѣлать большаго для осуществленія иллюзіи, и однако пьеса не вышла за предѣлы дидактической демонстраціи, заранѣе поставленной себѣ авторомъ теоріи. Мнѣ думается, что каждая новая пьеса въ этомъ родѣ только еще ближе подводитъ этотъ родъ сценическаго творчества къ неизбѣжному концу. Потустороннее нельзя показывать, и приведеніемъ потусторонняго міра въ рамки простой и простоватой трехмѣрности нельзя заставить повѣрить въ то взаимопроникновеніе здѣшняго и нездѣшняго міра, которое авторы силятся сдѣлать осязательнымъ и несомнѣннымъ.

Въ общемъ, какой бы подходъ ни выбирали авторы къ сценическому воплощенію потусторонняго міра, — реалистическій ли, символическій ли, на почвѣ ли спиритизма или гипнотизма, — этотъ театръ всегда остается какъ-то въ сторонѣ отъ настоящаго драматическаго движенія. Остается въ сторонѣ, потому что онъ внѣ жизни, внѣ того, что составляетъ истинный, всегдашній, «вѣчный» интересъ всякаго театра, всякаго искусства.

Другая струя современнаго театра — то, что можно бы назвать «историческая, да не совсѣмъ». Историческія темы переносятся въ плоскость фантазіи. Онѣ становятся «мотивомъ», а не фактическимъ содержаніемъ. Иногда только внутренніе двигатели пьесы «историчны», — изображаются революціи, борьба партій. Обычно такого рода пьесы «локализируются» въ какомъ-нибудь балканскомъ несуществующемъ государствѣ. Такое удаленіе отъ истинныхъ фактовъ, отъ настоящихъ историческихъ именъ является своего рода «пропускомъ» для выдумокъ автора, и пьеса, такъ сказать, «завѣдомо» ложно - историческая, есть ничто иное какъ вырванная изъ дѣйствительности картина идей. Но есть пьесы, которыя не порываютъ съ историческими нитями, привязываются къ событіямъ дѣйствительно имѣвшимъ мѣсто, къ именамъ иной разъ яркими буквами вписаннымъ въ исторію. Тогда получается какой - то гибридный родъ историческихъ апокрифовъ въ драматической формѣ. Когда форма держится въ рамкахъ фарса, (какъ напримѣръ въ опереточной «Екатеринѣ Маленькой» Савуара), можно оставить въ сторонѣ аргументы исторической критики и перенестись на почву исключительно эстетической благопристойности; но когда драма принимаетъ формы «настоящаго» театра, того, что французы называютъ « grand théâtre », тогда и отношеніе къ произведенію должно стать на почву болѣе серьезныхъ требованій.

Типичнымъ произведеніемъ этого рода является «Юдифь» Жироду, поставленная театромъ Пигалль со всѣмъ арсеналомъ своихъ машинныхъ и

свѣтовыхъ приспособленій. Авторъ нашумѣвшаго два года тому назадъ «Зигфрида» написалъ, по формѣ, героическую драму. Но она вся насквозь проникнута антигероическимъ духомъ. Она развѣнчиваетъ древне - еврейскую героиню; ее до извѣстной степени можно назвать «Юдифь наизнанку» (подобно существовавшей когда - то опереткѣ «Фаустъ наизнанку»). Юдифь, по мысли автора, убила Олоферна не изъ патріотизма, а «изъ любви», — въ припадкѣ любовнаго садизма. Узнаютъ объ этомъ два жреца, случайно подслушавшіе ея разговоръ съ пьянымъ солдатомъ. Солдата, какъ нежелательнаго «свидѣтеля», убиваютъ по распоряженію духовнаго начальства. Почему сама Юдифь въ этомъ случаѣ остается внѣ политической «нежелательности», изъ пьесы не видно, но имя ея передается будущимъ поколѣніямъ съ ореоломъ героической жертвы ради своего народа. Такимъ образомъ, «легенда» есть вымыселъ духовенства. Врядъ ли г. Жироду задается цѣлью опрокинуть легенду, или возстановить историческую истину. Въ немъ одна забота: дать героическую комедію. Однако героизмъ, въ концѣ концовъ, совершаетъ актъ самоубійства, такъ какъ идетъ все время противъ себя; комизмъ же слишкомъ мелокъ для задуманнаго авторомъ масштаба и для той рамки, въ которую его пьеса поставлена театромъ Пигалль. Опереточныя черточки лишены смѣхотворящаго начала. Когда говорятъ о «пріемномъ днѣ» Юдифи, о ея «чаѣ», о щипчикахъ для сахара, когда библейскія рѣчи пересыпаются намеками на современныя политическія и партійныя теченія, — какого иного отвѣта можно ждать отъ зрителя, кромѣ недоумѣнія?

Мы несравненно больше цѣнимъ такое отношеніе къ исторіи, какое показалъ въ своей пьесѣ «Царь Ленинъ» Поршэ. Отлично знающій Россію, много въ Россіи жившій и работавшій, говорящій по русски, самъ видѣвшій и на себѣ испытавшій революцію, этотъ авторъ облекъ свою драму въ аллегорическія формы, но вся канва строго слѣдуетъ историческому ходу событій. Аллегоричность выбрана для изображенія классовъ и партій, — каждое лицо есть «представитель», и они то поперемѣнно, то всѣ заразъ появляются въ видѣ античнаго хора. Они проводятъ событія свершившіяся или имѣющія совершиться сквозь оцѣнку не только партійную, но и общечеловѣческую, нравственную. Смѣлая, сильная, честная пьеса Поршэ была блистательно поставлена Дюленомъ въ театрѣ Ателье.

Уклонъ въ сторону вышучиванія, «обопереточенія» формъ и явленій жизни сказался и въ другой пьесѣ, принятой къ постановкѣ театровъ Пигалль. Разумѣю комедію Жюля Ромэна «Король въ маскѣ». Пьеса громоздкая, со всѣмъ аппаратомъ «большихъ» пьесъ и съ значительнымъ арсеналомъ мыслей,

философскихъ умозаключеній въ области политики и соціальныхъ условій современности, но при этомъ съ заданіями самаго легкаго опереточнаго пошиба. Молодой король несуществующей страны ѣдетъ повеселиться въ Парижѣ, попадаетъ въ сѣти магазинной продавщицы, привозитъ ее съ собой въ свою столицу, одѣваетъ ее въ мундиръ морского офицера для отвода глазъ королевы. Что тутъ происходитъ, можно себѣ вообразить, но при всемъ желаніи трудно найти въ пьесѣ что - нибудь оправдывающее ея постановку въ театрѣ съ серьезными заданіями. Имя автора? Но онъ отошелъ именно отъ всего того, что сдѣлало ему имя...

Если пьеса Жюля Ромэна представляетъ какое - то возвеличеніе житейской пошлости, то другая пьеса, хотя и придаетъ жизни такія формы выразительности, которыхъ у нея не бываетъ, но зато п р е о б р а ж а е т ъ жизнь до такого уровня «неизреченности», что дѣйствительность какъ будто переходитъ въ область несуществующаго. Это пьеса Рэналя «Подъ солнцемъ инстинкта», шедшая въ театрѣ Эвръ. Чрезвычайно интересная пьеса по построенію. Всего три лица: два брата и жена одного изъ нихъ. Мужъ пересталъ любить, а жена завлекаетъ другого брата. Особенность пьесы — необыкновенная откровенность въ отношеніяхъ этихъ трехъ. Однако это кольцо не спаяно: прорѣха въ отношеніяхъ мужа и жены. Неженатый братъ выдаетъ «игру» жены и добивается того, что она вынуждена оставить домъ. Написана эта пьеса великолѣпнымъ языкомъ; это лучшій образецъ настоящей классической французской рѣчи. Примѣненіе такой рѣчи къ обыденной жизни удивляетъ, озадачиваетъ, даже утомляетъ, и тѣмъ не менѣе произведеніе это остается замѣчательнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ образцомъ французской мысли и французской рѣчи въ возвышенномъ планѣ философскаго мышленія.

Рядомъ съ этими примѣрами пьесъ «авангарднаго» характера встаетъ многочисленный рядъ пьесъ такъ называемой комедіи нравовъ, — собственно, театръ «добраго стараго времени», но съ необыкновеннымъ разнообразіемъ пріемовъ. Приходится изумляться находчивости, съ какою авторы уснащаютъ все тотъ же старинный «адюльтэръ». Тутъ перечень немыслимъ. Скажу, что сезонъ открылся очаровательной пьесой этой категоріи, «По линіи сердца» молодого, еще совсѣмъ неизвѣстнаго автора Клода Пюжэ (театръ Мишель). Интересъ ея былъ поднятъ участіемъ въ главной роли актера Фрэнэ, того, который такъ выдвинулся въ «Блуждающей Расѣ», пьесѣ того же Поршэ, который написалъ «Царь Ленинъ». Онъ же, Фрэнэ, выдѣлился, и съ еще большей силой, въ пьесѣ «Эрмина» Ануиля. Эта пьеса двадцатилѣтняго автора выводитъ юношу, который, чтобы доставить своей возлюбленной удобства ро-

скошной жизни, убиваетъ ея богатую тетку. На фонѣ этого мало вѣроятнаго заданія авторъ строитъ замѣчательно интересныя положенія. Вообще, не въ выдумкѣ сюжета сила нынѣшнихъ французскихъ драматурговъ, а въ разнообразномъ, находчивомъ, остроумномъ использованіи своего иногда и тощаго драматическаго заданія.

Къ перечисленному можемъ прибавить рядъ пьесъ «полицейскаго» характера, съ допросами, процессами. Здѣсь не безъ вліянія кинематографа, который любитъ преступленія и который, своими возможностями къ быстрымъ перемѣнамъ, вліяетъ и на архитектуру драматическихъ произведеній въ смыслѣ дробленія пьесы на «картины». Это направленіе театра не типично-французское; оно навѣяно вліяніемъ англійскимъ и американскимъ. Настоящая жизнь французскаго театра въ «комедіи нравовъ». Здѣсь выдумка авторовъ и разнообразіе исполнителей неизсякаемы. Глядя на этотъ репертуаръ, приходишь къ убѣжденію, что неосновательны толки о«кризисѣ театра». Преобладаніе кинематографа коренится въ причинахъ чисто экономическаго характера, и въ концѣ концовъ у театра одинъ лишь «врагъ», — это онъ самъ, когда онъ плохъ. Этого врага у французскаго театра нѣтъ.

Зощенко и Гоголь.

Недавно, въ одной изъ эмигрантскихъ газетъ, появилась перепечатка разсказа Зощенки «Мудрость». Вѣроятно, это новый разсказъ — по крайней мѣрѣ въ до сихъ поръ вышедшихъ сборникахъ разсказовъ Зощенки его, если не ошибаюсь, нѣтъ. Это исторія человѣка, котораго авторъ называетъ своимъ родственникомъ, Иваномъ Алексѣевичемъ Зощенко, жившимъ до революціи. У Ивана Алексѣевича была какая - то любовная исторія, послѣ которой онъ втеченіе одиннадцати лѣтъ жилъ какъ затворникъ; затѣмъ внезапно почувствовалъ какой - то приливъ бодрости. Онъ приводитъ въ порядокъ свою запущенную квартиру, сзываетъ прежнихъ своихъ пріятелей на пирушку ; но за нѣсколько минутъ до ихъ прихода умираетъ отъ удара. Это новый у Зощенки сюжетъ. Это гротескъ, изображеніе смѣшного въ трагическомъ или трагическаго въ смѣшномъ — гоголевское заданіе. Иванъ Алексѣевичъ еще пошлѣе, еще безличнѣе, чѣмъ Акакій Акакіевичъ, загадочная исторія его затворничества совершенно безсмысленна; его попытка «возрожденія» изображена сплошь комическими чертами — и вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе отъ коротенькаго разсказа все-же — впечатлѣніе ужаса. Все дѣло здѣсь въ стилѣ, въ манерѣ. Повѣствованіе ведется монотоннымъ, сѣрымъ, протокольнымъ какимъ - то языкомъ*), изобилующимъ стертыми, вялыми, общими мѣстами, подчасъ новаго происхожденія, характерными преимущественно для совѣтскаго «полуинтеллигента» («въ молодые годы былъ Ив. Ал. красивый, п о л н ы й брюнетъ съ о п р е д ѣ л е н н о яркимъ, южнымъ темпераментомъ...»), а также словечками, вообще связанными съ новымъ бытомъ и нравыми («... связь эта, длившаяся съ полгода, была несчастлива, и повздоривъ изъ за своей дамы съ однимъ лицеистомъ, который при многочисленныхъ свидѣтеляхъ обозвалъ ее ш к у р о й , Ив. Ал. ударилъ т о г о по м о р д ѣ въ фойе академическаго театра, при этомъ сбилъ съ носа пенснэ и р а з б и л ъ ухо. Р е з у л ь т а т о м ъ была дуэль, которая и состоялась н а п у л я х ъ вблизи комендантскаго аэродрома»; дважды Ив. Ал. названъ «гражданиномъ»). Все это вмѣстѣ подчеркиваетъ отдаленность, бытовую и душевную, фиктивнаго разсказчика, съ которымъ отожествляетъ себя авторъ, отъ «родственника» послѣдняго, его полнѣйшее равнодушіе къ Ив. Алексѣевичу, — абсолютное н е з н а н і е о человѣкѣ, о которомъ онъ разсказываетъ. Оно выступаетъ съ тѣмъ большей выпуклостью, что разсказъ ве-

*)Всякій, почти разъ, когда упоминается второе дѣйствующее лицо, дается его точное обозначеніе: «дальняя родственница (Ив. Ал-ча) старушка Капитолина Георгіевна Шнель».

дется очень обстоятельно и т. ск. добросовѣстно: «Кое - кто изъ прежнихъ его пріятелей говорили, что будто (NB — чуть замѣтный прорывъ безграмотности) Ив. Ал. страдаетъ хроническимъ катаромъ кишечника и нервными коликами и будто бы болѣзнь наложила на него неизгладимый, скучный (NB — это великолѣпное по своей безпомощности, ненужности, вялости, скучный!) отпечатокъ».

Однако, эти черты зощенковскаго «сказа» въ Мудрости — только тѣ, которыя первыми бросаются въ глаза. Стиль гротеска долженъ отражать внутреннее противорѣчіе идеи гротеска. У Зощенки эта задача разрѣшена съ геніальной находчивостью. Разсказъ его похожъ на стихотвореніе въ прозѣ — съ раздѣленіемъ на приблизительно одинаковыя по размѣру, закругленныя рѣчевыя единицы — строфы, имѣющія общее синтаксическое строеніе и общій ритмъ. Постоянно повторяются одни и тѣ же зачины — И вотъ, И вскорѣ, Однажды, А однажды и т. под. — за этимъ обычно слѣдуетъ дѣепричастіе: И живя на одной изъ улицъ...; Однажды проснувшись поутру...; Тогда, обдумывая и поражаясь...; И говоря объ этомъ.. и т. под. Это библейскій стиль, а также и Толстовскій. Совершенно по Толстовски звучитъ фраза: «...ему хотѣлось немедленно...позвать къ себѣ всѣхъ... и сказать, что онъ попрежнему всѣхъ любитъ и хочетъ жить, потому, что онъ знаетъ теперь, что такое жизнь и какъ нужно жить». Вѣдь «Мудрость» — мистерія; «мистерія — гротескъ», но все же мистерія. Опошлѣніе тона — и смысла — мистеріи достигается опять - таки чисто стилистическимъ путемъ: однообразнымъ и притомъ совершенно безличнымъ, построеніемъ строфъ (стиль создается намѣренной безстильностью), съ монотоннымъ, усыпляющимъ сознаніе обиліемъ дѣепричастныхъ предложеній. Напримѣръ (смерть Ив. Ал.):

«Тогда, взявъ еще листъ розовой бумаги, Ив. Ал. хотѣлъ то же самое продѣлать и съ окорокомъ вечтины... какъ вдругъ... обронилъ ножницы на полъ. Нагнувшись моментально надъ ними и коснувшись уже пальцами холодной стали, онъ почувствовалъ, какъ какая - то тяжелая волна крови прилила ему къ лицу. Тряхнувъ слегка головой, онъ хотѣлъ выпрямиться, но захрипѣлъ и ничкомъ свалился на полъ, зацѣпивъ ногой за стулъ, далеко и гулко отодвинувъ его».

Синтаксическіе параллелизмы, повторенія рѣчевыхъ схемъ выполняютъ въ «Мудрости» различныя функціи, выражая различные оттѣнки одной и той - же идеи — безсмыслія, автоматизма жизни. Въ одной «строфѣ» рѣчь идетъ о старушкѣ - родственницѣ, которая начинаетъ что - то разсказывать Ив. Ал-чу и сбивается; ея слабая мысль вращается въ кругу. И строфѣ придано — и словесно и синтаксически циклическое строеніе:

«Старушка, не желая нарушать его добраго настроенія принялась также разсказывать о любви изъ собственной жизни, но вспомнивъ начало она никакъ не могла возстановить конца и спутавшись, обиженно замолчала, стараясь больше ничѣмъ не раздражать Ивана Алек-

сѣвича» (NB — мысль самаго разсказчика тоже движется здѣсь циклично!).

Аналогичный пріемъ — въ строфѣ, гдѣ идетъ рѣчь о душевной катастрофѣ Ив. А-ча и гдѣ надо показать, какъ въ сущности разсказчику она неинтересна и непонятна:

«Всѣ лучшія чувства, какъ напримѣръ: (1) благородство, (2) гордость, (3) тщеславіе — показались (1) смѣшной заботой и (2) бирюльками. А вся прелесть прежняго существованія, — (1) любовь (2) нѣжность (3) вино, — стала (1) смѣшной и (2) даже оскорбительной». И снова — какое-то сходство съ кадансомъ толстовскихъ «притчъ».

Или еще — мѣсто, гдѣ говорится, какъ гости сходятся на пирушку, — узнаютъ отъ «старушки, дальней родственницы», что Ив. Ал. умеръ, и уходятъ:

«При этомъ, проходя мимо стола, дамы брали по одной грушѣ или по яблоку, а мужчины кушали (NB: — это лакейское кушали!) по куску семги или выпивали по рюмкѣ малаги».

Вѣдь если бы повѣствователь разсказалъ, что гости усѣлись за столъ и истребили весь ужинъ, — не было бы такъ жутко и такъ отвратительно — и вмѣстѣ такъ комично. Здѣсь все дѣло именно въ этой деревянности, въ однообразіи движеній, въ мертвенности. «Гости» эти — маріонетки.

Зощенко разрабатываетъ гоголевскій пріемъ повтореній рѣчевыхъ схемъ. Напр. Городничій: Оно, конечно, заводиться домашнимъ хозяйствомъ всякому похвально...; только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично;

Также, засѣдатель вашъ — онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ...;

Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, но вы посудите сами...;

Они, конечно, люди ученые..., но имѣютъ очень странные поступки;

Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать?..

Повторенія — одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ комическихъ пріемовъ. Но обычно повторяются какія-нибудь излюбленныя «героемъ» словечки (таё), ругательства, прибаутки. У Гоголя и у Зощенки повторенія совсѣмъ иного рода. Повторяются, главнымъ образомъ, рѣчевыя схемы, которыя сами по себѣ направляютъ мысль говорящаго,—которыхъ онъ подчасъ не въ состояніи заполнить или заполняетъ чѣмъ попало. Это даетъ у Зощенки начало новому комическому пріему — обратной градаціи, которымъ онъ вообще широко пользуется въ своихъ разсказахъ. Въ «Мудрости» есть великолѣпный образчикъ этого пріема — разсужденія Ив. Ал-ча послѣ его «возрожденія»:

«Мудрость не въ томъ, чтобы людей презирать, а въ томъ, чтобы людей любить и дѣлать такіе-же поступки, какъ и они: ходить къ парикмахеру, суетиться, цѣловать женщинъ, пить, покупать сахаръ»*).

Если бы это «покупать сахаръ» стояло передъ «цѣловать женщинъ», то было бы не столь комично, «Мудрость» была бы менѣе идіотской.

---

*) Вѣрный своему пріему повторенія рѣчевыхъ схемъ, онъ заставляетъ разсказчика въ другомъ мѣстѣ сказать: «...и перетаскивая съ мѣста на мѣсто то или иное кресло...»

У этого пріема Зощенки есть сродство съ другимъ, аналогичнымъ тому, который использованъ Шекспиромъ и Кальдерономъ — шуты послѣ патетической сцены: въ Мудрости этому соотвѣтствуетъ возвращеніе къ принятому дурацкому тону повѣствованія послѣ прорыва въ серьезность. Описаніе смерти Ив. Ал. заканчивается страшной въ своемъ лаконизмѣ фразой: «странная ровная синева прошла откуда - то снизу и спокойно покрыла его лицо». Но непосредственно вслѣдъ за этимъ пошлякъ - разсказчикъ снова вытѣсняетъ автора и продолжаетъ свою рѣчь читателя газетъ: «Вбѣжавшая на шумъ дальняя родственница, старушка Шнель, констатировала, смерть, послѣдовавшую отъ удара».

Пришлось бы процитировать весь разсказъ цѣликомъ, чтобы показать, какой тонкій расчетъ лежитъ въ основѣ каждой фразы, какъ и въ основѣ цѣлаго, до какой степени стилистически выдержано все — вплоть до мельчайшей детали. Поразительна смѣлость этого искусства. Для Зощенки не существуетъ границъ окарикатуриванія, доведенія нелѣпости до полнѣйшаго неправдоподобія. Описывая предсмертный приливъ жизнерадостности у Ив. Ал. и тѣ судорожныя его метанія, на которыя толкнула его новая «Мудрость», разсказчикъ говоритъ: «Онъ нѣсколько разъ заходилъ по дорогѣ къ парикмахеру, требуя устроить ему то одну то другую прическу». Въ одной фразѣ заключены вмѣстѣ трагическое съ комическимъ, въ уродливомъ и жуткомъ сочетаніи. Все сплошь механизизировано, обезсмыслено, обездушено — — и въ концѣ авторъ напоминаетъ, что дѣло идетъ все - же о Человѣкѣ и о его Судьбѣ. Послѣдній гость, «ближайшій другъ» Ив. Ал-ча, обидѣвшійся на то, что тотъ обманулъ его — позвалъ въ гости, а самъ умеръ, и въ досадѣ даже отказавшійся отъ семги («онъ ковырнулъ вилкой въ тарелку съ семгой, но поднеся ко рту кусокъ, отложилъ его обратно...»), уходитъ. Тогда «старушка вошла въ сосѣднюю комнату и доставъ изъ комода простыню, завѣсила ею зеркало. Потомъ, доставъ съ полки Евангеліе, принялась вслухъ читать, покачиваясь всѣмъ корпусомъ, какъ отъ зубной боли. И голосъ ея, негромкій и глухой, прерывался и дрожалъ». Въ міровой литературѣ мало образцовъ подобнаго художественнаго совершенства: подобной сосредоточенности на художественной идеѣ, и обусловленной этимъ безошибочности въ выборѣ средствъ, — а отсюда сжатости, устраненія лишняго, строгости, съ которой отброшено все смѣшное ради смѣшного, цѣлесообразности каждаго комическаго эффекта, его глубочайшей осмысленности; такъ что, когда вспоминаешь другія произведенія, аналогичнаго рода, само собою навязывается одно — единственное — имя: Гоголь.

Попробуемъ сдѣлать экспериментъ. Откуда это: «Довольно хорошо у васъ потолки расписаны... корзиночки, л и р а, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! Очень, очень натурально»? Или еще этотъ перечень: «Посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла...»? Вѣдь это вылитый Зощенко! Но это отрывки — изъ Гоголя. Зощенко разрабатываетъ и здѣсь гоголевскій пріемъ. Мастерство, съ какимъ онъ это дѣлаетъ, свидѣтельствуетъ, что здѣсь не простое подражаніе, а подлинное творческое усвоеніе.

Изученіе подражателей плодотворно въ томъ отношеніи, что позволяетъ вскрыть «манеру» мастера, служащаго образцомъ. Но, когда мы имѣемъ дѣло не съ подражателемъ, а съ настоящимъ ученикомъ, творчески послѣдующимъ образцу, то сравненіе его творчества съ творчествомъ мастера сулитъ еще большее: этотъ методъ помогаетъ обнаружить уже не только «манеру» образца, но и то, что лежитъ за нею. Ученикъ является тогда комментаторомъ учителя. Вспомнимъ, гдѣ еще собираются гости на званый обѣдъ и обманываются въ своихъ ожиданіяхъ: пріѣзжаютъ — и не застаютъ хозяина. «Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать? — продолжалъ генералъ съ неудовольствіемъ. Фить... Чортъ... Ну, не можешь принять, зачѣмъ напрашиваться?» И утѣшаются тѣмъ, что отправляются хоть коляску посмотрѣть («впрочемъ, коляску посмотрѣть мы можемъ и безъ него...»). И совершенно по зощенковски звучитъ то мѣсто, гдѣ описывается радость Чертокуцкаго, принявшаго торжественное рѣшеніе: «Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также, съ своей стороны, какъ - то удвоили къ нему свое расположеніе..» (Слѣдуетъ прочесть цѣликомъ, какъ Ив. Ал. приглашаетъ гостей, какъ онъ готовится къ ихъ пріему). Свою шутовскую мистерію Зощенко вычиталъ изъ гоголевскаго анекдота, вскрывъ тѣмъ самымъ лежащую въ его основѣ интуицію жизни, ужасъ передъ ея убожествомъ, бездушіемъ въ человѣческихъ взаимоотношеніяхъ, безразличіемъ человѣка къ человѣку, безвыходнымъ одиночествомъ каждаго человѣка: попробовалъ «бѣдняга» какъ - то сойтись съ людьми, ужиномъ угостить, коляску показать — и не вышло. Умеръ не во время, или проснулся слишкомъ поздно; мертвымъ - ли его нашли, или забившимся отъ гостей подъ фартукъ коляски — все это одинъ и тотъ же символъ.

П. Бицилли.

О Прустѣ и Джойсѣ

Джойсъ теперь модный писатель — не въ томъ смыслѣ, что имъ принято и необходимо увлекаться, но онъ сумѣлъ расшевелить и очаровать элитнаго читателя, нашелъ у него сочувственный, нерѣдко восторженный отзвукъ, подобно тому какъ Ремаркъ, случайно или законно, «попалъ въ нервъ» читателя средняго и гораздо менѣе взыскательнаго. Джойса безъ конца превозносятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и какъ разъ на страницахъ «Чиселъ» люди, на мой взглядъ, безупречнаго вкуса и чутья, утверждали, что именно онъ — величайшее достиженіе современной литературы, преемникъ или соперникъ Пруста, въ чемъ - то даже его превзошедшій. Мнѣ эти восторги и это сравненіе кажутся необоснованными, безмѣрно преувеличенными, и объясняются естественнымъ пристрастіемъ ко всему новому, только - что узнанному и найденному.

Центральное произведеніе Джойса — «Улиссъ», романъ писавшійся въ теченіе семи лѣтъ, начатый въ злополучномъ четырнадцатомъ году. На девятистахъ убористыхъ страницахъ воспроизводится одинъ единственный день (притомъ «день какъ день» — ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ) ирландскаго еврея

Леопольда Блюма, человѣка довольно обыкновеннаго, неглупаго, хитраго, сочетающаго въ себѣ нѣкоторую умудренность, пожалуй даже мудрость, живую любознательность и житейскую мелочность. Большое вниманіе удѣлено его собственнымъ о себѣ полусознательнымъ, крайне откровеннымъ мыслямъ, даже спорамъ и мнѣніямъ друзей, «психоаналитической» исповѣди жены. Вообще такая обнажающая исповѣдь, никому не предназначенная и оттого предѣльно - честная — въ этомъ почти все творчество Джойса и въ этомъ его наибольшая уязвимость.

У него безконечное количество разбросанныхъ коротенькихъ откликовъ на самыя второстепенныя воспріятія. Имъ все время упорно сопротивляешься, и если вдумаешься въ причину сопротивленія, то она обнаруживается съ какой - то очевидной убѣдительностью: перекидывающіяся съ одного на другое мимолетныя впечатлѣнія героевъ «Улисса» безотвѣтственны, запутаны, не отобраны, ничего не обобщаютъ и ни къ чему, насъ задѣвающему, не ведутъ. У читателя нѣтъ довѣрія ко многому, что Джойсомъ высказывается, а то, чему вѣришь, не всегда трогаетъ и не всегда представляется нужнымъ, основное у него смѣшивается съ безчисленными пустяками, и буквально ничто имъ не подчеркивается. Если и въ жизни часто перемѣшаны важное и мелочи (не такъ ужъ часто и неоспоримо, какъ это принято думать), то несомнѣнный подвигъ и дѣло искусства — приведеніе въ ясность, тщательный выборъ и подчеркиваніе.

По моему, безоговорочное преимущество, побѣда и очарованіе Пруста въ томъ, что онъ говоритъ о задѣвающемъ, отыскиваетъ для каждаго даннаго положенія или персонажа отчетливую «психологическую линію» и съ упрямой, желѣзной послѣдовательностью ее проводитъ черезъ оправданно - длинныя свои фразы. Вѣдь бываютъ не только отвлеченныя мысли, но и мысли душевно - сердечныя — о нашихъ чувствахъ, о непосредственной человѣческой дѣятельности. Ихъ не строятъ, онѣ подсказываются изнутри и, органически связанныя съ неуловимой текучей нашей жизнью, онѣ поневолѣ всей этой жизнью «обрастаютъ», и огромная трудность и сумѣть ихъ высвободить и показать — достаточно бережно, не умертвивъ и не порывая ихъ связи съ живой жизнью. И вотъ мнѣ кажется, одна изъ цѣлей Прустовскаго творчества — ради жизненности содѣйствовать «обрастанію» и ради ясности самую мысль называть.

Быть-можетъ «психоаналитическія» короткія мысли Джойса въ чемъ - то похожи на легкія волны, бѣгущія одна за другой, а «психологическая» мысль Пруста какъ бы огромный водяной столбъ, въ себя вбирающій всѣ окрестныя воды и обрушивающійся со страшною силой. Я знаю, до чего бездоказательны подобныя, слишкомъ картинныя сравненія, но этимъ ничего и не доказываю и такъ поступаю лишь для наглядности.

Быть - можетъ, я обоихъ названныхъ писателей другъ другу противоставляю нѣсколько схематически, но противоположеніе ихъ невольно какъ - то напрашивается вслѣдствіе противоположности литературныхъ ихъ методовъ. Прустъ отбираетъ и обобщаетъ и оттого кажется безпрерывно напрягающимся. Онъ также явно распоряжается своимъ матеріаломъ. Наоборотъ, Джойсъ какъ бы механически записываетъ свои впечатлѣнія въ ихъ случайной и неуправляемой

послѣдовательности, его цѣль — поддаваться этой послѣдовательности, онъ неминуемо подчиняется матерьялу, и долженъ находиться въ состоянiи душевнаго «транса» и разряженiя. Опять - таки о способахъ не слѣдуетъ спорить, но способъ Пруста представляется мнѣ достойнѣе, а результаты его ощутительнѣе.

Джойсъ ни къ чему страстно и упрямо не приковывается, ни на чемъ не задерживается, онъ лишь скользитъ по различнымъ второстепеннымъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, явленiямъ, и нерѣдко мы у него находимъ какое - то легкомыслiе, какое - то неуваженiе къ тому, что онъ дѣлаетъ.Вслѣдствiе этого онъ вовлекается въ постоянную словесную игру, въ словообразованiя намѣренно — «гротескныя» (вродѣ нелѣпаго «Лаунтеннисонъ»), будто бы соотвѣтствующiя мышленiю чуть ли не каждаго его героя, на самомъ же дѣлѣ чрезвычайно преувеличенныя, не жизненныя и вовсе не занимательныя. У Пруста никогда не бываетъ самодовлѣющей словесной игры.

Другое слѣдствiе такого неуваженiя къ собственному творчеству и такого легкомыслiя — вѣчная иронiя, нескрываемый авторскiй смѣшокъ. Это сердитъ расхолаживаетъ читателя и напоминаетъ о томъ, что иронiя всегда больше отъ головы, чѣмъ отъ сердца. У Пруста черезъ многiе десятки страницъ неожиданно возникаютъ остроумныя, намѣренно-смѣшныя положенiя, часто не связанныя съ предыдущимъ и, быть - можетъ, преслѣдующiя ту же цѣль, что и анекдоты Чеховскаго профессора, пытающагося развеселить и освѣжить начавшихъ скучать, утомленныхъ своихъ слушателей. Къ такой, все же простительной «демагогiи» никогда не прибѣгаетъ Толстой, и не онъ ли въ этомъ смыслѣ наиболѣе высокопробный примѣръ.

Внѣшняя обстановка у Джойса — главнымъ образомъ рестораны и пивныя, гдѣ происходятъ многолюдныя товарищескiя попойки, участники которыхъ обмѣниваются безконечными парадоксами о наукѣ, политикѣ и любви, причемъ эти парадоксы обыкновенно неубѣдительны и лишь оглушающе эффектны. Пьянство и разговоры героевъ Джойса — безъ просвѣтленiя, безъ поэзiи, безъ возвышенности. Въ немъ есть сила, и не приходится ее отрицать, но сила его грубая и черезчуръ уже безполезная.

Форма произведенiй Джойса разнообразнѣе, чѣмъ у Пруста. Послѣднiй и не стремится къ разнообразiю. Всѣ четырнадцать томовъ его «Поисковъ утеряннаго времени» проникнуты единымъ дыханiемъ, являются какъ бы развитiемъ одной фразы. Джойсъ перепробовалъ все — и «психоаналитическую исповѣдь», и сказочное драматическое дѣйствiе, повидимому происходящее въ чьемъ - то пьяномъ воображенiи, и стилизованное повѣствованiе о всякихъ событiяхъ въ изложенiи и очень интеллектуальныхъ и очень простыхъ людей — и всевозможные замыслы Джойса обычно изобрѣтательны и новы. Особенно удается ему одинъ прiемъ — ставится иронически - безсмысленный вопросъ (скажемъ, «почему Блюмъ отправился туда - то?») и въ отвѣтъ дается перечисленiе причинъ, неопровержимо - точныхъ и большей частью нелѣпыхъ. Такъ цѣлая страница посвящена доказательствамъ полезности воды. Все это на границѣ научности и шутовства, все это читателя забавляетъ (а читатель порою готовъ дать надъ собою немного поиздѣваться), но простая добросовѣстная

серьезность, искреннія усилія всегда предпочтительнѣе.

Едва ли не главная особенность Джойса — какой - то сгущенно - эротическій воздухъ въ его книгахъ. Любви, любовнаго содержанія нѣтъ и въ поминѣ. Только тѣлесная сладострастно - чувственная сторона отношеній — и реализмъ описаній, доведенный до предѣла. Весь долгій эпилогъ — безстыдныя эротическія воспоминанія жены Блюма, женщины «съ птичьими мозгами», съ физіологіей, вытѣснившей все духовное. День и ночь ея мужа, большинства его пріятелей и знакомыхъ — сплошныя навязчивыя видѣнія, и такая же, хотя и не всегда благопріятствующая имъ дѣйствительность. Въ связи съ этимъ въ необыкновенномъ почетѣ ѣда, желудокъ, пищевареніе, уборная. Многіе превозносятъ Джойса именно за подобную его просто головокружительную откровенность.

Несомнѣнно физіологія — одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ человѣческаго существованія, но еще несомнѣннѣе, что вовсе не Джойсъ это открылъ, и что прославленіе уборной мы уже находимъ у другихъ писателей — правда, оно у нихъ до такой стпени не являлось преобладающимъ. Мнѣ кажется, соотвѣтствующія «заслуги» Джойса, новизна его «пищеварительныхъ открытій» несоразмѣрно преувеличены его поклонниками. Бываютъ случаи, когда писателю удается высказать то самое, что его современники смутно чувствовали, но чего не могли додумать и договорить, и одинъ изъ такихъ писателей -- Прустъ. Бываетъ и по иному: писатель только называетъ собственнымъ именемъ то, что другіе отлично знали и безъ него, однако сами назвать стѣснялись и не хотѣли. Нерѣдко въ этомъ новизна Джойса, на мой взглядъ, наивная, недостаточная и поверхностная.

Юрій Фельзенъ.

Генезисъ последняго періода жизни и творчества Маяковскаго

Романъ «Големъ» мнѣ случилось прочитать только этимъ лѣтомъ (1931 года).

Онъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я справился въ Тургеневской библіотекѣ о другихъ книгахъ Густава Мейринка.

Мнѣ дали книжечку въ 51 стр., содержащую 8 разсказовъ: «Лиловая смерть», изданную въ Петербургѣ «Третьей стражей», въ 1923 году.

Меня поразилъ звукъ книги.

«Големъ», произведеніе болѣе значительное, написанное, очевидно, относительно молодымъ человѣкомъ, съ еще теплыми, земными страстями: месть, страхъ, кабаллистическія познанія, телепатія. стремленіе излить великую магическую силу.

Не знаю, кого тамъ больше: Гоголя (Страшной мести), Э. По, Жерара де Нерваля (Орэлія), фонъ Арнима, Новалиса или даже и Рудольфа Штейнера.

Въ новеллахъ - же Густавъ Мейринкъ, тождественъ Гоголю второго періода (Мервыя души, Переписка съ друзьями): изсякшимъ, высохшимъ.

Озареніе, провидчество и прорицаніе расколовшагося, оборвавшагося Мейринка, порядка урбанически - реалистическаго: уэлсовскаго.

Увѣренность въ скорой гибели земли. Ожиданіе катастрофъ.

Тема почти половины разсказовъ:

«желтая опасность», остальныхъ: «труды и дни» людей - роботовъ, ничего не предчувствующей Европы.

Начиная разсказъ: фантастически, конденсированно и экспрессивно — онъ сводитъ его на нѣтъ, до шепчущаго, тупоумно - бредового, идіотическаго смѣшка человѣка, безсильнаго передъ лицомъ подступившихъ вплотную событій.

Перечитывая книгу, я съ изумленіемъ остановился на двухъ фразахъ новеллы: «Нефть, нефть!»: «Ефраимъ телячья ножка ягодный мусъ», — что значило приблизительно: «вся поверхность моря покрыта нефтью» и т. д.; а потомъ: «Ежъ фунтами воспаленіе брюшины Америка», — что значило: «источники нефти усилились» и т. д.

«Да вѣдь это-же Маяковскій!

Вотъ генезисъ его «Бани»! («Клопа» мнѣ достать не удалось).

Вотъ происхожденіе «заумныхъ» репликъ интуриста - соглядатая.

Вотъ муза послѣдняго періода его жизни, непреложное доказательство истинной подоплеки настроенія Маяковскаго!», воскликнулъ я.

(Думаю, что «Лиловая смерть» является одной изъ настольныхъ книгъ группы лучшихъ писателей современной Россіи, — памфлетистовъ, фантастовъ, саркастиковъ: Зощенко, Олеши, Маріенгофа, Вагинова.

Леоновъ, Булгаковъ, Пильнякъ тоже должны знать ей цѣну).

———

Самоубійство Маяковскаго меня не поразило, я предполагалъ, что это можетъ случиться.

Подобные выходы изъ положенія, кажется, увы! укрѣпились въ нашей литературѣ: А. Соболь и Есенинъ; Гумилевъ, разыгравшій свою драму, какъ Шенье; Блокъ, ушедшій какими - то сторонами касанія, родственной Гоголю, дорогой; съ оговорками, Розанова и Хлѣбникова — причисляю къ нимъ - же; Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, лѣзшихъ на рожонъ — включаю въ плеяду, такъ же.

———

Не будь фамиліи подъ портретомъ Маяковскаго, напечатаннымъ въ «Послѣднихъ Новостяхъ», отъ 16 апрѣля 1930 г., я, пожалуй, и не узналъ - бы его.

«Простой какъ мычанье», ревущій, крушащій горилла сталъ: грустно - просвѣтленнымъ, расслабленно - сосредоточеннымъ на одной мысли, — ушедшимъ въ себя «человѣкомъ».

Заботящіеся о своей духовной сущности — знаютъ, что изживаніе самоубійства требуетъ неисчислимаго количества времени; оправданія не имѣетъ ни одно исключеніе, и все-же, мнѣ кажется, что Маяковскаго нужно считать выполнителемъ нѣкоторой духовной миссіи.

Его жестъ — побѣда эмиграціи, моральный стимулъ и свидѣтельство болѣе сенсаціонное, чѣмъ самоубійство Іоффе и — сродни толстовскому.

Заслуга Маяковскаго въ томъ, что — даже его, первосвященника — стошнило отъ братанья съ: Пупсами, Оптимистенко, Мезальянсовыми, Моментальниковыми и пр.

Да, я зачисляю Маяковскаго въ «невозвращенцы»!

Его отмиранье отъ живого тѣла большевизма началось много лѣтъ назадъ, вѣроятно съ первымъ - же пріѣздомъ въ Берлинъ.

Въ Москвѣ, почти все дѣйственное — шло съ «міровой революціей», вѣтеръ все согнулъ долу.

Въ Германіи - же, ухо Маяковскаго

уловило раздвоенность звука «музыки времени».

Единаго, мірового порыва, равнаго русскому горѣнію — не оказалось.

Шло это раздвоеніе, какъ все глубокое и серьезное: и подсознательно, и медленно, съ раздумьями и протестами.

Въ 1922 - 23 г. г., въ Берлинскомъ Домѣ Искусства, Маяковскій, проревѣлъ, нѣжно - скептически, своему другу, начавшему - было развивать (подъ всеобщіе протесты) большевистскія теоріи: «брось, Рощинъ!», а потомъ добавилъ: «то - то и оно, что политика какъ муха — выгони ее въ дверь, она влетитъ въ окно!».

Заявленіе - же, и объясненіе В. Ходасевича, что Маяковскій сказалъ въ 24 году, въ Парижѣ: «всю эту пролетарскую сволочь я ненавижу. Но буржуазную ненавижу еще больше» — свидѣтельство этой трагедіи.

Думаю, что въ томъ - же 24 г. мнѣ случилось быть въ обществѣ Маяковскаго.

Въ тѣ времена, я знавался съ однимъ попутчикомъ.

Встрѣчи происходили на Монпарнассѣ.

Приближаясь однажды «къ его столу» — я увидѣлъ, что тамъ сидитъ и Маяковскій.

Здороваясь со знакомыми, я, по монпарнасски просто, безъ лести — протянулъ руку и ему, говоря, что былъ представленъ въ Берлинѣ.

Держался Маяковскій на равной ногѣ, — по просьбѣ попутчика, прочиталъ, шепотомъ, нѣсколько своихъ стихотвореній, потомъ, сообщилъ московскую частушку, за строкой которой, рефреномъ, было: «умца, дрицца, а цца ца» и, весело, ласково смѣясь, добавилъ: «придумаютъ - же»... (дальше слѣдовала добродушнѣйшая, матерная ругань).

По его уходѣ, попутчикъ высказалъ свое изумленіе, что Маяковскій держался со всѣми за панибрата, не хамя (причемъ было ясно, что это относится ко мнѣ, т. - к, съ остальными его отношенія были установлены).

Слѣдующіе дни, замѣчая его на Монпарнассѣ — я кланялся первый, но почувствовавъ, что онъ ждетъ поклона — дѣлать это пересталъ.

Годъ или два спустя, однажды, я шелъ со знакомымъ по улицѣ.

Навстрѣчу, со скоростью метеора — Маяковскій.

Увидѣвъ моего спутника (можетъ - быть, насъ обоихъ) — онъ остановился.

Я отошелъ въ сторону, а они проговорили нѣсколько минутъ.

Вѣротно уже и раньше, но къ этому времени особенно, Маяковскій, побывавъ въ Мексикѣ и Сѣверо - А. С. Ш. (которые, какъ извѣстно, произвели на него гнетущее впечатлѣніе) — полюбилъ Парижъ (восторженное, плещущее: «направо отъ насъ бульваръ Монпарнассъ»), внѣдряясь въ жизнь Зап. Европы, но одновременно - же и заводя знакомства, работая надъ обольшевиченьемъ здѣшней «интеллигенціи».

Еще черезъ 2-3 года, я увидѣлъ его, на томъ-же Монпарнассѣ, въ обществѣ одной попутчицы, которой, въ толчеѣ интернаціональной богемы я, былъ представленъ.

Разыскивая нужныхъ лицъ я увидѣлъ, что Маяковскій, свѣтясь благодушіемъ — говоритъ собесѣдницѣ обо мнѣ, и что она повернулась, ожидая, что я подойду.

Я этого не сдѣлалъ.

Это была «моя послѣдняя встрѣча съ Маяковскимъ».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (но можетъ - быть за годъ до трагическаго

конца), мнѣ передали, подъ секретомъ, слѣдующую сцену его прощанья съ «завоеванными» имъ, французскими писателями: не мало выпивъ, и выждавъ, когда русскихъ не осталось, Маяковскій началъ вопить, стуча кулаками о столъ: «хорошо вамъ, что живете въ Парижѣ, что вамъ не нужно, какъ мнѣ, возвращаться въ Москву!»

Вы здѣсь свободны, и дѣлаете, что хотите, пусть иногда и на пустой желудокъ, снискивая пропитаніе раскраской платочковъ!» (Усугубляется это тѣмъ, что приведенный имъ примѣръ способа существованія къ французамъ не приложимъ, а взятъ изъ быта русскаго монпарнасса).

«Такъ оставайтесь!».

«Нельзя! Я Маяковскій!

Мнѣ невозможно уйти въ частную жизнь!

Всѣ будутъ пальцами указывать!

Тамъ этого не допустятъ» и т. д.

«Но «Баня» полна положительныхъ типовъ, тирадъ, барабаннаго боя и энтузіастическихъ маршей, и во всякомъ случаѣ — глубокихъ противорѣчій!» запротестуютъ «читавшіе «Баню» внимательно и зорко».

«Для меня, послѣ прочтенія новеллы «Нефть, нефть!» противорѣчій нѣтъ», отвѣчу я, «а, положительные типы произведенія: откровенная бутафорія, литературный стиль.

Вѣдь Маяковскій, человѣкъ упрямый и храбрый, поставилъ себѣ конкретное заданіе: «хочу чтобы, съ какими угодно компромиссами — пьеса прошла на сценѣ, а тамъ, каждый понимай какъ хочешь»!

Небось, сколько спорилъ, съ одураченными пріятелями, поэтами - чекистами, цензуруя драму.

Что, въ противовѣсъ всей его литературной дѣятельности въ «Банѣ», меня поражаетъ минорный тонъ.

«Справа столъ, слѣва столъ. Свисающіе».. вотъ скрипичный ключъ произведенія.

(Упоминаніе о «любовной лодкѣ», сдѣланное въ предсмертномъ письмѣ автоматически — заслуживаетъ большого вниманія; но для изысканій въ этой области, у меня нѣтъ достаточнаго библіо и біо-графическаго матеріала; по наружному же виду, мнѣ хочется провести параллель между нимъ и кино - артистомъ Лономъ Чанеемъ; тутъ открывается такая достоевщина и романтика, въ драмѣ есть на это соотвѣтствующіе пассажи, отъ которыхъ плоскодонные, упрощенно - скотскіе большевики — отвернутся съ презрительной гадливостью).

Не нужно упускать такъ же изъ виду и разсчетовъ на національныя похороны, на памятники на площадяхъ и клубы, которые будутъ носить ея имя и т. д.

Есть еще мѣсто и семейной драмѣ: Маяковскій помогалъ матери и сестрѣ.

Чтобы «товарищъ правительство» (неужели не чувствуютъ сарказма?!) не оставило ихъ своей милостью, онъ нашелъ волю придать своему рѣшенію личную окраску.

(Второе - же письмо, которое несомнѣнно было — отошло за стальныя стѣны архива Ленинскаго дома).

Даже «возвращая партійный билетъ» — не выпустилъ себя изъ рукъ!

Таковъ Маяковскій, «человѣкъ» теперешней Россіи.

Сергѣй Шаршунъ.

На днѣ совѣтской богемы

Въ первые мѣсяцы военнаго коммунизма у комиссара иностранныхъ дѣлъ Троцкаго былъ сотрудникъ необыкновенныхъ способностей, человѣкъ странной и трагической судьбы, — Е. Д. П. Приватъ - доцентъ Петербургскаго университета, блестящій знатокъ японскаго и китайскаго языковъ, онъ пошелъ на службу къ большевикамъ тогда, когда ихъ побѣда еще не упрочилась. Пошелъ по доброй волѣ, съ благоговѣніемъ передъ Ленинымъ и съ готовностью не за страхъ, а за совѣсть служить новой власти.

Людей, знавшихъ П., это не удивило.

—«Что дѣлать? Маніакъ...

— Да, а какой талантливый .

— Черезъ сколько недѣль его уволятъ?

— Мѣсяцъ, пожалуй, продержится.

Предположенія эти оказались не совсѣмъ вѣрными. Продержался П. на новой службѣ цѣлыхъ три мѣсяца.

Правда, причиной этому были исключительныя обстоятельства того времени. Интеллигенція еще героически саботировала, работать съ большевиками никто не хотѣлъ, и добровольцу такихъ обширныхъ знаній и такихъ способностей, какъ П., на первыхъ порахъ прощались всѣ странности.

А странности эти даже видавшихъ виды большевиковъ изумляли.

Сотрудникъ наркоминдѣла (одинъ изъ ближайшихъ) терялъ бумаги, три дня подрядъ не приходилъ на службу, не могъ припомнить, куда израсходовалъ подотчетныя суммы, внезапно засыпалъ за работой или же представалъ передъ глазами начальства въ такомъ страшномъ видѣ, что раза два былъ встрѣченъ лаконическимъ:

— Пойдите, проспитесь !

А на третій разъ, въ послѣдній день своей трехмѣсячной карьеры, услышалъ еще болѣе суровый приговоръ:

— Уходите домой, вы уволены.

Но то — служба, въ частной жизни П. сходило съ рукъ многое, чего не простили бы другому. Онъ какъ бы получилъ право на безотвѣтственность.

Съ рѣдкой легкостью уничтожалъ онъ преграды, возникавшія между нимъ и людьми другого міра.

Примѣровъ этому сколько угодно, вотъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ.

Въ Петербургѣ своей абсолютной непримиримостью къ большевикамъ славилась нынѣ покойная писательница и переводчица М. В. Ватсонъ.

«Ядъ большевистской заразы» она видѣла даже тамъ, гдѣ невозможно было его предполагать.

Какъ то на вопросъ о ея здоровьи она такъ отвѣтила одному литератору:

— Какъ живу? Да вѣдь сейчасъ только вамъ, большевичкамъ, хорошо живется.

— Помилуйте, М. В., — изумился литераторъ — какой-же я большевикъ?

— А то какъ-же: въ большевистскихъ журналахъ участвуете.

— Въ какихъ?

— Въ «Вѣстникѣ Дома Литераторовъ».

— ?!

— Да, да, ужъ не спорьте, — журнальчикъ большевистскій... Кто сотрудники?

И М. В. стала перечислять имена политически безупречныхъ людей, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи были посажены въ тюрьму или высланы за - границу, ужъ конечно не за преданность совѣтской власти.

Каково же было мое изумленіе, когда я какъ - то на улицѣ увидѣлъ П., бесѣдующимъ съ непримиримѣйшей М. В. Ватсонъ.

Я спросилъ ее на завтра:

— Знаете - ли вы, что П. — большевикъ?

Отвѣтъ М. В. былъ изумителенъ:

— Такъ что же? Съ такого не спросится.

Но Ватсонъ, быть можетъ, еще не достаточный свидѣтель въ пользу П. Существо искреннее, но эксцентричное, М. В. не всегда отдавала себѣ отчетъ въ своихъ словахъ и оцѣнкахъ.

Поважнѣе другой свидѣтель, всегда ясно мыслившій, — Н. С. Гумилевъ.

Зная о П. все, что побудило бы Гумилева не подавать другому руки, — покойный поэтъ при встрѣчахъ раскланивался съ П., больше того — слушалъ его стихи и разсужденія, находя въ странномъ своемъ собесѣдникѣ необъяснимое очарованіе.

Я не могу вспомнить, къ сожалѣнію, какихъ - то комически - торжественныхъ стиховъ, которые П. написалъ въ честь коммунистовъ. Онъ читалъ ихъ въ уголку Дома Искусствъ Гумилеву и еще двумъ - тремъ писателямъ.

Мало кто знаетъ поэта Анатолія Фіолетова, автора слѣдующихъ примѣчательныхъ строчекъ:

О, сколько самообладанія
У лошадей простого званія,
Не обращающихъ вниманія
На трудности существованія.

П., стиховъ котораго я, къ сожалѣнію, наизусть не помню, писалъ въ этомъ родѣ — онъ былъ футуристомъ подлиннымъ, какихъ мало было въ Россіи.

При чтеніи своихъ стиховъ, онъ раскачивался (съ пятокъ на носки и обратно), желая, вѣроятно, скрыть этимъ движеніемъ другое, непроизвольное и не очень ритмическое качаніе своего тѣла: авторъ былъ нетрезвъ — на аршинъ отъ него пахло эфиромъ и водкой.

*

Рокъ, тяготѣвшій надъ П., жестокъ какъ - то по особенному: обстоятельства, начавъ разрушеніе этого человѣка, давали почувствовать всѣмъ окружающимъ, чѣмъ онъ могъ бы стать, какія дарованія, какія душевныя качества въ немъ гибнутъ .

Сынъ богатыхъ родителей, студентъ, заставившій говорить о себѣ съ восторгомъ самыхъ серьезныхъ востоковѣдовъ, П. легко добивался успѣха во всемъ. Занятія науками и писательство (онъ былъ изъ «авторовъ для себя») оставляли П. много свободнаго времени. Онъ участвовалъ въ студенческихъ пирушкахъ, посѣщалъ балы.

Однажды нѣсколько молодыхъ студентовъ и дѣвицъ устроили увеселительную прогулку за городъ. П. былъ среди нихъ.

Онъ соскочилъ на платформу раньше остановки поѣзда, побѣжалъ рядомъ съ вагономъ, чтобы помочь сойти знакомой барышнѣ, оступился и упалъ подъ колеса.

Ему отрѣзало руку.

Изъ больницы онъ вышелъ съ пустымъ рукавомъ и опустошенной душой.

Морфіемъ его спасали отъ мучительныхъ болей. Онъ остался на всю жизнь наркоманомъ.

Академикъ Щербатской и другіе востоковѣды все еще считали П. одной изъ блестящихъ надеждъ русской науки. Новичковъ - студентовъ поражали его знанія и способности.

Еще оригинальнѣй сталъ онъ писать свои несовершенные, но своеобразные

стихи, изъ которыхъ попрежнему читалъ лишь немногое и немногимъ.

Но періоды творчества все чаще замѣнялись у П. ночами и днями дебошей. Онъ опустился, запилъ, выбился изъ колеи.

Побѣда большевиковъ не была для него ударомъ, какъ для большинства людей его уровня. Его природная доброта, его несчастіе сдѣлали П. воспріимчивымъ къ рекламной и показной сторонѣ коммунизма.

Болѣзненное сочувствіе къ бѣднымъ и неудачливымъ людямъ побуждало его быть съ тѣми, чья программа обѣщаетъ все неимущимъ.

Такъ складывались странныя черты его характера; такъ юродство сочеталось въ П. съ выдающимся умомъ; такъ политическая наивность сплелась у него съ невольнымъ (и неудачнымъ) служеніемъ далеко не наивной власти; такъ не всегда трезвый, скомпрометтированный въ общественномъ мнѣніи, почти безотвѣтственный ученый - поэтъ умѣлъ все-же, самъ того не добиваясь, расположить къ себѣ сердца и найти снисхожденіе къ самымъ сомнительнымъ своимъ поступкамъ.

***

Низкій флигелекъ во дворѣ. Окна, заклеенныя газетами, наполовину въ сугробахъ. Надъ грудами снѣга, за стеклами и бумагой — слабый и мутный свѣтъ.

По колѣно проваливаясь, П. добирается до одного изъ окошекъ и стучитъ.

Пауза.

П. стучитъ снова.

Кто - то быстро проходитъ по двору, почти не глядя на насъ. Это — лазутчикъ.

Узнавъ, кто стучитъ, онъ мѣняетъ направленіе и подходитъ къ намъ. Поговоривъ другъ съ другомъ по китайски, П. и лазутчикъ ведутъ насъ къ низкой калиткѣ. Черезъ садикъ мы пробираемся къ маленькой дверцѣ: два раза мы спускаемся и поднимаемся по какимъ - то лѣсенкамъ.

Все это мало смущаетъ спутницу П., молчаливую, почти красивую, но слишкомъ безжизненно - блѣдную даму. Она, видимо, знакома уже съ этимъ мѣстомъ и знаетъ его обычаи...

Видъ у низкой, какъ - бы сверху приплюснутой комнаты жутковатый.

Кто они, эти молчаливые китайцы? Не служитъ - ли кто либо изъ нихъ въ особой ротѣ че - ка, той, которая разстрѣливаетъ? Никакихъ человѣческихъ чувствъ какъ будто и нѣтъ у этихъ неизлѣчимыхъ курильщиковъ.

— Здѣсь одинъ другого зарѣжетъ за нѣсколько порцій опія, — шепчетъ П.

Эта фраза производитъ на меня впечатлѣніе обратное тому, какого ожидалъ мой спутникъ. Онъ, очевидно, «расхваливаетъ свой товаръ», какъ это дѣлаетъ гидъ по ночному Парижу, внушающій иностранцу, что привелъ его въ опаснѣйшій притонъ апашей, за который трудно сойти безобидному кабачку.

Но отупѣніе и жестокость, въ самомъ дѣлѣ, написаны на лицахъ китайцевъ.

Отчего - же они улыбаются П., говоря съ нимъ почтительно, даже съ любовью? Оттого - ли, что этотъ однорукій бѣлый человѣкъ такъ легко изучилъ ихъ сложный языкъ? Или оттого, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ обыкновенный?

У Клода Фаррера куреніе опія описано очень ярко. Трудно сказать, почему его впечатлѣнія такъ сильны, — потому-ли, что онъ втянулся въ куреніе и успѣлъ испытать что - то незнакомое случайному дебютанту, не имѣвшему жела-

нія стать курильщикомъ и посѣтившему притонъ только одинъ разъ — изъ любопытства? Или дѣло здѣсь въ самовнушеніи Фаррера? Или, что всего вѣроятнѣе, въ легкой игрѣ воображенія, необходимой для романиста?

При всемъ желаніи «настроиться по Фарреру», я не успѣлъ въ этомъ. Сладковато - приторный вкусъ опія вызывалъ легкое отвращеніе, почти тошноту, и ни на минуту не погружалъ меня въ атмосферу искусственнаго рая, о которой говорилъ мнѣ П. и которой посвятилъ не мало страницъ Фарреръ.

Я не переставалъ видѣть и чувствовать все, что происходило рядомъ. П., его спутница и я помѣщались въ однихъ нарахъ необычайно широкихъ (отъ стѣны къ стѣнѣ). Нары были крыты войлокомъ и рваной клеенкой.

Противъ насъ, поджавъ ноги, сидѣлъ молодой китаецъ. Скатавъ шарикъ опія, онъ протыкалъ его тонкой иглой и насаживалъ на трубку. Трубки, одна за другой, переходили изъ его рукъ въ наши.

П. громко тянулъ пряный дымъ, какъ бы прихлебывая его. Шарикъ мы подносили къ огню маленькой свѣчки. Надъ огнемъ онъ пузырился ,кипѣлъ и постепенно сгоралъ.

Я тоже усердно, черезъ трубку, глоталъ его сладкій дымъ, но опьяненія при этомъ не чувствовалъ. Я хотѣлъ сказать объ этомъ сосѣдкѣ, которой не узналъ, взглянувъ на нее. Ея лицо было сведено судорогой, глаза, или точнѣе одни бѣлки закатившихся глазъ застыли.

Когда одинъ изъ насъ поддерживалъ ея голову, а другой поилъ холодной водой, — П., съ необычайной своей откровенностью, объяснилъ мнѣ, что его жена очень воспріимчива къ наркотикамъ, потому что слишкомъ ими злоупотребляла. Такимъ образомъ, я узналъ, что П. женатъ, и что жена его наркоманка.

Первое удивило меня — онъ никогда не говорилъ объ этомъ. Второе казалось естественнымъ —

qui se ressemble — s'assemble.

П. разсказалъ мнѣ тутъ - же исторію своей женитьбы. За словами разсказчика не трудно было угадать причину его отношеній къ этой женщинѣ: изъ нихъ двоихъ она была еще несчастнѣй.

Ничего больше не требовалось для П., чтобы связать съ ея судьбой свою.

***

Изъ какихъ - бы слоевъ общества ни пополнялась богема, у людей этой среды почти неизбѣжно развиваются два качества, странно и тѣсно слитыхъ: способность къ самоотверженію и безнравственность.

Художникъ, для свободнаго служенія искусству, согласенъ переносить нужду; онъ идетъ на худшія лишенія, и въ этомъ — героическая сторона богемы. Но кочевой образъ жизни и особыя условія работы создаютъ у людей свободныхъ профессій свой кодексъ нравственности и морали, который во многихъ пунктахъ прямо противоположенъ общепринятому.

Человѣкъ богемы всегда склоненъ нарушать правила и законы, установленные государствомъ или обществомъ, и часто онъ дѣлаетъ это изъ побужденій чистыхъ, изъ протеста противъ стѣсненій всякаго рода, — но часто онъ скользитъ на грани уголовщины.

Когда Герценъ хотѣлъ особенно унизить Гервега, человѣка сомнительной честности, авторъ «Былого и Думъ» напоминалъ, что «этотъ господинъ» — поэтъ, писатель. Герцену казалось противоестественнымъ соединеніе въ одномъ лицѣ писательскихъ дарованій и

безнравственности. Взглядъ этотъ былъ широко распространенъ въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

Но ростъ богемы и болѣе широкое знакомство съ ея образомъ жизни заставили многое измѣнить въ этихъ представленіяхъ.

Есть у богемы свое дно, на которомъ, какъ въ кругахъ Дантова ада, есть разныя степени уродства и паденія.

На паперти царскосельскаго собора нѣкій Чулковъ, бывшій филологъ и неудачный художникъ, въ лохмотьяхъ и рубищѣ, возникалъ передъ проходящими и пропитымъ, хриплымъ басомъ шепталъ въ ухо:

— Exegi monumentum aere perennius... подайте бывшему студенту!

И если кто останавливался и заговаривалъ съ нимъ, Чулковъ добавлялъ:

— А вотъ стишки собственнаго сочиненія, и читалъ стихи Пушкина...

Есть на этомъ днѣ и много болѣе замѣчательные люди, почти знаменитые. Такимъ былъ, напримѣръ, Леонидъ Андрусонъ, человѣкъ не безъ настоящаго поэтическаго дарованія, возомнившій себя русскимъ Верленомъ. Онъ распухъ отъ непробуднаго пьянства и погибъ, не умѣя уже самъ записать стихи слишкомъ сильно дрожавшей рукой.

Есть на днѣ богемы люди разрушающіе не только самихъ себя, люди преступныхъ навыковъ и темныхъ наклонностей.

Какъ всколыхнулось, какъ замутилось это дно послѣ побѣды коммунизма!..

Но какъ ни опустился въ эту пору П., онъ все - же не сталъ своимъ человѣкомъ среди актеровъ безъ мѣста, среди бездарныхъ прозаиковъ и стихотворцевъ, начавшихъ думать, какъ - бы использовать коммунизмъ для своего прославленія, среди неудавшихся изобрѣтателей и недоучекъ, упоенныхъ собой.

На днѣ богемы, въ смутной жизни Совѣтскаго Петербурга, П. только наружно ничѣмъ не отличался отъ этихъ людей. На самомъ дѣлѣ у него почти ничего общаго не было съ ними.

Ему несвойственна была озлобленность неудачниковъ безталанныхъ; ужъ чѣмъ - чѣмъ, но талантами жизнь его не обидѣла. Въ немъ безпринципность и самоубійственная распущенность развились не просто такъ, а изъ за непоправимаго несчастія. Наконецъ, ошибки его жизни, ошибки, иногда непростительныя, никогда не совершались имъ изъ корысти, по разсчету.

Особенность П-скаго случая заключается отчасти и въ томъ, что онъ былъ по преимуществу ученый.

Въ самомъ дѣлѣ, среди людей науки никогда нѣтъ и доли того обилія кандидатовъ въ богему, какое есть всегда среди литераторовъ и художниковъ. По складу ума и роду занятій, ученые большей частью ищутъ осѣдлой жизни, чуждаются шумныхъ увеселеній и, въ общемъ, не склонны къ упоеніямъ «бездны страшной на краю».

Исключенія здѣсь рѣдки.

П. среди людей науки былъ совершенно необычайной фигурой.

Въ коридорахъ Университета невѣроятнымъ казалось явленіе этого приватъ - доцента въ вѣчно засаленномъ, до заплатъ и блеска заношенномъ сюртукѣ, съ нетрезвымъ, возбужденнымъ и одичалымъ лицомъ, съ печальной репутаціей неизлѣчимаго наркомана, позднѣе — съ репутаціей неудачнаго совѣтскаго сановника.

Съ литераторами П. былъ меньше связанъ, нежели съ учеными, но и въ этой средѣ онъ не былъ случайнымъ человѣкомъ. Есть въ литературѣ люди, из-

вѣстные лишь немногимъ, и очень мало пишущіе, но тѣмъ не менѣе играющіе за кулисами словесности свою нужную и полезную роль. П. былъ изъ такихъ. Въ поэзіи онъ искалъ своихъ путей, о чужихъ произведеніяхъ онъ высказывался умно и своеобразно.

У немногихъ писателей знавшихъ П. и у двухъ или трехъ изъ ближайшихъ его университетскихъ товарищей, погибающій ученый - поэтъ вызывалъ особыя чувства. Здѣсь его жалѣли и цѣнили.

***

Прошло нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ, какъ П. показалъ мнѣ притонъ курильщиковъ опія на Пескахъ. Милиція, какъ оказалось, давно уже слѣдила за этимъ мѣстомъ (оттого китайцы и принимали столько предосторожностей, оттого и выслали на стукъ лазутчика). Притонъ былъ разгромленъ, его постоянныхъ кліентовъ искали по городу, и П., испугавшись преслѣдованій и на время протрезвѣвъ, сталъ заниматься науками...

Въ «Домѣ Искусствъ» лекторъ дѣлаетъ сообщеніе о вліяніи Льва Толстого на Японскій романсъ. Въ публикѣ ученые, писатели. Слушаютъ, боясь проронить слово.

Лекторъ говоритъ о популярнѣйшей въ Японіи пѣсенкѣ, распространенной тамъ не меньше, чѣмъ у насъ «Маруся отравилась».

Это романсъ о невѣрномъ Нехлюдовѣ и Катюшѣ, мотивъ его жалобно - нѣжный, исполняется онъ «со слезой», но если спросить поющаго, кто такіе Нехлюдовъ и Катюша, почти всегда оказывается, что онъ не только о «Воскресеньѣ», но и о Толстомъ ничего не слышалъ.

Докладъ объ этомъ своеобразномъ явленіи построенъ блестяще, пестритъ справками, ссылками, сопоставленіями и крайне интересенъ не только для лингвистовъ, востоковѣдовъ и литераторовъ, но и для рядовой публики.

Лекторъ чисто одѣтъ, хорошо побритъ, сдержанно веселъ, остроуменъ и уже въ началѣ доклада овладѣваетъ симпатіей аудиторіи.

Имя лектора — П.

Надолго - ли это превращеніе? Увы, ненадолго.

Уже черезъ три - четыре дня, гдѣ - то на улицѣ, мнѣ повстрѣчался П. въ обычномъ своемъ видѣ. Между этимъ существомъ и блестящимъ лекторомъ не было уже ни тѣни сходства.

Я не разъ видѣлъ П., когда онъ былъ еще студентомъ. Съ моимъ старшимъ братомъ, нынѣ покойнымъ, его связывала общая имъ обоимъ страсть къ санскриту и сравнительному языкознанію. П. былъ въ ту пору «бѣлоподкладочникомъ» съ легкимъ черносотеннымъ душкомъ.

Это не мѣшало моему брату относиться съ восхищеніемъ къ способностямъ П. Оба впослѣдствіи были оставлены при Университетѣ, что еще болѣе сблизило ихъ.

Увѣчіе П., его соскальзываніе въ богему, его возраставшія — наркоманія и безпринципность сдѣлали его другимъ человѣкомъ. Ничего общаго съ тѣмъ надменно - самоувѣреннымъ представителемъ золотой молодежи — не осталось у этого гибнущаго ученаго «поэта» Но... только - ли къ худшему измѣнился П?..

Стоило - бы когда нибудь описать подробно переходъ человѣка изъ «не богемы» въ богему или обратно.

Какъ мѣняется его нравственный и даже физическій обликъ! Ядъ этой среды въ однихъ разъѣдаетъ худшее, со-

храняя нетронутымъ лучшее, такъ что человѣкъ именно въ богемѣ становится проще пріятнѣе, свободнѣй.

Другихъ она губитъ.

На третьихъ она оказываетъ совсѣмъ особое дѣйствіе. Унижая и разрушая ихъ, атмосфера богемы придаетъ такимъ людямъ, какъ П., что - то очень похожее на отблескъ внутренняго свѣта, что - то такое, что рѣдко пріобрѣтается въ нормальныхъ условіяхъ жизни.

Николай Оцупъ.

Рисованіе Несовершеннаго

Когда теперь начитаннымъ намъ вдругъ становится виденъ весь скопившійся образъ знакомыхъ намъ стихотвореній (— мы испытываемъ это особенно сильно при каждомъ новомъ стихотвореніи —), тогда нами владѣетъ безполезная усталость, немогущая заставить забыть этотъ образъ, но заставляющая тяготиться назойливымъ имъ. Намъ скучно отъ воздѣйствія скопившагося множества и отъ воздѣйствія опредѣляющаго фона, выдѣляющаго и стирающаго каждое новое стихотворереніе.

Теперь почти каждое стихотвореніе кажется назойливымъ, даже лучшія стихотворенія почти кажутся назойливыми. Они слишкомъ условно и замѣтно чувствуются, слишкомъ блестящи, то слишкомъ явны, то слишкомъ неясны, сложны или картинны, или музыкальны, слишкомъ безплотны или стеклянны или воздушны: это нарочито или кажется нарочито, это некрасиво, это все назойливо.

Пусть простятъ мнѣ безвкусное перечисленіе — и всѣ слова, вмѣсто которыхъ на русскомъ не нашлось лучшихъ словъ, — вообще всѣ слова.

Теперь кажется даже почти назойлива музыка, потому что она не обходится безъ тоновъ, то слишкомъ тихихъ, то сильныхъ — не обходится безъ преувеличенія. Теперь непріятна рѣзкая выразительность, даже преувеличенная тихость, особенно паузы. Мы хотимъ музыки сферъ, безпрерывно продолжающейся, чтобы мы не слышали ея, вѣрнѣе, чтобы она доходила до насъ незамѣтно, чтобы мы не слушали.

Тогда могутъ явиться стихотворенія, въ приближеніи къ этой полнотѣ очищенія совсѣмъ прозрачныя — поэтому кажущіяся тоже нарядными —, пронзительныя — пронзительностью, изъ - за этой прозрачности нѣсколько свѣтовою, значитъ, тоже нарядною, — какъ мнимо - туманный, иногда, заставляющій все выступать ясно, искусственный свѣтъ; почти совершенныя въ этомъ приближеніи и призрачныя, какъ рисунокъ въ источающемся истонченіи (пусть простятъ мнѣ безвкусіе вычурности изъ-за четкости) — потому что совершенствомъ уничтожается жизнь. Такъ мы беремъ ванну, надѣваемъ свѣжее бѣлье, мы чувствуемъ на мгновеніе остановленность и обостренность, но грязь возникаетъ непрестанно, нужно бы переодѣваться каждое мгновеніе.

Въ возникающей безпрестанно грязи наша жизнь, ея самая суть въ томъ, чего, кажется, нельзя срисовать и совсѣмъ нельзя сфотографировать: на фотографіи есть, можетъ быть только безпорядокъ, нѣтъ грязи, словно на только что выпущенномъ изъ типографіи экземплярѣ книги о грязныхъ физически герояхъ — все странно чисто, это странно; полнота невыразима, можетъ быть, ее мож-

но было выразить когда - то, можетъ быть, она была выражена; но все слабѣетъ, стократно повторенное въ тѣснокрылости сходныхъ между собою стихотвореній.

Въ стихотвореніи невыразима полнота вещей и вниканіе въ вещи, — можетъ быть выражена иная полнота — полнота освобождающаго почти беззвучія, въ обособляющей, въ отъединяющей отъ всего заглушенности невидимыми почти и не остающимися, все же вѣчными и естественными немногими словами.

Кажется, только въ этомъ настоящая полнота: предѣльность колеблемости, сразу естественность и почти невидимость, почти несуществованіе чертъ, — или полнота почти засуществовавшаго, округлившагося совершеннаго внутренняго, не имѣющаго наружнаго, — міра, словно рожденіе изъ ничего, когда не нужно опредѣляющаго, не нужно фона, не нужно ничего вовнѣ.

Такъ въ стихотвореніи должна быть полнота, а не заполненность, и полнота, а не часть, потому что уже тягостно чувствовать содержащую форму и выдѣляющій фонъ стихотвореній, читанныхъ ранѣе; такъ стихотвореніе, высоко совершенное, наилучше исполненное, должно почти не переходить въ вещь — почти существовать, почти переходя. Такъ я видѣлъ въ дѣтствѣ на какой - то картинѣ: разставаніе съ полетомъ взгляда, его опустѣніе, наступившая полнота, еще не придавшая законченности неполной улыбкѣ; такъ похоже и такъ непохоже на Монну Лизу, ея почти не существующую, непрекратимую предѣльную улыбку.

Теперь нужна предѣльная скудость, нменогосвѣтлая, тусклая, почти безсвѣтная заглушенность, слабость и тихая лодочная слитность, незамѣтность — простота, словно не безпокоющее движеніе забывчивости. Теперь должно быть стихотвореніе прелестно несуществующее почти, какъ иногда дополнительные тона въ музыкѣ, притушенное, неощутимое, почти незамѣтное, — не томящее, хотя и недоосуществленное, недостаточное, — но успокаивающее, кажущееся совсѣмъ простымъ и бѣднымъ, убывающее, словно стертая черта забывчивой, несходящейся съ краемъ безцѣльнаго взора, улыбки въ наступившемъ вслѣдъ за застѣнчивостью облагороженіи и ни для кого незамѣтной чистотѣ. Такъ видитъ современникъ, свидѣтель упадка, въ притушенномъ, скудномъ вѣчномъ горѣніи возвышенную, почти беззвучную уже, любимую область — почти безъ свѣтловато заглушенной посконной теплоты, безъ шопота.

Игорь Чинновъ.

Магическій реализмъ

«Роль магическаго реализма состоитъ въ отысканіи въ реальности того, что есть въ ней страннаго, лирическаго и даже фантастическаго, — тѣхъ элементовъ, благодаря которымъ повседневная жизнь становится доступной: поэтическимъ, сюрреалистическимъ и даже символическимъ преображеніямъ», — говоритъ Эдмонъ Жалю, въ очередной статьѣ « L'Esprit des Livres », « Nouvelles Littéraires », отъ 7-XI, 1931

Это опредѣленіе, наконецъ, формулируетъ тенденцію, не только французской, но и всей современной литературы.

До сихъ поръ, сознавая внутреннюю неубѣдительность — приходилось считать себя: нео - романтикомъ, мисти-

комъ, теперь - же, романтизмъ можетъ спокойно отойти въ исторію.

(Еще года 1½ - 2 назадъ А. М. Ремизовъ, разговаривая со мной о: Прустѣ, Максѣ Жакобѣ, Джойсѣ — сказалъ: «Это, и не романтизмъ и не реализмъ, а вотъ... что - то теперешнее, новое»).

Э. Жалю, не обращаясь далеко въ прошлое (напр. П. Мериме), считаетъ родоначальниками французскаго магическаго реализма: Гюисманса и Золя, и, не безъ основанія, подводитъ подъ эту категорію — почти все, что есть значительнаго, въ современномъ французскомъ романѣ.

Теперь, еще разъ, можно поднять вопросъ о «пересмотрѣ» Гоголя, — онъ, конечно во много большей степени: великій родоначальникъ нашего магическаго реализма, чѣмъ романтикъ, и вотъ почему, вплоть до Брюсова и Розанова — его считали «просто реалистомъ».

Достоевскій, Тургеневъ и Лѣсковъ — тоже.

Теперешнее старшее (а частью и ушедшее) поколѣніе — входитъ большей (лучшей) своей половиной: Л. Андреевъ, Розановъ, Сологубъ, Блокъ, Брюсовъ — Бальмонтъ, Бѣлый, З. Гиппіусъ, Мережковскій.

Ремизовъ, наконецъ — становится опредѣляемъ.

(Куприна, Шмелева и Зайцева, теперь можно лучше понять).

Но, изрыгаемые гражданскими скороспѣлками, изъ россійскаго синедріона, они, не въ меньшей мѣрѣ чѣмъ русскимъ предшественникамъ, обязаны: Бодлеру, Э. По и особенно — Метерлинку, Ибсену и д-Анунціо.

Послѣднее - же литературное поколѣніе — разсѣчено на - двое.

Мы здѣсь, «надежда Россіи» — вольны и дѣлаемъ, что хотимъ, и лучшая и большая часть изъ насъ — «не правѣе» магическаго реализма.

Самой характерной фигурой нужно считать: Б. Поплавскаго.

(Эмигрантскую - же поэзію — слѣдуетъ включить, вѣроятно цѣликомъ).

Не мнѣ рѣшать: «кто лучше всѣхъ» (въ Большевіи «знаютъ», но не читали, что у насъ есть талантливые молодые писатели): Сиринъ, Газдановъ, Берберова или Одоевцева — но всѣ они магическіе реалисты.

(Зуровъ — нѣтъ).

Такъ же какъ и, несмотря на свою сухость и ровность голоса, одинъ изъ лучшихъ современныхъ русскихъ писателей — Ю. Фельзенъ.

Яновскій, Сосинскій, Варшавскій, Песковъ и т. д.

Недавно умершій Буткевичъ, кажется всецѣло.

Мнѣ хочется упомянуть о «Лѣсковѣ отъ эмиграціи»: Корчемномъ, авторѣ «Человѣка съ гераніемъ» (о недооцѣнкѣ его книги говорилъ уже К. Д. Бальмонтъ) и о двухъ изъ «не нашихъ не вашихъ» — Зданевичѣ, авторѣ романа «Восхищеніе» и поэтѣ В. Парнакѣ.

Кромѣ того, я увѣренъ, что — имѣется не малое количество «плавающихъ и путешествующихъ» по всѣмъ концамъ земного шара (и въ самой Большевіи, особенно), не пришедшихся ко двору, писателей.

Въ Землѣ - же Обѣтованной, можно насчитать, по крайней мѣрѣ 3 подраздѣленія:

1) вѣрныхъ сыновъ церкви, чекистовъ - щелкоперовъ,

2) безстрастныхъ классиковъ - хроникеровъ, очеркистовъ,

3) и «нашихъ», магическихъ реалистовъ (единственная «здоровая, нормальная» часть, уѣзднаго захолустья большевист-

ской литературы) плывущихъ въ настоящемъ руслѣ («я думаю, что будущее русской литературы — въ ея прошломъ» — Замятинъ), и питающихся единственнымъ, не отнятымъ топливомъ: сатирой, сарказмомъ, памфлетомъ.

Мы, русскіе Западной Европы, взирающіе на сѣверо - востокъ — мистическое (уповающее, замаливающее, совершенствующееся) крыло магическаго реализма, — они, наши несчастные братья: воинствующее, погибающее, свидѣтельствующее.

Сергѣй Шаршунъ.

Письмо изъ Чехословакіи.

Русское культурное вліяніе въ прошломъ вѣкѣ было болѣе сильнымъ въ Чехіи, чѣмъ въ Словакіи, которая находилась въ состояніи большей зависимости отъ Будапешта, чѣмъ Чехія — отъ Вѣны.

Въ Подкарпатской Руси тяготѣніе къ Россіи, какъ къ политическому и культурному центру, было еще значительнѣе, чѣмъ въ Чехіи и Словакіи. Это страна, очень отсталая во всѣхъ отношеніяхъ, эксплоатируемая экономически, населена народомъ, который почитаетъ себя русскимъ, вѣтвью великорусскаго племени. Языкъ, на которомъ они говорятъ, чрезвычайно близокъ къ русскому, и если исключить изъ него немногія заимствованныя чешско - польскія и мадьярскія слова, то останется чисто московская основа. Собственной литературы они не имѣютъ и литература русская — для нихъ родная. Теперь, когда Подкарпатская Русь освобождена отъ чужеземной зависимости и инкорпорирована въ составъ славянскаго государства — Чехословакіи, внутреннее тяготѣніе ея къ Россіи осталось по прежнему сильнымъ, и карпаторосъ чувствуетъ себя гораздо больше русскимъ, чѣмъ чехомъ. Попытки галиційскихъ «украинцевъ» вести тамъ пропаганду въ пользу великой Украины встрѣчаютъ рѣшительное сопротивленіе со стороны всѣхъ слоевъ населенія.

Русское культурное вліяніе въ Чехіи было сильно передъ войною и потому, что въ Россіи жило много чеховъ: ремесленниковъ, торговцевъ, земледѣльцевъ, учителей, музыкантовъ было много десятковъ тысячъ. Иные изъ нихъ родились въ Россіи, учились въ нашихъ школахъ, русскій языкъ и наша культура были для нихъ родными, и въ то же время они не прерывали связи съ близкими, жившими въ Австро - Венгріи и, являясь живою связью между Россіей и Чехіей, были проводниками нашей культуры. Эти связи особенно ярко проявились во время войны, когда чехи и словаки призывного возраста, жившіе въ Россіи, не явились къ отбыванію австрійской воинской повинности, а мобилизованные въ Австріи тысячами переходили на нашъ фронтъ, чтобы въ рядахъ русской арміи бороться за свою независимость.

Эти обстоятельства были предпосылкою дальнѣйшаго чешско - русскаго сближенія, въ которомъ не малую роль сыграла русская эмиграція, нашедшая себѣ пріютъ въ родственной странѣ послѣ революціи.

Съ конца 1921 года чехословацкое правительство предприняло такъ называемую «русскую акцію», то есть помощь тѣмъ русскимъ культурнымъ силамъ, которыя оказались лишними для своего отечества при водворившемся тамъ новомъ строѣ. Въ Прагѣ, Брно, Братисла-

вѣ, главнѣйшихъ городахъ молодой республики, появляются русскіе ученые, писатели, врачи, техники, артисты. Прага превращается въ славянскія Афины, потому что въ нее собирается все выдающееся въ культурномъ слоѣ славянства. Правительство широко шло навстрѣчу начинаніямъ, оказывая имъ матеріальную и морально - правовую поддержку. Въ Прагѣ созываются съѣзды русскихъ ученыхъ, инженеровъ, дѣятелей сельскаго хозяйства. Въ ея высшихъ школахъ заканчиваютъ образованіе нѣсколько тысячъ русскихъ студентовъ, вынужденныхъ прервать его во время войны и революціи. Сотни русскихъ профессоровъ получаетъ возможность продолжать тамъ свою ученую и педагогическую дѣятельность Взаимодѣйствіе чешской и русской культуры становится полнымъ — русскіе учатся на чешскомъ языкѣ, русскій языкъ вводится во многихъ чешскихъ гимназіяхъ; русскіе студенты учатся у чешскихъ профессоровъ, а студенты чехи слушаютъ лекціи профессоровъ русскихъ, которые получили кафедры и доцентуры въ чешскихъ высшихъ школахъ. Создались въ Чехіи и чисто русскія высшія школы: Юридическій факультетъ, Коммерческій Институтъ, Институтъ Педагогическій, Институтъ Сельско - хозяйственной кооперации, изъ которыхъ послѣдній обратился въ общеславянскую школу, гдѣ учились русскіе, чехи, словаки, болгары, сербы, хорваты, далматинцы.

Научные труды русскихъ ученыхъ публикуются въ журналахъ, издаются на чешскомъ и русскомъ языкахъ. Сначала «Славянское издательство», потомъ издательство «Пламя», пользовавшееся широко матерьяльной поддержкою правительства, выпустило русскихъ классиковъ и рядъ произведеній писателей позднѣйшаго времени. Чешскія книжныя фирмы издали переводы русскихъ авторовъ, и Тургеневъ, Толстой, особенно Достоевскій, Чеховъ, Мережковскій становятся писателями, знакомство съ которыми обязательно для каждаго образованнаго чеха. Гдѣ нибудь въ глухой деревнѣ, у мѣстнаго сельскаго учителя или чиновника вы найдете на полкѣ рядомъ съ томиками Каролины Свѣтлой, Ирасика и другихъ излюбленныхъ чешскихъ писателей прекрасные переводы произведеній нашей литературы.

Русскія ученыя общества — Научный Институтъ, Историческое и Юридическое общества и др. устраиваютъ свои публичныя засѣданія для слушанія докладовъ и эти засѣданія исправно посѣщаются чешскими учеными, принимающими живое участіе въ обсужденіи поставленныхъ вопросовъ. Сотрудничество въ разныхъ областяхъ знанія достигнуто полное. Многому мы научились у чеховъ, воспитанныхъ на германской культурѣ, но кое чему научились и они у насъ, въ особенности въ области техники, гдѣ выдвинулся рядъ русскихъ спеціалистовъ. На одномъ изъ самыхъ большихъ заводовъ не только Чехіи, но и цѣлой Европы, на заводѣ Шкода въ Плзнѣ, работаетъ болѣе 40 русскихъ инженеровъ, завѣдующихъ цехами и мастерскими, и конструкторовъ новыхъ машинъ, ими изобрѣтенныхъ и патентованныхъ. Въ чешскихъ высшихъ школахъ выдвинулся рядъ русскихъ учащихся, которые по окончаніи курса были оставлены для подготовки къ занятію профессорскихъ должностей и впослѣдствіи заняли мѣста лаборантовъ, ассистентовъ и доцентовъ; въ свою работу они вносятъ многое, усвоенное еще въ Россіи, и такимъ образомъ являются

распространителями нашей научной методологіи.

Есть одна область практической дѣятельности, гдѣ равновѣсіе во взаимодѣйствіи культуръ нарушено — это сельское хозяйство. Въ этой области русскому нечему научить чеха — самому же многое можно заимствовать. И русское земледѣліе, навѣрное, получитъ большой толчекъ къ своему развитію, если тѣ земледѣльцы, которые теперь работаютъ въ Чехіи, вернутся въ Россію и примѣнятъ въ своихъ хозяйствахъ то, что они видѣли на поляхъ чешско-моравскихъ. Здѣшнее сельское хозяйство есть типичное мелкое крестьянское хозяйство, потому что большія латифундіи нѣмецкихъ и мадьярскихъ дворянъ взяты правительствомъ и парцелированы. Чешскій крестьянинъ обрабатываетъ свою землю съ трудомъ и любовью. Онъ знаетъ все то, что современная агрономія предписываетъ земледѣльцу, но онъ знаетъ также, что не одинъ только техническій прогрессъ опредѣляетъ его хозяйственную успѣшность. Любовь къ своему клочку земли, неустанный трудъ и точный хозяйственный разсчетъ — вотъ та база, на которой зиждется чешское земледѣліе, и это какъ разъ то, что было всегда въ минимумѣ у русскаго крестьянина. Когда эти принципы будутъ восприняты и перенесены на родину вернувшимися эмигрантами, судьба русскаго земледѣлія будетъ обезпечена, и Россія вновь займетъ на міровомъ сельско-хозяйственномъ рынкѣ то мѣсто, которое ей принадлежало до войны.

Въ области публицистики мало что удалось сдѣлать русскимъ эмигрантамъ въ Чехословакіи. Предпринятыя тамъ изданія газетъ и журналовъ не имѣли успѣха, но это едва ли можно объяснить пренебреженіемъ со стороны чеховъ къ русской политической мысли, а лишь сравнительно малымъ количествомъ русскихъ въ этой странѣ, слѣд., причина чисто экономическаго порядка.

Русская музыка и сценическое искусство встрѣчены въ Чехіи съ исключительнымъ вниманіемъ. Чайковскій, Бородинъ, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ цѣнятся высоко и исполняются такъ же часто, какъ Дворжакъ и Сметана, чешскіе композиторы. Спектакли Художественнаго театра въ Прагѣ переполнены публикою, а на концерты Шаляпина трудно попасть, такъ какъ билеты разбираются заранѣе по какой угодно цѣнѣ. «Народное дивадло», то есть національный театръ въ Прагѣ охотно и часто ставитъ русскія пьесы, и оперы «Борисъ Годуновъ», «Пиковая дама», «Евгеній Онѣгинъ» проходятъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ чешскія оперы «Русалка», «Продана невѣста» и «Либуша». Балетная студія Ремиславскаго основана въ Прагѣ и оттуда началась ея европейская извѣстность.

Не избѣгли чехи вліянія на себя русскаго православія, этой особой формы культуры русскаго народнаго духа. Православіе распространяется тамъ довольно быстро и, конечно, безъ всякихъ мѣръ насильственнаго воздѣйствія. Въ этомъ играетъ несомнѣнно большую роль красота русскаго восточнаго обряда, понятность языка и обаяніе личности главы русской церкви въ Прагѣ, епископа Сергія, который пользуется большой популярностью за безупречный образъ жизни и чисто христіанскую доброту и мягкость характера. Принимаютъ православіе большею частью гуситы, близкіе къ православнымъ въ обрядовомъ и догматическомъ отношеніяхъ.

Культурное вліяніе русской эмиграціи выразилось наиболѣе интенсивно въ Подкарпатской Руси и въ Восточной Словакіи, гдѣ массы населенія менѣе затронуты западной культурою. Проводниками русскаго вліянія являются народные учителя, врачи, судебные дѣятели-эмигранты, которымъ предоставляютъ тамъ возможность служить и работать, такъ какъ интеллигентные чехи и словаки не охотно ѣдутъ туда, не желая лишаться привычнаго городского комфорта. Условія жизни, правда, довольно суровы, но тѣ, кто лишены выбора, невзыскательны. Важно и то, что не существуетъ соотвѣтствія между степенью подготовленности кандидата и занимаемой имъ должностью, и потому на мѣстахъ народныхъ учителей оказываются учителя гимназій, а бывшіе прокуроры исполняютъ обязанности письмоводителей мировыхъ судей. Но чѣмъ выше квалификація русскихъ культурныхъ работниковъ, попавшихъ въ этотъ край, тѣмъ рѣшительнѣе сказывается тамъ ихъ духовное вліяніе.

Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить одного обстоятельства, довольно страннаго на первый взглядъ: есть въ наличности довольно большое сходство языка, есть общность культуры, есть со стороны чеховъ признаніе русскихъ заслугъ въ созданіи обще - человѣческихъ духовныхъ цѣнностей, но почти нѣтъ живого личнаго общенія между русскими и чехами. Достоевскаго читаютъ и почитаютъ, а живой Достоевскій едва ли бы много имѣлъ личныхъ знакомыхъ въ чешскомъ обществѣ. Быть можетъ, только въ салонѣ доктора Крамаржа, большого чешскаго политическаго дѣятеля и искренняго друга русскихъ, встрѣчаются эмигранты съ хозяевами страны, но дальше это сближеніе не пошло. Русскіе продолжаютъ жить въ замкнутомъ узкомъ кругу.

Наша политическая общественность въ Прагѣ идетъ за Парижемъ: тѣ же раздѣленія, тѣ же споры о принципахъ, а чаще о словахъ. Въ этой области мы ничего не дали чехамъ, а впечатлѣніе о себѣ оставили отрицательное даже въ тѣхъ кругахъ, которые не сочувствуютъ Совѣтской Россіи и не ищутъ сближенія съ нею ради практическихъ выгодъ. Но и обратныхъ вліяній нельзя подмѣтить — развѣ только небольшая группа русскихъ усвоила идеологію чешской аграрной партіи, одной изъ сильнѣйшихъ въ странѣ.

Таково взаимное воздѣйствіе русской культуры, принесенной эмигрантами, и культуры чешско - германской, сложившейся въ теченіе трехъ вѣковъ нѣмецкаго господства въ этомъ славянскомъ уголкѣ. Пройдутъ годы и годы, и обѣ культуры сольются въ одну — общечеловѣческую, надъ созданіемъ которой безсознательно работаютъ народы, увѣренные, каждый въ отдѣльности, что его національная культура — лучшая изъ всѣхъ.

С. Маракуевъ.

Письма изъ Америки

Письмо первое

Всякій «очеркъ» есть очертаніе или, вѣрнѣе, «очерченіе». Если въ старой, сложившейся, болѣе или менѣе оформленной Европѣ оно до извѣстной степени возможно или, во всякомъ случаѣ, мыслимо, то въ Америкѣ оно почти невозможное заданіе. Страна безъ ясныхъ очертаній, безъ формы, безъ «устоевъ», страна капризовъ и фантастиче-

скихъ узоровъ на почти невидимой канвѣ. «Страна неограниченныхъ возможностей» какъ ее называли когда - то. Возможности съузились. Текучій, расплавленный матеріалъ охладѣваетъ, тутъ и тамъ начинается кристаллизація, но процессъ еще въ зачаткѣ.

Вотъ я уже лѣтъ десять живу въ Америкѣ. За это время смѣнились три президента, на моихъ глазахъ происходили «номинаціи» Гардинга, Кулиджа, Гувера. Я сидѣлъ на съѣздахъ политическихъ партій въ Чикаго и въ Нью-Іоркѣ, въ Канзасѣ и въ Юстонѣ (въ Техасѣ). Я видѣлъ Америку въ полномъ ея расцвѣтѣ, во время бѣшеной спекуляціи и невѣроятнаго благоденствія. Вижу ее сейчасъ, скатывающуюся съ высоты. Я пережилъ вмѣстѣ со всей этой могучей страной интесивную, страстную ея борьбу за эмансипацію отъ послѣднихъ остатковъ «пуританизма». Я видѣлъ величіе и упадокъ американской демократіи. И, несмотря на все это, а можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, я не могу ни видѣть, ни передать ясно и отчетливо контуровъ американской жизни во всемъ ея объемѣ. Со всѣхъ сторонъ противорѣчія. Вглядываешься: разрозненныя, какъ будто несвязанныя между собой представленія.

Вотъ хотя - бы настроеніе «текущаго момента». Кризисъ въ странѣ, встревоженное, упадочное настроеніе. Затихъ невыносимый «Звонъ побѣды», замолкли пѣвцы, жрецы американскаго «бога», бога благоденствія, бѣшено скачущей биржи, спекуляцій и раздутыхъ цѣнностей. Кончилась эра невѣроятнаго, до отчаянія «солиднаго» Кальвина Кулиджа. Уже въ одномъ его имени сколько «мѣдно-кимвальнаго». Въ Бѣломъ Домѣ возсѣдаетъ Инженеръ, Сверхтехникъ, символъ современнаго общества, строитель Сольнесъ, въ мірѣ строитель Гуверъ. Бывшій Горный Инженеръ, спеціалистъ по «истощеннымъ шахтамъ». Онъ ихъ выкачивалъ, и изъ нихъ выкачивалъ все что могъ, въ Австраліи, въ Бурмѣ, въ Сіамѣ и въ Сибири. Говорятъ, мастеръ своего дѣла.

Инженеръ - Президентъ вернулся къ своему старому дѣлу. Онъ нашелъ рудникъ наполненный водой. Онъ нашелъ страну, въ которой три четверти цѣнностей оказались водой. И ему пришлось взяться за свой обычный трудъ выкачивать воду, дренировать американскій рудникъ. Американцы, привыкшіе разсматривать всѣ явленія подъ угломъ личности, не умѣющіе вдуматься въ причинную связь, взваливаютъ всю вину за дефляцію на неумѣлость, неопытность или политическую неспособность Гер. Гувера. Они не понимаютъ, «что дефляція» необходимое естественное слѣдствіе и инфляціи ». Когда шаръ слишкомъ раздутъ, его нужно разгрузить отъ воздуха или онъ лопнетъ. Америка была два года тому назадъ на краю смертельной опасности. Если крупныя помѣстья погубили Римъ, то гигантскіе барыши угрожали жизни Америки. Трудно себѣ представить американскую обстановку до кризиса. Вся страна была охвачена исключительно «мидасскимъ» безуміемъ. Все превращалось въ золото и всѣ цѣнности превратились въ функціи золота.

Въ своей любопытной, фантастической книгѣ Зеркало Алхиміи Роджеръ Бэконъ писалъ: «Природа всегда стремится къ единой цѣли, къ достиженіи совершенства, т. е. золота».

И вотъ это средневѣковое (или, вѣрнѣе александрійско - гностическое) уравшеніе: совершенство - золото, сдѣлалось основнымъ уравненіемъ Амери-

ки. Американская жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ въ сущности ничто иное какъ развертываніе этой основной формулы.

Все еще возможно въ этой не устоявшейся или, даже еще не осѣвшей странѣ. И если Америка была раньше чѣмъ то въ родѣ плавильни (Melting Pot) всякихъ народныхъ группъ, и особей, это ея свойство обернулось внутрь. Происходитъ процессъ плавленія внутреннихъ цѣнностей, разложеніе элементовъ. И это сказывается главнымъ образомъ въ области психическихъ переживаній и отображеній, т. е. въ литературномъ творчествѣ.

Но объ этомъ въ другой разъ.

А. Д. Коральникъ.

Минчинъ

Несмотря на жестокую кратковременность своей жизни, Минчинъ оставляетъ художественное наслѣдство, исчисляемое, приблизительно, въ пятьсотъ работъ масломъ и триста акварелей.

Въ его творческомъ устремленіи было что - то сверхчеловѣческое.

Это было, какъ если бы получивъ таинственное предупрежденіе, онъ спѣшилъ экстеріоризировать свою вѣру, чтобы въ образахъ ея продолжать жить.

Слѣдуетъ относиться къ его живописи, какъ къ непосредственной эманаціи его души, не потерявшей юношеской цѣльности, и не теоретикъ, не эстетъ выразился въ ней, но живой человѣкъ, работавшій горячо и страстно среди красиваго смятенія формъ и красокъ.

Созерцаніе внѣшняго міра его восхищаетъ. Въ своей экзальтаціи онъ хочетъ слиться съ природой, проникнуться ея силами и превратить въ свою плоть все разнообразіе усладъ реальности. Но каждый изъ ея аспектовъ бьетъ и отражается въ самомъ средоточіи его личности и тамъ касается мистической клавіатуры, откуда подымается пѣснопѣніе о нѣкомъ цвѣтовомъ раѣ, о сновидѣніи полномъ не обыденныхъ, а исключительно рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ цвѣтовыхъ веществъ и посѣщаемомъ ангелами.

Такъ творческое цѣлое этого художника есть какъ бы зданіе возникшее на границѣ реальнаго міра и того, другого творенія, не менѣе подлиннаго, которое родилось изъ духа и сердца поэтовъ

Это одновременное созданіе реалиста могущественно - сексуальнаго и визіонера, едва заботящагося о томъ, чтобы ему вѣрили.

Такъ, не нарушая внутренней гармоніи и пластической послѣдовательности картины, онъ смогъ помѣстить въ нее, полную естественности и покоя, делегата небесной милиціи, а внизу на дорогѣ смиреннаго велосипедиста, столь естественно и типично изображеннаго съ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, съ которымъ онъ возвращается въ городъ.

И даже въ наименѣе фантастическихъ своихъ произведеніяхъ, гдѣ сверхъестественное не показывается открыто, онъ умѣетъ создать атмосферу, склоняющую насъ къ размышленію о тайнахъ, окружающихъ насъ.

Минчинъ, который началъ съ ювелирнаго дѣла и керамики, былъ также прекраснымъ ремесленникомъ живописи. Эта фактура, ткань, почеркъ его живописи кажется чаще всего родившейся непроизвольно, безъ усилія — настолько ему помогала въ этомъ необыкновенная природная сноровка.

Страстный колористъ, онъ презиралъ легкіе эффекты погруженія картины въ сумерки тѣней, эти дневные способы созданія общаго тона, которому столько жертвуется радостей чистой краски и свѣта. Это былъ силачъ и смѣльчакъ искусства.

Онъ любитъ богатыя цвѣтовыя поверхности, сексуально прозрачныя, какъ бы покрытыя эмалью.

Онъ обладалъ могущественнымъ даромъ, но также глубокимъ знаніемъ своего ремесла и неустаннымъ техническимъ любопытствомъ, связаннымъ съ неуклонной волей къ самоусовершенствованію. И малѣйшія его акварели, законченныя, покрытыя лакомъ, свидѣтельствуютъ о безконечной его щедрости въ работѣ и о вниманіи.

Минчинъ умеръ стоя, за работой, приблизительно годъ тому назадъ.

Онъ былъ не очень извѣстенъ и немногіе изъ насъ съ самаго начала увидѣли въ немъ большого художника. Но съ тѣхъ поръ ретроспективныя выставка его работъ были устроены въ различныхъ салонахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе.

И только теперь создается сознаніе величины нашей утраты.

Ибо имени Минчина теперь обезпечено остаться въ исторіи Парижской школы на той же доскѣ, на которой нанесены имена Модигліани, Шагала и Сутина.

Максимиліанъ Готье

Героическій періодъ кубизма

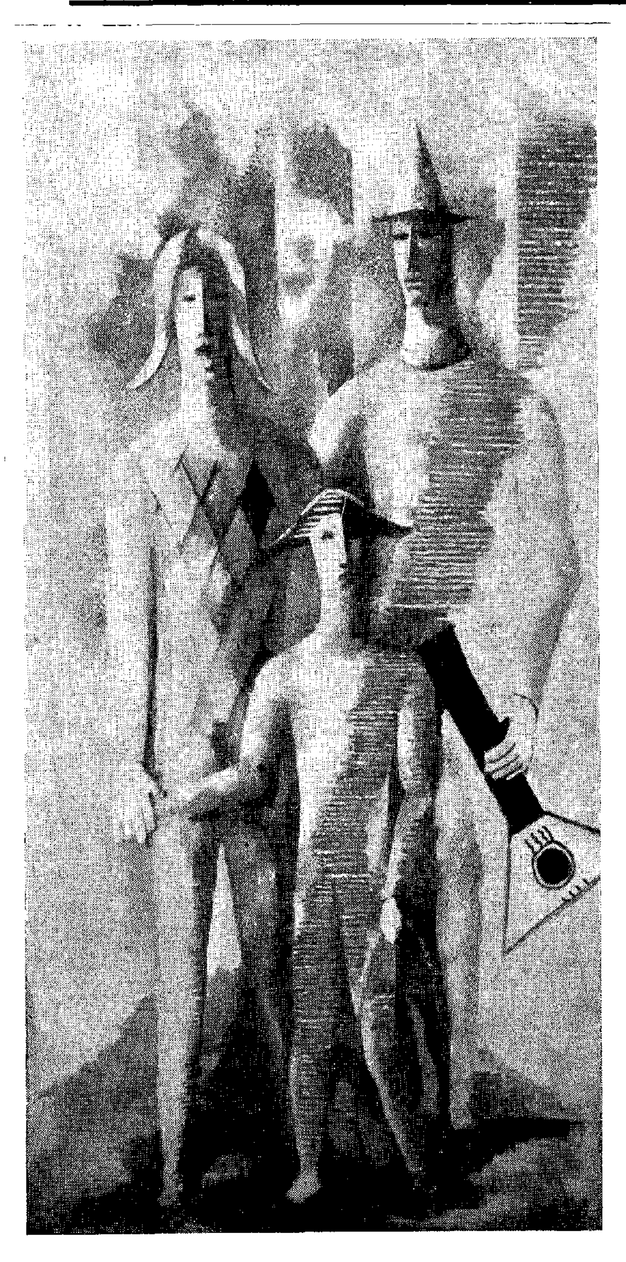
Устроенная подъ этимъ именемъ выставка въ галлереѣ Бонжанъ напомнила намъ лишній разъ о дѣятельности двухъ замѣчательныхъ художниковъ русскаго происхожденія: Сюрважа и Ястребцова (Фера).

Имя Сюрважа болѣе широко извѣстно, на его развитіи война не отразилась такъ сильно, какъ на развитіи Фера, который вообще нерѣдко надолго прерывалъ работу. Но и Ястребцовъ, какъ Сюрважъ, достоинъ самаго пристальнаго вниманія.

Для любителей упрощенной схемы, очень легко свести почти всю сложность современной живописи къ противопоставленію Пикассо и Матисса. Отъ перваго идетъ все, что прямо или косвенно связано съ кубизмомъ. Второй возглавляетъ всѣхъ художниковъ, окрещенныхъ «дикими».

При огромномъ разнообразіи Пикассо любители схемъ безъ труда устанавливаютъ карту солнечной системы, гдѣ называются по имени и большія планеты и мельчайшіе спутники. Отъ голубого періода Пикассо они легко переходятъ къ живописи Зака, Бермана, Гозіассона, Челищева, Берара и другихъ. Отъ періода чистаго кубизма по этой схемѣ ведутъ свое начало Метценже, Леже и другіе.

Половина современныхъ художниковъ попадаетъ въ систему Пикассо, творчество котораго разбиваютъ на шесть или семь періодовъ. Конечно, въ этомъ есть доля истины. Пикассо въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ центровъ міровой живописи и есть всѣ основанія ставить его на ряду съ Сезанномъ, какъ слѣдующій этапъ развитія новѣйшей живописи, начала которой можно видѣть у Курбэ. Но если Пикассо — центръ художественныхъ идей для половины современныхъ художниковъ, это ничуть не умаляетъ самостоятельнаго значенія каждаго изъ нихъ. Легко было убѣдиться въ этомъ

Фера (Ястребцовъ). Арлекинада.
Fera. Arlekinade.

на выставкѣ кубизма, хотя бы передъ полотнами Сюрважа.

Этотъ тонкій и умный мастеръ, москвичъ по происхожденію, сравнительно мало знакомъ русской публикѣ.

Мимоходомъ надо замѣтить, что нигдѣ не проявлялось меньше интереса къ новой живописи, чѣмъ въ широкой русской публикѣ. Есть два снобизма и трудно сказать, какой хуже. Первый презираетъ все, что не является «послѣднимъ крикомъ» искусства. Второй ко всему новому относится съ предвзятостью: злобно и недовѣрчиво. Въ русской средѣ по отношенію къ живописи преобладаетъ второй типъ снобизма. Нельзя забывать, прежде всего, что вообще - то русскую живопись невозможно сравнивать ни съ русской литературой, ни съ музыкой, что Рѣпинъ не Мусоргскій и не Достоевскій, а всего лишь «домашній» талантъ, что кромѣ иконъ, Александра Иванова и Врубеля, все мало-мальски значительное въ русской живописи создается въ Парижѣ или въ непосредственной зависимости отъ французскаго искусства. Нельзя далѣе все еще относиться къ героическимъ поискамъ новаго, какъ къ чудачеству, нельзя сводить все значеніе кубизма къ его скандальнымъ и рекламнымъ дебютамъ, въ которыхъ между прочимъ тоже больше жизни и настоящаго искусства, чѣмъ во всѣхъ благоразумныхъ мѣрахъ по охранѣ старины.

Наконецъ, приглядываясь внимательно къ работамъ такихъ «кубистовъ», какъ Сюрважъ или Ястребцовъ, нельзя не почувствовать поэзіи въ ихъ творчествѣ, той же нѣжности, того же лиризма, которые были во всѣ эпохи и во всѣхъ школахъ главнымъ смысломъ искусства.

Въ слѣдующей книгѣ мы разберемъ болѣе подробно особенности каждаго изъ этихъ двухъ художниковъ.

Н. О.

Выставка картинъ Н. С. Гончаровой

Послѣ семнадцатилѣтняго перерыва, выставка Гончаровой, устроенная «Числами» въ галлереѣ Эпокъ, была второй по счету въ Парижѣ (Первая — въ маѣ-іюнѣ 1914 года въ галлереѣ Поль Гильомъ). На ряду со своими послѣдними произведеніями, Гончарова показала раннія вещи, начиная съ 1905 года. Большіе «натюръ - мортъ», писанные густо и ярко — нѣкоторые въ густой, темной гаммѣ, широкими скорѣй грубыми массами выразительнаго рисунка. Это тотъ періодъ, который соотвѣтствуетъ и даже предшествуетъ по времени французскимъ «дикимъ». По характеру живописи онъ имъ вполнѣ тождественъ.

Н. С. Гончарова — скульпторъ по образованію — въ живописи естественно стремилась показать объемъ. Это ее очень характерно отдѣляло отъ группы живописцевъ, съ которыми она работала и выступала на выставкахъ въ Москвѣ. Будучи превосходнымъ декораторомъ и театральнымъ художникомъ, она рѣзко отдѣляла свои вкусы станковаго художника отъ декоративныхъ. Въ конечномъ результатѣ они перекрещиваются, но все же между ними остается та же разница, какъ у Домье между его живописью и каррикатурами. Внутренняя связь между этими двумя родами искусства остается и иногда рисунки даже нисколько не уступаютъ живописи. Но разница между театральными работами Н. С. Гончаровой и ея живописью — болѣе сильна, несмотря на чисто литературныя заданія, такъ какъ цѣли, къ которымъ направлены эти работы — являются совершенно противоположными. Гончаровскія театрально - демокративныя вещи не порываютъ со станковымъ искусствомъ до такой степени, какъ у многихъ художниковъ, работающихъ для театра — не говоря уже о спеціалистахъ.

Выставка, устроенная «Числами», посвящена была всецѣло Гончаровской станковой живописи. Большая композиція «Испанки», состоящая изъ пяти частей — впервые въ Парижѣ была показана цѣликомъ. Исключая выставки интернаціональнаго современнаго искусства въ Дрезденѣ 1926 года, эта композиція выставлялась авторомъ въ салонахъ (Тюльери, главнымъ образомъ) только частями — по двѣ части и только однажды три части. Н. С. Гончарова работаетъ надъ темой «Испанки», начиная съ 1914 года, и ею сдѣланы около пятидесяти большихъ композицій и множество рисунковъ.

То, что показано было на выставкѣ, относится къ 1917 - 18 гг. и представляетъ одну изъ интересныхъ формъ, найденныхъ Гончаровой. Подобная же композиція была сдѣлана для Сѣв. Америки (съ 1926 года находится въ Нью - Іоркѣ у miss Viborg) въ тонахъ болѣе густыхъ и темныхъ. Композиція, выставленная здѣсь, болѣе свѣтлая — въ гаммѣ черныхъ, коричневыхъ, охры, сѣрыхъ и бѣлыхъ тоновъ. Но впечатлѣніе отъ нея получается такое, какъ будто она написана яркими красками. Построена композиція по діагоналямъ и всѣ фигуры тѣсно соединены этимъ построеніемъ. Заключены они (несмотря на четырехугольную форму) въ овалъ, т. е. женскія фигуры тѣсно связаны съ пейзажемъ, уже вписаннымъ въ прямоугольникъ. Зато построеніе съ перваго взгляда не замѣтно — и нарочито скрыто художникомъ. Но это та база, на которой держится все произведеніе. Стремленіе Н. С. Гончаровой было — скрыть конструкцію и способъ, какимъ была

разрѣшена задача построенія, и, наоборотъ, какъ можно больше показать конечные результаты испанской композиціи. Цвѣтовыя массы также зависятъ одна отъ другой и направлены къ тому, чтобы все построеніе дало наибольшее впечатлѣніе.

Выставленныя «Испанки», будучи одной изъ послѣднихъ въ цѣломъ циклѣ подобныхъ работъ Н. С. Гончаровой, имѣютъ за собой большое количество находокъ и композиція ихъ одна изъ наиболѣе совершенныхъ.

Другая часть работъ (раннія), является какъ бы фундаментомъ для «Испанокъ» и внутренне съ ними связана. Являясь скрытымъ основаніемъ тѣхъ великолѣпныхъ стѣнъ, которыя, представляютъ фасадъ теперешней живописи Гончаровой, — этотъ фундаментъ все-же можетъ быть разсмотрѣнъ отдѣльно, такъ какъ имѣетъ свои специфическія качества. Лучшіе образцы послѣднихъ работъ Гончаровой: триптихъ «Весенняя пахота» и густой черно - красный «натюръ - мортъ» — съ тяжелымъ ковромъ, которымъ покрытъ столъ, со статуей каменной бабы, бутылками и кувшиномъ съ зеленью сельдерея на фонѣ черно - сѣрой стѣны, — а также голландская черная гравюра и литографія сороковыхъ годовъ, изображающая двухъ розовыхъ, одѣвающихся купальщицъ. Черные, въ палецъ толщиной, контуры, играющіе также роль живописной плоскости (а не обводки), прекрасно гармонируютъ съ рисункомъ ковра густо - краснаго гаранса. Характеренъ и темно - синій, также обведенный чернымъ (но въ натурѣ), — «Весенній триптихъ». Тона его — тяжелые: коричневыге, сѣрые и синіе. По духу эта работа (особенно своимъ лиризмомъ) приближается къ Венеціанову, одному изъ любимыхъ Гончаровой художниковъ.

Въ отмѣченныхъ работахъ Н. С. Гончаровой, также какъ и въ другихъ этого же періода (1905 - 1907 гг.), нѣтъ того сознательнаго отношенія къ композиціи, какъ въ позднѣйшихъ, но совершенно ясна ихъ связь и общая линія. Къ сожалѣнію размѣры выставки не дали возможности представить большее количество произведеній Н. С. Гончаровой и показать болѣе послѣдовательно развитіе художника. *М. Л.*

Монографія Рубисовой.

Художница Елена Рубисова выпустила передъ выставкой своихъ картинъ и рисунковъ нѣчто вродѣ художественнаго каталога, составленнаго со вкусомъ и изяществомъ.

Воспроизведенія въ книгѣ способны дать всѣмъ, кто не былъ на выставкѣ, представленіе о художницѣ.

Рубисова, дарованіе которой развивалось отчасти подъ вліяніемъ группы «Міръ Искусства», оказалась достаточно самостоятельной, чтобы преодолѣть академизмъ этого направленія.

Въ ея иллюстраціяхъ и панно можно замѣтить нѣсколько мертвящую декоративность, но это не мѣшаетъ ей показать остроту и оригинальность воспріятія. *П. О.*

Сергѣй Лифарь.

Въ новой своей постановкѣ («Спящая красавица» — музыка Чайковскаго) С. М. Лифарь снова доказалъ, что нѣтъ въ настоящее время танцовщика, ему равнаго. Премьера «Спящей красавицы» состоялась 8 іюня въ Опера. Въ осенней книгѣ «Чиселъ» будетъ помѣщенъ подробный разборъ спектакля.

На выставкѣ Л. Зака

Мнѣ кажется не случайнымъ, что философъ С. Л. Франкъ, родственникъ Льва Зака, написалъ недавно художнику, что съ нѣкоторыхъ поръ чувствуетъ родство между своей философіей и его живописью. Трудно, конечно, говорить о прямой связи, да и нѣтъ такой системы, которая могла бы быть приложена къ живому искусству, но духъ христіанства, которымъ проникнуты работы Франка, присутсвуетъ и въ живописи Зака.

Закъ пробовалъ много путей и каждый разъ обнаруживалъ своеобразіе своего дарованія. Лирикъ и мыслитель въ живописи, онъ умѣлъ сообщить своимъ вещамъ отблескъ своихъ душевныхъ состояній. Какъ и многіе другіе, кое - чѣмъ обязанный голубому періоду Пикассо, Закъ всегда оставался самостоятеленъ. Съ нѣкоторыхъ поръ, пользуясь индивидуальными собенностями нѣсколькихъ художниковъ, сходныхъ между собой, — кое кто изъ критиковъ, особенно же Вольдемаръ Жоржъ нашли своевременнымъ заговорить о новомъ гуманизмѣ. Живопись Зака дала благопріятнѣйшій матеріалъ для теоріи новой школы. Но какъ ни остроумно и своевременно быть можетъ ея изобрѣтеніе, все же въ ней есть доля искусственности. Далеко не всѣ художники, объединяемые подъ этимъ общимъ названіемъ, могутъ быть названы гуманистами. Закъ, конечно, имѣетъ право на это.

Дѣло не только въ томъ, что онъ, какъ мало кто изъ современныхъ художниковъ, умѣетъ написать живое лицо. Дѣло въ той атмосферѣ мудрой и нѣжной мягкости, которой окутаны эти лица.

Блокъ говорилъ о крушеніи гуманизма и былъ правъ въ томъ смыслѣ, что самыя могущественныя силы нашего времени направлены противъ свободы человѣка и противъ христіанской идеи. Современная русская поэзія у лучшихъ ея представителей глубоко гуманистична наперекоръ духу времени. Въ этомъ благородномъ походѣ противъ грубости и матеріализма живопись Льва Зака тоже должна занять свое мѣсто. Помимо своихъ чисто художественныхъ качествъ, гдѣ жизненность красокъ и чувство мѣры одинаково удивительны, живопись Зака очень цѣнна, какъ возвышенный образчикъ вниманія и любви къ человѣку.

Н. О.

Выставка М. Блюма

Можно ли найти въ новой живописи мотивъ болѣе использованный, скажемъ прямо, болѣе избитый, чѣмъ пригородный пейзажъ — *paysage de banlieu*? Начиная съ середины прошлаго вѣка и до нашихъ дней, плеяды мастеровъ, легіоны подражателей неустанно работали надъ этой особо близкой современному европейцу зоной, расположенной на границѣ «Природы и Города». Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ «современная» живопись, число изображеній пригородной зоны значительно превышаетъ число чисто - городскихъ, (которыя, согласно эстетикѣ «современности», должны были бы, наоборотъ, занимать первое мѣсто). Несмотря на трескучіе манифесты, на призывы къ обожанію и восхваленію Города, живопись все же предпочитаетъ banlieu — фактъ не лишенный интереса и значительности, характерный для разлада между про-

граммами соціально - философскаго характера и свойствами современнаго лиризма.

Послѣ импрессіонистовъ, Ванъ-Гога, Руссо, Утрилло и ихъ неисчислимыхъ послѣдователей, казалось, что живописная поэзія *banlieu* исчерпана до дна. Тѣмъ болѣе трудна была задача, за разрѣшеніе которой взялся молодой художникъ М. Блюмъ: найти новое въ мотивахъ banlieu Это ему удалось. Онъ создалъ особую атмосферу — родъ влажнаго тумана, пронизаннаго блеклымъ, но веселымъ солнцемъ. Контуры расплываются, сѣрая дымка пыли золотится, какъ бы наряжаясь къ воскресенью (чувство воскреснаго утра вызывается почти всѣми пейзажами Блюма). Яркая раскраска бензинныхъ резервуаровъ, трамваевъ, вывѣсокъ поетъ особенно звонко среди воздушныхъ и золотистыхъ тоновъ ансамбля, теряя при этомъ свою обычную прозаическую рѣзкость, рекламную назойливость.

Для передачи этой столь своеобразной атмосферы художникъ выработалъ не менѣе своеобразную технику, близкую къ акварели, къ фрескѣ, и притомъ «по - масляному» горячую, несмотря на матовую поверхность холстовъ. Онъ пишетъ эскизно, нервно, какъ бы наугадъ. При этомъ пропорціи рисунка сохранены со своей нужной убѣдительностью, а валеры радуютъ глубиной и вѣрностью именно тамъ гдѣ легче всего было соскользнуть въ пріятную декоративность а ла Дюфи.

Незатѣйливая внѣшность картинъ Блюма часто мѣшаетъ оцѣнить достоинства его живописи. Тѣмъ болѣе цѣнны эти достоинства.

Natur mort'ы, intérieur'ы и портреты Блюма окутаны той же влажной и золотистой дымкой. Но при этомъ не чувствуется никакой нарочитости: краски «сами собой» сливаются въ характерную для Блюма прозрачную ткань. Его рисунокъ — изъ однихъ намековъ — умѣетъ передать самое важное въ портретѣ: присутствіе живого лица.

Художникъ подходитъ къ портрету съ нѣкоторой робостью — вполнѣ понятной въ наши дни, когда искусство портрета переживаетъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ своей исторіи. Эта робость дѣлаетъ честь художнической добросовѣстности Блюма, отнюдь не умаляя уже достигнутыхъ имъ въ области портрета результатовъ. Не должно быть сомнѣній въ томъ, что Блюму удастся преодолѣть ее и создать въ портретѣ нѣчто равноцѣнное его пейзажамъ.

Живопись переживаетъ въ наши дни глубокій эстетическій кризисъ. Судя по всѣмъ даннымъ, періодъ лирическаго импрессіонизма приходитъ къ концу: усталость и оскудѣніе лучшихъ его представителей тому доказательство. При всей молодости Блюма (настоящая выставка — первое самостоятельное выступленіе художника) мы рѣшимся назвать его, не боясь преувеличеній, однимъ изъ очень рѣдкихъ представителей умирающей эстетики, въ которомъ нѣтъ никакого «эпигонства», никакой нарочитой лиричности, никакого «лѣваго академизма». Эта особенность, высоко цѣнная, позволитъ Блюму идти своимъ путемъ независимо отъ того, какъ сложится эстетическій обликъ близкаго будущаго. Сохранить во всей чистотѣ и свѣжести эстетику вчерашняго дня отнюдь не легче, а, можетъ быть, и гораздо труднѣе, чѣмъ отгадать эстетику завтрашняго...

А. Верингъ.

Гозіассонъ

Послѣ призыва къ порядку — призывъ къ человѣку. Движеніе искусства уже перестало быть центробѣжнымъ; скоро «теченія» измѣнятъ свое направленіе и, можетъ быть, мы увидимъ какъ рѣки измѣнятъ свое русло. Если завтра моднымъ «измомъ» станетъ новый гуманизмъ, будутъ ли забыты его піонеры? Филиппъ Гозіассонъ, за борьбой неудачами и успѣхами котораго мы могли наблюдать въ теченіе 5 или 6 лѣтъ, почти одинъ сопротивлявшійся разнымъ уклонамъ и гребшій противъ теченія, получилъ бы тогда заслуженную награду.

У него никакого духа систематизаціи, но ясное сознаніе своихъ возможностей и своихъ средствъ. Сначала мы видѣли какъ онъ бился надъ формой; въ его стилѣ не было согласованности. Стремясь стряхнуть опеку направленій и академіи «модернизма», онъ искалъ себя, уже предвидя цѣль, которой мы еще не различали.

Сегодня переломъ кончился. Четвертованный человѣкъ, члены котораго были разбросаны въ пространствѣ, а голова иногда даже перевернута задомъ напередъ, возстановился органически и духовно. Послѣ разъятія — синтезъ, завоеваніе наконецъ увѣренность, въ которой, можно думать, художникъ удержится и укрѣпится.

Что это за увѣренность и почему теперешнее творчество Гозіассона намъ кажется такимъ спокойнымъ, естественнымъ и чистымъ. Ритмъ — вотъ что мы въ немъ находимъ. Ритмъ не являющійся просто игрой линій, гармоніей очертаній согласованіемъ цѣнностей, но слѣдующій за движеніемъ чувства, выражающій внутренній строй и соотвѣтствіе незримаго съ видимымъ. Эти юноши образующіе въ прозрачнѣйшемъ свѣтѣ прекрасныя и стройныя группы, какъ это и нужно всегда, являются «пластическими элементами», но въ то же время это зрѣлые образы сознанія, оттѣненные и одухотворенные глубокой жизнью.

Смотря на людей Гозіассона неощутимо переходишь изъ плана живописи къ плану поэзіи (я подразумѣваю здѣсь ту музыкальную основу, къ которой сводится сущность бытія и въ которой пріобрѣтаетъ звучаніе вся реальность). Я былъ бы удивленъ, если рано или поздно, человѣкъ нашего вѣка послѣ краха машинизма и теорій основанныхъ на исчисленіи и на отвлеченности не понялъ бы, что эти задумчивые копьеносцы и грезящіе обнаженные атлеты — вовсе не призрачныя видѣнія, — его братья, глашатаи и добрые геніи.

П. Ф.

Художественная хроника

⁂

На выставкѣ Добрынскаго, организованной «Числами» осенью и вызвавшей большое вниманіе къ этому художнику, Люксембургскій музей пріобрѣлъ одну изъ выставленныхъ вещей, которая въ настоящее время виситъ въ залѣ современной Парижской Школы.

⁂

Затрудненія, переживаемыя сейчасъ художественной торговлей, скорѣе хорошо отзываются на уровнѣ большихъ выставокъ, ибо картины французскихъ

мэтровъ дольше и въ обольшемъ количествѣ задерживаются въ рукахъ торговцевъ картинами. Такъ, совершенно исключительный интересъ представляла только что закончившаяся выставка Монэ и нѣкоторыхъ другихъ импрессіонистовъ въ галлереѣ Дрюанъ Руэ. И будетъ, вѣроятно, готовящаяся къ осени этого года выставка Ванъ Гога у Марселя Бернгейма.

⁂

По поводу смерти знаменитаго торговца картинами Зборовскаго, послѣдовавшей этой зимой неожиданно, циркулируетъ множество слуховъ и воспоминаній о его дѣятельности, какъ «изобрѣтателя художниковъ».

Такъ, первой удачѣ Зборовскаго относительно Сутина, Кислинга и Модильяни способствовало то, что онъ, пріѣхавъ въ Парижъ, случайно поселился въ одномъ домѣ съ ними тремя. Однако, состояніе, реализированное такимъ образомъ, было впослѣдствіи быстро истрачено на чрезвычайно неудачные контракты съ нѣсколькими другими молодыми. Зборовскій умеръ въ бѣдности отъ туберкулеза, который усилился у него благодаря почти полному отсутствію средствъ совершенно оставленный нѣкоторыми изъ тѣхъ, для успѣха которыхъ онъ столько сдѣлалъ.

⁂

Въ январѣ въ галлереѣ Зака состоялась выставка иллюстрацій и рисунковъ Глущенко. Вдохновляясь Домье и Гоя, Глущенко удалось создать въ нихъ ту особую, зловѣщую гоголевскую атмосферу, которая столь мало удается обычно многочисленнымъ иллюстраторамъ, ибо иллюстрація есть какъ бы особый родъ творчества, гдѣ художественная цѣнность «только» совершенно недостаточна.

⁂

Въ ближайшее время въ издательствѣ «Ле Тріанглъ» выйдетъ, посвященная безвременно погибшему Абраму Минчину монографія съ репродукціей въ краскахъ и статьями нѣсколькихъ французскихъ и русскихъ критиковъ. Предполагается также устройство большой ретроспективной выставки въ галлереѣ Жоржа Бернгейма.

Мысли о современной архитектурѣ

Въ Европѣ еще нерѣдко можно встрѣтить людей образованнаго класса, называющихъ русскихъ презрительнымъ словомъ «Sauvages».

И если европеецъ еще знаетъ кое что о Толстомъ, и Достоезскомъ и кое о комъ изъ русскихъ композиторовъ и художниковъ, какъ Бакстъ, А. Бенуа и Коровинъ, — и то только потому, что эти художники дали рядъ изысканныхъ постановокъ въ европейскихъ театрахъ, то о русской архитектурѣ классическаго періода и эпохи русскаго ренессанса (періодъ 1900 - 1917 годовъ) даже представители искусства почти ничего не знаютъ. Это тѣмъ болѣе странно, что въ Европѣ архитектура за послѣднія десятилѣтія совершенно выродилась и по мѣткому выраженію Муратова все, что строилось въ Европѣ въ теченіе указаннаго періода — строилось съ участіемъ архитектора, но безъ участія архитектуры.

Незнаніе русскаго искусства объясняется тѣмъ, что европейцы, опьяненные славой своего прошлаго и имѣющіе изумительные шедевры архитектуры, накоплявшіеся вѣками и щедро разбросанные по континенту Европы, полагаютъ,

что поскольку они живутъ въ ней и въ частности въ такихъ мiровыхъ центрахъ какъ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ или Римъ — имъ нечему больше учиться. Пренебреженiе къ чужестраннымъ цивилизацiямъ, а тѣмъ болѣе къ русской культурѣ, приводитъ порою къ такому невѣденiю, что о Палладiо — тончайшемъ мастерѣ архитектуры — большинство архитекторовъ не только ничего не знаютъ, но и наивно думаютъ, что это былъ философъ, а не зодчiй.

Невѣжество въ архитектурѣ приводитъ къ тому, что современная Европа засоряетъ свои города отвратительными гримасами построекъ и въ своемъ стремительномъ порывѣ создать «стиль модернъ» повторяетъ ту ошибку, которую сдѣлала Россiя наканунѣ XX вѣка, къ счастью быстро отвернувшаяся отъ кошмара декаденства, благодаря группѣ просвѣщенныхъ людей.

Бездарная и печальная эпоха кануна двадцатаго вѣка, когда въ Парижѣ царилъ декадансъ, — оставившiй печальное наслѣдiе въ видѣ входовъ въ метро —, а въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ махрово расцвѣталъ «Сецессiонъ», устремившiйся въ сторону крайней вычурности и сомнительной декоративности, нашла и въ Россiи временную благодарную почву. Малопросвѣщенные эстетически архитекторы начали опошлять наши города, гдѣ такъ много чудеснѣйшихъ памятниковъ и русской старины, и русскаго классицизма. Къ счастью это направленiе быстро подверглось осужденiю и было оставлено, превратившись въ настоящее гоненiе такъ называемаго «стиля модернъ». Это благотворное отрезвленiе привело къ тому, что русскiе даровитые зодчiе, устремившiе свои взоры къ великимъ мастерамъ прошлаго какъ: Микель Анджело, Браманте, Палладiо съ одной стороны и русскимъ классикамъ какъ: Тома - де - Томонъ, Росси, Жилярди, Гваренги, Стасову, Захарову и Воронихину — съ другой, дали русской возрождающейся архитектурѣ поистинѣ прекрасные образцы чисто русскаго классическаго строительства, подобiя коему нѣтъ въ современной Европѣ. При этомъ русскiе зодчiе доказали своимъ европейскимъ коллегамъ, что для разрѣшенiя новыхъ современныхъ заданiй нѣтъ необходимости выдумывать новый комплексъ архитектурныхъ формъ, подобно тому какъ для выраженiя новой мысли въ литературѣ нѣтъ необходимости прибѣгать къ сочиненiю никогда ранѣе не существовавшихъ словъ.

Идея создать новый стиль, отъ котораго такъ счастливо въ свое время отрѣшилась дореволюцiонная Россiя, въ Европѣ приняла характеръ какой - то хронической и неизлѣчимой болѣзни. Недугъ этотъ, выразившiйся въ стремленiи къ излишней декоративности весьма дурного тона за счетъ гармонiи массъ и пропорцiй, далъ такiе образцы развязности и безвкусiя, что въ Европѣ появились цѣлые города почти сплошь застроенные подобнымъ вздоромъ. Памятники прекраснаго прошлаго, уцѣлѣвшiе и затерявшiеся въ потокѣ пошлости, только ярче и нагляднѣе подчеркиваютъ убожество современности.

Въ противовѣсъ этому современные архитекторы - модернисты болѣе лѣваго толка стали низводить архитектуру до степени аскетическаго конструктивизма и желѣзо - бетонныхъ ящиковъ, а роль архитектора къ роли инженера-конструктора, забывъ о томъ, что архитектура есть прежде всего искусство — необычайно тонкое, многогранное и логичное — и что архитектурѣ нельзя научиться, также какъ нельзя научиться

быть поэтомъ и писать прекрасные стихи.

Подобный аскетизмъ, доведенный въ «энтерьерахъ» до простоты больничныхъ комнатъ, въ мебели до обстановки медицинскихъ и зубоврачебныхъ кабинетовъ съ металлическими стульями и столами, и во внѣшней архитектурѣ (если это можно вообще назвать архитектурой), до абсурднаго и безформеннаго кубизма — ничего, конечно, не имѣетъ общаго съ тѣмъ поистинѣ божественнымъ зодчествомъ, какое нашло выраженіе въ памятникахъ античнаго Рима, Греціи, Ренессанса, Готики или XVIII вѣка, вплоть до экзотическихъ строительствъ Индіи, Марокко, Алжира или острова Бали и другихъ восточныхъ странъ.

Уродство и назойливость новаго стиля особенно остро и ярко чувствуются въ безпросвѣтно скучныхъ и однообразныхъ «ситэ - модернъ» Голландіи, Германіи, Чехословакіи и другихъ европейскихъ странъ и, конечно, подобные «ситэ - модернъ» не порождаютъ той радости, какую даютъ площадь Св. Марка въ Венеціи, Плясъ Конкордъ въ Парижѣ или тѣ закоулки прекрасной Франціи и Италіи, гдѣ случайно обнаруживаются истинныя жемчужины архитектуры, ни творцы, ни подлинная исторія которыхъ неизвѣстны.

Несомнѣнно придетъ время, когда вся современная архитектурная абракадабра станетъ символомъ дурного вкуса и будетъ отвергнута исторіей искусства, какъ нѣчто наносное и чуждое большому и истинному — если таковому суждено народиться. Но жаль все же, что въ Европѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ просвѣщенныхъ и эстетически образованныхъ людяхъ, не возникло вліятельной группы для защиты городовъ отъ варварской застройки «шедеврами» moderne и устремленія взоровъ въ сторону великаго и прекраснаго прошлаго.

Европейскимъ архитекторамъ не мѣшаетъ подвергнуть критическому анализу современное строительство и удѣлить вниманіе тѣмъ « sauvages », которые творчески восприняли лучшее въ безсмертныхъ памятникахъ зодчества.

Я, конечно, не имѣю ввиду отрицать возможность нарожденія новаго стиля въ архитектурѣ и права на его существованіе. Но такой стиль нельзя создать во имя принципа «во что бы то ни стало».

Новое должно быть художественнымъ преображеніемъ, результатомъ творческаго горѣнія, а не художественнаго невѣжества и ремесленнаго убожества.

М. Дубинскій.

«Точка зрѣнія» французскаго зрителя на «совѣтскіе фильмы».

Совѣтскій кинематографъ далъ цѣлый рядъ фильмъ замѣчательныхъ нѣкоторыми удачными новшествами и силой художественнаго осуществленія.

Главная его заслуга въ томъ, что онъ выдвигаетъ человѣка въ «кадрѣ!. Природы (Генеральная линія), какъ въ естественную среду, не становясь въ то же время кинематографомъ «документовъ», гдѣ Природа поглощаетъ все вниманіе.

Другое достоинство совѣтскаго кинематографа — это умѣлое использованіе исполнителей, взятыхъ прямо изъ толпы. Ихъ простая игра есть выраженіе дѣйствительно пережитаго опыта, часто от-

сутствующаго въ игрѣ профессіональнаго актера.

Воздадимъ самую большую похвалу и художественному составу совѣтскихъ фильмъ. Въ «Генеральной линіи» многія сцены являются совершенно первоклассными и мощными картинами. Между тѣмъ, собраніе всѣхъ этихъ картинъ — самая лента, не составляетъ художественнаго цѣлаго. Не нужно ли въ этомъ обвинить пропаганду?

Дѣйствительно, эти фильмы построены на простомъ и условномъ противопоставленіи образовъ, предназначенныхъ показать упрощенно и грубо: съ одной стороны — отвратительность буржуазной жизни, съ другой — пролетарскія правду и добродѣтель.

Эти дѣтски - наивные, правильно и монотонно чередующіеся контрасты, эта насильственная симметрія — немедленно заставляетъ вспомнить олеографіи.

Нужно признать, каково бы ни было наше отношеніе къ идеямъ коммунизма, что пропаганда, осуществляемая совѣтскими фильмами, иногда является несомнѣнно полезной. Напримѣръ, когда она превозноситъ сельско - хозяйственныя машины и побуждаетъ русскаго крестьянина ими пользоваться. Но этотъ видъ пропаганды совершенно лишній въ отношеніи крестьянина французскаго, и безъ того широко примѣняющаго машины и прекрасно знающаго ихъ полезность.

Мы готовы вѣрить, что эти фильмы, во многихъ отношеніяхъ достойные высокой оцѣнки, могутъ успѣшно воздѣйствовать на русскія народныя массы. Но во Франціи, даже если они получили бы широкое распространеніе, они врядъ - ли смогли бы достигнуть своей цѣли. Къ этому имѣется много причинъ. Я попытаюсь ихъ объяснить:

Одобреніе нѣсколькихъ партійныхъ приспѣшниковъ и нѣсколькихъ школьныхъ учителей, завороженныхъ теоріей и восхищающихся на слово и на вѣру — вотъ все, чего могутъ добиться совѣтскіе фильмы. Никогда они не будутъ долго нравиться французскимъ интеллигентамъ, которые имъ не простятъ ихъ упрощеннаго построенія и нелѣпаго морализированія. Еще меньше они соблазнятъ и французскія простонародныя массы, на которыя они неизбѣжно должны нагонять тоску. Я не знаю, поддается - ли безъ усилій «мистикѣ» турбины или трактора русскій рабочій, но я очень боюсь, что во Франціи эта мистика покажется мудреными домыслами утонченныхъ интеллигентовъ; я почти увѣренъ, что демонстрація фильмъ, показывающихъ жизнь завода, верфи или полевыя работы, будетъ встрѣчена зрителями изъ народа безъ всякаго энтузіазма. Прежде всего по той простой причинѣ, что сельскій или городской рабочій, кончивъ свою работу, идетъ въ кинематографъ, чтобы найти отдохновеніе, конечно, не въ зрѣлищѣ все тѣхъ же машинъ, съ которыми днемъ въ продолженіе восьми часовъ у него былъ достаточно длительный tête-à-tête

Приключенія молодого уличнаго пѣвца, вдругъ становящагося милліонеромъ или продѣлки короля «ловчилъ» въ гораздо большей степени окажутся тѣмъ, что ему нужно.

Самая напряженность атмосферы совѣтскихъ фильмъ плохо соотвѣтствуетъ вкусамъ рядового французскаго зрителя. Огромность навязываемыхъ ему видѣній его поражаетъ и отталкиваетъ, какъ что то чуждое и враждебное. Вмѣсто того, чтобы постигнуть чужія формы жизни и понять возможность иного существованія, онъ замкнется еще больше

въ любви къ своему привычному укладу, къ своей маленькой комнатѣ на Монмартрѣ, къ своимъ «личнымъ» туфлямъ. Ему совершенно не по вкусу отсутствіе мѣры и « свирѣпость » совѣтскихъ фильмъ, и, выходя изъ кинематографа, онъ съ чувствомъ облегченія смотритъ на мирное зрѣлище улицы и на людей, сидящихъ за столиками на террасахъ кафе. Наконецъ, въ совѣтскомъ фильмѣ нѣтъ любовной завязки. Это врядъ ли можетъ нравиться въ странѣ, гдѣ «передовые умы» иногда высказываютъ самыя смѣлыя идеи, но никогда не посягаютъ на любовную традицію, въ странѣ, гдѣ массы и «избранные» вполнѣ единодушны по этому вопросу. Впрочемъ, я думаю, что это ограниченіе, вѣрнѣе, почти полное отсутствіе любовной темы, должно разрушать дѣйствіе совѣтскаго кинематографа во всѣхъ странахъ міра.

Мнѣ кажется нессмнѣннымъ, что своимъ огромнымъ успѣхомъ кинематографъ въ значительной степени обязанъ чувственному удовольствію, которое онъ доставляетъ толпѣ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно обратить вниманіе на то, какое большое мѣсто занимаютъ сцены съ поцѣлуями въ фильмахъ, имѣющихъ успѣхъ у широкой публики. Если толпа ясно осознаетъ это «красное пуританство», — куда болѣе суровое, чѣмъ буржуазное приличіе — совѣтскіе фильмы будутъ обречены на неуспѣхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, одной изъ наиболѣе глубоко дѣйствующихъ причинъ роста революціоннаго движенія является сексуальная неудовлетворенность. Каждое соціальное преображеніе болѣе или менѣе сознательно ожидается революціонеромъ, какъ фаза сексуальнаго освобожденія. Если совѣтскій фильмъ внушаетъ представленіе о строгости еще сильнѣйшей, чѣмъ предыдущая, то мнѣ кажется — онъ дѣйствуетъ въ направленіи, противоположномъ своей цѣли.

Самый замыселъ совѣтскаго фильма неудаченъ. Революціонное сознаніе движется порывомъ воображенія. Онъ останавливаетъ этотъ порывъ. Онъ останавливаетъ его своей претензіей на документальный показъ достиженій Революціи. Какъ бы прекрасны и реальны ни были эти достиженія, они разочаруютъ революціонера, такъ - какъ ихъ объемъ, сведенный кинематографическимъ путемъ къ чему - то опредѣленному, ограничитъ его неясныя, но страстныя мечтанія и стремленія.

Вотъ почему, если бы мнѣ пришлось давать совѣты большевистскому кинематографу, я бы сказалъ: бросьте, по крайней мѣрѣ, во Франціи, ваши «грандіозные» фильмы. Меньше показывайте ваши достиженія и больше старайтесь дать въ образахъ остроумное и «бичующее» осужденіе буржуазнаго общества. Нужно, чтобы подъ небомъ Франціи вашъ новый красный маккіавелизмъ не боялся защищать свободную любовь, даже въ томъ случаѣ, если бы для васъ это была только «новая амурная политика» (НАП). Умножьте сатирическія оперетки, забавныя и хлесткія. Будьте увѣрены, что такая, напримѣръ, картина, какъ «Грошевая опера», произвела во Франціи гораздо болѣе разрушительное дѣйствіе, чѣмъ всѣ ваши грандіозныя штуковины. Вспомните, что вся подготовительная литература французской революціи не была литературой, наводящей скуку. Но главное, поймите, что авторами, могущими потрясти французскія традиціи, должны быть по преимуществу французы; т.-е. по самому свое-

му существу индивидуалисты, непригодные къ производству «en séries» и неспособные слѣдовать навязанной линіи, какой бы «генеральной» она ни была.

Поль Вертеймеръ

Неподвижное искусство экрана

В. Полисадіевъ изложилъ для «Чиселъ» мысли объ изобрѣтенномъ имъ «неподвижномъ искусствѣ экрана»:

Пришла идея въ 1927 году по многимъ соображеніямъ художественнаго и экономическаго свойства. Хотѣлось создать форму искусства, среднюю между отживающей живописью и нарождающимся экраномъ. Писать вѣдь можно не только непрозрачными красками, но и самимъ свѣтомъ. Вмѣсто скучныхъ, утомительныхъ выставокъ можно вѣдь преподнести живопись въ формѣ спектакля. Размѣръ 8 х 10 сантиметровъ — форматъ болѣе удобный въ смыслѣ механики кисти руки, чѣмъ большіе форматы холстовъ, фресокъ и т. д. Вслѣдствіе болѣе естественнаго формата сюжетъ передается съ большей силой, непосредственностью и чувствительностью и увеличенный на экранѣ — не только не теряетъ, но выигрываетъ. Что же касается красокъ — тутъ неисчерпаемый кладезь богатства и очарованія. Наконецъ, работая на волшебный фонарь, художникъ не ощущаетъ тѣхъ чисто матеріальныхъ преградъ, которыя сопряжены со всякимъ матеріально громоздкимъ искусствомъ: Искусство волшебнаго фонаря п о с р е д с т в а м ъ каждому художнику. На этихъ то основахъ я и создалъ 9-ое (кажется 9-ое) по счету искусство. «L'Art immobile sur l'Ecran» не есть возвращеніе къ волшебному фонарю, такъ какъ волшебный фонарь никогда не былъ искусствомъ.

«L'Art immobile sur l'Ecran» не есть также противоположеніе кинематографу. «L'Art immobile sur l'Ecran» есть использованіе экрана и проекціоннаго аппарата въ цѣляхъ болѣе художественныхъ, чѣмъ кинематографъ. Послѣдній есть искусство людей средняго требованія, не взыскательныхъ. «L'Art immobile sur l'Ecran» удовлетворяетъ болѣе высокому вкусу. Необходимы, конечно, усовершенствованія техники проекціи въ смыслѣ скорости смѣны картинъ и употребленія болѣе толстыхъ пластинокъ.

Первыя представленія происходили на Котъ д-Азюръ изъ мѣстечка въ мѣстечко. Имѣли всегда успѣхъ у интеллигентной публики, особенно среди художниковъ.

Въ 1928 году со мною заключилъ контрактъ на одинъ сезонъ «Синема Латэнъ» въ Парижѣ.

Обычная кинематографическая публика не подходитъ. Кинематографъ и «Аръ Мобиль» два разныя искусства.

Если разсматривать экранъ какъ наиболѣе удачную форму современнаго искусства, то «л-Аръ иммобиль» долженъ разсматриваться, какъ жизненный выходъ для живописи.

В. Полисадіевъ.

О боксѣ и о Примо Карнера

Если бы удалось всякое человѣко - убійство замѣнить театральнымъ зрѣлищемъ и смертоносныя раны грандіозными о п л е у х а м и , отъ кото-

рыхъ мгновенно мѣняются шансы атлетовъ и весь залъ встаетъ, охваченный мгновеннымъ энтузiазмомъ кулачнаго дѣйства или сочувствiемъ къ поколебленному и отчаянно цѣпляющемуся за противника съ цѣлью краткаго отдыха, всю воинственную марсовую природу можно было бы цѣликомъ перенести въ будущую идеальную жизнь или даже въ рай, ибо представленiе о раѣ, какъ о благопристойномъ собранiи антиалкогольныхъ методистовъ, оттолкнуло не одну героическую натуру отъ желанiя его искать. Боксъ есть беззлобное и великодушное р а з р ѣ ш е н і е неблагородства и жестокости массъ, ибо извѣстно изъ его практики, что, именно, друзья боксеры особенно щедро орошаютъ своею кровью «волшебный кругъ» ринга... Часто на состязанiи кровь брызгаетъ не только на столъ журналистовъ и на тренеровъ помѣщающихся непосредственно за веревками, но и «до третьяго ряда», падая на бальныя платья и бѣлоснѣжныя крахмальныя груди. Однако, минуту спустя побѣдитель мирно утѣшаетъ побѣжденнаго и на слѣдующiй день помѣщаетъ чрезвычайно хвалебные отзывы о немъ въ спортивной прессѣ отчасти, конечно, чтобы увеличить эффектъ побѣды.

Боксъ и спортъ будутъ, кажется, послѣднимъ убѣжищемъ риска и импульсивности въ будущемъ идеальномъ мiрѣ, и увы, кажется, ужасы войны не только потому такъ близки, что соцiальная и экономическая конкуренцiя требуетъ ихъ, но и потому, что цѣлый рядъ могущественныхъ и чрезвычайно радостныхъ чувствъ требуютъ этихъ ужасовъ и ищутъ ихъ, хотя бы цѣною, смерти.

Не писалъ ли Лермонтовъ въ какомъ то письмѣ, что «ничто не замѣнитъ ему наслажденiя врываться въ аулы и проливать человѣческую кровь» и кажется мнѣ, что гитлеровская молодежь слишкомъ много занимается парадами и нездоровой литературой и слишкомъ мало подымаетъ тяжести или бѣгаетъ на большiя дистанцiи, послѣ чего душа наполняется невѣроятной усталостью, миромъ и добродушiемъ.

Боксъ есть мирное искупленiе убiйства, жажда котораго совмѣстно съ подвигомъ глубоко свойственна германскимъ народамъ. Она у нихъ въ природѣ, а природа должна быть не уничтожена, искуплена, сублимирована, иначе жизнь теряетъ красочное содержанiе и радость.

Примо Карнера, блестящая карьера котораго была правильно предсказана Апполономъ Безобразовымъ въ первомъ номерѣ «Чиселъ» въ то время, когда еще къ нему повсемѣстно относились какъ къ уроду и клоуну (до того, что Американская федерацiя бокса запрещала ему боксировать въ Америкѣ), очень близокъ теперь къ званiю чемпiона мiра, только двѣ ступеньки — Заркей и Шмеллингъ — отдѣляютъ добродушнаго великана отъ цѣли. Однако очень скоро Чаркей, которому въ настоящее время за тридцать лѣтъ, сойдетъ съ круга по причинѣ возраста. Шмелингъ, несмотря на свою реабилитацiю передъ Стриблингомъ, боксеръ недостаточнаго класса, чтобы превозмочь разницу въ тридцать слишкомъ кило, отдѣляющую его отъ Карнера, что до Стриблинга, то онъ «легкiй тяжеловѣсъ» и ему лучше было бы вообще боксировать въ полутяжелыхъ.

Баловень судьбы Карнера вмѣстѣ со своими ботинками 56 номеромъ и малиновымъ шелковымъ халатомъ не далекъ отъ того, чтобы войти въ исторiю

спорта. Карнера молодъ и многому научился. Изъ клоуна и феномена онъ уже сдѣлался національной славой, такъ что особеннымъ декретомъ Муссолини освобожденъ отъ воинской повинности.

И онъ, одна изъ лучшихъ «удачнѣйшихъ» фигуръ среди грохота громкоговорителей, рева толпы и ослѣпительныхъ лампъ надъ рингомъ, надъ которымъ столь часто звуки джазъ - банда смѣшиваются съ трубами Лоэнгрина.

Борисъ Поплавскій.

По литературнымъ собраніямъ

Несмотря на различіе докладовъ и темъ, всегда одна и та - же группа писателей учавствуетъ на вечерахъ Зеленой Лампы, внѣ которой находятся или «литературные зубры» или «воинственный молоднякъ» евразійской формаціи, охотнѣе выступающій въ «Кочевьи». Въ послѣднемъ, за этотъ годъ было устроено нѣсколько собраній. Отмѣчаемъ докладъ Поплавскаго о Прустѣ и Джойсѣ, докладъ Слонима, гдѣ онъ «осудилъ» эмигрантскую литературу за отсутствіе почвенности и энтузіазма, столь сильныхъ по его мнѣнію въ литературѣ совѣтской, и двѣ лекціи Марины Цвѣтаевой. Н. Оцупъ защищалъ на вечерѣ «Чиселъ» право эмигрантскаго молодого человѣка заниматься «вѣчными» вопросами. Очень интересенъ былъ также докладъ Г. В. Адамовича о Тургеневѣ въ «Зеленой Лампѣ», вызвавшій споръ объ отвѣтственности русскихъ писателей за большевизмъ, что и послужило темой другого доклада о Толстомъ, устроеннаго «Числами». Запомнился также докладъ Варшавскаго «о Каинѣ и Авелѣ» въ настроеніяхъ молодой эмиграціи, и докладъ Боронецкаго о титанической религіи въ Совѣтской Россіи. Объединеніе поэтовъ посвятило вечеръ роману В. Яновскаго «Міръ», а также докладу Поплавскаго о Сологубѣ.

П.

«Перекрестокъ»

Въ истекшемъ сезонѣ литературная группа «Перекрестокъ» устроила восемь открытыхъ собраній. Помимо докладовъ на обще - литературныя темы и чтенія произведеній, въ «Перекресткѣ» введено новшество: вмѣсто традиціоннаго общаго обзора и совмѣстныхъ выступленій — рядъ индивидуальныхъ вечеровъ, что дало возможность вынести болѣе полное и менѣе случайное (какъ на обычныхъ вечерахъ) представленіе о творчествѣ того или иного поэта. Такими вечерами были: Д. Кнута, со вступительнымъ словомъ Г. В. Адамовича, В. Смоленскаго — со вступительнымъ словомъ К. В. Мочульскаго, и Ю. Мандельштама, со вступительнымъ словомъ Ю. К. Терапіано.

Новый родъ выступленій вызвалъ интересъ и въ слѣдующемъ сезонѣ «Перекрестокъ» предполагаетъ устроить рядъ подобныхъ вечеровъ не только поэтовъ, но и прозаиковъ.

Вечерами обычнаго порядка были: докладъ Ю. Терапіано «О личности и объ искренности», вечеръ прозы, въ которомъ приняли участіе Н .Берберова, Б. Поплавскій и Ю. Фельзенъ, докладъ И. Голенищева - Кутузова о творчествѣ швейцарскаго поэта и драматурга С. Штефена, вечеръ, посвященный столѣтію со дня смерти Гете при участіи Н. Берберовой, В. Вейдле и И. Голенище-

ва - Кутузова и послѣдній въ этомъ сезонѣ стихотворный вечеръ «Перекрестка», на которомъ читали стихи: Н. Берберова, И. Голенищевъ - Кутузовъ, Д. Кнутъ, Ю. Мандельштамъ, В. Смоленскій и Ю. Терапіано.

Третья книга сборниковъ «Перекрестокъ», которая, помимо стихотвореній, будетъ содержать критическія статьи и замѣтки, предположена къ выходу въ началѣ будущаго сезона.

Ю. Терапіано.

«Скитъ поэтовъ» въ Прагѣ

Сначала «Скитъ» занимался преимущественно стихами своихъ членовъ, потомъ появились и беллетристы. Теперь полноправные элементы работы «Скита» дополнены критическими выступленіями на темы, не связанныя непосредственно съ собственнымъ матеріаломъ «Скита». Въ центрѣ вниманія оказывается, главнымъ образомъ, литературная жизнь зарубежья. Такіе факты, какъ появленіе « Вечера у Клэръ » Гайто Газданова, «Новой Газеты» или «Чиселъ», вызывали ожесточенныя и разнообразныя сужденія. Жизнь совѣтской литературы меньше привлекала къ спеціальнымъ дискуссіямъ. Можетъ быть, сказывалось здѣсь молчаливо принятое въ «Скиту» обхожденіе идеологическихъ вопросовъ.

Изъ общаго числа «скитниковъ» — 29 человѣкъ — работаетъ активно лишь небольшая группа.

Кромѣ еженедѣльныхъ собраній, происходившихъ то въ тѣсномъ помѣщеніи Педагогическаго Бюро, то, въ нынѣшнемъ году, въ мансардѣ скульптора А. Головина, занимался «Скитъ» и издательской дѣятельностью: выпущена книжка стиховъ Вяч. Лебедева «Звѣздный Кренъ» и разсказы «Судъ Вареника» Вас. Федорова. Разъ въ годъ устраиваетъ «Скитъ» открытые вечера.

Н. А—въ.

Собраніе о «Числахъ» Въ Ревелѣ

Литературный Кружокъ, единственная въ Ревелѣ русская общественная организація, въ какой - то мѣрѣ обращенная къ литературнымъ интересамъ, открыла 28 сентября 1931 года свой новый сезонъ «понедѣльникомъ», посвященнымъ «Числамъ».

Обширный вступительный докладъ на тему — «Русская литературная современность и журналъ «Числа» — сдѣлалъ Ник. Андреевъ. Докладчикъ, взявшій за исходный тезисъ своей рѣчи слова Б. Эйхенбаума: «пафосъ историка литературы — въ констатированіи факта», стремился дать по возможности объективное изображеніе причинъ необыкновеннаго вниманія къ «Числамъ» со стороны читателей и критики зарубежья и обрисовать идейный и литературный обликъ журнала безъ стилизованнаго грима.

Докладчикъ подробно разобралъ обстановку и фонъ момента появленія «Чиселъ», соотношеніе новаго журнала и другихъ органовъ зарубежной печати. Проанализировавъ декларацію «Чиселъ», помѣщенную въ первой книгѣ, докладчикъ остановился на разборѣ ожесточеннаго контръ - похода противъ журнала, который наблюдался во многихъ изданіяхъ. Постепенно суживая круги темы, докладчикъ перешелъ къ характеристи-

къ собственно литературной части журнала.

Докладчикъ не согласенъ признать «Числа» ни «упадочническими», ни «возрождающими декаденство». Правда, «Числа» не избѣгли многихъ неудачъ, у журнала нѣтъ пока опредѣленнаго литературнаго направленія, печать нѣкоторой специфичности придала особенно первымъ тремъ книгамъ оттѣнокъ какой-то кружковщины. Но при всемъ томъ «Числа» оказались важнымъ явленіемъ русской литературной современности. Они во весь голосъ указали на трагизмъ нашей эпохи, они внесли новыя черты и въ наше литературное сознаніе и въ наше пониманіе міра. «Числа» подняли вопросъ о назначеніи искусства, и разрѣшеніе, самая постановка всѣхъ этихъ проблемъ въ «Числахъ», хотя и не всегда безусловна, но всегда интересна. Докладчикъ считаетъ, что «Числа» — типичный продуктъ послѣдней городской обостренности воспріятія, отсюда вытекаютъ многія черты журнала, но и наличіе нѣкоторой духовной изломанности не позволяютъ отрицать важности и значительности явленія «Чиселъ».

Докладъ вызвалъ въ кулуарахъ оживленный обмѣнъ мнѣніями. Однако, въ открытой дискуссіи приняли участіе только двое.

Ю. Иваскъ раздѣлилъ, въ общемъ, положенія доклада, не согласившись только съ суровой оцѣнкой докладчика текущаго момента въ совѣтской литературѣ.

П. А. Богдановъ нападалъ на «Числа», примыкая къ той части читателей и критиковъ, которые видятъ въ журналѣ неоправданную мятежность, отсутствіе созидающихъ началъ и т. д.

Ник. Андреевъ въ отвѣтной рѣчи, ссылками на совѣтскую періодику, защищалъ свой тезисъ о безотрадномъ вліяніи «культурной пятилѣтки» на текущій совѣтскій литературный день и затѣмъ подробно анализировалъ обвиненія «Числамъ» въ якобы странномъ отношеніи къ политикѣ, въ пристрастіи къ темамъ смерти и въ нѣкоторой идейной нетерпимости, усмотрѣнной оппонентами.

Вечеръ закончился чтеніемъ изъ «Чиселъ» стиховъ Георгія Иванова, Н. Оцупа и Б. Поплавскаго и разсказа Гайто Газданова «Мэтръ Рай».

К. Р—мъ.

Выставки «Чиселъ»

При возникновеніи «Чиселъ» организаторы журнала не придавали первостепенной важности отдѣлу художественному. Имъ просто хотѣлось дать въ своемъ изданіи какія - то «права» живописи и скульптурѣ. Воспроизведенія по этой идеѣ должны были журналъ «украсить», дать зрительное удовольствіе читателю. Предполагалась, разумѣется, и болѣе серьезная роль у этого отдѣла — роль собирательная по отношенію къ русскимъ художникамъ парижской школы, разсѣяннымъ въ разноплеменной средѣ единственной столицы художественнаго міра.

Но съ первыхъ же шаговъ въ «Числахъ» почувствовалось, что пластическія искусства не могутъ быть всего лишь приложеніемъ къ литературному отдѣлу.

Живопись русскихъ художниковъ парижской школы, столь многимъ обязанная французамъ, очень быстро вовлекла журналъ въ кругъ вопросовъ, которые уже много лѣтъ, какъ въ высшей инстанціи, рѣшаются въ Парижѣ.

Сама собой явилась потребность принять участіе въ демонстраціяхъ тѣхъ или другихъ художественныхъ группъ.

На подобіе диспутовъ на литературныя и философскія темы «Числа» призваны были организовать цѣлый рядъ показательныхъ выставокъ.

Тишлеръ. *Tischler.*

Благодаря М. И. и М. Я. Залкиндъ, принявшимъ дѣятельное участіе въ этомъ, удалось составить художественную группу «Чиселъ», которая осуществила подъ руководствомъ М. И. Залкиндъ и Н. А. Оцупа, серію выставокъ въ недавно закрывшейся галлереѣ «Эпокъ».

Открытіе первой выставки, посвященной русскимъ художникамъ парижской школы, состоялось 23 марта 1931 года.

Выставлены были работы:

Андрусова, Арапова, Блума, Воловика, Готье, Гончаровой, Карскаго, Кремня, Ларіонова, Липшица, Лучанскаго, Мѣщанинова, Минчина, Пикельнаго, Пуни, Сутина, Терешковича, Цадкина, Шагала и Шаршуна.

Вторая выставка была посвящена работамъ Ларіонова.

Третья — Ланскому, де Пизису и Пуни.

Четвертая — Гончаровой.

Пятая — Добринскому.

Послѣ лѣтняго перерыва группа «Чиселъ» устроила большую выставку писателей - художниковъ, открытую 18 декабря предсѣдателемъ союза французскихъ писателей. Въ организаціи выставки группѣ «Чиселъ» помогли частные коллекціонеры, въ особенности Edouarc Champion, одинъ изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ собирателей манускриптовъ и рисунковъ писателей. Онъ, Léouzon le Duc, J. Monod и другіе предоставили «Числамъ» цѣннѣйшіе экземпляры своихъ коллекцій. Выставка продлилась до 10 января 1932 года.

Выставлены были рисунки, гуаши, акварели, литографіи, гравюры и картины французскихъ и русскихъ писателей отъ Гюго и Жуковскаго до Ремизова, Валери и другихъ.

Седьмая выставка была посвящена Блуму.

На послѣдней въ этомъ сезонѣ выставкѣ подъ названіемъ: «Лица» участвовали — Андрусовъ, Берарь, Берманъ, Блумъ, Брехеръ, Дерэнъ, Добринскій, Гарбель, Гончарова, Гозіасонъ, Закъ, Карсъ, Карскій, Ланской, Ларіоновъ, Минчинъ, Модильяни, Паскинъ, Пикельный, Тишлеръ, Цадкинъ, Челишевъ. *Н. О.*

Для кого и для чего писать

Послѣ того, что отвѣтилъ на этотъ вопросъ Ал. Мих. Ремизовъ — трудно было бы что нибудь добавить, если бы я была писателемъ. За «писателя» Ремизовъ какъ будто все сказалъ. Но я не считаю себя писателемъ или во всякомъ случаѣ не совсѣмъ подхожу подъ это понятіе. Потому что писатель, какъ мнѣ представляется, съ одной стороны является членомъ какого то, хотя бы и ничѣмъ внутренне не спаяннаго, литературнаго сообщества, а съ другой — хоть краешкомъ, по касательной, задѣваетъ то неуловимо округлое, откатывающееся и ускользающее, что есть читательская масса.

Это относится къ отлившемуся писателю, слово котораго до кого то дошло, принятымъ или отвергнутымъ — все равно. Но и человѣкъ, который начиналъ писать въ прежнее устоявшееся, довоенное, а для русскихъ и въ дореволюціонное время — могъ писать, въ глубинѣ души своей, предугадывая, что онъ будетъ услышанъ и достигнувъ этого, самъ становился одной изъ точекъ общей писательской касательной.

Теперь условія измѣнились. Начинаютъ писать ни на что не надѣясь, зная что голосъ звенитъ въ пустотѣ. Излишне перечислять причины такой безнадежности. Но въ силу ихъ спросъ на литературу упалъ повсюду, а среди русской эмигрантской массы — въ особенности. По инерціи еще читаютъ того писателя, который раньше проникъ въ читательское ядро, какъ сѣменная клѣтка въ яйцо. Въ успѣхахъ же новыхъ авторовъ слишкомъ часта примѣсь скандалезности. А тѣхъ, кто на глубинѣ, вообще не надо. Они никчему.

И всетаки человѣкъ самъ съ собой говоритъ — пишетъ. Это писанье не совпадаетъ съ писательскимъ — «для себя». Для не писателя — писанье, въ микроскопической долѣ, вулканическій надрывъ скованной земли. Невозможно выдержать молчаливо противопоставленія себя міру, въ нѣмотѣ принять всю его боль. Въ концѣ концовъ нужно или умереть или какъ то изъ себя выйти, преодолѣть одинокое непониманіе безсмыслія рожденія и насилія смерти, предстающее передъ каждымъ въ свой часъ съ остротой новизны.

Тогда хватаются за перо (кисть, рѣзецъ, музыкальный инструментъ или порокъ). Кричатъ или шепчутъ. Поютъ или безсвязно бормочутъ, какъ безумные. Играютъ или стучатъ головой о непреложность. Выписываютъ, какъ Леонардо или ляпаютъ по слову Боттичелли. Побужденіе одно — нестерпимость молчанія. Оно особенно трудно женщинѣ, естествомъ своимъ поставленной подъ ударъ. И каждая женщина — потенціально — кликуша.

Когда во время войны Германія издыхала отъ голода — говорили, что младенцы нѣмецкихъ матерей рождаются безъ кожи.

Несомнѣнно, что нѣкоторая часть людей всегда рождается безъ кожи. Облупляетъ ихъ и культура. Такимъ безкожнымъ или съ содранной кожей — тяжелѣе другихъ. Они какъ бы аккумулируютъ разлитую въ мірѣ боль, такъ что даже металлическіе люди, роботы современности, ощущаютъ толчокъ разряда при соприкосновеніи. Среди безкожныхъ много пишущихъ не писателей.

Но соприкосновеніе съ ними бываетъ только по невѣроятной случайности. Очень рѣдко написанное не писателями выплываетъ на свѣтъ. Можетъ быть оно

поэтому возбуждаетъ нѣкоторое вниманіе. Любопытство къ подлинности.

А можетъ быть искусство, какъ таковое, утратило свою непререкаемую цѣнность. Важнѣе не то «какъ» сказано или сдѣлано, а то «что» сказано или сдѣлано. Доходчивой оказывается предѣльная правдивая простота — безыскусственность, какъ въ жизни некрасивое лицо душевнѣй правильнаго.

Слова Ремизова примѣнимы къ пишущимъ не писателямъ: и они пишутъ потому что не могутъ не писать.

Екатерина Бакунина.

Довидъ Кнутъ.
«Парижскія ночи».
Изд. «Родникъ», 1932.

Въ «Пар. Ноч.» есть одно стихотвореніе, сразу - же обратившее на себя вниманіе, безспорно и совершенно прекрасное. — Я помню тусклый Кишиневскій вечеръ. «Все существующее разумно», что же не разумно, то не «существуетъ», имѣетъ только видимость существованія. Это вѣрно и по отношенію къ эстетическимъ цѣнностямъ. Названное стихотвореніе Кнута несомнѣнная эстетическая реальность, существующая съ необходимостью. Есть художественныя произведенія очень «красивыя», но въ необходимости которыхъ мы не убѣждены; есть другія, которыхъ, разъ ужъ мы познакомились съ ними, мы не можемъ представить себѣ несуществующими. Эта «реальность», «подлинность» стихотворенія Кнута засвидѣтельствована его рѣдкой строгостью, серьезностью, убѣдительностью тона, — такъ что мы воспринимаемъ его какъ Individium (все «существующее» въ гегелевскомъ смыслѣ — воспринимается только такъ), т. е. воспринимая его, воспринимаемъ самого автора. Близко къ этому стихотворенію въ указанномъ отношеніи стоитъ другое — тоже въ бѣлыхъ стихахъ и шестистишіе «Отойди отъ меня человѣкъ» (и здѣсь мнѣ въ сущности приходится только повторить уже сказанное въ критикѣ). Въ общемъ хороши и остальныя стихотворенія маленькаго сборника, но мнѣ кажется, что въ нихъ меньше проступаетъ индивидуальность автора. Быть можетъ, это не его вина. Каждый, даже очень самостоятельный, художникъ творитъ, пользуясь, въ значительной степени, тѣмъ же самымъ художественнымъ матеріаломъ, тѣми - же средствами выраженія, что и его современники: или онъ примыкаетъ къ какой - нибудь школѣ, или — хочетъ или не хочетъ — обрастаетъ ею. И вотъ наступаетъ моментъ, когда за лѣсомъ мы перестаемъ видѣть деревья, за школой — художника. Бываетъ, что такой моментъ наступаетъ очень быстро. Счастье художника, когда онъ ловитъ себя на томъ, что къ слову радость есть «вѣчная» риѳма — **младость** и замѣчаетъ, что пора мѣнять пластинку. Слѣдящему за нынѣшней русской поэзіей уже прямо - таки навязывается списокъ ходячихъ «поэтическихъ» мотивовъ и «поэтическихъ» словъ, вродѣ того — восхитительнаго и убійственнаго — списка, который составилъ Толстой (въ «Что такое искусство?»). Только теперь слова были бы другія. Одно изъ самыхъ частыхъ с н ѣ г ъ; затѣмъ х о л о д ъ, д ы р я в о е небо, п р о с т о й міръ, вмѣсто общеупотребительнаго нѣкогда г о л у б о г о цвѣта — с и н і й и т. д. Слова, воспризнаваемыя какъ «принадлежащія къ поэтическому языку», тѣмъ самымъ перестаютъ быть символами, воспринимаемыми въ каждомъ данномъ поэтическомъ цѣломъ на свой особый ладъ; становятся изъ символовъ сигналами, на которые мы реагируемъ, какъ собаки акад. Павлова на звонокъ, — условнымъ рефлексомъ. И «мотивы» современной поэзіи — одиночество, смерть, небытіе — эти уже начинаютъ, мнѣ кажется, восприниматься какъ условно - поэтическіе мотивы — хотя, быть можетъ, для

самого поэта они и сохраняютъ всю свою жизненную значимость. Создается положеніе для поэта поистинѣ трагическое: онъ выражаетъ въ своей поэзіи себя, а читателю кажется, что онъ выражаетъ другого, или, вѣрнѣе, — просто, что онъ «упражняется въ поэзіи». Положеніе поэтовъ и композиторовъ все же лучше чѣмъ скульпторовъ и живописцевъ: ихъ произведенія не собираютъ въ музеяхъ и галлереяхъ по «школамъ» и «эпохамъ»; рано или поздно приходитъ отсѣвъ; никто не вынуждается читать, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Подолинскаго, Теплякова и Туманскаго. Однако, поэту дорого и прижизненное признаніе — не только проблематическое посмертное, которымъ онъ все равно не насладится. Поэтому ему приходится быть на чеку и стараться избѣгать всего того, что можетъ обратить его произведеніе, для современниковъ, въ «музейныя» вещи.

П. Бицилли.

Нина Берберова
«Послѣдніе и первые». Ром.
Парижъ, 1931. Изд. Поволоцкаго.

Нину Берберову узнаешь не читая подписи. Въ романѣ «Послѣдніе и первые» Берберова пытается обрисовать эмигрантскій бытъ: тягу и прививку русскаго къ французской землѣ — съ одной стороны, къ французскому городу-съ другой. И въ условіяхъ европейской разсудочности — праздникъ духа, его пареніе, даже въ будняхъ, даже на низахъ, даже въ мукѣ. Специфически русская особенность.

Есть нѣчто напоминающее Леонова въ писаніяхъ Берберовой (чтобы не сказать — Достоевскаго). Сложныя взаимоотношенія Анны Слетовой, Ильи, Шайбина, Васи и Вѣры Кирилловны можно сопоставить съ героями «Соти». Но у Леонова поле наблюденія шире. Передъ нимъ — Россія. Передъ Берберовой — только изгнаніе. Это послѣднее она рисуетъ правдиво и выразительно, хотя до извѣстной степени сама сковываетъ свой талантъ искусственными схемами. Въ ея романѣ виденъ скелетъ замысла. Но замыселъ торжествуетъ, какъ бы вопреки автору, и сквозь нарочитость проступаетъ подлинная жизнь.

Возможно, что «Послѣдніе и первые» выиграли бы, если бы имъ не была искусственно навязана форма романа. Тогда нечего было бы возразить противъ прекрасныхъ отдѣльныхъ характеристикъ, діалоговъ, описаній. Условное же названіе «романъ» — обязываетъ и оставляетъ впечатлѣніе не совсѣмъ выполненнаго обязательства.

У Берберовой острый глазъ и внимательное отношеніе къ видимому, иногда жестковатое. Это скорѣе достоинство: холодный, спокойный взглядъ видитъ вѣрнѣе и зорче. Притомъ если судить о Берберовой не только по «Послѣднимъ и первымъ», а и по другимъ ея произведеніямъ, то чрезвычайно явственнымъ становится ростъ ея дарованія, совершенствованіе и внутренняя работа автора надъ собой. Россія — даже и зарубежная, истощенная, замученная — у Берберовой остается вѣрна своему одухотворенному литературному облику.

Ек. Бакунина.

Д. Н. Лоренсъ

«Любовникъ Лэди Четтерлей»

Старинная помѣщичья усадьба въ промышленномъ центрѣ Англіи. Вокругъ угольныя копи, заводскіе города.

Молодой владѣлецъ возвращается съ фронта съ парализованными отъ раненія ногами. Онъ пишетъ, становится моднымъ писателемъ. Его жена, Констансъ, ему помогаетъ. Когда они вмѣстѣ работаютъ надъ его книгами, имъ кажется, что что-то происходитъ, происходитъ дѣйствительно, заполняетъ пустоту. Въ ихъ совмѣстной интеллектуальной работѣ — вся ихъ жизнь; жизнь въ пустотѣ. Все остальное не существуетъ. Правда, усадьба, слуги... но это только тѣни, неживыя вещи, неживыя существа. Но и ихъ работа — только тѣнь, только видимость реальной жизни.

Въ усадьбѣ часто съѣзжаются друзья владѣльца.. Ведутся безконечные «интеллектуальные» разговоры. Одинъ изъ гостей говоритъ — «самый организмъ буржуазенъ: идеалъ — это машина. Человѣкъ только часть машины и машина движется ненавистью ко всему «буржуазному»; вотъ по моему сущность большевизма». И дальше: «логическій разумъ претендуетъ управлять всѣмъ остальнымъ и ненавидитъ все остальное. Мы всѣ большевики, но мы лицемѣры. А русскіе — это большевики безъ лицемѣрія». Чтобы бороться съ этимъ всемірнымъ большевизмомъ: «нужно быть человѣкомъ, имѣть сердце и полъ».

Констансъ любитъ слушать эти разговоры, но ей кажется, что всѣ эти люди преувеличиваютъ интересъ интеллектуальной жизни. И изъ нихъ никто не имѣетъ сердца и пола.

Ее давитъ чувство пустоты и небытія.

Съ нѣкоторыхъ поръ ея мужъ начинаетъ интересоваться принадлежащими ему угольными копями. Онъ понимаетъ, что настоящій успѣхъ въ новомъ обществѣ ему могутъ дать только деньги, деньги добываемыя въ промышленности. Онъ объясняетъ Констансъ: личность не имѣетъ никакого значенія. Аристократія, правящее сословіе, образуется не личностями, не индивидумами, а соціальной функціей. Функція опредѣляетъ личность. Никакого человѣческаго братства не можетъ быть между людьми, опредѣленными разными функціями; между правителями и рабочими .

Констансъ чувствуетъ отвращеніе къ этому обществу правителей, къ которому принадлежитъ ея мужъ. Она ненавидитъ послѣвоенную Англію, рождающую новую расу людей чрезвычайно чувствительныхъ къ деньгамъ, къ политической и соціальной сторонѣ жизни, но ко всему сердечному, интуитивному болѣе мертвыхъ чѣмъ мертвецы. Братство умерло; было только одиночество и отчаянье. Но когда Констансъ хочетъ вырваться изъ пустоты интеллектуальной призрачной жизни господствующаго класса, понять жизнь другихъ людей, увидѣть неизвѣстный міръ окружающій ихъ усадьбу — этотъ міръ кажется ей страннымъ, враждебнымъ и зловѣщимъ. Она видитъ фабричный городъ, окутанный столбами дыма и пара. Ни церквей, ни пивныхъ, ни лавочекъ. Ничего кромѣ большихъ заводовъ. Эти заводы и машины — современный Олимпъ. Безчисленные и страшные люди. Жизнь безъ красоты, безъ радости,

безъ интуиціи, всегда въ «колодцахъ шахты». Она снова чувствуетъ смутный ужасъ, сѣрую и лязгающую ненужность всего. Эти страшные существа были рабочими массами. Цѣну же высшаго класса она хорошо знала. Больше не на что было надѣяться.

Въ это время она встрѣчаетъ Мелорса, лѣсничаго своего мужа, человѣка одинокаго и «устранившагося». Физическая любовь съ этимъ человѣкомъ разрушаетъ власть очарованнаго и страшнаго давящаго ее міра логическаго ума и машинъ, и является для нея какъ бы дверью въ истинную жизнь, приноситъ ей чувства счастья, спокойствія и надежды. Послѣ томительнаго безпокойства и ощущенія мертвой пустоты эта любовь приходитъ какъ радость и жизнь. Констансъ чувствуетъ такое же облегченіе, какъ Танталъ если бы онъ могъ припасть къ свѣтлой водѣ, текущей мимо его томимыхъ жаждою губъ.

Когда она возвращается послѣ свиданія, ее поражаетъ видъ ея мужа. Съ чувствомъ страха она смотритъ какъ цивилизованный, съ свѣтлымъ выраженіемъ лица онъ сидитъ склонившись надъ книгой, съ широкими плечами и безъ ногъ. Какое то странное существо, одаренное холодной и ясной, негнущейся волей, но безъ теплоты, безъ малѣйшей теплоты. Одинъ изъ людей будущаго, безъ души, но съ холодной волей. Но все-таки нѣжное и теплое пламя жизни было сильнѣе его, и настоящія вещи были скрыты отъ этого человѣка.

И въ дальнѣйшемъ вся книга разсказываетъ какъ леди Четтерлей ея любовникъ начинаютъ борьбу за это нѣжное и теплое пламя жизни.

Когда послѣ ухода Констансъ Мелорсъ остается ночью одинъ въ лѣсу, онъ слышитъ грохотъ машинъ и видитъ съ горы безчисленные огни заводовъ, шахтъ, доменныхъ печей горящіе по всей землѣ. И въ этихъ электрическихъ огняхъ было что то жестокое и враждебное. Тамъ, въ этомъ мірѣ жадныхъ механизмовъ, расплавленнаго металла и электрическаго блеска, тамъ было огромное зло, готовое пожрать все, что не могло приспособиться. Лѣса, и цвѣты, все нѣжное должно было погибнуть подъ тяжестью желѣза. И онъ почувствовалъ страхъ передъ общественностью, какъ передъ жестокимъ и безумнымъ звѣремъ. О, если бы только можно было соединиться съ другими людьми, чтобы побѣдить эту внѣшнюю вещь блестящую и электрическую, чтобы защитить нѣжность жизни, нѣжность женщинъ. Но всѣ люди были тамъ, «во внѣ», съ этой внѣшнею вещью, съ механической жадностью. Мелорсъ чувствуетъ что въ его любовницѣ была та же нѣжность, что въ раннихъ цвѣтахъ. Онъ будетъ защищать ее своимъ сердцемъ до конца, до послѣдняго момента, когда міръ безчувственнаго желѣза и механической алчности окончательно ихъ не раздавитъ.

Меллорсъ часто съ пророческой грустью говорилъ: настанутъ плохіе дни для насъ всѣхъ и для всего міра. У современныхъ людей, превращенныхъ въ рабочихъ насѣкомыхъ, резиновыя трубки вмѣсто жилъ и ноги и лица изъ жести. Это видъ большевизма, который спокойно убиваетъ человѣческую вещь, чтобы обожить механическую вещь. Дайте имъ денегъ и они уничтожатъ весь нервъ человѣчества и превратятъ людей въ маленькія автоматическія машины. Все это кончится всеобщимъ взаимоуничтоженіемъ и гибелью человѣческаго рода.

Постепенно подъ вліяніемъ любви Констансъ въ немъ увеличиваются на-

дежда и воля къ борьбѣ. Обнимая свою любовницу онъ говоритъ самому себѣ: я представляю интимное физическое знаніе между людьми, интимное прикосновеніе нѣжности. И она моя подруга. И должна произойти борьба противъ денегъ, противъ машины, противъ бездушнаго и мертваго идеала общественности.

Книга кончается письмомъ, въ которомъ онъ ей пишетъ: изъ нашей любви родилось пламя. Даже цвѣты созданы совокупленіемъ, соитіемъ солнца и земли. Я и Богъ, это всетаки немного претенціозно. Но маленькое пламя, которое горитъ между вами и мною — это хорошо. Вотъ что я защищаю и буду защищать противъ всей общественности, и всѣхъ угольныхъ копей, и всѣхъ правительствъ. Мы вѣримъ въ это маленькое пламя и въ Бога безъ имени, который не даетъ ему погаснуть.

———

Откровенность описаній и употребленіе словъ и названій, до сихъ поръ въ изящной словесности не употреблявшихся, создали книгѣ Лоренса шумный и немного скандальный успѣхъ. Все вниманіе сосредоточилось на эротическихъ мѣстахъ романа. Между тѣмъ, мнѣ кажется ошибочнымъ видѣть въ «Любовникѣ лэди Четтерле», только эротическое изслѣдованіе. Главное въ книгѣ — это призывъ къ защитѣ человѣческой нѣжности и любви, къ защитѣ теплаго пламени жизни противъ мертвящаго духа сегодняшняго времени, сводящаго всю реальность человѣка къ соціальной функціи, къ логическому, бездушному уму и раціонально - организованному строенію машинъ и городовъ, противъ духа нашедшаго свое послѣднѣе и полное выраженіе въ большевизмѣ. Это призывъ къ защитѣ живого человѣка противъ надвигающейся на него опасности превращенія въ трудовое и мертвое насѣкомое, къ защитѣ человѣческой вещи противъ раздавливающей ее вещи механической.

Въ предисловіи авторъ пишетъ — «послѣ вѣковъ потемокъ — разумъ стремится знать, знать полностью». Но конечно, не о пустомъ и внѣшнемъ знаніи логическаго разума, способнаго строить геометрическія теоремы и машины, но отъ котораго скрыты настоящія вещи, а о какомъ то интуитивномъ прикосновеніи къ реальности, къ самому пламени жизни—говоритъ Лоренсъ. Вотъ почему ему необходимо такъ долго останавливаться на описаніи акта физической любви. Такъ какъ именно въ половомъ соитіи человѣкъ ближе всего соединяется съ тайною факта жизни. И въ смѣлости, съ которой Лоренсъ пытается это описать — его большая заслуга. Есть какая - то страшная ошибка въ томъ, что до сихъ поръ описаніе этого опыта, опыта, въ которомъ человѣкъ больше и глубже чѣмъ когда либо sum предоставлялось порнографическимъ авторамъ, а настоящіе писатели изъ - за страха передъ общественностью ставили точки. И вѣроятно правъ Лоренсъ, когда говоритъ, что благодаря этому умолчанію мы такъ мало знаемъ о тайнѣ брака и въ сознаніи современнаго человѣка моментъ наиболѣе прямого и тѣснаго прикосновенія къ «древу жизни» сводится къ какимъ то механическимъ и слегка смѣшнымъ тѣлодвиженіямъ въ унизительной позѣ.

Лоренсъ пишетъ: настоящее знаніе дается только цѣлостностью вашего сознательнаго существа, вашимъ животомъ и вашимъ поломъ въ такой же степени какъ вашимъ мозгомъ и вашимъ разу-

момъ». Это какъ бы пересмотръ критики чистаго разума, попытка новаго рѣшенія проблемы гносеологіи — утвержденіе любви какъ реальнаго познанія. И мнѣ кажется, что въ этомъ Лоренсъ примыкаетъ къ тѣмъ усиліямъ, которые дѣлаетъ современный человѣкъ, что бы преобразить данное ему формальное и внѣшнее, лишенное «матеріальнаго содержанія» знаніе, въ какое то знаніе, могущее описать и назвать содержаніе темнаго интуитивнаго знанія самой сущности жизни.

Есть мнѣ кажется въ этой книгѣ и какое то продолженіе идей «Эмиля» и «Казаковъ». Но къ сожалѣнію въ рецензіи трудно говорить о всѣхъ тѣхъ важныхъ темахъ, которыя затрагиваетъ Лоренсъ. Замѣчу только, что еще совсѣмъ недавно романы предсказывавшіе что при извѣстныхъ условіяхъ механическая цивилизація можетъ умертвить человѣка и превратить его въ механическаго робота (слово впервые употребленное Чапекомъ въ его знаменитой книгѣ R. U. R. писались въ фантастико - утопическомъ жанрѣ и дѣйствіе въ нихъ происходило въ отдаленномъ будущемъ. Теперь уже эти романы пишутся какъ романы «злободневно - соціологическіе». Все чаще и настойчивѣе раздаются голоса указывающіе на уже начинающееся трагическое превращеніе современной цивилизаціи изъ общечеловѣческаго дѣла борьбы за жизнь, въ мертвую бездушную машину, поглощающую человѣка и умертвляющую пламень жизни. Почти всѣ послѣднія книги говорятъ о появленіи какой то роковой пустоты въ сердцѣ гордой раціоналистической цивилизаціи, о пустотѣ въ которую, дѣйствительно, какъ новая Атлантида, провалится своевременное человѣчество.

Скажу еще, что книга мнѣ представляется въ большей степени романомъ — идей, демонстраціей, чѣмъ повѣстью о «частномъ и неповторимомъ случаѣ» любви двухъ опредѣленныхъ людей. О героях почти все время разсказывается «извнѣ». И отсюда — невозможность для читателя «узнать самого себя». Это приводитъ къ тому, что читатель часто остается равнодушнымъ, такъ какъ повидимому разсказъ о Каѣ можетъ потрясти его сердце, только тогда когда онъ понимаетъ, что Кой такой же «Я», какъ и онъ, и что всякая человѣческая исторія — это исторія обо «мнѣ».

Но несмотря на это книга все-таки доходитъ до сердца и читатель чувствуетъ проникающій ее призывъ къ нѣжности и братству, идущій изъ сердца другого человѣка.

В. В—й.

В. С. Яновскій.
Міръ. Из-во Парабола.
Берлинъ, 1932.

Яновскій посвятилъ свою книгу повседневной жизни и разработалъ свою тему по старому рецепту бытовыхъ описаній. Но міръ у Яновскаго получился далеко не такимъ, какимъ его изображаютъ обычно писатели этого типа.

Гоголь говорилъ, что не можетъ писать быстро «Мервыя Души», потому что долженъ говорить правду, для чего нужно изучить изображаемое со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ частяхъ и деталяхъ.

Съ этой писательской честностью Гоголь соединялъ такую силу воображенія, былъ такъ одержимъ своимъ видѣніемъ, что его изображенія жизни не имѣли никакихъ правъ на объектив-

ность, хотя и оставались въ предѣлахъ реальнаго.

Гоголь въ сущности «сюрреалистъ». У Яновскаго есть въ какой - то долѣ тѣ же качества. Мимоходомъ хочется замѣтить, что нѣтъ ничего «кощунственнаго» въ сопоставленіи величайшихъ писателей съ самыми малыми, особенно если оно касается пріемовъ автора, его способовъ выражать себя. Ихъ вообще въ распоряженіи литераторовъ не такъ ужъ много и они существенно сходны, напримѣръ, въ лирикѣ Гете, Вячеслава Иванова и Юрія Верховскаго.

Яновскій навѣрно поставилъ себѣ цѣлью сказать, даже «разоблачить» правду о мірѣ. И заглавіе для романа онъ выбралъ соотвѣтствующее: Міръ.

Собираясь писать «всю правду», Яновскій навѣрно былъ во власти одного видѣнья, «непостижнаго уму», которое и водило его рукой.

Для того, чтобы наполнить книгу такимъ количествомъ удушливо - зловонныхъ описаній, нужно было не замѣчать въ мірѣ ничего или почти ничего другого.

Человѣкъ у Яновскаго — существо до послѣдней степени нечистоплотное и мелко несчастное. Онъ живетъ въ зловонной ямѣ, гадко и цинично предается порокамъ, но своимъ подленькимъ существованіемъ какъ будто хочетъ вывести на чистую воду всѣхъ другихъ людей.

«Надъ кѣмъ смѣетесь, надъ собой смѣетесь».

Герои Яновскаго какъ будто говорятъ людямъ, съ ними несходнымъ — не притворяйтесь и вы такіе же какъ мы. Заставить бы васъ жить въ нашихъ условіяхъ, гдѣ бы остались ваша чистоплотность, любовь и все, чѣмъ вы сейчасъ кичитесь.

Въ первые годы военнаго коммунизма, безъ свѣта, безъ дровъ, безъ водопровода развѣ и въ самомъ дѣлѣ не погрузились ли всѣ въ Россіи въ «Міръ» Яновскаго. Тогда легко было и «свихнуться» и отдаться во власть навязчивой идеѣ: что иначе и не бываетъ, что это не исключительныя условія, а голая правда, обычно прикрываемая видимостью благополучія и благопристойности.

Можетъ быть именно тогда и вселилось въ Яновскаго то, что онъ выразилъ въ своемъ романѣ. Эта вещь вызываетъ — не отвращеніе къ міру, а жалость къ автору.

Его сарказмъ — не убійственный, мерзость его описаній не лжива, но и только. Бываетъ и то, что описываетъ Яновскій.

Но бываетъ и другое.

Кошмаръ и ясновидѣніе — не одно и то же.

Въ кошмарѣ утрачено чувство пропорціи, въ ясновидѣніи оно достигаетъ высшей силы. Въ томъ и другомъ случаѣ человѣкъ считаетъ свое видѣніе болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ дѣйствительность. Но если ясновидящій чѣмъ дальше, тѣмъ больше притягиваетъ къ себѣ людей, если исторія цѣлой страны постепенно могла стать продолженіемъ и развитіемъ одного изъ романовъ Достоевскаго, — у автора, одержимаго кошмаромъ, нѣтъ и доли такой убѣдительности: все, что онъ описываетъ, можетъ быть подтверждено фактами и все таки все невѣрно.

Какъ человѣческій документъ, «Міръ» Яновскаго все же вещь примѣчательная. Будущіе изслѣдователи нашей эпохи найдутъ слѣды одной изъ болѣзней вѣка въ изступленныхъ славословіяхъ и проклятіяхъ Яновскаго.

Пропитанная всѣми запахами «черной

лѣстницы», книга эта все же интереснѣе многихъ аккуратно и въ пустую написанныхъ романовъ.

Ник. О—ъ.

Сигридъ Ундсетъ.

Въ отдѣлѣ библіографіи принято давать отзывъ лишь о недавно появившихся книгахъ. Это плохая традиція, обязывающая писать о томъ что volens — nolens попадаетъ въ поле зрѣнія. Я думаю, что писать слѣдуетъ о книгѣ, которая взволновала, проникла въ душу, независимо отъ даты ея опубликованія. И какое значеніе можетъ имѣть возрастъ книги? Она рождается каждый разъ, какъ ее читаютъ и каждому является свое лицо по разному.

Въ трилогіи «Кристинъ Лорансъ» и тетралогіи «Олафъ Одунсъ изъ Хестивикена», опубликованными между 1925 и 1930 годами, Сигридъ Ундсетъ находитъ прошлое, утерянное во времени и заставляетъ читателя вживаться въ существованіе ея героевъ и имъ сострадать. Ибо на суровомъ фонѣ сѣверной природы (нѣчто отъ Сельмы Лагерлефъ), развертываетъ она картины человѣческихъ жизней и изступленнаго, «нечеловѣческаго», подчасъ, страданія.

Сигридъ Ундсетъ заставляетъ слѣдовать за собою свободно, и кто разъ пошелъ за нею, тотъ уже не отстанетъ, шагъ за шагомъ дойдетъ до конца. Въ противоположность сушкамъ Джойса, преломленнымъ въ мозгу, она даетъ мощное генеалогическое древо и не малой долей своего успѣха обязана умѣлому примѣненію реалистически - психологическаго метода въ описаніи исчезнувшей эпохи.

Старшая изъ трехъ дочерей норвежскаго археолога Ингвальда Ундсетъ, профессора университета въ Осло, она съ дѣтскихъ лѣтъ помогала отцу въ его научныхъ изысканіяхъ, и глубокое знаніе ею норвежскаго средневѣковаго быта имѣетъ корни въ этомъ раннемъ и позднѣйшемъ изученіи исторіи, археологіи, древнихъ сагъ и обычаевъ.

Трилогія «Кристинъ Лорансъ», («Невѣстинъ вѣнецъ» — 1923; «Хозяйка Хозаби» — 1925; и «Крестъ» — 1927), является плодомъ этого изученія. Это не маскарадъ и не ряженые, а расширеніе жизни человѣка, отнесеніе ея за грань рожденія — въ то, что минуло, сызнова оживляемое творческой силой. И въ симфоніи образовъ доминируетъ одна нота: исторія женской жизни — со дня рожденія и до смерти. Трагическая непримиримость половъ и взаимное мучительство, возникающіе въ любви, напоминаютъ въ романахъ Ундсетъ - Гамсуна. Но Гамсунъ какъ бы скользитъ по поверхности туманными намеками, тогда какъ Ундсетъ въ описаніи страданія достигаетъ библейски - страшной простоты и договоренности.

Мука матери, видящей, какъ высыхаетъ и гибнетъ ребенокъ у ея переполненной отравленнымъ молокомъ груди и не могущей переломить гордость и вернуться къ страстно любимому, уязвленному и тоже непреклонному мужу; еженощное, несмотря на средневѣковые предразсудки, хожденіе Кристинъ на кладбище въ надеждѣ встрѣтить тамъ непримиримаго отца, который, не увидѣвъ ребенка живымъ, можетъ быть, тайно придетъ на его могилу — картины женской боли пронзающія силой. Вообще въ изображеніи скорби, особенно

женской, Сигридъ Ундсетъ достигаетъ въ ясности своей невыносимой остроты.

Въ 1928 году Сигридъ Ундсетъ получила Нобелевскую премію. Норвежское изданіе дорогихъ и объемистыхъ томовъ «Кристинъ Лорансъ» разошлось въ количествѣ ста двадцати тысячъ экземпляровъ. За нимъ послѣдовали переводы на шведскій, финскій, датскій, англійскій (включая и американское изданіе), и нѣмецкій языки. Затѣмъ написана была въ періодъ отъ 1925 по 1930 г. тетралогія «Олафъ Одунсонъ изъ Хестивикена» («Топоръ» — 1928; «Змѣя жалитъ» — 1929; «Смятеніе» — 1929; «Сынъ мститель» — 1930).

Въ «Кристинъ Лоренсъ» данъ образъ сильной женщины, связанной съ недостойнымъ мужчиной. Въ исторіи брака Олафа Одунсонъ и Айнгоннъ — отрицательныя черты характеризуютъ женщину. Есть нѣкоторое сходство и во внѣшнихъ аттрибутахъ обоихъ романовъ, но семейная хроника прошлаго, въ которую Сигридъ Ундсетъ вводитъ читателя, кровно привязываетъ его и не даетъ отъ себя оторваться.

Сигридъ Ундсетъ не чужды мистическія устремленія (уже въ зрѣломъ возрастѣ она приняла католичество). Ея романы по справедливости могутъ быть названы прославленіемъ темной силы католической церкви въ норвежскомъ средневѣковьи. Для насъ въ этой мрачной славѣ видна лишь трагедія придавленной вѣрой личности.

Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о Сигридъ Ундсетъ. Она родилась въ 1882 году въ Каллундборгѣ, въ Даніи, и ребенкомъ была перевезена въ Осло. Въ серіи разсказовъ, напечатанныхъ въ норвежской газетѣ «Афтенпостенъ» она разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ между пыльной археологіей и пыльной улицей. Въ одиннадцать лѣтъ Сигридъ Ундсетъ осиротѣла и за дѣтствомъ послѣдовали юность и молодость, изъѣденная работой. Окончивъ 16-ти лѣтъ «Христіанскую Коммерческую школу», Сигридъ Ундсетъ десять лѣтъ жизни отдала секретарству въ одной и той же конторѣ. По вечерамъ и по праздникамъ тайно писала. Только въ 1907 году, адвокатъ у котораго она служила, увидѣвъ на ея рабочемъ столѣ книгу «Фру Марта Уліе», узналъ, что авторомъ ея является его секретарша.

Но первыя вещи Сигридъ Ундсетъ, написанныя на современныя темы, не имѣли успѣха. Литературная удача ея связана съ опубликованіемъ въ 1911 г. романа «Женни», въ которомъ дано реалистическое описаніе жизни средняго класса въ Осло. Славой современники подарили Сигридъ Ундсетъ съ тѣхъ поръ, какъ она ушла отъ нихъ въ прошлое.

На берегу синяго норвежскаго озера въ Лиллехаммерѣ у Сигридъ Ундсетъ есть домъ, которому тысяча лѣтъ и который она реставрировала. Единственная вещь нашихъ дней въ немъ — піанино. Сигридъ Ундсетъ носитъ одѣяніе временъ викинговъ и окружена собранными ею великолѣпными старинными коллекціями и утварью. Неподалеку отъ ея дома находятся развалины того самаго знаменитаго Хаммерскаго собора, который она такъ возвеличиваетъ въ своихъ романахъ.

Екатерина Бакунина.

Henri Bergson.
Les deux sources de la morale et de la religion. Alcan. Paris. 1932.

Часто говорятъ: наше время, ритмъ нашего времени... что - то смутное еще,

плохо улавливаемое, но уже не только разрушительное, не только отголоски историческихъ катастрофъ, а нѣчто совершенно новое и мѣняющее самое лицо человѣка. Тѣ, кто слышатъ эту внутреннюю, приглушенную музыку любятъ называть имена Бергсона и Эйнштейна, какъ наиболѣе характерныхъ ее воплощеній. Правда, не совсѣмъ ясно почему; думается, что причиной этому является дѣйствительно имѣющееся, небывшее еще, ощущеніе времени и пространства. Это ощущеніе связано съ затменіемъ христіанства; Паскаль писалъ, что Богъ недоступенъ человѣку иначе, какъ черезъ Посредника, — и вотъ у человѣка нѣтъ больше этого Посредника, онъ совершенно одинъ въ огромномъ Космосѣ, который, вслѣдствіе небывалаго расцвѣта математики, какъ-то странно «приблизился», такъ - что и звѣзды уже не тѣ самыя, которыя свѣтили Шиллеру.

Помнится мнѣ, что по пріѣздѣ во Францію первое, что я услышалъ о Бергсонѣ (отъ одного лица лично его хорошо знающаго) было: Но вѣдь онъ - же доказалъ безсмертіе души! Я былъ тогда очень еще молодъ и меня это настолько поразило — то, что безсмертіе души наконецъ доказано; — что еще до ознакомленія съ его книгами я долгое время чувствовалъ нѣчто вродѣ преклоненія, обожанія почти, передъ такимъ человѣкомъ. Потомъ я началъ знакомиться съ его писаніями: удивленіе увеличилось; когда я прочелъ Matière et Mémoire я испыталъ чувство человѣка, обращеннаго въ новую религію. Какъ извѣстно Бергсонъ нашелъ способъ разрѣшать метафизическія проблемы научно - экспериментальнымъ путемъ: метафизика — касательная, совпадающая въ одной точкѣ съ кривой эмпирической дѣйствительности и вопросы метафизики нужно рѣшать именно въ этой точкѣ, такъ — проблему безсмертія души на почвѣ экспериментальной психологіи. Извѣстно съ какой геніальностью Бергсонъ опровергнулъ всѣ тѣ псевдонаучныя теоріи, — выросшія на почвѣ англійскаго эмпиризма, отъ Юма до Спенсера — утверждавшія «параллелизмъ», адекватность душевной жизни дѣятельности мозга,всѣ тѣ грубыя представленія о томъ, что «мозгъ вырабатываетъ мысль, какъ печень желчь», которыя до сихъ поръ считаются въ Совѣтской Россіи послѣднимъ словомъ западно - европейской научной мысли. Утвердивъ автономію духа, бытіе «психической субстанціи» и то, что сознаніе нисколько не является продуктомъ матеріи, Бергсонъ утвердилъ тѣмъ самымъ, что «безсмертіе вѣроятно», что хотя этого и нельзя «доказать», но бываютъ случаи, чему естественныя науки служатъ примѣромъ, когда практически вѣроятность эквивалентна достовѣрности.

Но безсмертіе не все. Человѣкъ не только хочетъ жить, онъ хочетъ жить счастливо и достойно, и тутъ встаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, мимо которыхъ нельзя пройти: лично - ли безсмертіе, что такое зло, есть - ли Богъ? Въ Matière et Mémoire являющейся звеномъ между первыми книгами Бергсона и только - что вышедшей, на эти вопросы отвѣта нѣтъ. Правда, читатель воленъ дѣлать всяческіе выводы, но и самъ авторъ писалъ по этому поводу въ свое время Геффдингу:

« Ce qui concerne le problème de Dieu... ce problème je ne l'ai réellement pas abordé dans mes travaux ; je le crois inséparable des problèmes moraux, dans l'étude desquels je suis absorbé depuis plusieurs années, et les quelques lignes de l'évolution créatrice auxquelles

vous faites allusion n'ont été mises que comme pierre d'attente. »

⁂

Понятенъ, слѣдовательно, тотъ огромный интересъ, который вызвала книга старѣющаго уже человѣка, который всю жизнь «думалъ», послѣдняя книга, можетъ - быть, прямо посвященная этимъ основнымъ и самымъ для человѣка важнымъ вопросамъ. Мы, конечно, не станемъ передавать ея содержанія въ этой замѣткѣ, скажемъ всего — лишь двѣ вещи:

———

Къ «Двумъ Источникамъ морали и религіи» можно подходить тоже двояко и книга совершенно мѣняетъ окраску въ зависимости отъ того, читаетъ - ли ее атеистъ или вѣрующій человѣкъ, особенно христіанинъ. Съ первой, чисто философской точки зрѣнія, о ней можно сказать то - же, что и о всемъ остальномъ творчествѣ Бергсона: Въ своей борьбѣ противъ Канта и интеллектуалистовъ Бергсонъ самъ не смогъ — и это понятно! — избавиться отъ порока, въ которомъ онъ ихъ обвинилъ, отъ того, что они «выражали самое существо жизни», не непосредственно, а посредствомъ аналогіи, метафоры, символа. Конечно - же телеологи пользовались метафорой, когда говорили о «планѣ въ природѣ», цѣлесообразности и т. д., но вѣдь и Бергсонъ говоря о порывѣ, импульсѣ, объ élan vital тоже метафору употребилъ — и не могъ иначе! — съ тою лишь разницей, что метафора перваго рода найдена въ освѣщенной, логической, — второго рода, бергсоновская, — въ неосвѣщенной, эстетической сферѣ сознанія, т. е. въ подсознательномъ. Разница метода таже, что между наукой и искусствомъ и это дало возможность сказать о философіи Бергсона, что она относится ко всякой другой философіи, какъ «воскресный день къ будничному», какъ поэзія къ прозѣ, — однимъ словомъ, что Бергсонъ прежде всего поэтъ и, что онъ убѣждаетъ такъ, какъ убѣждаетъ искусство: обращаясь къ интуиціи. Глубоко, часто геніально, но читая, чувствуешь все время, какъ - бы дѣйствіе какого - то **гипноза.**

Съ точки зрѣнія ума догматическаго, книга является опаснѣйшимъ, антихристіанскимъ ядомъ — и, конечно, не своей близостью къ Шеллингу и нѣмецкому пантеизму. Это ядъ очень характерный для сознанія сегодняшней — хочется сказать: завтрашней, въ отличіе отъ вчерашней, Ницшеанской — Европы. Не говоря уже о вѣрѣ въ осуществленіе Царства Божія на землѣ (для чего и Христосъ былъ созданъ Жизнью), Бергсонъ, въ самомъ концѣ, въ дѣйствительно трагической главѣ о «мистикѣ и механикѣ», восклицаетъ: можно - ли говорить людямъ о любви, не накормивъ предварительно всѣхъ голодныхъ? Можетъ - ли человѣкъ тянуться къ небу, пока могущественная техника не помогла ему овладѣть землей, природой, міромъ? Любовь хочетъ счастья и свободы для всѣхъ, это она двинула мысль на путь механическаго строительства: механика таинственнѣе, чѣмъ принято думать! И механика не хотѣла того бездушія и зла, которыя ее сопровождаютъ. Механическое тѣло человѣка опередило въ своемъ ростѣ его живую душу, но душа вырастетъ вслѣдъ за тѣломъ и это будетъ новый европейскій мистицизмъ.

Достаточно вспомнить, что христіанская традиція считаетъ Каина первымъ строителемъ машинъ и не вѣритъ въ

благополучное окончаніе исторіи. Достаточно вспомнить аналогію между «черными ангелами» и титанами древности и сопоставить это съ заключительными словами книги Бергсона:

«L'univers est une machine à fabriquer des dieux».

Л. Кельберинъ.

Жюльенъ Бенда и молодежъ его вѣка

Объ авторѣ «Предательство клерковъ» поговорили и поспорили въ литературныхъ салонахъ, и издатель отмѣтилъ въ счетоводной книгѣ лишній успѣхъ на книжномъ рынкѣ, а затѣмъ Бенда ушелъ снова куда то на второй планъ, на страницы умныхъ газетъ и толстыхъ журналовъ, въ міръ счетовъ и пререканій литераторовъ, который отдѣленъ отъ настоящей жизни непроницаемой стѣной.

А между тѣмъ, Бенда писатель, который долженъ былъ стать идеологомъ, борецъ, который могъ сдѣлаться предводителемъ, представитель довоеннаго поколѣнія, у котораго были всѣ данныя для того, чтобы зажечь современную молодежь.

И все же приказчикъ книжнаго магазина уже отослалъ на складъ залежавшіеся экземпляры «Предательство клерковъ», и ни одинъ литературный кружокъ молодежи не дѣлаетъ эту книгу предметомъ своего обсужденія. Какая - то еле слышная чуждая нотка помѣшала молодежи пойти за Бенда. Тонкій критикъ, глубокій эрудитъ, блестящій литераторъ не нашелъ дороги къ сердцу человѣка.

По безчисленнымъ путямъ проносятся синіе и красные поѣзда: и въ каждомъ синемъ — сыщики, шпіоны и агитаторы, и въ каждомъ красномъ — танки, баллоны съ газами и прокламаціи. По безчисленнымъ улицамъ торопятся люди на биржу, на сходку, въ штабъ, на политическое собраніе. И на Востокѣ ухаютъ пушки, и на Западѣ люди просятъ хлѣба. Міромъ правитъ борьба.

И кому то стукнуло двадцать или двадцать пять лѣтъ, и кто то въ первый разъ влюбился, и кто то мечтаетъ при звѣздахъ и пишетъ стихи.

Для такихъ людей написалъ свою книгу Бенда, никогда не боровшійся съ жизнью и презирающій всѣми силами своего гнѣвнаго сердца ея грязные мелкіе будни. Жюльенъ Бенда написалъ о величайшемъ предательствѣ, какое видѣлъ до сихъ поръ міръ, о предательствѣ «клерковъ» 20-го вѣка, которые забыли свое назначеніе на землѣ. Философы и священники, писатели и поэты забыли, что ихъ миссія думать и писать о Вѣчномъ, что они должны проходить черезъ жизнь, вскрывая ея раны, и твердить одержимымъ людямъ о милосердіи и о нѣжности, о состраданіи, о Богѣ, о любви.

Клерки XX-го вѣка вышли изъ кабинета, увѣшеннаго портьерами, на улицу, привѣсили себѣ ярлыкъ, стали за флагомъ и отдали свой талантъ на служеніе преходящей, однобокой идеѣ, какъ ломовой извозчикъ или мельникъ отдаютъ ей хриплый голосъ и кулаки. Горькій и Драйзеры, Барбюе и Додэ, оставили Вѣчное для современнаго, проникновенное созерцаніе для борьбы, милосердную улыбку пониманія для гримасы ненависти и злобы. Клерки XX-го вѣка позорно и подло предали свое званіе.

Такова основная мысль Бенда, и потому онъ безконечно близокъ всѣмъ

тѣмъ, кому исполнилось 20 лѣтъ. Ибо клерки этого вѣка предали не только свое абстрактное званіе, они предали живыхъ людей, воспитавшихся на ихъ произведеніяхъ и тщетно стремящихся найти въ нихъ крупинку Вѣчнаго, намекъ на все то, что позволило бы имъ вырваться изъ стальныхъ щупальцевъ бездушнаго вѣка.

Ибо тѣ, кому исполнилось 20 лѣтъ, кто родился въ борьбѣ, воспитался на борьбѣ и всю свою жизнь ничего кромѣ борьбы не видѣлъ, категорически отказываются посвятить свое существованіе отвоеванію провинціи, соціализаціи производства или страхованію отъ безработицы.

Ибо тѣ, кому исполнилось 20 лѣтъ, жаждутъ Вѣчнаго и имѣютъ право требовать, чтобы имъ о немъ говорили.

Потому, именно, ихъ предали современные клерки. И потому имъ близка книга Жюльена Бенда.

Чуждъ лишь одинъ конецъ ея, такъ какъ Бенда прокуроръ, произнесшій обвинительную рѣчь и не потребовавшій отъ присяжныхъ никакого наказанія, полководецъ разсказавшій передъ боемъ о звѣрствахъ непріятеля и не объявившій войску, что поведетъ его въ сраженіе.

Книга заканчивается на томъ, какъ улыбнутся Христосъ и Сократъ, подумавъ, что погибли за этотъ самый міръ.

Бенда объяснилъ, описалъ, констатировалъ, и не предложилъ никакого выхода, не привелъ ни одной мѣры противодѣйствія, и за его безвольнымъ концомъ таится безконечная безнадежность, увѣрованіе въ то, что все равно, ничто не измѣнимо и никому нельзя помочь.

И этимъ Бенда отдѣляется отъ молодежи.

Такъ какъ за концомъ таится цѣлое міросозерцаніе, не новое, прекрасное и безпредѣльно - опасное. Такъ думалъ греческій философъ, безстрастно слѣдя за движеніемъ облаковъ. Такъ думалъ Бодлэръ, утопая въ клубахъ ядовитаго дыма. Такъ печально твердилъ Блокъ въ послѣдніе дни своей жизни, ходя по заиндевѣлой мостовой за пайкомъ въ Домъ Литераторовъ.

Ничто въ мірѣ неважно. Всѣ умрутъ и все останется по прежнему, — значитъ, не нужно желать, не нужно стремиться, нужно жить тихо и мудро, смотрѣть на звѣзды и думать о несуществующемъ.

Таково видѣніе, плѣняющее усталыя души своей мертвенной красотой.

И противъ подобнаго міросозерцанія всѣми силами своей жизнерадостности, своей стойкости, своей живучести возстаетъ современная молодежь. Ибо тѣ, кому исполнилось 20 лѣтъ, не только не желаютъ умерщвлять въ своемъ сердцѣ всѣ желанія, но имѣютъ достаточно отваги для того, чтобы развить ихъ, расширить, обогатить, и добиться ихъ осуществленія. Вѣкъ борьбы сдѣлалъ молодежь закаленной и стойкой, научилъ ее не только желать, но и овладѣвать желаемымъ. И въ своемъ стремленіи къ Вѣчному она надѣется только на свою силу.

Когда эскадронъ наполеоновскихъ драгунъ предавалъ командиръ, эскадронъ становился въ каррэ и бился до побѣднаго конца или погибалъ. Когда молодежь предаютъ ея естественные предводители — клерки, — ей остается сформировать каррэ.

И въ отвѣтъ на предательство Вѣчнаго — молодежь призываетъ на бой за Вѣчное.

Такъ и стоятъ передъ авіаціонными эскадрильями готовыми къ бомбардировкѣ, передъ афишами, призывающими къ возстанію, передъ злобной, кровожадной толпой, сѣдой человѣкъ съ тонкой, чуть усталой улыбкой и студентъ сжимающій кулаки.

Можетъ быть, много студентовъ разныхъ странъ возстанутъ противъ желѣзнаго вѣка и напишутъ на всѣхъ прокламаціяхъ, на всѣхъ стратегическихъ трактатахъ свое стремленіе къ нѣжности, къ любви, къ милосердію, и сѣдой человѣкъ посѣтуетъ на себя, что не принялъ участія въ этой борьбѣ. А можетъ быть, блестящія стальныя машины медленно пригнутъ молодежь къ землѣ, людскіе сапоги обдадутъ ее грязью и она пойметъ, что всякая непокорность безцѣльна, и что высшія стремленія направлены не на этотъ міръ.

А пока такъ и брошены въ протестъ этому вѣку мудрое проникновеніе и дерзкій вызовъ, сознаніе неважности всего земного и желаніе перестроить по своему всю жизнь, натискъ и созерцаніе, стремленіе Блока къ Тихому, Свѣтлому, Чистому, и стихъ Гумилева о томъ, какъ убивать львовъ.

Юрій Волинъ.

А. Буровъ.
Разсказы, нѣмецкое изданіе)*

Люди находящіеся «между молотомъ и наковальней». Люди маленькіе, большой политикой не занимающіеся. Во время грозныхъ потрясеній послѣднихъ пятнадцати, двадцати лѣтъ, не было слышно ихъ голосовъ. Люди, говорящіе вполголоса. Шопотомъ. Даже крича, даже умирая. Вотъ они влачатъ разбитую жизнь, тоже еле слышно, безъ крова, безъ друзей, безъ родины, которая ими утеряна. «Даже, когда исчезаетъ надежда, что - то еще остается всегда...» Это «что - то» поддерживаетъ ихъ существованіе. О немъ они шепчутся, въ изгнаніи, на полуискалѣченномъ языкѣ (теряющемъ своеобразность въ переводѣ), — который такъ подходитъ къ ихъ полуискалѣченной жизни. Человѣческая «трава жизни», растоптанная грубымъ шагомъ Исторіи.

Поэтъ близко видитъ этихъ людей, такъ близко, что иногда не только шопотъ ихъ, но и дыханіе слышитъ. Всѣ они з д ѣ с ь не то, что были т а м ъ, т а м ъ, гдѣ онъ видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ 15 или 20 лѣтъ тому назадъ. Они «замаскированы»: промышленники превратились въ ресторанныхъ служащихъ, агрономы въ цирковыхъ актеровъ, графы стали мэтръ - д-отелями или шоферами, инженеры — неудачливыми спекулянтами на биржѣ, Ротшильдами на одну ночь... Но чаще еще они не имѣютъ ни положенія, ни занятія. «Торговцы воздухомъ»... Почти не живыя существа, почти привидѣнія, маски на трагическомъ карнавалѣ современности. И подъ маской голосъ еще слабѣе, еще невнятнѣе... Бормотаніе, шопотъ:

— ...Валюта... Хлѣбъ... Богъ... Родина; знаешь - ли, помнишь - ли еще?..

Какъ лейтмотивъ возвращается это «Помнишь - ли?» — запоздалый, отчаянный, безцѣльный крикъ въ темноту, въ умершее прошлое. Конечно, они по-

---

*) Второй томъ выходитъ въ скоромъ времени по русски въ издательствѣ «Числа».

мнятъ — эти бывшіе пасынки большой страны, обширной Россіи — эти второклассные граждане, всѣ почти — евреи, терпѣвшіе дома несправедливость, преслѣдованія, униженіе, погромы. Но объ этомъ они уже ничего не знаютъ, не хотятъ знать. Забыли, простили, вычеркнули изъ памяти. Этого нѣтъ... Въ памяти только: огромное, русское солнце надъ безконечными, зелеными равнинами, — и русское искусство, бывшее почти религіей, — и уютная, близкая сердцу атмосфера медленной, повседневной жизни... Помнишь - ли еще?..

И опять они бормочутъ, не въ силахъ выразить мысли и чувства... Поэтъ внимательно прислушивается, хочетъ разобрать, что они бормочутъ? И такъ - какъ герои его разговариваютъ слишкомъ тихо, то онъ старается сдѣлать говоръ ихъ отчетливѣе, громче, какъ - бы съ помощью громкоговорителя. И такимъ способомъ бормотаніе начинаетъ походить на языкъ человѣческій — бормотаніе, полу - говоръ, тихій крикъ этихъ трагически замаскированныхъ личностей.

Поэтъ наблюдаетъ также жизнь и ростъ новаго, уже въ изгнаніи родившагося поколѣнія.

Осипъ Дымовъ.

Объ Аскезѣ въ литературѣ

Письма Екатерины Мансфильдъ.

Есть книги, которыя читаешь съ ощущеніемъ живого тѣла, которое просыпается и начинаетъ жить и шевелиться подъ руками. Къ такимъ книгамъ принадлежатъ «Письма» Екатерины Мансфильдъ, молодой англійской писательницы, сгорѣвшей отъ туберкулеза и лишь недавно, завоевавшей себѣ извѣстность во Франціи.

Эти письма, пронизанныя чисто англійскимъ юморомъ, прозрачныя той простотой, за которой, какъ за стекломъ живетъ вода съ безчисленными атомами и милліонами разнородныхъ частицъ — притягиваютъ къ себѣ своей исключительной, рѣдкой правдой. Въ каждомъ письмѣ собраны кусочки жизни — жизни съ большой буквы, которую не только любила, но умѣла любить эта больная, почти умирающая женщина Въ каждомъ письмѣ переплетено внутреннее съ внѣшнимъ и органически слитно живутъ рядомъ ваза съ поставленнымъ въ ней цвѣткомъ и тонкая мысль о литературѣ.

Жизнь, любовь и правда. Эти три слова, съ максимальной простотой произносимыя, безъ тѣни подчеркнутости или аффектаціи, являются тройнымъ фундаментомъ, на которомъ она строитъ свое міровоззрѣніе. Это особенно цѣнно въ ея отношеніи къ литературѣ. Вотъ что пишетъ она своему мужу по прочтеніи книги, поразившаго ее автора: «Мое сердце рвется ко всякому человѣку, пережившему подобный опытъ. Нужно все сказать — все. Это мнѣ кажется все болѣе и болѣе необходимымъ. Въ сущности это единственное сокровище, единственное наслѣдство, которое мы можемъ оставить — это наше малое зерно правды».

Эти «зерна правды» разбросаны въ каждомъ письмѣ. Ими должно быть засѣянъ и весь ея Дневникъ, напечатаніе котораго по французски, является дѣломъ ближайшаго времени.

«Я не смѣю писать Дневникъ... Мнѣ будетъ слишкомъ хотѣться всегда гово-

рить правду «звучитъ парадоксальная мысль, разбивая обычный штампъ» — «я боюсь писать дневникъ, ибо никогда не сумѣю сказать въ немъ правду». И дальше: «У меня такой ужасъ передъ тривіальностью, а большая часть моей книги, изданной Констэблемъ тривіальна. Безполезно это скрывать отъ самой себя».

Честность по отношенію къ себѣ, такая же оголенная, какъ по отношенію къ другимъ. Вотъ исключительная по глубинѣ выдержка изъ письма къ одному изъ ея друзей:

«Можно сказать въ самомъ дѣлѣ, что міръ дошелъ до степени невѣроятной деградаціи. Но мы это знаемъ, насъ не обманешь, хотя тотъ фактъ, что мы знаемъ, что мы отъ этого страдаемъ каждый на свой ладъ, не дѣлаетъ менѣе чудесной жизнь — жизнь міра, жизнь, открываемую намъ звѣздами, нашими чувствами или чувствами тѣхъ, кого мы любимъ. Я думаю, что люди нашего поколѣнія должны были бы жить съ очень яснымъ сознаніемъ огромнаго, торжественнаго, страстно волнующаго и таинственнаго задняго плана. Это наша религія и наша вѣра. Какъ бы слабы мы ни были, у каждаго изъ насъ есть свой жестъ, который мы должны сдѣлать, потому - что онъ призванъ сыграть свою роль въ общемъ планѣ вещей. Что насъ толкаетъ? Благодаря чему открывается намъ то, что каждый долженъ сдѣлать свое открытіе въ жизни, Вы — свое, а я — свое? То, что мы артисты — и единственные, свободные существа, которые подчиняются одному закону. Вотъ въ чемъ тайна и мы не откроемъ ее никогда. Мы будемъ знать о ней лишь чуть - чуть больше въ часъ нашей смерти. Это будетъ все и этого достаточно. Но именно потому, что мы это чувствуемъ, мы не должны впускать профановъ въ наше святилище. Мы принадлежимъ къ Ордену Артистовъ и орденъ этотъ суровъ».

Екатерина Мансфильдъ точно держитъ въ рукахъ компасъ, который безошибочно направляетъ ея мысль къ воспріятію жизни, человѣка и книги по правильному пути. Потому такъ точны ея оцѣнки, потому такъ портретны записи характерныхъ разговоровъ съ садовникомъ, приходящей работницей, ребенкомъ или писателемъ, вымышленные діалоги съ далекимъ другомъ, зарисовки неба, разсвѣта и природы, которую она любитъ, какъ живое существо...

Наряду съ уцѣлѣвшей и сохранившейся романтичностью — изящной и женственной, — въ ней живетъ ясное пониманіе реальнаго міра и очень обнаженное воспріятіе современности. Обѣдненіе искусства, ложь и тривіальность въ литературѣ заставляютъ ее настораживаться, мгновенно сжиматься и рѣзко клеймить то, что, по ея мнѣнію не достойно литературы и писателя. Для нея артисты — замкнутый кругъ съ суровымъ уставомъ, который бережно охраняется его членами. Эта строгость и отвѣтственность за написанное — удѣлъ и привиллегія немногихъ. Но мысль объ аскезѣ, о творческой строгости и широко понятомъ послухѣ художника не пропадетъ. Она проростетъ сквозь современную безотвѣтственность и можетъ - быть скорѣе чѣмъ мы это думаемъ — станетъ знаменемъ, вокругъ котораго соберутся всѣ, кому дорогъ отвѣтственный творческій актъ.

Лидія Крестовская.

Jacques de Lacretelle.
Les Hauts Ponts. Sabine
N. R. F. 1932.

Во французской литературѣ наблюдается странное явленіе. Писателямъ тѣсно въ рамкахъ короткаго романа въ 200-250 страницъ, навязаннаго издательствами и повидимому отвѣчающаго вкусамъ «широкой публики». И вотъ они ищутъ выхода изъ этого положенія, выпускаютъ тѣ же, сравнительно небольшія, сюжетно - законченныя книжки, но романы становятся продолженіемъ одинъ другого, превращаются въ серіи, иногда многотомныя. Таковы, напримѣръ, «Тибо» Роже Мартэнъ - дю - Гара или огромная эпопея Ренэ Беэна, писателя малоизвѣстнаго, но выдвинутаго Леономъ Додэ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ «угадчиковъ» нашего времени.

Объявлено о выходѣ такой же серіи романовъ Лакретеля, подъ общимъ названіемъ «Les Hauts Ponts» — Высокіе Мосты». Это названіе имѣнія, за обладаніе которымъ борется семья, то богатѣющая, то разоряющаяся и унаслѣдовавшая имѣніе со временъ еще дореволюціонныхъ. Удивительно, какъ тема собственности, усадьбы, торговаго дома, а также тема семьи все непрерывнѣе повторяются во французскихъ книгахъ. Къ первой относятся «Les Varais» Шардонна, « Saint - Saturnin » Шлемберже, «Bernard Quesnay» Моруа. Ко второй — «Cercle de Famille» того - же Моруа, вышеназванные «Тибо» и сколько еще другихъ. Большевики бы въ этомъ усмотрѣли буржуазный «соціальный заказъ» или «поэзію умирающаго капитализма». Можетъ - быть, въ этомъ и есть инстинктивное сопротивленіе здоровыхъ слоевъ надвигающейся анархіи и разрушенію.

Лакретель — писатель утонченный, безукоризненнаго вкуса, пожалуй нѣсколько блѣдный. Имъ написаны вещи разнородныя, неровныя, порою очень талантливыя. Лучшія изъ нихъ, мнѣ кажется, «Lettres Espagnoles», «Ame Cachée» и «Silberman». Все это — книги современныя, сложныя, чуть - чуть импрессіонистическія. Только - что вышедшая «Sabine» первая часть серіи « Les Hauts Ponts » попытка создать романъ классическій и о далекомъ прошломъ.

Дѣйствіе происходитъ вскорѣ послѣ Франко - прусской войны, въ дворянской усадьбѣ, въ глухомъ уголку Вандеи. Сабинъ, героиня романа, моложавая тридцатипятилѣтняя женщина, смутно тяготится размѣренной жизнью, предписанной мужемъ, Александромъ Дарамбэръ, человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ чрезмѣрно себя сдерживающимъ. Онъ одинаково боится денежныхъ тратъ, сильнаго чувства, новыхъ воззрѣній. Бѣдная жена слѣпо вѣритъ въ незыблемость его правилъ, но у нея восторженное сердце, душевная широта, природная безпечность. Ее тянетъ къ иной, любовно - жертвенной и волнующей жизни. Однако Сабинъ отравлена духомъ времени, дома, среды. Въ послѣднюю минуту ей страшно очутиться въ непривычной роли. И по разнымъ причинамъ не удаются оба ея «романа» — печальные, наивные, до смѣшного невинные. Все ограничивается бездѣятельной дружбой въ одномъ случаѣ и безобразнымъ разочарованіемъ въ другомъ.

Въ концѣ, какъ и подобаетъ классическому роману, рядъ непоправимыхъ несчастій и смертей. Умираетъ отъ чахотки Сабинъ, умираетъ ея мужъ, имѣніе продается изъ - за долговъ. Молоденькая Лизъ, ихъ единственная дочь, унаслѣдовавшая энергію и дѣльность

своей прабабушки, той, которая положила начало семейному богатству, твердо рѣшаетъ опять добиться богатства и выкупить имѣніе. Это и будетъ вѣроятно темой одной изъ слѣдующихъ книгъ.

Передъ смертью и Сабинъ и ея мужъ въ какой - то степени «прозрѣваютъ», жалѣютъ о неудавшейся жизни и съ благодарностью вспоминаютъ лишь минуты отступленій отъ «незыблемыхъ правилъ». Быть - можетъ, въ этомъ и мораль Ланкретелевскаго романа.

Мнѣ кажется, «Сабинъ» не изъ лучшихъ его книгъ. Въ повѣствованіи и слогѣ имѣется какая - то искусственность, которая мѣшаетъ читателю сосредоточиться и увлечься. Но, какъ всегда у Лакретеля, въ романѣ много тонкихъ наблюденій. Въ немъ также обычная у него серьезная и умная разсудительность.

Ю. Фельзенъ.

Die junge russische Literatur in der Emigration, von Dr. Eugenie Salkind. „Osteuropa", Berlin.

Въ очень интересной и обстоятельной статьѣ г-жа Залкиндъ знакомитъ нѣмецкихъ читателей съ положеніемъ молодой русской литературы въ эмиграціи

Перечисливъ имена молодыхъ писателей, (Фельзенъ, Газдановъ, Сиринъ, Яновскій и др.), и давъ краткую характеристику ихъ писаній, авторъ статьи, упоминая періодическія изданія, особое зниманіе удѣляетъ «Числамъ». Констатируется вліяніе западно - европейской литературы, — но вліяніе творчески преображаемое, — на молодыхъ писателей; объясняется оно тѣмъ, что именно на западѣ осознана вся значительность перемѣны, происшедшей въ мірѣ въ послѣдніе десятилѣтія, и группа «Чиселъ» — впервые за двѣнадцать лѣтъ эмиграціи — провозгласила право на поиски и осознаніе новаго, на разрывъ съ «традиціями» если они только традиціи и уже не выражаютъ душевнаго строя современнаго человѣка. Приводятся цитаты изъ статей Оцупа и Адамовича, Поплавскаго и Варшавскаго. Вліяніе Пруста и Жида особенно велико. Этотъ послѣдній даже указываетъ путь эмигрантскому молодому человѣку изъ «темноты и пустоты во внутрь жизни» (Варшавскій).

Интересно, что г-жа Залкиндъ (слишкомъ, можетъ - быть, много удѣляющая вниманія «вліяніямъ») вліянія нѣмецкаго не находитъ вовсе (даже на писателей, какъ Сиринъ) и объясняетъ это публицистическимъ характеромъ современной нѣмецкой литературы.

Жалко, что, въ общемъ очень серьезной — особенно для нѣмецкихъ читателей — статьѣ не удѣлено мѣста также поэзіи въ эмиграціи, а не только прозѣ (изъ поэтовъ упомянутъ только А. Ладинскій).

Л. К.

Ю. Олеша
«Вишневая Косточка», разсказы Издательство «Федерація». Москва, 1931 г.

Юрій Олеша — умный авторъ. Уже «Зависть», а теперь и новая книжка его, разсказы въ сборникѣ «Вишневая косточка», обнаружили строгую логичность

и выдержанную цѣлесообразность его суховатаго лаконичнаго разсказа, какую-то намѣренную осторожность въ движеніи. Юрій Олеша — чуждъ аффектаціи, въ немъ нѣтъ срывовъ, но нѣтъ и непредвидѣннаго паренія. На немъ отражается печать вѣка: чертежъ и пунктиръ, экономія средствъ выраженія, бережливость интонацій. Онъ щадитъ читателя, онъ внимателенъ къ нему. Рожденный писателемъ въ годы строительнаго гипноза и индустріализаціи, Ю. Олеша точенъ: онъ знаетъ, что краткость и отчетливость основныя предпосылки побѣды.

Но Юрію Олешѣ очевидно также, что самая остроумная схема никогда не превращается въ литературное произведеніе сама собой. И здѣсь на выручку пришло его зрѣніе. У Ю. Олеши — глаза натуралиста. Онъ замѣчаетъ многое. Правда, онъ умѣетъ и показать видѣнное. У него «раки были зеленоватаго, водопроводнаго цвѣта», «пиджакъ лопнулъ въ подмышкахъ, выпустилъ вату, и теперь она курчавилась по обѣимъ сторонамъ спины, напоминая крылышки», сосокъ женщины былъ «розовый, съ нѣжными, какъ пѣнка на молокѣ, морщинами».

Но, главное, Юрій Олеша — фантастъ. У него — душа мечтателя. Легкое движеніе, чуть замѣтный поворотъ — и реальный міръ становится призрачнымъ, натуралистъ превращается въ поэта, рай спускается на землю и въ раю живутъ, непозволительно наслаждаются герои Олеши — и марксистъ Шуваловъ, превращающійся въ идеалиста («Любовь»), и становящійся вдохновеннымъ пророкомъ скромный канцеляристъ Козленковъ («Пророкъ»), и самъ авторъ, смотрящій въ свое прошлое или разсказывающій о себѣ, какъ писателѣ, и старуха — «палеонтологъ», видящая то, чего давно нѣтъ, и герой, прозрѣвающій ростъ изъ косточки вишневаго дерева, и мальчикъ Александръ въ прекрасномъ разсказѣ «Ліомпа».

Міръ измѣнился, размѣры его — условны, каждое реальное движеніе имѣетъ свой глубочайшій сокровенный смыслъ и все соединено, все восходитъ къ личности героя. Человѣкъ — центръ міра. Онъ создаетъ міръ такимъ, какимъ онъ ему нуженъ. Онъ — творецъ и законодатель. Иногда онъ — только ясновидящій, провидецъ. Но онъ никогда не подчиняется внѣшнему. Даже умирая и сознавая, что вещи существуютъ внѣ его сознанія, герой Олеши стремится произнести заклятіе, разрушить жизнь, унести съ собой, забрать все, что составляло обстановку вокругъ человѣка («Ліомпа»). Даже объясняя, что грубая плотская причина обусловила видѣнія Козленкова, Олеша не производитъ разоблаченія его пророческаго пафоса. Ему понятенъ восторгъ созиданія и онъ цѣнитъ даръ сновидѣній.

Романтизмъ окутываетъ автора. Потому такъ заботливо охраняетъ онъ своихъ героевъ, забывающихъ будни и преодолѣвающихъ ихъ. Потому для него второстепенная вещь — сюжетъ, разсказы его строятся на ассоціаціяхъ, на расчлененіи сознанія, на увлекательномъ наблюденіи за человѣкомъ. Фабулы или нѣтъ, или она, какъ въ «Зависти», откровенно убога (вѣдь главный сюжетный поворотъ въ «Зависти» построенъ на наивнѣйшемъ пріемѣ: случайной путаницѣ записокъ).

Ю. Олеша анализируетъ. Онъ строгъ даже въ ироніи. Онъ медленно подбираетъ слова. Недаромъ признается онъ, что начало «Зависти» имѣлось у него въ 300 варіантахъ.

Страница наполняется медленно. Но читать ихъ приходится тоже медленно, вглядываясь вникая, — трудное и благодарное занятіе. И, только усвоивъ авторскій методъ, понявъ его намѣренія, читатель пойметъ настоящую мужественную взволнованность Ю. Олеши судьбой человѣка и его подлинную увлеченность творчествомъ.

Ник. Андреевъ.

Леонидъ Леоновъ.
Саранчуки. Повѣсть. Государствен. издат-во Художественной Литературы. Москва — Ленинградъ, 1931 г.

Послѣ появленія «Соти» кто - то изъ критиковъ назвалъ Леонова «первымъ писателемъ» русской современности. Сравнительная таблица распредѣленія способностей, своего рода «табель о рангахъ», плохо приложима къ литераторамъ и литературнымъ фактамъ. Субъективизмъ читательско - критическихъ оцѣнокъ (Чеховъ или Горькій, Бунинъ или Ремизовъ, Пильнякъ или Булгаковъ, Сиринъ или Олеша) былъ бы оправданъ не дѣленіемъ авторовъ на первыхъ, вторыхъ и третьихъ, но единственно выясненіемъ индивидуальныхъ чертъ каждаго...

«Саранчуки» — производственная повѣсть. По характеру своему она стоитъ почти у порога ударнаго очерка, посвященнаго специальной и какъ - будто бы сухой темѣ — о борьбѣ съ саранчей. Но Леоновъ — съ искусствомъ чрезвычайнымъ — создаетъ интереснѣйшую завязку, намѣчаетъ возможность романическаго развитія темы, снижаетъ лирическій планъ до бытового, вводитъ элементы очерка, и, въ итогахъ, оказывается поднятой проблема о назначеніи человѣка, о смыслѣ его работы, о человѣческомъ достоинствѣ.

Герой повѣсти Мароновъ еще не растратившій ни молодого возбужденія, ни увлеченія революціей, попадаетъ на работу въ Среднюю Азію. Ожиданіе чудесъ томитъ его, но Азія встрѣчаетъ мелкимъ сѣвернымъ дождикомъ. Цвѣтная и пестрая жизнь обступаетъ его позднѣе. Мароновъ, видавшій виды, схоронившій на Новой Землѣ въ полярную ночь своего брата, встрѣчаетъ женщину, изъ - за которой бѣжалъ его братъ на смерть въ полярную зимовку. Мароновъ ждетъ чудесъ. И чудеса приходятъ, но неожиданные — въ работѣ, въ сплоченной войнѣ съ налетѣвшей саранчей за хлѣбъ, за будущее страны. И Мароновъ мѣняется. Постепенно, незамѣтно узнаетъ онъ и смѣшную слабость людей, кичащихся своимъ маленькимъ личнымъ интересомъ, цѣпляющихся только за него, и отвратительность хищной неодушевленной саранчевой любви, и окончательно уясняетъ силу сплоченности во имя солидарности въ трудѣ, и жалкую погоню только за личнымъ счастьемъ, и весь «флеръ - д-оранжевый вздоръ» взлелѣянныхъ мечтаній о сабельныхъ ударахъ, великихъ дѣлахъ и великой славѣ. Луна играетъ для него уже «дрянной вальсъ». Мароновъ превращается въ «спокойнаго, ровнаго и мудраго». «А онъ - то, чудакъ, думалъ, что тотчасъ же за горизонтомъ юности начинается его закатъ». Онъ уѣзжаетъ на сѣверъ. «И опять начинался сѣрый мурманскій дождикъ». Но онъ не томитъ уже Маронова, ему было ясно, что просто «дѣло склонялось на осень».

Леоновъ, сдержанный въ «Саранчу-

кахъ» и немногословный, направляетъ читателя къ принятію той суровой жизни, которая мѣняетъ его героя. Леоновъ внушаетъ, что трудная правда его страницъ — непремѣнное условіе построенія жизни, принятія жизни, пониманія задачъ жизни. Пожалуй, только у Леонова такое внушеніе и оказывается сейчасъ убѣдительнымъ.

О Леоновѣ принято говорить, какъ о продолжателѣ линіи Достоевскаго. Вѣроятно, эту линію можно увидѣть въ страстной внимательности Леонова къ больнымъ и смущеннымъ душамъ. Яснѣе всего это проявилось въ «Ворѣ». Но можно утверждать, что основного пристрастія Достоевскаго — къ душевнымъ катастрофамъ — у Леонова нѣтъ.

Ник. Андреевъ.

Русскій театръ
Театръ «Русская Драма» въ Ригѣ.

Тяжелый массивъ зданія выходитъ своимъ переднимъ коричневымъ фасадомъ въ паркъ. Холодное снаружи, оно не грѣетъ и внутри. Длинный зрительный залъ, съ прямыми рядами вѣнскихъ стульевъ, говоритъ о скудости средствъ. Онъ принесенъ въ жертву сценѣ. Техническія усовершенствованія поглощаютъ всѣ крохи, остающіяся отъ насущныхъ расходовъ.

Объ этомъ театрѣ нужно писать, нельзя не писать: онъ единственный русскій постоянный театръ зарубежомъ, и его не слѣдуетъ называть и считать только рижскимъ. «Русская Драма» — путешественница. Ея труппа выѣзжаетъ за границу Латвіи, посѣщаетъ Литву, Эстонію, Польшу, конечно, систематически происходятъ поѣздки въ провинцію, въ глухіе углы Латвіи, мѣстечки, оторванныя отъ центра.

Всѣ десять лѣтъ театръ выполнялъ большую культурную работу, и его художественная дѣятельность была справедливо оцѣнена латвійскимъ правительствомъ. «Русская Драма», театръ русскаго меньшинства, всѣ эти годы пользовалась регулярной государственной субсидіей. Ее нужно считать, во всякомъ случаѣ, достаточной, — можетъ быть, даже щедрой. 150.000 французскихъ фр. было той цифрой, которая поддерживала театръ, давала возможность ему дышать и жить, — пусть скромно, все-же безъ страха завтрашней смерти.

Въ сущности, только эта помощь и была единственнымъ оборотнымъ капиталомъ, необходимымъ для сноснаго существованія театра. Сезонъ открывался 25 октября, подготовительная работа начиналась за полтора мѣсяца до начала сезона, заказъ матеріаловъ, переводы иностранныхъ пьесъ, жалованіе актерамъ и служащимъ неизмѣнно требовали свобо:ной наличности. Такъ жилъ этотъ театръ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.

Юбилейная дата оказалась несчастливой. За ней послѣдовали невзгоды. Объ одной изъ нихъ знаете вы сами, — какъ знаетъ весь міръ, — эта невзгода называется «кризисомъ». Весной этого года пришла и вторая бѣда. Сокращая бюджетъ, урѣзывая его всюду, гдѣ можно, правительство отказало въ субсидіи и «Русской Драмѣ». Это нужно разсматри-

вать, какъ тяжкій ударъ. Отказъ въ матеріальной поддержкѣ ставитъ сейчасъ театръ въ безвыходное положеніе. Объ этомъ должно пожалѣть отъ всей души. Исторія «Русской Драмы» знаетъ не только свѣтлыя, но и красивыя страницы. Конечно, и прежде нависали тучи, приходили по временамъ тяжелые моменты, театръ часто радовалъ и поднималъ нашъ духъ, иногда огорчалъ и снижалъ настроеніе но никогда онъ не складывалъ оружія въ борьбѣ за свое существованіе, неровное и трепетное.

Какъ бы ни быть придирчивымъ, трудъ и дѣла «Русской Драмы» заслуживаютъ полнаго уваженія, достойны всякаго признанія. За эти десять лѣтъ театръ далъ 2217 представленій. Въ своихъ задачахъ и работѣ онъ старался быть неизмѣнно широкимъ, преслѣдовалъ истинно общественныя цѣли. За это время имъ было роздано 350.000 безплатныхъ билетовъ, и ими пользовались одинаково русскія общественныя организаціи, учебныя заведенія, какъ и рабочіе, какъ и солдаты латвійской арміи. Объ эомъ приходится вспомнить не только потому, что рѣчь идетъ о задачахъ театра. Тема о рижской публикѣ напрашивается сама собой. Во многомъ это — совсѣмъ особенная аудиторія.

Въ зрительный залъ наша публика вноситъ чрезвычайную пестроту своихъ настроеній, національныхъ характеровъ, капризныхъ требованій и вкусовъ. Рижская публика нервна. Она еще и непостоянна. У нея быстро наступаетъ пресыщенность. А такъ какъ театральная толпа Риги сравнительно малочисленна, — легко представить себѣ, какую тяжкую, изнуряющую, непрерывную работу долженъ совершать театръ, какъ напряженно должны работать актеры, какая суета происходитъ въ смѣнѣ пьесъ, какъ вынуждена «Русская Драма» пестрить свой репертуаръ.

При нормальныхъ, установившихся условіяхъ, театръ еще можетъ проводить въ жизнь свой намѣченный планъ, соблюдать извѣстную послѣдовательность, но стоитъ этимъ условіямъ хотя бы слегка измѣниться, какъ все сразу сотрясается, и театру тотчасъ же грозитъ утеря большей или меньшей части своихъ зрителей. А ихъ надо вернуть, ихъ нельзя упускать. Разлука рижскаго зрителя съ театромъ не можетъ быть временной, — она должна стать роковой и смертельной.

И, вотъ, приходится идти на уступки, на компромиссъ съ художественной совѣстью .Невольно и грустно въ атмосферу театра вносятся элементы суетности, торопливости и шатанія. Устойчивое равновѣсіе нарушается. Нервно учащается темпъ смѣны новыхъ постановокъ. Происходитъ ломка серьезнаго репертуара, — его вытѣсняютъ легкія развлеченія. Првда, въ данномъ случаѣ «Русская Драма» не избѣгла участи всѣхъ европейскихъ театровъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ число постановокъ были включены двѣ оперетты, — «Фіалка Монмартра» и «Розъ - Мари».

Однако, и это не паденіе и не мельчаніе. Компромиссъ не въ силахъ затѣнить главную линію театра, поставить подъ подозрѣніе его основную художественную программу. Все было сдѣлано, чтобъ репертуаръ держался на извѣстной высотѣ. Но при всѣхъ усиліяхъ и всемъ упорствѣ руководителей давать только пьесы классическаго характера было невозможно. Этого не могли достигнуть и лучшіе театры Москвы и Петербурга, если не считать такія исключенія, какъ «Московскій Художественный Театръ» и его студіи. Но и они мог-

ли существовать только потому, что уже создалась особая, художественно - развитая, односоставная интеллигентская публика.

И сейчасъ, оглядываясь на репертуаръ пролетѣвшихъ десяти лѣтъ, мы должны сказать, что онъ чрезвычайно внушителенъ по своимъ размѣрамъ. 450 пьесъ — огромная цифра. Изъ нихъ больше трети составили произведенія русскихъ авторовъ и русскихъ классиковъ. Въ своемъ исканіи талантливыхъ драматурговъ, «Русская Драма» не хотѣла пренебрегать ничѣмъ. Она и не могла это дѣлать. На это толкало разнообразіе требованій зрителя: Рига всегда была падкой до новаго, никогда не выдерживала рядовыхъ спектаклей, или многократныхъ повтореній пьесы. Обращались къ иностраннымъ писателямъ, ставили пьесы французскихъ,нѣмецкихъ, вѣнскихъ, англійскихъ и итальянскихъ драматурговъ, заглядывая и за опасный и запретный рубежъ совѣтской Россіи. Изъ этихъ авторовъ въ послѣдніе сезоны прошли Булгаковъ, Катаевъ, Замятинъ, — сейчасъ сообенно тепло вспоминается «Бѣлая Гвардія» Булгакова. По силѣ и напряженности театральнаго впечатлѣнія, эта постановка была исключительной. Овѣянная духомъ воспоминаній, красивая и трогательная въ своихъ отдѣльныхъ картинахъ, напоминавшая о недавней борьбѣ, незабытой ни артистами, ни зрителями, пьеса сливала въ одно цѣлое и сцену и зрительный залъ. Ярко создавали колющій и печальный контрастъ декораціи художника Антонова: что было, что стало. Милый уютный домъ съ колонками, гдѣ росла большая хорошая семья съ сильнымъ мужскимъ населеніемъ, отдающимъ себя цѣликомъ борьбѣ и родинѣ, трогательно женственная Елена, оберегавшая семью и ея теплый уютъ, фамильныя традиціи, и эти книжные шкафы, старый фарфоръ, Пушкинъ и Толстой, комнаты съ красной мебелью, — хранительницей преданій и дорогихъ тѣней, — вдругъ смѣнялись шумнымъ и грязнымъ штабомъ Петлюры, боями въ гимназіи, гдѣ братья Турбины беззавѣтно отдавали свои жизни ради идеи и подвига. Съ какой - то мягкой твердостью красивая Бунчукъ въ роли Елены дѣлала свое маленькое домашнее дѣло, зная, что за этимъ стоитъ большое и вѣчное.

«Блоха» Лѣскова, въ передѣлкѣ Замятина, была трактована въ лубочномъ рисункѣ, яркомъ, сказочномъ и иронично-серьезномъ. Это былъ лучшій спектакль того сезона, съ типичнымъ размашистымъ Лѣвшой - Токаржевичемъ, теперь уѣхавшимъ въ СССР. Нельзя не остановиться на художникахъ нашего театра, — Антоновѣ и Рыковскомъ. Они культурны и чутки. Въ своихъ созданіяхъ они сочетали формы декоративнаго искусства съ всегда пріятной формулой политической экономіи: «большой результатъ при малыхъ затратахъ».

Долгая совмѣстная работа сдѣлала свое дѣло. Изъ отдѣльныхъ индивидуальностей театръ выковалъ завидный сплоченный ансамбль. Труппа «Русской Драмы» значительна, для зарубежнаго театра — многочисленна: въ ней 40 человѣкъ. Работы много, дублеровъ нѣтъ, — условія сценическаго труда у насъ не легки. Еженедѣльныя премьеры изматываютъ силы, пріучаютъ овладѣвать матеріаломъ быстро, хваткой, додѣлывать его на сценѣ. При такомъ темпѣ трудно разрабатывать мелочи, отдѣлывать детали роли, останавливаться на штрихахъ, поворачивать смыслъ пьесы, неожиданно, ея острымъ угломъ. И, всетаки,, иной разъ поражаешься именно этимъ мело-

чамъ. Какъ много вниманія и чуткости проявляется по временамъ къ этимъ характернымъ чертамъ, такимъ драгоцѣннымъ для зарисовки характеровъ. Въ смыслѣ артистическомъ, никакъ нельзя назвать нашу труппу бѣдной. Здѣсь Ведринская, артистка Александринской сцены, женственная, тонкая, богатая наслѣдіемъ прежней школы. Узоръ ея рисунка всегда четокъ, воздушенъ, немного оторванъ отъ жизни, она летитъ по ней, зная ее, и всегда стремясь оторваться въ легкую даль.

Затѣмъ Мельникова, черпающая свое вдохновеніе у истоковъ теплой жизни, обогрѣвающая ласковой заботой милой бабушки, опытной и вдумчивой, стерегущей и добрые нравы, и человѣческое тихое счастье.

Даровитъ комикъ Юрій Яковлевъ, сейчасъ увлекающійся постановками опереттъ. Вспоминается прошлогодняя постановка «Елизаветы Англійской» Бернара Шоу, гдѣ Бунчукъ и Юровскій показали всю широту своихъ сценическихъ возможностей. Величественной правительницей, умнымъ государственнымъ дѣятелемъ и слабой, влюбленной женщиной была Бунчукъ въ этой роли. Незабываемой осталась блѣдная маска лица простоволосой, неодѣтой королевы, прячущейся подъ взглядами своего любимца. Но и въ своемъ простоволосьѣ, въ своей неприбранности, Елизавета, теряя самое дорогое въ жизни, предстала ужаснувшейся, но величественной и властной.

Артистъ крупныхъ мазковъ, большого темперамента, съ подвижной психической вживаемостью въ роль, Юровскій отъ честнаго прямого Алексѣя Турбина легко проложилъ себѣ путь къ фанатичному изувѣру, Филиппу Испанскому. Не хочется говорить о другихъ шаблонныхъ словъ, повторять эту замятую фразу: «остальные были на своихъ мѣстахъ», какъ нѣтъ необходимости глубокомысленно и настойчиво искать точнаго опредѣленія для нашего театра.

Конечно, «Русская Драма» не представляетъ собой театра съ опредѣленнымъ, строго вытянутымъ направленіемъ. Режиссеръ здѣсь является истолкователемъ пьесъ и отдѣльныхъ ролей. Часто спектакли строились по нѣкоторому шаблону, на основаніи внѣшнихъ признаковъ и общихъ психологическихъ очертаній, и въ постановкахъ чуялся, главнымъ образомъ, реалистическій и бытовой характеръ. Режиссеры нашего театра не желаютъ проламывать дверь въ будущее, удивлять новшествами, щеголять подчеркнутой оригинальностью. Это — не революціонеры театра и не новаторы сцены, — это, конечно, эклетики, сочетающіе въ себѣ хорошее старое со счастливымъ новымъ, — вѣрнѣе, вливающіе въ старые мѣхи новое вино.

Жажда дышать свѣжимъ воздухомъ, не коснѣть въ одряхлѣвшихъ формахъ заставляетъ театръ открывать окна въ область психологизма и даже экспрессіонизма, пользоваться постановками въ сукнахъ, владѣть секретами вертящейся сцены.

Интересно была постановка Юрія Яковлева пьесы Замятина «Общество почетныхъ звонарей». Но непремѣнно надо отмѣтить среди режиссеровъ «Русской Драмы» крупную фигуру Ив. Фед. Шмидта, разрабатывавшаго на нашей сценѣ принципы рейнградтовской системы.

И до сихъ поръ зрителю памятна шмидтовская постановка тургеневскаго «Мѣсяца въ деревнѣ», какъ не забудутся «Дворянское гнѣздо» и «Мысль» съ Полевицкой. Смѣнившій Шмидта, Ун-

гернъ далъ нѣсколько очень интересныхъ постановокъ. Изъ нихъ, опять - таки, званымъ гостемъ нашей памяти остаются «Блоха», «Бѣлая Гвардія», «Зойкина квартира», «Шулеръ», — не надо перечислять все, чтобы доказывать, какъ Унгернъ дѣятеленъ, какъ онъ не остылъ и до сихъ поръ въ своей режиссерской энергіи. Въ его постановкахъ — интересные замыслы, хорошая плановая разработка, красивыя декораціи. Все это о постоянномъ матеріалѣ, о постоянныхъ работникахъ.

Но «Русская Драма», не мѣняя своего основного ядра, гостепріимно открывала двери и гастролерамъ. Ихъ ждала не только публика, — ихъ ждали сами артисты, радовавшіеся почувствовать на себѣ дуновеніе новыхъ талантовъ, толкованій, индивидуальностей. Въ нашу трупу входила сложно одаренная Полевицкая, актриса глубокихъ душевныхъ переживаній, съ ломкимъ голосомъ и улыбающейся торопливостью. Большой успѣхъ захватывала чуть-чуть угловатая, таинственная и разнообразная Рощина - Инсарова, такъ умѣвшая произносить здѣшнія слова о нездѣшнемъ мірѣ. Почему то быстро прошла и исчезла горячая, обжигающая и сама сгорающая на своемъ огнѣ Жихарева, мужественно владѣвшая своими страстями, не дававшая имъ воли разбрасываться вширь, никогда не позволявшая имъ таять и мельчать. И сейчасъ предъ глазами стоитъ этотъ спектакль, — «Три сестры» съ Жихаревой, Полевицкой и Штенгель.

Нѣжно прозрачный образъ возникаетъ при имени Крыжановской, давшей во «Власти тьмы» прелестный рисунокъ напуганной Анютки, пытающейся понять непонятное, и ярко встаетъ сильная, страстная и твердая въ своемъ отказѣ отъ міра Фленушка въ «Лѣсахъ» Мельникова - Печерскаго.

Наша сцена видѣла горячаго аскета мысли съ свѣтлымъ блуждающимъ взглядомъ, Хмару въ Раскольниковѣ, корректнаго, испепеляющагося въ холодной самоуглубленности доктора Керженцева, простого, искренняго возчика Джона въ диккенсовскомъ «Сверчкѣ». И, наконецъ, вѣнцомъ всѣхъ гастролей сталъ пріѣздъ Михаила Чехова.

Фрезеръ, Хлестаковъ, дьячокъ въ чеховской «Вѣдьмѣ» остаются прекрасными видѣніями нашей сцены. Необыкновенная мягкость, сочетающая въ себѣ всѣ истинно человѣческія черты, мелкія, неизвѣстныя даже самому герою, окрашиваетъ роли Чехова глубоко и оригинально. Все собрано въ одинъ узелъ легко, какъ нѣжная ткань, безконечно разворачивающаяся предъ глазами зрителя: «Вотъ — еще черта, вотъ еще, вотъ эта, — мелкая, тонкая, почти неуловимая, но она такая характерная, такая нужная»... Гримъ, руки, костюмъ сливаются въ одно цѣлое — выразительное, неразрывное и сложное, въ своемъ геніальномъ единствѣ огромное, какъ всеохватывающій, всеисчерпывающій замыселъ. Если намъ можно и слѣдуетъ помечтать — то о томъ, чтобы Чеховъ остался въ Ригѣ. А я упоминаю объ этомъ потому, что такой слухъ идетъ, и, естественно, волнуетъ рижскихъ, постоянныхъ и непостоянныхъ театраловъ, всегда капризныхъ, всегда жадныхъ къ новому, — и къ новымъ пьесамъ, и къ новымъ лицамъ.

Антонина Пенерджк.

Рига.

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНКЕТА

Редакція «Чиселъ» обратилась къ ряду писателей съ просьбой отвѣтить на слѣдующую анкету:

Что вы думаете о Ленинѣ.

а) *Личность.*
б) *Дѣятельность.*
в) *Стиль (литературный).*

До настоящаго времени получены слѣдующіе отвѣты:

I.

а-б) Это былъ выдающійся человѣкъ, человѣкъ большой проницательности, огромной воли, безграничной вѣры въ себя и въ свою идею. Эти свойства, при совершенной политической аморальности Ленина и (главное) при чрезвычайно благопріятной исторической обстановкѣ, имѣли послѣдствіемъ то страшное, не поддающееся учету, непоправимое зло, которое онъ причинилъ Россіи.

в) Третій вопросъ вашъ едва ли стоило ставить. Ленинъ былъ лишенъ какого бы то ни было литературнаго дара. Его «стиль» — весьма гадкій жаргонъ, на которомъ у насъ лѣтъ сорокъ писались и пишутся статьи всевозможныхъ «Искръ» и «Правдъ». Еслибъ вѣрно было, что «стиль это человѣкъ» (Бюффонъ, кстати, сказалъ не совсѣмъ такъ), то наряду съ Ленинымъ можно было бы поставить любого изъ его предшественниковъ, сотрудниковъ и учениковъ.

М. Алдановъ.

II.

Охотно далъ бы «Числамъ» отвѣтъ на любую тему, кромѣ предложенной. Ленинъ настолько мнѣ мерзокъ, что ни думать о немъ, ни о немъ писать — никакъ не могу.

Бор. Зайцевъ.

III.

а) Что я думаю о личности Ленина.

На это можно отвѣтить только длинной статьей.

б) Что я думаю о его дѣятельности.

На этотъ вопросъ я, какъ и большинство, дала исчерпывающій отвѣтъ раньше, чѣмъ анкета его предложила.

в) Литературный стиль Ленина.

Къ его произведеніямъ, откровенно говоря, никогда не приходилъ мнѣ въ голову эстетическій подходъ. Нахожу, что это такъ - же оригинально, какъ напримѣръ критическая оцѣнка литературныхъ достоинствъ задачника Евтушевскаго.

Тэффи.

IV.

Что сказать о личности и о стилѣ Ленина? Черезъ весь автоматизмъ, черезъ всю одержимость условными формулами и вѣрованіями пробивается какая - то человѣческая, необыкновенно грубая сила и страсть, какое - то практически - хитрое и однако не лишенное своеоб-

разнаго вдохновенія упорство. Его пафосъ — путь къ добру, какъ онъ понимаетъ добро, черезъ любое зло — пафосъ фанатиковъ, инквизиторовъ, іезуитовъ. И лишній разъ поражаютъ эти, свойственныя и фанатикамъ огромнѣйшаго полета и мелкимъ маніакамъ, расчетливость, гибкость, чутье, неизмѣнно имъ помогающія въ достиженіи намѣченной цѣли.

Дѣятельность Ленина часто сравниваютъ съ дѣятельностью Петра Великаго. На мой взглядъ, эти люди на-рѣдкость другъ другу противоположны. Петръ собственными глазами видѣлъ ту европейскую жизнь, которая ему казалось лучше и выше русской и которую онъ хотѣлъ въ Россіи ввести. Онъ олицетвореніе національной и личной скромности, «первый западникъ», явный предшественникъ Пушкина и Чаадаева. Ленинъ пытался измѣнить, перевернуть весь русскій бытъ по выдуманнымъ, книжнымъ теоріямъ, чужимъ и своимъ, и вѣрилъ, будто Россія укажетъ міру новые пути и по ней міръ перестроится. Большей національной и личной самонадѣянности представить себѣ нельзя.

Юрій Фельзенъ.

ИЗДАТЕЛЬСКІЙ КОМИТЕТЪ «ЧИСЕЛЪ»

Несмотря на очень трудныя условія современнаго кризиса, «Числа» находятъ поддержку и вниманіе въ русскихъ и французскихъ кругахъ.

Пятая книга могла быть выпущена только благодаря участію madame et monsieur Baralis, устроившихъ художественную лотерею «Чиселъ». Руководители журнала пользуются случаемъ принести имъ живѣйшую благодарность.

Для выпуска шестой книги поддержка была оказана Б. Ю. Прегелемъ и А. Ц. Лифшицемъ, по иниціативѣ которыхъ организуется издательскій комитетъ «Чиселъ».

Окончательный составъ комитета будетъ опубликованъ въ осенней книгѣ журнала.

ЧИСЛА

« TCHISLA », 1, RUE JACQUES MAWAS, PARIS, XVe.

РЕДАКТОРЪ: **Н. А. ОЦУПЪ.** СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ: **Е. В. БАКУНИНА.** СЕКРЕТАРИ ИЗДАТЕЛЬСТВА: **А. КЛОДНИЦКАЯ И Л. КЕЛЬБЕРИНЪ.** ИЗДАТЕЛЬ: ЧИСЛА ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО: «ДОМЪ КНИГИ», 9, RUE DE L'EPERON PARIS И PETROPOLIS VERLAG A. G., BERLIN.

Стоимость экземпляра на бумагѣ "Альфа" — 25 франковъ.

■

В Ъ П Е Р В О Й К Н И Г Ѣ
286 СТР. И 18 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ОДНА ВЪ 3-ХЪ КРАСКАХЪ) НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ И ВЪ ТЕКСТѢ.

В Ъ К Н И Г Ѣ В Т О Р О Й - Т Р Е Т Ь Е Й
336 СТР. И 26 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ДВА ВЪ 3-ХЪ КРАСКАХЪ).

В Ъ К Н И Г Ѣ Ч Е Т В Е Р Т О Й
288 СТР. И 20 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ (ОДНО ВЪ 4-хъ КРАСКАХЪ)

В Ъ К Н И Г Ѣ П Я Т О Й
302 СТР. И 24 ВОСПРОИЗВЕДЕНІЯ (ОДНО ВЪ 4-хъ КРАСКАХЪ)

ОСТАЮЩІЕСЯ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЭТИХЪ КНИГЪ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ У Е. В. БАКУНИНОЙ 4, RUE AUGUSTE BLANQUI, GENTILLY (SEINE), FRANCE.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА «ЧИСЕЛЪ» ОТКРЫТА ПО ПОНЕД. И ЧЕТВ. ОТЪ 6-7½ ч. 1, RUE JACQUES MAWAS, PARIS, XV. РУКОПИСИ И ПИСЬМА НАПРАВЛЯТЬ СЕКРЕТАРЮ РЕДАКЦИИ ЕК. ВАС. БАКУНИНОЙ: 4, RUE AUGUSTE BLANQUI, GENTILLY (SEINE) FRANCE.

Le Gérant : J. Dobrinsky.   E.I.R.P., 4, Rue Saulnier - Paris (9e)

Складъ изданія: Домъ Книги,
9, rue de l'Eperon, Paris (6e) *и*
Petropolis-Verlag A.-G. Berlin W 15